МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ

На правах рукописи

Юнусов Артем Тимурович

Структура доказательного знания во «Второй аналитике» Аристотеля

Специальность
09.00.03 – История философии
Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук

Научный руководитель
Кандидат философских наук,
доцент Бугай Д.В.

МОСКВА 2017

Оглавление

Оглавление 2
Введение 3
Глава 1. Знание и доказательство у Аристотеля 36
I. Знание в Corpus Aristotelicum 37
II. Условия знания во «Второй аналитике». 45
III. Предварительная структура доказательного знания 59
Глава 2. Аксиомы 73
I. Проблема функции общих начал 74
II. Аристотель и античная геометрия. 79
Глава 3. Гипотезы 93
I. Экзистенциальная интерпретация 96
II. Предикативная интерпретация 125
III. Сравнение аргументов 168
Глава 4. Определения 183
I. Определения и предикативные гипотезы. 186
II. Τί ἐστι или τί σημαίνει? 205
III. Посылки или термины? 213
IV. Определения больших или меньших терминов? 224
V. Поиск определений 246
Глава 5. Структура доказательного знания 267
I. Этапы построения доказательного знания 267
II. Картина доказательного знания 284
III. Следы доказательства в трактатах Аристотеля 291
Заключение 296
Список сокращений 299
Библиография 301

Введение

«Вторая аналитика» представляет собой один из шести[1] трактатов корпуса логических сочинений Аристотеля, известного как Органон (Ὄργανον)[2]. Это сочинение Аристотеля посвящено проблеме доказательства и доказательного знания (ἐπιστήμη ἀποδεικτική)[3] – последнее словосочетание является следствием убеждения Аристотеля в том, что «знание в собственном смысле» (ἐπιστήμη ἁπλῶς) возможно получить исключительно с помощью доказательства[4]. Под «знанием в собственном смысле» Аристотель понимает прежде всего абсолютно достоверное знание, при обладании которым мы уверены, что то, что мы знаем, не может быть иначе[5]. Поскольку сам Аристотель претендует на то, что его собственные трактаты нацелены на получение именно такого знания[6], проблема построения доказательства – единственного, по его собственным словам способа получения такого знания – должна занимать крайне важное место в его философии и быть крайне важна для понимания того, как устроена философская система в целом.

Тем удивительнее, что среди всего наследия Аристотеля, за две с половиной тысячи лет его существования подвергшегося самому тщательному изучению и осмыслению и никогда не страдавшему от недостатка внимания исследователей, «Вторая аналитика» остается, пожалуй, хуже всего прочитанным и хуже всего понятым трактатом. Для этого, впрочем, есть объективные основания: «Вторая

---

[1] Строго говоря, в «Органон» входят пять трактатов: «Категории» (Κατηγορίαι), «Об истолковании» (Περὶ ἑρμηνείας), «Топика» (Τοπικά), трактат «О софистических опровержениях» (Σοφιστικόι ἐλέγχοι), который часто считают еще одной, девятой книгой Топики, а также «Первая и Вторая Аналитики» (Ἀναλυτικὰ πρότερα καὶ ὕστερα), в традиции иногда считающийся одним трактатом в силу того, что так их классифицировал при издании Андроник Родосский (*Луканин Р.К.* «Органон» Аристотеля. М: Наука, 1984, С. 3). Однако на деле такое деление весьма неудобно, и не поддерживается ни одним известным мне современным исследователем, так что в рамках данной работы я буду рассматривать «Первую аналитику» и «Вторую аналитику» как два отдельных, хотя и тесно связанных друг с другом трактата.

[2] Неизвестно в точности, кто впервые ввел этот термин в употребление, однако, по свидетельствам античных комментаторов, уже первый издатель корпуса сочинений Аристотеля Андроник Родосский называл логические книги корпуса «ὀργανικά βιβλία» (Ammon. In Cat. 4.30-5.4; Philop. In Cat. 4.27-36; Olymp. In Cat. 7.26-38; Elias In Cat. 117.3-19).

[3] APr I.1 24a10-11.

[4] APo I.2 71b16-25.

[5] APo I.2 71b9-12; EN VI.3 1139b19-23.

[6] Phys I.1 184a10-16; Metaph IV.1 1003a21сл.; EN I.1 1094a26-b7 и т.д.

аналитика» является одним из самых запутанных и сложных для исследования трактатов Corpus Aristotelicum.

Работа историка философии в большинстве случаев заключается в том, чтобы лучше понять текст, который как он сам, так и философское сообщество вообще в целом уже понимает. В самом деле, как правило, ситуация, в которой он проводит свое исследование подразумевает, что основная идея и суть рассматриваемого им произведения или произведений уже ясны ему в общем, однако перед ним остаются определенные частные вопросы, над прояснением которых он и работает, и прояснение которых, в свою очередь, помогает ему еще более полно понять исследуемый текст в целом. Таким образом, траектория исследования типичной историко-философской работы пролегает от понимания исследуемого текста в общем к более полному пониманию его в частностях и затем обратно, к еще более полному пониманию текста в общем.

Осмелюсь заметить, что в случае «Второй аналитики» Аристотеля историко-философская работа принципиально отклоняется от этой траектории. При работе над этим текстом мы не можем двигаться от понимания этого текста в общем к совершенствованию этого понимания, потому что у нас до сих пор нет никакого его внятного общего понимания. Среди многочисленных блестящих работ, посвященных различным элементам учения «Второй аналитики» и даже всему этому учению в целом, до сих пор, насколько мне известно, нет ни одной, которая бы смогла ясно ответить на вопрос: как именно в точности в представлении самого Аристотеля должно выглядеть построение доказательства, необходимого для получения доказательного знания? Это в особенности удивительно, если принять во внимание, что «Вторая аналитика» в действительности предлагает (или, по крайней мере, претендует на то, чтобы предложить) определенный рецепт построения доказательства, определенный метод, имеющий разработанную структуру, тщательному описанию которой и посвящена большая часть этого трактата. Более того, описание этого метода, этой аристотелевской модели доказательного знания и составляет собой основную

задачу «Второй аналитики»! Иначе говоря, «Вторая аналитика» является трактатом, предписывающим определенный рецепт построения доказательного знания, однако никто до сих пор не смог сказать, в чем же конкретно состоит этот рецепт Аристотеля.

Такая ситуация связана, прежде всего, с исключительной сложностью текста «Второй аналитики». Изложение Аристотеля, как это часто отмечается[7], в этом трактате сбивчиво и обрывочно, часто перескакивает с одного предмета на другой[8], редко дает исчерпывающее разъяснение ключевых для понимания текста моментов[9], а когда пытается его дать, то зачастую делает это в крайне запутанной и сложной для интерпретации форме[10]; наконец, что хуже всего, текст «Второй аналитики», кажется, достаточно часто просто противоречит сам себе, причем по очень значимым для его понимания вопросам[11]. Все это делает его цельную интерпретацию чрезвычайно сложной – что как раз и влечет за собой практически полный отказ от попыток дать такую цельную интерпретацию со стороны исследовательского сообщества.

---

[7] *Barnes J.* Introduction, P. XI; XIV // Aristotle's Posterior Analytics / Jonathan Barnes. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 1994. P. XI-XXII. *Pellegrin P.* Introduction. P. 7 // *Aristote.* Seconds Analytiques : Organon IV, Edition bilingue grec-français. Paris: Flammarion, 2005. P. 7–51. *O. Goldin*. Introduction, P.4 // *Philoponus J.* On Aristotle Posterior Analytics 2 / ed., trans. by O. Goldin. Bristol Classical Press, 2009; *Lesher J.H.* Introduction, P. VII // From inquiry to demonstrative knowledge: new essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / ed. by J. H. Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010. *Goldin O.* Two Traditions in the Ancient Posterior Analytics Commentaries, P. 155 // Interpreting Aristotle's Posterior Analytics in Late Antiquity and Beyond / ed. by Frans A. J. de Haas, Mariska Leunissen, Marije Martijn. Leiden: Brill, 2010. P. 155–182; *R.D McKirahan*. Introduction, P. 2 // *Philoponus J.* On Aristotle Posterior Analytics 1.1-8 / ed., trans. by R.D. McKirahan. NIPPOD edition. Bristol Classical Press, 2014; *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning: The Posterior Analytics. New York: Oxford University Press, 2016. P.3; и т.д.

[8] Наилучший пример тому – глава I.10, в которой части 76a31-b22 и 76b23ff совершенно точно никак не связаны друг с другом, а также вызывает серьезные сомнения связь параграфов 76a31-36; a37-76b2; b3-11 и b11-22 в первой части и параграфов 76b23-34 и b34 сл. во второй части.

[9] Примерами чего могут служить крайне скудное описание начал в (I.2), чрезвычайно лапидарное замечание о том, что все субстанциальные свойства вещи (καθ' αὐτὰ πάθη) должны быть выводимы из определения вещи, без всякого указания на то, как это может быть возможно (I.5), крайне схематичное объяснение того, как мы получаем определения некоторых предметов с помощью чего-то похожего на доказательство, без ясного объяснения того, для каких предметов это возможно, а для каких нет (II.7-10) и многие другие определяющие для интерпретации текста места.

[10] Наилучший пример здесь – попытка Аристотеля объяснить, как и в каком смысле возможно доказательство определения в II.8; другими важными примерами является классификация видов определения в II.10, и попытка Аристотеля объяснить, какие термины относятся друг к другу субстанциальным образом в I.5.

[11] II.19 99b35-100b5 «Второй аналитики» гласит, что начала доказательства познаются с помощью индукции, тогда как уже в 100b5 сл. сказано, что они постигаются с помощью «ума»; I.2 72a14-24 и I.10 76b35 сл. противоречат друг другу в вопросе о том, являются ли определения пропозициями или нет; I.2 72a14-17 и I.11 дают совершенно разное понимание того, используются ли аксиомы в качестве посылок в доказательстве и т.д.

Не отрицая всей сложности, а местами и просто темноты имеющегося перед нами текста «Второй аналитики» я, тем не менее, уверен, что мы вполне в состоянии дать адекватное решение большинства встречающихся в этом трактате проблем, и, в конечном счете достаточно подробно, буквально по шагам описать, как выглядит процесс построения доказательного знания, согласной той модели, которую Аристотель предлагает во «Второй аналитике». Именно этой цели и посвящена настоящая работа.

Целью настоящего исследования, таким образом, является реконструкция в общем виде той модели построения доказательного знания, описанию которой посвящена «Вторая аналитика».

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1) Описание общего понимания Аристотелем явлений «знания» (ἐπιστήμη) и «доказательства» (ἀπόδειξις).

2) Установление точного смысла и роли в структуре доказательства того, что Аристотель понимает под «субъектом» (ὑποκείμενον) доказательства и субстанциальными свойствами (καθ’ αὑτὰ πάθη) в I.10 «Второй аналитики».

3) Установление точного смысла каждого из трех перечисленных в I.2 «Второй аналитики» видов начал доказательного знания: аксиом (ἀξιώματα), гипотез (ὑποθέσεις) и определений (ὁρισμοί), и выяснение роли каждого из этих видов начал в структуре доказательного знания «Второй аналитики».

4) Выяснение вопроса о существовании иных начал доказательного знания, помимо перечисленных в I.2 «Второй аналитики».

5) Установление и описание последовательности шагов, необходимых для построения доказательного знания, как его описывает «Вторая аналитика».

6) Выяснение вопроса о том, являются ли предписания «Второй аналитики» по построению доказательного знания чисто теоретическим построением, или же следы их применения действительно можно обнаружить в трактатах Аристотеля.

Объектом исследования являются тексты корпуса сочинений Аристотеля, и прежде всего «Вторая аналитика». **Предметом исследования** является изложенное в этих текстах учение о доказательном знании.

Степень разработанности проблемы. К древнейшим работам, посвященным изучению «Второй аналитики», безусловно, относятся труды античных комментаторов.

Комментарием на «Вторую аналитику», ценность которого, имейся он в нашем распоряжении в полном виде, сложно было бы переоценить является комментарий Александра Афродисийского. Этот текст, судя по всему, оказал большое влияние на позднеантичную комментаторскую традицию[12]. К сожалению, от него остались только фрагменты, разбросанные по другим сохранившимся комментариям, и собранные и изданные Полем Моро[13]. Существенной помощи в реконструкции доктрины доказательного знания такой текст оказать, разумеется, не может, поскольку он сам нуждается в тщательной реконструкции.

Целиком до нас дошли всего четыре греческих комментария, весьма неравнозначимые как по объему охваченного комментарием текста, так и по своей ценности. Во-первых, это самая ранняя по времени из дошедших до нас текстов парафраза Фемистия[14], которая, хотя и охватывает обе книги «Второй аналитики», однако в силу самого своего жанра не представляет существенного интереса: пересказ Фемистия, как правило, даже менее подробен, чем текст самой «Второй аналитики». Во-вторых, это, наоборот, самый поздний из сохранившихся и относящийся уже к византийской эпохе комментарий Евстратия[15] на вторую книгу «Второй аналитики». В-третьих, это опять же комментарий на вторую

[12] В частности, на дошедшую до нас парафразу Фемистия, а также комментарий Анонима на вторую книгу «Второй аналитики» (см. ниже).
[13] *Moraux P.* Le commentaire d'Alexandre d'Aphrodise aux «Seconds analytiques» d'Aristote. Berlin et New York: Walter de Gruyter, 1979.
[14] Themistii analyticorum posteriorum paraphrasis / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1900.
[15] Eustratii in analyticorum posteriorum librum secundum commentarium / edidit Michael Hayduck. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Reimer, 1907.

книгу, однако на этот раз анонимный[16]. И, наконец, в-четвертых, это комментарий на обе книги «Второй аналитики» за авторством Иоанна Филопона[17], которому также принадлежит полностью сохранившийся комментарий на обе книги «Первой аналитики»[18], что делало бы эту работу, безусловно, самой целостной и ценной из всех имеющихся у нас в наличии древних комментариев, не вызывай авторство Филопона в случае комментария на вторую книгу «Второй аналитики», больших сомнений[19]. Все эти работы содержат интересные свидетельства, касающиеся интерпретации отдельных частей «Второй аналитики», однако ни одна из них не стремится представить целостную картину доказательного знания, которая интересует нас в настоящей работе – одни в силу того, что они в принципе охватывают только часть текста, другие – в связи силу уже упомянутой жанровой специфики.

Прекрасным помощником в изучении позднеантичных комментариев на «Вторую аналитику» является сборник статей 2010 года, целиком посвященный исследованиям комментаторской традиции «Второй аналитики», и в особенности его третий раздел: «Доказательство, определение и причинность»[20].

Среди средневековых и позднесредневековых комментариев самыми важными в исследовательском сообществе единогласно считаются комментарий

---

[16] Anonimi in analyticorum posteriorum librum alterum commentarium // Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria cum Anonymo in librum II / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Reimer, 1909. P. 545–603.

[17] Ioannis Philoponi in Aristotelis Analytica Posteriora Commentaria // Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria cum Anonymo in librum II / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1909. P. 1–440.

[18] Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica priora commentaria / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1905.

[19] *Wallies M.* Praefatio, P.V-VI // Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria cum Anonymo in librum II / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Reimer, 1909. С оценкой Валиэса согласны большинство исследователей; впрочем, некоторые (прежде всего, *Goldin O.* Two Traditions in the Ancient Posterior Analytics Commentaries. P. 156.) считают, что комментарий, если и не принадлежит Филопону непосредственно, то, крайней мере, восходит к нему или же к лекциям учителя Филопона Аммония, на которых Филопон, по собственным словам, основывал свой комментарий. Как бы то ни было, даже эти исследователи признают, что комментарий на вторую книгу существенно отличается комментария на первую, носит более реферативный характер, и, таким образом, мы, вне всякого сомнения, не можем смотреть на эти два приписываемых Филопону комментария как на единое целое.

[20] Interpreting Aristotle’s Posterior Analytics in Late Antiquity and Beyond / ed. by Frans A. J. de Haas, Mariska Leunissen, Marije Martijn. Leiden: Brill, 2010.

Фомы Аквинского[21], комментарий Юлия Пация (Джулио Паче) в его издании «Органона»[22], а также чрезвычайно обширный комментарий Джакомо Дзабареллы[23]; впрочем, в последнее время к ним обращаются намного реже, чем, например, к античным комментариям, и я также не очень часто использовал эти труды при работе над своим исследованием.

Исследование «Второй аналитики», как и всего Corpus Aristotelicum по-настоящему начинается, разумеется, в XIX веке. Важность классического критического издания Беккера[24] для исследования текстов Аристотеля невозможно переоценить, однако к настоящему времени оно практически утратило свою актуальность – прежде всего, с точки зрения филологического исполнения, и на него редко можно встретить ссылку, если не принимать в расчет использования стандартной пагинации по этому изданию. Определенную – хотя и не очень большую - ценность сохраняет комментарий Адольфа Тренделенбурга к избранным логическим фрагментам «Органона» в его «Элементах логики Аристотеля»[25]. Издание «Органона» Теодора Вайца[26], вышедшее всего приблизительно на полтора десятилетия позже издания Беккера, до сих пор считается лучшим полным изданием текстов логического корпуса Аристотеля в целом, а комментарий Вайца служит отправной точкой для многих позднейших изданий. Впрочем, несмотря на высокое качество этого издания, за полтора века оно не могло не устареть, и, будучи лучшим изданием «Органона» в целом, оно не может более считаться лучшим изданием каждого из входящих в этот корпус сочинений в отдельности – в частности уже достаточно давно оно не является лучшим изданием «Второй аналитики».

---

[21] Thomae Aquinatis in libros posteriorum analyticorum expositio // Sancti Thomae Aquinatis ordinis preadicatorum opera omnia. Romae. Ex Typographia Polyglotta. Vol. I. 1882. P. 129–403.

[22] Aristotelis Stagiritae Peripateticorum principis Organum / edidit Iulius Pacius. Frankofurti: Apud Heredes Andreae VV echeli, Claudium Marnium, & Iohan Aubrium, 1597.

[23] Iacobi Zabarellae Patauini In duos Aristotelis libros posteriores analyticos commentarii. Venetiis: apud Paulum Meietum bibliopolam Patauinum, 1587.

[24] Aristotelis Opera / ex recensione Immanuelis Bekkeri. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1831. Vol. I-II.

[25] *Тренделенбург А.* Элементы логики Аристотеля. М.: Канон+, 2017.

[26] Aristotelis Organon graece. Vol. I-II / / novis codicum auxiliis adiutus recognovit scholiis ineditis et commentariis instruxit Theodorus Waitz. Lipsiae: Sumtibus Hahniansis, 1844-1846.

Честь именоваться, безусловно, лучшим на данный момент критическим изданием текста «Второй аналитики», а равным образом и текста «Первой аналитики», носит издание Уильяма Дэвида Росса[27], с которого можно отсчитывать современные исследования текста «Второй аналитики». Издание Росса незаменимо в качестве как отправной точки во всяком современном исследовании текста «Второй аналитики», так и в качестве авторитетного источника практически во всех касающихся учения «Второй аналитики» проблем. Единственным его недостатком можно назвать четко прослеживающуюся тенденцию замалчивать некоторые трудности, обнаруживающиеся в тексте Аристотеля, и предлагать определенные решения, не обсудив возможных альтернатив, однако, учитывая титанический объем продлённой Россом работы, это вполне простительно.

Именно издание Росса, судя по всему, возрождает интерес к «Аналитикам» Аристотеля. Во второй половине века на европейских языках выходит ряд важных изданий как «Второй аналитики», так и «Первой аналитики». На английском – это, прежде всего, два значительно отличающихся друг от друга издания «Второй аналитики» в переводе и с комментарием Джонатана Барнса – 1975[28] и 1994[29] года. Если издание Росса можно упрекнуть в излишней благосклонности к Аристотелю, то издания Барнса, напротив, являются гиперкритическими: практически весь комментарий Барнса поставлен на постановку проблем, для решения которых, напротив, сделано очень немногое. Однако же это не умаляет достоинств этих двух прекрасных изданий. Издания же «Первой аналитики» представлены работой Робина Смита[30] и новейшим изданием первой книги «Первой аналитики» Гизелы Страйкер[31]. Оба этих издания, так же, как и издания Барнса, помимо перевода снабжены блестящим комментарием и с

[27] Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed., comm. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1949.
[28] Aristotle's Posterior Analytics / ed., trans., comm. by J. Barnes. Oxford: Clarendon Press, 1975.
[29] Aristotle's Posterior Analytics / ed., trans., comm. by J. Barnes. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 1994.
[30] *Aristotle*. Prior Analytics / ed., trans., comm. by R. Smith. Indianapoils; Cambridge: Hackett Publishing, 1989.
[31] Aristotle's Prior Analytics Book I: Translated with an Introduction and Commentary / ed., trans., comm. by G. Striker. Oxford University Press, 2009.

выходом издания Страйкер можно, по большому счету, считать, что в плане понимания формальной стороны силлогистики Аристотеля, задачи, стоящие перед исследовательским сообществом в целом решены (за исключением, возможно, некоторых аспектов модальной силлогистики).

Основные французские издания последнего века корпуса «Аналитик» представлены классическими изданиями «Первой» и «Второй аналитики»[32] Жюля Трико и новейшей билингвой Пьера Пеллегрэна[33]. Первое издание перевода Трико было выпущено до критического издания Росса, однако второе, дополненное издание увидело свет уже в 1962 году. Несмотря на то, что для своего времени оно выполнено блестяще, все же представляет ограниченный интерес, поскольку содержащийся в нем комментарий, несмотря на то, что он крайне полезен для читателя-неспециалиста, носит в основном все же реферативный и поясняющий характер, не погружаясь в те проблемы, которые ставит «Вторая аналитика» особенно глубоко. Интересной особенностью этого издания является то, что оно крайне обширно (куда обширнее чем любое другое из известных мне изданий) использует классические комментарии (Фемистия, Евстратия, Анонима, Филопона, Дзабареллы, Фомы, Пация, Тренделенбурга, Вайца, Боница) при составлении примечаний – так что можно даже сказать, что примечания в нем целиком составлены на основе этих комментариев. Для исследователя «Второй аналитики» это в каком-то смысле удобно: издание Трико можно использовать как своеобразный каталог классических комментариев ко «Второй аналитике». Однако нельзя не отметить, что это в то же время приводит к тому, что комментарий этого издания зачастую лишен оригинального характера: хотя у Трико есть своя точка зрения, он почти никогда не считает нужным ее

[32] *Aristote*. Organon Tome III : Premiers analytiques. Traduction nouvelle et notes / introduction, traduction, notes et index par J. Tricot. Paris: Librairie philosophique Vrin, 1962; *Artistote*. Organon Tome IV: Seconds analytiques. Traduction nouvelle et notes / introduction, traduction, notes et index par J. Tricot. Paris: Librairie Philosophique Vrin, 1962. При написании данной работы у меня не было доступа к оригинальным изданиям 1962 года, и поэтому я пользовался новейшими репринтами *Aristote*. Organon. Tome III : Premiers analytiques / introduction, traduction, notes et index par J. Tricot. Paris: Vrin, 1992; *Aristote*. Organon. Tome IV: Seconds analytiques / introduction, traduction, notes et index par J. Tricot. Paris: Librairie Philosophique Vrin, 2012. Все ссылки в работе приводятся именно на эти издания.

[33] *Aristote*. Seconds Analytiques: Organon IV, Edition bilingue grec-français / introduction, traduction, notes, bibliographie et index par P. Pellegrin. Paris: Flammarion, 2005.

обосновать, ограничиваясь ссылкой на тот комментарий, с которым он согласен. Билингва с новым переводом Пеллегрэна в этом смысле выигрывает у издания Трико хотя бы за счет того, что ее комментарий, несмотря на его необширность (всего 80 страниц), носит проблемный и оригинальный характер; при этом прекрасное знание как классических, так и новых (Росс, Миньюччи, Барнс, Детель) комментариев присуще ей не в меньшей мере, чем изданию Трико. Несколько других новейших переводов «Второй аналитики» на французский либо вообще не содержат комментария, либо целиком заимствуют его у предшествующих исследователей. К сожалению, изданий как «Первой аналитики», так и «Второй аналитики» в серии «Les Belles Lettres» до сих пор не существует.

Немецкие издания «Второй аналитики» последних десятилетий представлены билингвой Хорста Зайдля[34], а также двумя крайне различающимися изданиями Вольфганга Детеля – крайне подробным 1993[35] года и чрезвычайно сокращенной билингвой 2011[36] года. Издание Зайдля не является особенно интересным для исследователя. Комментарий, несмотря на свою обширность, в существенной степени состоит из конспекта текста «Второй аналитики» (он структурно устроен следующим образом: сначала Зайдль излагает в кратком виде определенный отрывок текста, затем делает несколько, как правило, чрезвычайно кратких замечаний о нем, затем переходит к изложению следующего отрывка), и, несмотря на то, что этот конспект выполнен аккуратно и сильно повышает удобство чтения текста для читателя, впервые знакомящегося с текстом «Второй аналитики» (на которого в первую очередь и рассчитано издание), он содержит исчезающе мало интересных для исследователя наблюдений. Переработанный перевод Детеля 2011 года также, как это прямо указано в первых строках введения переводчика, является, прежде всего, учебным изданием – хотя это издание и превосходит издание Зайдля и по качеству греческого текста (Детель, в

[34] *Aristoteles*. Zweite Analytiken: Mit Einleitung, Übersetzung Und Kommentar. Griechisch-deutsch / hrsg. von T. Waitz, übers. und erläuter von H. Seidl. Würzburg; Amsterdam: Editions Rodopi B.V., 1984.
[35] *Aristoteles*. Analytica Posteriora / hrsg. von H. Flashar, übers. und erläutert von W. Detel. Berlin: Akademie Verlag, 1993.
[36] *Aristoteles*. Zweite Analytik / hrsg., übers. und erläutert von W. Detel. Hamburg: Meiner Felix Verlag Gmbh, 2011.

отличие от Зайдля, копировавшего в своем издании текст Вайца (в прямом смысле – греческая часть издания Зайдля представляет собой фотокопии с издания Вайца), использовал текст Росса, над которым была проделана дополнительная работа), и по широте исследовательского кругозора Детеля. И все же, несмотря на то, что к предлагаемому в этом издании пониманию тех или иных мест текста «Второй аналитик» следует отнестись крайне серьезно, его комментарий не дает понять, как именно Детель пришел к тому или иному решению, практически полностью ограничиваясь отсылками к параллельным местам из Аристотеля. По-настоящему важной работой является двухтомное издание Детеля 1993 года, содержащее, помимо перевода, подробнейшее введение и комментарий, который, судя по всему, на настоящий момент является самым обширным по объему и превосходит даже античные комментарии. Однако, именно к нему у меня, к сожалению, так и не получилось получить доступ при работе над настоящим исследованием.

Другими важнейшими изданиями, к помощи которых я также, к сожалению, не мог прибегнуть для подготовки данного исследования, являются обширный комментарий на первую книгу «Второй аналитики» Марио Миньюччи[37], а также его новейшее комментированное издание «Второй аналитики» на итальянском[38]. Существует также несколько других новейших изданий «Второй аналитики», к которым мне не удалось получить доступ при подготовке данной работы[39], однако, в отличие от упомянутых выше изданий Детеля и Миньюччи, их отсутствие едва ли может сказаться на качестве проработки рассматриваемых в настоящей работе вопросов; в известной мере их можно считать второстепенными по сравнению со всеми указанными выше изданиями.

[37] *Mignucci M.* L'argomentazione dimostrativa in Aristotele: Commento agli Analitici secondi. Antenore, 1975.
[38] *Aristotele*. Analitici secondi. Organon IV. Testo greco a fronte / a cura di M. Mignucci. Introduzione di J. Barnes. Rom/Bari: Biblioteca universale Laterza, 2007.
[39] *Aristotle*. Prior and Posterior Analytics. / John Warrington. London; New York: Dent; Dutton, 1964; Aristotle's Posterior Analytics / Hippocrates G. Apostle. Grinnell, Iowa: The Peripatetic Press, 1981.

Русские издания «Аналитик» Аристотеля представлены переводом Б. А. Фохта 1952 года[40], а также изданием их в составе второго тома сочинений Аристотеля в серии «Философское наследие»[41] - в последнем издании указано, что текст также дается в переводе Фохта, только отредактированном, однако, как это всегда бывает в случае издания Аристотеля в «Философском наследии», при сравнении с изданием 1952 года хорошо видно, что перед нами, фактически, два разных перевода. Оба этих издания выполняют важную функцию знакомства русскоязычного читателя с главными логическими сочинениями Аристотеля, однако самостоятельной исследовательской ценности они не несут.

Вторичная исследовательская литература, касающаяся проблемы доказательства достаточно обширна, поэтому я ограничусь лишь основополагающими и наиболее важными работами, касающимися этой проблемы. Эти работы можно для удобства сгруппировать в несколько тематических блоков.

Работы первого блока посвящены силлогистической составляющей теории доказательства Аристотеля. «Вторая аналитика» стоит на плечах «Первой аналитики», и поэтому для ее адекватного понимания необходимо предварительно получить понимание последней. Наиболее старой из работ на эту тему, все еще сохраняющих определенную актуальность, является фундаментальная «Силлогистика Аристотеля» Генриха Майера[42]. Впрочем, к настоящему моменту уже практически общепризнано, что, будучи хорошим филологом и прекрасным знатоком текста Аристотеля, Майер в то же время не был очень хорошим логиком, поэтому больший интерес представляет скорее вторая книга второго тома его труда, посвященная становлению логической теории Аристотеля и ее связи с предшествующей философской традицией, чем разделы «Силлогистики», непосредственно посвященные исследованию

[40] *Аристотель*. Аналитики Первая и Вторая / пер., комм. Б.А. Фохта. М.: Госполитиздат, 1952.
[41] *Аристотель*. Первая аналитика // Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1978. С. 117–254; *Аристотель*. Вторая аналитика // Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1978. С. 255–346.
[42] *Maier H.* Die Syllogistik des Aristoteles. Tübingen: Verlag der H. Laupp’schen Buchhandlung, 1896-1900. Bd. I-II.

устройства логической системы Аристотеля. По-настоящему современный этап в исследовании логики Аристотеля начинается с выходом в 1950 году книги Яна Лукасевича о формализации аристотелевской силлогистики средствами современной логики[43]. В ней он выстраивает такую формализацию, отталкиваясь от тезиса о том, что, с логической точки зрения, силлогизм представляет собой импликативную пропозицию, в которой посылки играют роль антецедента, а заключение – консеквентна. Некоторое время спустя похожую интерпретацию силлогистики Аристотеля предложил также Гюнтер Патциг[44]. С критикой интерпретации Лукасевича, однако, выступили Тимоти Смайли[45] и Джон Коркоран[46], которые независимо друг от друга сформулировали иную точку зрения на природу силлогизма: согласно этой точке зрения, силлогизм представляет собой утверждение о выводимости заключения из посылок, а не импликативное высказывание, а силлогистика в целом является с логической точки зрения системой натурального вывода[47], а не аксиоматической системой, как полагали Лукасевич и Патциг. Точка зрения Смайли и Коркорана быстро возобладала над взглядами Лукасевича, и на данный момент она считается стандартной в современном аристотелеведении: именно ее принимают придерживаются упомянутые выше издания «Первой аналитики» Смита и Страйкер. Нельзя также не отметить ряд замечательных работ отечественных исследователей, посвященных силлогистике Аристотеля[48].

Впрочем, среди исследователей есть и такие, кто в принципе сомневается в том, что исследование «Первой аналитики» может как-то помочь нам в

---

[43] *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М: Издательство иностранной литературы, 1959.

[44] *Patzig G.* Die aristotelische Syllogistik: Logisch-philologische Untersuchungen über das Buch A der «Ersten Analytiken». Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959.

[45] *Smiley T.J.* What is a Syllogism? // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. No. 1. P. 136–154.

[46] *Corcoran J.* Completeness of an Ancient Logic // Journal of Symbolic Logic. 1972. Vol. 37. No. 4. P. 696–702; *Corcoran J.* A Mathematical Model of Aristotle's Syllogistic // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1973. Vol. 55. No. 2. P. 191–219; *Corcoran J.* Aristotelian Syllogisms: Valid Arguments or True Universalized Conditionals? // Mind. 1974. Vol. 83. P. 278–281.

[47] К по существу такому же выводу независимо от Смайли и Коркорана пришел Граньер (*Granger G.G.* La théorie aristotélicienne de la science. Paris: Aubier Montaigne, 1976, P. 108-116).

[48] *Бочаров В.А.* Аристотель и традиционная логика. М.: Издательство МГУ, 1984; *Маркин В.И.* Силлогистические теории в современной логике. М.: Издательство МГУ, 1991; *Бочаров В.А., Маркин В.И.* Силлогистические теории. М.: Прогресс-традиция, 2010.

исследовании «Второй аналитики». Поэтому в качестве второго блока исследовательской литературы можно выделить работы, связанные с вопросом об отношении «Аналитик» друг к другу. Традиционная точка зрения состоит в том, что «Первая аналитика» - трактат о силлогизмах – представляет собой исследование, предваряющее «Вторую аналитику» - трактат о доказательстве, являющимся одним из видов силлогизма – и первый трактат написан прежде и ради написания второго. Эта точка зрения последовательно отстаивается всеми комментаторами и не встречает существенных возражений вплоть до XX века. Первым исследователем, поставившим ее под вопрос, является Фридрих Зольмсен[49], который предполагает, что в действительности «Вторая аналитика» написана раньше «Первой аналитики», и именно этим можно объяснить огромное число сложностей, возникающих у читателя «Второй аналитики», пытающегося смотреть на ее учение о доказательстве сквозь призму учения о силлогизме «Первой аналитики»: само слово «συλλογισμός» во «Второй аналитике» еще не имеет того значения, которое оно позднее получит в «Первой аналитике». Зольмсен, будучи учеником Вернера Йегера, пытается сделать с логикой Аристотеля то же самое, что Йегер сделал в своих работах[50] с его метафизикой, этикой и политикой: локализовать противоречия в составе корпуса работ, которые до этого считались связным произведением, и затем объяснить эти противоречия за счет тезиса об эволюции взглядов Аристотеля от платонизма к более эмпирической позиции. Реконструкции Йегера, как известно, противостояли, прежде всего, Ингмар Дюринг[51] и Гвилим Оуэн[52], предлагавшие свой вариант эволюции взглядов Аристотеля, прямо обратный варианту Йегера: от жесткой критики платонизма к постепенному приближению ко взглядам Платона по ряду вопросов. Реконструкцию же Зольмсена подверг критике прежде всего Д. Росс: в ряде полемических работ он указывал, что Зольмсен не привел достаточных

[49] *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. Berlin: Weidmann, 1929.
[50] *Jaeger W.* Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphphysik des Aristoteles. Berlin: Weidmann, 1912; *Jaeger W.* Aristoteles: Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1923.
[51] *Düring I.* Aristoteles; Darstellung und Interpretation seines Denkens. Heidelberg: Winter, 1966.
[52] *Owen G.E.L.* The Platonism of Aristotle // Articles on Aristotle: 1. Science / Jonathan Barnes, Malcolm Schofield, Richard Sorabji. London: Duckworth, 1975. 14–34.

оснований для того, чтобы принимать хронологию, предлагаемую немецким ученым[53]. Споры о порядке написания работ Аристотеля и эволюции его взглядов не утихают и сейчас[54], однако, несмотря на попытки возродить тезис об обратной хронологии «Аналитик» некоторыми современными исследователями[55], точка зрения, согласно которой проблемы «Второй аналитики» можно объяснить хронологическими соображениями, на мой взгляд, не выдерживает критики: дело в том, что даже исследователи, считающие, что «Первая аналитика» написана позднее «Второй аналитики» признают, что между этими двумя трактатами есть связь, которую сам Аристотель желал подчеркнуть, указывая в тексте на нужный порядок прочтения этих трактатов[56]; они считают, что те места, в которых Аристотель указывает на эту связь являются следами позднейшей редакции этих двух трактатов его собственной рукой[57]. Но если мы предполагаем позднейшую редакцию текста рукой Аристотеля, то тезис о том, что инверсия хронологии «Аналитик» может объяснить какие-то трудности текста «Второй аналитики» теряет всякую привлекательность: становится непонятно, почему в тексте «Второй аналитики» остались проблемы, если он подвергался ревизии Аристотеля, целью которой было как раз согласовать его с «Первой аналитикой».

Третий блок исследовательской литературы представлен исследованиями, связанными с отношением теории доказательства «Второй аналитики» к античной математике. Из всех примеров «Второй аналитики» около половины почерпнуты из области математики[58], а теория неопосредованных начал доказательства «Второй аналитики» несет на себе очевидное сходство с практикой

[53] См. полемику Росса и Зольмсена в *Ross W.D.* The Discovery of the Syllogism // The Philosophical Review. 1939. Vol. 48. No. 3. P. 251–272; *Solmsen F.* The Discovery of the Syllogism // The Philosophical Review. 1941. Vol. 50. No. 4. P. 410–421; Aristotle's Prior and Posterior Analytics. P. 6–23; *Solmsen F.* Aristotle's Syllogism and its Platonic Background // The Philosophical Review. 1951. Vol. 60. No. 4. P. 563–571.

[54] *Graham D.W.* Aristotle's two systems. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1987; Aristotle's philosophical development: problems and prospects / ed. by William Robert Wians. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 1996; *Wehrle W.E.* The Myth of Aristotle's Development and the Betrayal of Metaphphysics. Rowman & Littlefield Publishers, 2001.

[55] *Barnes J.* Proof and the Syllogism // Aristotle on science, the «Posterior Analytics»: proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum / ed. by Enrico Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 17–60; *Smith R.* The relationship of Aristotle's two «Analytics» // Classical quarterly. 1982. Vol. 32. No. 2. P. 327–335; *Smith R.* The Syllogism in Posterior Analytics I // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1982. Vol. 64. No. 2. S. 113–135.

[56] APr I.1 24a10-11; APo I.4 25b26-31.

[57] См. *Solmsen F.* The Discovery of the Syllogism. P. 414; *Barnes J.* Proof and the Syllogism. P. 27–29.

[58] *Barnes J.* Aristotle's Theory of Demonstration, P. 129 // Phronesis. 1969. Vol. 14. No. 2. P. 123–152.

доказательства, которую мы находим в «Началах» Евклида и других дошедших до нас математических трактатах IV-III в. до н.э. Это сходство всегда привлекало внимание как комментаторов Аристотеля, так и исследователей античной математики. Мысль о том, что, возможно именно в изучении математических корней теории доказательства Аристотеля необходимо искать разрешение трудностей, встающих перед читателем «Аналитик», не раз высказывалась в работах исследователей последних полутора веков[59]. Особенно много внимания уделялось попыткам прояснить его теорию начал доказательства путем сопоставления их с началами, которые мы обнаруживаем у Евклида[60]. Вместе с тем, другие исследователи, напротив, выступали категорически против преувеличения роли математики в учении о доказательстве «Второй аналитики»: так, Иэн Мюллер убедительно показал, что математические доказательство, вопреки утверждению самого Аристотеля, принципиально не может принимать форму силлогистического рассуждения[61], Вилбур Кнорр и Орна Харари высказались против популярного среди исследователей Аристотеля отождествления постулатов Евклида с аристотелевскими высказываниями о существовании[62], а Вольфганг Куллман утверждал, что математические примеры Аристотеля во «Второй аналитике» носят характер нестрогих иллюстраций, и сам Аристотель вовсе не испытывает того интереса к математике, который ему части

[59] *Scholz H.* Die Axiomatik der Alten // Blätter für Deutsche Philosophie. 259-78. Vol. 4. 1930; *Einarson B.* On Certain Mathematical Terms in Aristotle's Logic: Part I // The American Journal of Philology. 1936. Vol. 57. No.1. P. 33–54; *Einarson B.* On Certain Mathematical Terms in Aristotle's Logic: Part II // The American Journal of Philology. 1936. Vol. 57. No.2. P. 151–172; *Smith R.* The Mathematical Origins of Aristotle's Syllogistic // Archive for History of Exact Sciences. 1978. Vol. 19. P. 201–209; *McKirahan R.D.* Principles and Proofs: Aristotle's theory of demonstrative science. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.

[60] *Zeuthen H.G.* Geschichte der Mathematik im Altertum und Mittelalter. Kopenhagen: A.F. Höst, 1896. S. 88–92; *Zeuthen H.G.* Geometrische Konstruktion als Existenzbeweis in der antiken Geometrie // Mathematische Annalen. 1896. Vol. 47. S. 272–278; *Heath T.L.* Introduction. P. 117-124 // The Thirteen Books of Euclid's Elements / ed., trans. by T. L. Heath. Cambridge: University Press, 1908. Vol. P. 1–152; *Heath T.L.* A history of Greek mathematics. Oxford: The Clarendon Press, 1921 P. 336-338; *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle's Account of First Principles // The Classical Quarterly. 1935. Vol. 29. No.2. P. 113–124; *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. Oxford: Clarendon Press, 1949. P. 50-57; 201-203.; *Fritz K. von.* Die Archai in der griechischen Mathematik // Archiv für Begriffsgeschichte. Vol. 1. 1955. 13–103; *Szabo A.* Anfänge der griechischen Mathematik. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 1969. S. 293-320; 366-415; *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 133-163.

[61] *Mueller I.* Greek Mathematics and Greek Logic // Ancient Logic and its Modern Interpretations / John Corcoran. Boston: Reidel, 1974. 35–70.

[62] *Knorr W.R.* Construction as Existence Proof in Ancient Geometry // Ancient Philosophy. 1983. Vol. 3. No.2. P. 125–148; *Harari O.* The Concept of Existence and the Role of Constructions in Euclid's Elements // Archive of History of Exact Sciences. 2003. Vol. 57. P. 1–24.

приписывают: его главным предметом интереса является не математика, а естественная наука[63]. В целом, аналогии с математикой полезны для прояснения некоторых деталей позиции Аристотеля во «Второй аналитике», однако, как мы увидим ниже, они не редко могут оказать решительную помощь в разрешении самых принципиальных трудностей аристотелевского трактата о доказательстве.

Наконец, стоит кратко перечислить основные работы, посвященные учению «Второй аналитики» в целом. Интерес к исследованию этого трактата в целом возвращается в 70-е годы XX века: одновременно выходит первое издание перевода Барнса[64], книги Куллмана[65], Граньера[66], в 1975 проводится Symposium Aristotelicum, посвященный «Второй аналитике»[67] и выходит первый том пятитомных «Статей об Аристотеле», целиком посвященный проблемам науки и научного знания в философии Стагирита[68]. Впрочем, ни одну из упомянутых книг нельзя назвать определяющей с точки зрения целей настоящего исследования. Первое издание Барнса, как уже было сказано, было превзойдено его же собственным вторым изданием. Книга Куллмана исследует не знание и доказательство как таковые, и не метод Аристотеля в принципе, а метод и доказательство именно в области естественных (и отчасти практических) наук; этот труд полон полезных наблюдений, касающихся знания и доказательства, однако в известной мере поспешен: Куллман посвящает большую часть своей работы установлению специфических отличий естественных науки у Аристотеля, однако о том, по отношению к чему эти отличия являются специфическими – т.е. о модели доказательного знания «Второй аналитики» - он говорит не так уж много. Работа Граньера, в свою очередь, хотя и посвящена знанию-науке полностью, однако касается непосредственно проблем, связанных с устройством

[63] *Kullman W.* Die Funktion der mathematischen Beispiele in Aristoteles' Analytica Posteriora // Aristotle on science, the «Posterior Analytics»: proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 245–270.
[64] Aristotle's Posterior Analytics, 1975.
[65] *Kullmann W.* Wissenschaft und Methode: Interpretationen zur aristotelischen Theorie der Naturwissenschaft. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1974.
[66] *Granger G.G.* La théorie aristotélicienne de la science.
[67] Aristotle on science, the *Posterior Analytics*: proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981.
[68] Articles on Aristotle: 1. Science / ed. by J. Barnes, M. Schofield, R. Sorabji. London: Duckworth, 1975.

доказательства, только в третьей своей части и, делая это, посвящает больше времени более детальному объяснению относительно понятных частей текста, чем разбору непонятных. Материалы же Symposium Aristotelicum, хотя и являются одной из наиболее важных и интересных публикаций в сфере исследования «Второй аналитики», все же представляют собой набор статей – вне всякого сомнения, важных и блестящих, но разрозненных и не претендующих на то, чтобы дать связную картину «Второй аналитики». Наконец, из 14 работ первого тома «Статей об Аристотеле» только три посвящены непосредственно теории знания и науки Аристотеля, тогда как все остальные имеют дело с проблемами конкретных наук аристотелевского корпуса.

Самые важные книги, посвященные пониманию структуры доказательного знания «Второй аналитики» выходят несколько позже. Во-первых, это книга Майкла Ферджона «Происхождение науки Аристотеля»[69]. Безусловным достоинством этой книги является то, что в ней впервые был предложен взгляд на построение доказательного знание «Второй аналитики» как на процесс, состоящий из нескольких различных этапов и не сводящийся только лишь к построению цепочек силлогистических выводов. Кроме того, это единственная известная мне работа, в которой по достоинству оценена роль глав 27-32 I-й книги «Первой аналитики» для понимания процесса построения доказательного знания. Однако эта книга обладает и своими слабостями: интерпретация некоторых моментов учения «Второй аналитики» совершенно неубедительна (прежде всего, понимание «знания в собственном смысле» как касающегося «референциальной универсалии»). Далее необходимо упомянуть блестящую работу Ричарда Маккирахана, являющуюся, безусловно, одним из самых лучших исследований, посвященных вопросу о построении доказательного знания у Аристотеля. Из всех многочисленных достоинств этой работы самым главным, вне всякого сомнения, является тщательность сравнения учения Аристотеля о доказательстве с математической практикой древних греков, аналогов которой нельзя найти ни в

[69] *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. New Haven: Yale University Press, 1991.

одном предшествующем или последующем исследовании. Однако в этой же области лежит главный недостаток этой работы: Маккирахан уверен, что, будучи вдохновлен математикой и ориентируясь на математику, Аристотель строит во «Второй аналитике» модель доказательства, которая в действительности должна подходить прежде всего для математики. Ему удается реконструировать нечто похожее на такую модель, но получившаяся у него реконструкция утрачивает практически все основополагающие для Аристотеля свойства модели доказательного знания: она не является силлогистической, она применима к разным областям бытия не равной мере (например, доказательство существования используется только в геометрии) и т.д. Далее, крайне важно замечательное исследование Оуэна Голдина «Объясняя затмение: Вторая аналитика Аристотеля, II.1-10»[70]. Ее удачной стороной является, прежде всего, тот акцент, который она делает на второй книге «Второй аналитики», и особенно на ее первой части, которая в предыдущих исследованиях была в существенной мере обойдена стороной; многим местам этих сложных глав он дает, на мой взгляд, лучшую из имеющихся до сих пор интерпретаций. Крайне важным является также то факт, что Голдин является первым из исследователей, который верно, на мой взгляд, указал важность определений большего термина в доказательном силлогизме, совершенно игнорировавшихся до него. Однако в то же время его книга содержит в себе ряд произвольных допущений (в какой-то момент он просто отходит от текста Аристотеля и его примеров и начинает конструировать совершенно умозрительные доказательства для обоснования своих интерпретаций), которые существенно снижают ценность предлагаемого в ней понимания ключевых глав II книги в целом; кроме того, это исследование прежде всего посвящено только одной, хотя и чрезвычайно важной стороне построения доказательного знания – проблеме доказательства субстанциальных свойств. Еще одним из важнейших исследований теории доказательства «Второй аналитики» является работа Орны Харари «Знание и доказательство: «Вторая аналитика» Аристотеля»[71]. Это, вне

[70] *Goldin O.* Explaining an Eclipse: Aristotle's *Posterior Analytics* 2.1-10. University of Michigan Press, 1996.
[71] *Harari O.* Knowledge and Demonstration: Aristotle's Posterior Analytics. Dordrecht; Boston: Kluwer, 2004.

всякого сомнения, блестящее исследование, полное точных наблюдений и удачных решений множества сложных проблем. Особенно высоко, на мой взгляд, следует оценить работу Харари над решением проблемы статуса гипотез во «Второй аналитике», а также ее элегантное и крайне компактное объяснение соотношения ума и наведения в процессе отыскания начал доказательного знания в II.19 «Второй аналитики». Единственным недостатком этой книги, на мой взгляд, является ее совсем небольшой объем, в силу которого автору удается покрыть лишь малую часть вопросов, касающихся структуры доказательства, оставив совершенно незатронутыми остальные. В 2010 году также выходит еще один сборник статей, посвященных «Второй аналитике»[72]; в его публикации приняли участие практически все основные англоязычные исследователи, занимающиеся изучение «Второй аналитики»; однако, нельзя не заметить, что качество статей в нем все же существенно уступает материалам Симпозиума 1975 года. Наконец, нельзя не отметить работы Евгения Орлова[73] – единственного современного отечественного исследователя, профессионально занимающегося «Второй аналитикой» Аристотеля. К достоинствам этих работ можно отнести крайне оригинальное и удачное прочтение некоторых мест в текстах Аристотеля, вне всякого сомнения, не имеющее аналогов в мировом аристотелеведении, а также похвальное стремление представить «Вторую аналитику» как часть системы Аристотеля, связав ее с другими его текстами и объяснив ее через них. Недостатками же этих работ являются местами крайне сомнительные терминологические решения, нередко существенно затрудняющие чтение текста[74], а также нередкое пренебрежение обоснованием выдвинутых тезисов (при том, что сами тезисы могут при этом быть крайне удачными).

---

[72] From inquiry to demonstrative knowledge: new essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / ed. by J. H. Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010.

[73] *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Издательство сибирского отделения Российской академии наук, 2011; *Орлов Е.В.* Аристотель о началах человеческого разумения. Новосибирск: Издательство сибирского отделения Российской академии наук, 2013.

[74] Автор сам говорит о том, что понимает, что предлагаемый им терминологический подход является крайне специфическим; он оправдывает себя тем, что перед ним стоит задача предложить читателю, не имеющему возможности работать с греческим оригиналом, более близкий к нему и потому менее ухоженный текст, который по возможности не опускал бы тех важных терминологических нюансов, которые теряются в переводе (*Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля, С. 11-16). Это, безусловно, похвальная задача, однако результат такого подхода

Помимо работ Орлова и упомянутых выше логических трудов, посвященных «Первой аналитике» вклад отечественных специалистов в исследование «Второй аналитики», к сожалению, практически отсутствует. Существует несколько прекрасных работ, посвященных логике Аристотеля в целом – прежде всего, работы Сергея Ахманова[75] и Ратмира Луканина[76] – однако они представляют собой не проблемные, а скорее систематические справочные исследования.

Общим недостатком всех перечисленных, даже самых удачных работ, посвященных доказательному знания у Аристотеля, является тот факт, что ни одна из них не дает цельной картины того, как конкретно должна была бы выглядеть модель доказательного знания Аристотеля и какие именно шаги нужно было бы предпринять для ее построения. Наиболее близко к ответу на этот вопрос подходят Маккирахан, однако его анализ построен на полном игнорировании определенных частей «Второй аналитики» (прежде всего ему можно вменить в вину невнимательность ко II-й книге «Второй аналитики»). Таким образом, исследования, в котором бы давался ясный ответ на вопрос о том, что же именно Аристотель описывает во «Второй аналитике» в целом, как это ни парадоксально, до сих пор не существует[77].

иногда делает текст трудночитаемым даже для специалиста, не говоря уже о читателе, только знакомящемся с Аристотелем, на которого Орлов, по собственным словам, прежде всего ориентируется. См., например, «Когда он [Аристотель – А.Ю.] имеет в виду часть души, имеющую *логос*, он говорит о *софии* <...>, включающей в себя ум и *эпистему*, а вот когда он обсуждает способы истинствования, он говорит порознь об уме и *эпистеме*. Получается, что *софия – мета-логосная*, но ум, как начало *софии* – не *мета-логосный*» (Там же, С. 111).

[75] *Ахманов С.А.* Логическое учение Аристотеля. М: Соцэкгиз, 1960.

[76] *Луканин Р.К.* «Органон» Аристотеля. М: Наука, 1984.

[77] Уже после завершения работы над настоящим исследованием мне удалось ознакомиться с новейшей книгой Дэвида Бронштейна «Аристотель о знании и обучении: "Вторая аналитика"» (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning). Это глубокое, хотя и несколько зависимое в своей интерпретации «Второй аналитики» от упомянутой выше работы Голдина, исследование интересно сразу во многих отношениях, однако тот момент, который интересует меня в настоящей работе заключается в следующем: работа Бронштейна, как и моя собственная – это наконец-то исследование, которое предлагает последовательную реконструкцию учения «Второй аналитики» *в целом*. Достоинств у работы Бронштейна примерно столько же, сколько и недостатков: при удивительно проницательной работе по разрешению некоторых проблем II книги «Второй аналитики», Бронштейн позволяет себе игнорировать определенные места текста в угоду своему прочтению, вводить дополнительные, никак четко не постулированные в тексте конструкции, а также явно избегать обсуждения проблемы примеров, иллюстрирующих, как именно должна работать предложенная «Второй аналитикой» модель знания в соответствие с его интерпретацией, в тех случаях, когда таких примеров явно привести нельзя. Пожалуй, самая существенная разница во взгляде Бронштейна на «Вторую аналитику» по сравнению с моим, от которой все прочие наши расхождения являются производными, заключается в том, что Бронштейн исходит из радикально унитаристской предпосылки о том, что «Вторая аналитика» – это тщательно продуманное самим Аристотелем и скрупулёзно (им же!) композиционно и тематически выстроенное

Методология исследования. В основе настоящего исследования лежит тщательная работа с текстами Аристотеля, и прежде всего – с текстом «Второй аналитики». В соответствие, во-первых, с общей задачей реконструкции модели доказательного знания Аристотеля, а во-вторых, с указанными выше трудностями, с которыми сталкивается такая реконструкция, основными методами исследования служат, во-первых, метод сравнительного текстуального анализа, а во-вторых, герменевтический метод.

Метод сравнительного анализа позволяет, обращаясь к различным местам текстов Аристотеля, в которых он излагает связанные друг с другом тезисы, касающиеся интересующих нас элементов учения Аристотеля, путем сравнения этих частей полнее понять, о чем именно говорит Аристотель в каждом конкретном случае. Герменевтический метод предполагает рассмотрение отдельных элементов учения о доказательстве «Второй аналитики» контексте этого трактата как целого, а также обратное уточнение этого контекста через постоянную отсылку к формирующим его элементам.

Принципиальным методологическим тезисом, на котором строится настоящая работа, является предпочтение структурного объяснения определенных элементов учения о доказательном знании по сравнению с объяснением, дающему наилучшее прочтение конкретного места безотносительно к учению о доказательстве в целом. Этот тезис стоит объяснить подробнее.

Сложно отрицать, что «Вторая аналитика» является крайне обрывочным и местами просто маловразумительным текстом. Вполне возможно также, что разные части этого текста были написаны в разное время и несут на себе следы разных взглядов Аристотеля на одни и те же проблемы[78]. Наконец, не исключено

единое произведение, где ничто не случайно, все на своем месте, и одни части находятся в точном согласии с другими; я же, как будет указано ниже, склонен сильно сомневаться в плодотворности такого взгляда на «Вторую аналитику».

[78] См., прежде всего, *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik, S. 78-109. Зольмсен, как это подчеркнуто в его полемике с Россом (*Solmsen F.* The Discovery of the Syllogism, P. 415-416.), предлагает оценивать хронологию текста на уровне мельчайших его фрагментов вплоть до отдельных пассажей. Иначе говоря, он считает (вполне, следует заметить, резонно), что Аристотель мог редактировать уже написанный текст снова и снова, включая в него новые фрагменты и отчасти меняя старые. В пользу возможности такого анализа на примере текстов Платона

также, что части текста были испорчены и в определенных местах мы имеем дело с сильно искажённой мыслью Аристотеля или, что еще хуже, – вообще с мыслью более позднего редактора. Все это вполне естественные допущения, учитывая насколько сложен для прочтения текст «Второй аналитики»[79]. Если мы позволим себе пойти в этом направлении мысли слишком далеко, может даже сложиться впечатление, что адекватная интерпретация «Второй аналитики» невозможна в принципе, или, по крайней мере, невозможна в отсутствие правильной хронологической и редакторской разбивки текста – т.е. такого исчерпывающего и корректного описания всех фрагментов текста, которое бы говорило нам о том, к какому периоду мысли Аристотеля относится тот или иной фрагмент, а также о том, относится ли он вообще к мысли Аристотеля или же интерполирован сюда редакторской рукой; а тот факт, что подобную разбивку текста, несмотря на то, что попытки ее установления исторически предпринимались[80], едва ли возможно получить в окончательном (и даже в хоть сколько-то убедительном) виде, возвращает нас к мысли о том, что любая попытка адекватной интерпретации текста должна проваливаться.

Однако это совсем необязательно так. Главная проблема при чтении «Второй аналитики», как уже было неоднократно отмечено, состоит в том, что разные ее фрагменты могут быть прочитаны как свидетельствующие в пользу различных и, что важнее, взаимоисключающих взглядов Аристотеля на один и тот же вопрос; при этом у нас отсутствует возможность[81] опереться скорее на одно свидетельство, чем на другое; и, говоря более широко, отсутствует возможность опереться на какие-то независимые обстоятельства или соображения

см. известнейшую работу Холгера Теслефа (*Thesleff H.* Studies in Platonic chronology. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1982). Впрочем, можно ли признать анализ Теслефа (и вообще любой анализ подобного толка) успешным, и что может служить критерием его успешности – это отдельный вопрос, ответить на которой в формате подстрочного примечания мне не представляется возможным.

[79] Не думаю, что кто-то станет отрицать, что предположения подобного рода становятся нам нужны именно в тех случаях, когда у нас возникают проблемы с пониманием текста; предполагать хронологические разрывы и редакторские ошибки в случае текста, который идеально прозрачен для понимания, кажется, никому еще не приходилось. См. подробнее *Юнусов А.Т.* Проблема хронологии логических трактатов Аристотеля в работах исследователей XX века // Вопросы философии, 2015. No 5. С. 179–189.

[80] *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik, S. 78-109.

[81] Возможно, точнее было бы сказать, что у нас чаще всего отсутствует основание для этого; возможность у нас всегда есть, другое дело, что это было бы произвольным и необоснованным шагом.

при попытке разрешить возникающее при чтении текста противоречие. Однако в действительности дополнительное обстоятельство, на которое мы можем опереться при нашем выборе, у нас есть, пусть оно и не является независимым от текста как такового, а скорее независимо от того или иного одного конкретного места в этом тексте. Этим обстоятельством является общий замысел модели доказательного знания, общее представление о ней Аристотеля, которым он должен был руководствоваться при ее описании. Я полагаю, что крайне важным для интерпретации дошедшего до нас текста «Второй аналитики» является положение о том, что Аристотель направляется неким единым замыслом при описании сущности доказательства в тексте этого трактата, иначе говоря – что у него есть определенное более-менее сформированное представление о том, как именно выглядит и работает описываемая им модель доказательного знания, и именно это, уже имеющееся в его распоряжении представление он пытается объяснить на страницах «Второй аналитики». Если мы примем этот достаточно, на мой взгляд, правдоподобный тезис, то наша работа с текстом трактата окажется намного менее уязвима для указанных ваше опасений в хронологических разрывах и редакторских правках различных фрагментов «Второй аналитики»: конкретные детали учения Аристотеля о доказательном знании в таком случае действительно могли меняться со временем и в определенных местах текста нас могут подстерегать ошибки, однако общий замысел, общая модель, которую Аристотель имел в виду при написании трактата должна остаться различима, поскольку наиболее существенное в ней едва ли могли претерпеть значительные изменения без того, чтобы разговор об такой существенно новой модели стал очевидно и бросающееся в глаза чуждым на фоне остальной «Второй аналитики». Если нам удастся понять, как хотя бы в общих чертах выглядит эта модель – это уже можно будет считать достижением, достаточным для наших целей, даже если мы при этом обнаружим, что какие-то конкретные, не лежащие в самом ее основании детали Аристотель в разных местах трактата описывает различными, не согласующимися друг с другом образами. И основа, центральный теоретический костяк этой модели, на который

следует ориентироваться при трактовке неясных мест, на мой взгляд, вполне различим – а именно таким костяком является 1) силлогистическая организация процесса доказательства[82] со всеми вытекающими отсюда следствиями – количеством[83] и качеством[84] посылок, необходимостью среднего термина[85], необходимостью иметь первые посылки, которые не были бы доказываемы тем же образом, что прочие положения научного знания[86] 2) тезис о том, что всякое доказательство обязано оперировать в рамках одного рода[87] и термины доказательства должны быть связаны друг с другом субстанциальным образом (καθ' αὐτό)[88] 3) представление о доказательстве как о процессе обоснования присущности определенных субстанциальных свойств (καθ' αὐτὰ πάθη) определенным субъектам доказательства (τὰ περὶ ὅ)[89] 4) представление о доказательстве как о процессе, указывающем на *причину* связи субстанциального свойства с субъектом доказательства[90] 5) Тезис о том, что доказательство исходит из начал[91] [92].

---

[82] По подсчетам Росса, одни только явные и несомненные отсылки к силлогистической доктрине «Первой аналитики» можно обнаружить в 15 главах «Второй аналитики» (*Ross W.D.* The Discovery of the Syllogism. P. 260). Добавлю, что, Росс считал отсылки именно к специфическим моментам учения «Первой аналитики»; если мы будем считать отсылки к силлогистике вообще, то число глав вырастет приблизительно в три раза, дойдя до 90% от общего их числа. Нельзя не согласиться с верностью контрдовода Зольмсена (*Solmsen F.* The Discovery of the Syllogism, P. 415-416) о том, что деление на главы – это крайне позднее и искусственное привнесение в текст «Второй аналитики», и что связность одних частей таких «глав» с другими легко поставить под сомнение. Но даже если так, то силлогистическая организация процесса доказательства и познания все равно остается *самым хорошо и часто засвидетельствованным в тексте элементом учения «Второй аналитики»*. Даже если бы мы, работая с указанной выше статистикой глав, в которых встречается упоминание силлогистики, исходили из соображения «одна глава – одно свидетельство», и даже если бы мы ограничились только теми местами, которые упоминает Росс, то это бы все равно уже делало силлогистику самой безупречно засвидетельствованной составляющей доктрины доказательства «Второй аналитики»; и уж тем более это оказывается так, если учесть, что почти в каждой из этих глав встречается куда больше одного краткого свидетельства.

[83] APr I.25 42a32-33.

[84] APr I.24 41b6-7.

[85] APr I.25 41b36-37; APo I.23.

[86] APo I.3 72b18-22; I.9 16-18; I.10 76a31-32.

[87] APo I.6 75a18-21; APo I.7; APo I.28.

[88] APo I.4 73b16-18; 39ff; I.6 74b5-12; 75a28-31; I.7 75b1-2; I.9 76a10-13.

[89] APo I.7 75a 39-75b2; I.9 76a10-13; 10 76b3-11; 11-22; II.13 15-21.

[90] APo I.2 71b9-12; 6 74b27-32; I.13; I.14 79a18-24; I.24 85b23-86a3; I.31 88a1-8; I.34 89b13-15; II.2 89b6-11; II.11-12; II.16.

[91] APo I.2 71b 19-72a24; I.9 76a3-7; 26 сл.; I.10 76a31-b22; I.32 88b9 сл.; II.3 90b24; II.17 99a21-23; II.19.

[92] Причиной для выделения именно перечисленных, а не каких-либо других черт, является тот простой факт, что все они, во-первых, надежно засвидетельствованы сразу в значительном количестве мест текста «Второй аналитики», а во-вторых, достаточно подробно характеризованы хотя бы в одном или из этих мест. Мы не могли бы считать какую-либо из этих черт вполне достойной безоговорочного доверия, если бы она упоминалась лишь в одном или даже двух местах трактата, однако Аристотель возвращается к обсуждению каждого из перечисленных моментов множество раз на протяжении «Второй аналитики», что дает нам гарантию того, что перед нами не случайное и брошенное вскользь

Поэтому важным методологическим допущением данной работы является тезис о том, что при прочтении текста «Второй аналитики» мы должны прежде всего ориентироваться на то, насколько та или иная интерпретация того или иного места совместима с указанными рамками модели доказательного знания Аристотеля. Предыдущие исследователи «Второй аналитики» пытались выстроить свое понимание доктрины этого трактата, исходя прежде всего из наиболее недвусмысленных свидетельств текста (т.е. таких, которые по возможности не допускают разночтений в интерпретации) и выстраивали свою работу с ним как работу по согласованию различных его фрагментов при задаче сведения противоречий к минимуму. Такой способ работы с трактатом неудивителен – он представляет собой стандартный образ действия при интерпретации любого сопротивляющегося внятному прочтению текста. И подобная работа, безусловно, является важной составляющей и в моем подходе ко «Второй аналитике». Однако, как показывает практика, одного сличения противоречащих друг другу тезисов, которые Аристотель высказывает в разных местах, оказывается недостаточно. Если смотреть на результаты подобного рода работы непредвзято, то нельзя не заметить, что исследователи, ее проводящие, очень часто вовсе не разрешают в итоге то противоречие, с которым они работали. Недостатком большинства перечисленных выше работ, а также тех работ, что еще будут упомянуты ниже, является вполне понятная, но оттого не более извинительная привычка исследователей при решении какого-либо спорного вопроса, приведя самые сильные доводы в пользу своей точки зрения и раскритиковав те доводы оппонентов, которые они в состоянии критиковать, совершенно умалчивать о тех доводах оппонентов, которые они опровергнуть не в силах, даже если это достаточно сильные и важные доводы. Ни одна из упомянутых выше работ до сих пор не оказалась в состоянии решить все противоречия текста «Второй аналитики» и, возможно, нам стоит признать, что окончательно решить их все в рамках имеющегося текста действительно

замечание Аристотеля, но его сознательная и продуманная позиция, важная для его представления о доказательном знании.

невозможно. Именно поэтому при прочих равных главным критерием интерпретации определенных мест будет не безукоризненная согласованность этого места со всем остальным текстом «Второй аналитики» (которая возможна не всегда), но вопрос о том, насколько определенное прочтение определенного этого места совместимо с основными хорошо засвидетельствованными чертами модели доказательства «Второй аналитики».

Подводя итог методологическим замечаниям, следует еще раз заметить, что упомянутая методологическая установка напрямую связана с целью этой работы: моей целью является понимание того, как выглядит структура доказательного знания и что представляет собой процесс его построения в целом, а не избавление текста «Второй аналитики» от всех имеющихся в нем в изобилии противоречий.

Научная новизна диссертации заключается, прежде всего, в том, что в ней впервые предложено подробное описание процесса построения доказательного знания Аристотеля в целом.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1) «Вторая аналитика» содержит в себе связную и последовательную модель построения доказательного знания, и имеющихся в нашем распоряжении текстов Аристотеля достаточно для ее подробной реконструкции.

2) Модель доказательного знания «Второй аналитики» предполагает, по крайней мере, четыре типа начал доказательного знания: три вида начал-суждений (аксиомы, гипотезы и определения) и начала-термины.

3) Аксиомы не используются непосредственно в доказательстве посылок доказательства; этому факту можно дать историческое объяснение.

4) Такой тип начал доказательного знания как «гипотезы» представляют собой не суждения о существовании предметов доказательства, а предикативные пропозиции.

5) Обоснование существования предметов, о которых ведется доказательство, в том или ином виде все же необходимо, с точки зрения Аристотеля, для построения доказательного знания.

6) Начала-определения представляют собой утверждение о сути или же сути бытия определяемой вещи, единственные для каждого из видов предметов.

7) Посылки-определения в доказательстве *всегда* представляют собой определения *большего* термина умозаключения.

8) Начала-термины представляют собой термины, значение которых мы понимаем, прежде чем приступим как к построению доказательного знания, так и к исследованию, необходимо предваряющему такое построение.

9) Процесс обретения начал доказательного знания для всех начал, за исключением, возможно, аксиом, носит в той или иной мере эмпирический характер.

10) Построение доказательного знания происходит в несколько этапов и не сводится только лишь к построению дедуктивного вывода из заранее имеющихся посылок.

11) В работах самого Аристотеля обнаруживаются следы следования той модели построения доказательного знания, которая изложена во «Второй аналитике».

Теоретическая и практическая ценность диссертации. Теоретическая ценность диссертационной работы состоит в том, что ее результаты позволяют нам лучше понять эпистемологические и, прежде всего, методологические взгляды Аристотеля, которые до сих пор во многом остаются загадкой для философского сообщества. Практическая ценность диссертационной работы заключается в том, что ее выводы могут оказать существенную помощь в дальнейшем исследовании блока научных (физических, этических, метафизических) трактатов Аристотеля. Кроме того, диссертация может быть

использована для разработки специалистами учебных программ по истории философии, истории и философии науки, теории познания, а также для написания статей и монографий по указанным темам.

Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена комплексным подходом к анализу исследуемых текстов, опорой как на классическую, так и на современную исследовательскую литературу, а также апробацией полученных результатов и выводов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы были апробированы на международных, всероссийских конференциях, а также научных семинарах:

1) Принцип непротиворечия в учении Аристотеля о доказательстве: статус и способы применения // Конференция «Принцип противоречия в истории философии»; Москва, философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, 13 мая 2015 г.

2) Эссенциализм и семантическая теория Аристотеля в современной аналитической философии // Международная научная конференция «Классическая традиция и аналитическая философия», Томск, ТГУ, 19-22 мая 2016 г.

3) Источники формирования эпистемологии Аристотеля // Международная научная конференция «Аристотелевские чтения. Философия и культура Древней Греции: история и современность», Ростов-на-Дону, ЮФУ, 25-28 мая 2016 г.

4) Ἀπόδειξις на практике: элементы теории научного доказательства «Второй аналитики» в трактатах Аристотеля // Московская международная конференция по Аристотелю 2016 «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности». Москва, ИФ РАН. 17-19 октября 2016.

Публикации. По теме диссертации было опубликовано 3 научных работы, в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России, общим объемом 3,3 а.л.

Структура исследования. Диссертационное исследования состоит из настоящего введения, пяти глав и заключения. Первая глава является вводной и дает общее описание понятий «знания в собственном смысле» и «доказательства» в философии Аристотеля, а также описывает базовые черты доказательного знания, для установления которых не требуется глубокого исследования. Главы 2-4 посвящены решению проблем, возникающих при интерпретации учения о началах доказательного знания «Второй аналитики» - поскольку именно это учение представляет собой основную проблему при интерпретации текста этого трактата. Вторая глава посвящена аксиомам и затрагивает вопрос о том, являются ли они посылками, непосредственно используемыми в ходе доказательства. Третья глава посвящена гипотезам, и в ней подробно рассматривается вопрос о том, являются ли гипотезы началами, постулирующими существование базовых предметов доказательства, как считают одни исследователи, или же началами, постулирующими принадлежность предиката субъекту, т.е. предикативными высказываниями. Четвертая глава посвящена определениям, и в ней рассматривается ряд вопросов: что Аристотель может подразумевать под таким видом начал, как определения; какой вид имеют определения; определения чего используются в качестве начал; какие существуют виды определений и, наконец, каким образом мы приходим к обладанию определениями. Пятая глава посвящена суммированию результатов предыдущих глав и последовательному, производимому шаг за шагом описанию рецепта построения доказательного знания «Второй аналитики»; также в ней рассматривается вопрос о том, пользуется ли этим рецептом Аристотель в своих собственных трактатах.

***

В настоящей работе используется способ логической записи силлогистических рассуждений, впервые использованный в Робином Смитом в его издании «Первой аналитики»[93] и с тех пор, в целом, более или менее общепринятый в западном аристотелеведении[94]. Этот способ записи производен от способа, использующегося в так называемой Традиционной силлогистике (далее - ТС), однако в то же время существенно от него отличается.

ТС использует знакомую большинству отечественных слушателей курса логики запись, в которой термины силлогизма обозначаются заглавными буквами S, M и P (являющимися сокращениями от Subjectum (субъект, подлежащее), Meduis terminus (средний термин) и Praedicatum (предикат, сказуемое) соответственно), качество и количество посылки обозначается с помощью силлогистических констант a (всякий есть), e (ни один не есть), i (некоторый есть), o (некоторый не есть), а порядок записи терминов в посылке установлен таким образом, что субъект всегда стоит на первом месте, а предикат на втором. Запись, например, модуса Barbara первой фигуры силлогизма в ТС выглядит как

MaS

PaM

SaP

Что читается как «все M есть S, все P есть M; следовательно, все S есть P».

Способ записи Смита перенимает использование четырех силлогистических констант a, o, i, e для обозначения качества и количества посылок, обозначение терминов заглавными буквами, а также расположение посылок друг под другом, а

[93] *Aristotle*. Prior Analytics / ed. by R. Smith. 1989. Несмотря на то, что Смит, как он сам признает, в своей интерпретации логической стороны силлогистики Аристотеля не более чем повторяет интерпретацию Джона Коркорана и Тимати Смайли (Ibid,, P. XVI-XVII), способ записи, использованный в его издании «Первой аналитики», ни первым, ни вторым исследователем в их основополагающих работах (*Corcoran J.* A Mathematical Model of Aristotle's Syllogistic.. 191–219; *Smiley T.J.* What is a Syllogism?.. 136–154.) не использовался и, судя по всему, является удачным нововведением самого Смита.

[94] См. Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994; *Aristote*. Seconds Analytiques / éd. par P. Pellegrin; Aristotle's Prior Analytics Book I / ed. by G. Striker; *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля.

заключения – под посылками, с разделяющей первое и последние горизонтальной чертой. Однако вместо букв латинского алфавита, являющихся сокращениями для роли терминов в структуре силлогизма, он, как и сам Аристотель, использует греческие буквы, идущие друг за другом в алфавитном порядке (для первой фигуры – A, B, Г[95]; для второй – M, N, X[96]; для третьей – П, Р, Σ[97]; мы для простоты будем использовать только первый набор букв, как часто делает и сам Аристотель). Вторым важным отличием является изменение направления предикации: если в ТС субъект в посылке стоит на первом месте, а предикат на втором (SaP; читается, «Все S есть P»), то в записи Смита, опять же, вслед за способом выражения самого Аристотеля, на первом месте стоит предикат, тогда как субъект – на втором (AaB; читается «альфа принадлежит всей бэте»). Соответственно, силлогистические константы в записи Смита, несмотря на то, что они обозначают точно то же самое качество и количество посылок, что и в ТС, читаются по другому и, фактически являются способом обозначения связи между терминами, в каком-то смысле обратной той, которую они обозначали в ТС: например, если мы возьмем латинские обозначения для терминов из ТС, но будем читать силлогистические константы в соответствие с записью Смита, то посылка SaP будет читаться не как «всякий S есть P», а как «S принадлежит всякому P», где S – будет предикатом, а P – субъектом.

В итоге, запись модуса Barbara в записи Смита выглядит следующим образом

AaB

BaГ

AaГ

Что читается как «A принадлежит всей B, B принадлежит всей Г; следовательно, A принадлежит всей Г».

[95] APr I.4.
[96] APr I.5.
[97] APr I.6.

У подобного способа записи есть множество преимуществ. Для исследователя текстов Аристотеля главным его достоинством, легко перевешивающим все его возможные недостатки (такие как непривычность читателю, не являющемуся специалистом в логике «Органона»), является тот факт, что он, как уже было отмечено выше, вполне точно воспроизводит способ выражения самого Аристотеля, тогда как запись ТС выворачивает его наизнанку, что делает работу с оригинальными текстами Аристотеля с ее помощью крайне неудобной.

Кроме того, большинство исследователей сходятся в том, что при непредвзятом взгляде на такой способ записи, наследующий способу выражения самого Аристотеля (т.е. взгляде, не замыленном привычкой к записи ТС), он является намного более наглядным, чем способ записи ТС[98]. Особенно хорошо это видно в случае модуса Barbara первой фигуры: при рассуждении «А принадлежит всей В, В принадлежит всей Г; следовательно, А принадлежит всей Г» становится ясными и наглядно очевидными множество вещей, остававшихся туманными в записи ТС: почему термин В является средним, а А и Г – крайними (в такой записи В действительно посередине, а А и Г – по краям); почему первая фигура является, с точки зрения Аристотеля абсолютно наглядной[99] и ее правильные модусы, в отличие от правильных модусов других фигур, не требуют доказательства[100] (вывод достигается посредством простого транзитивного движения по терминам справа налево) и т.д. Впрочем, для целей данной работы это не так важно; куда существеннее, что принятая в ее рамках запись куда точнее отражает оригинальный способ выражения Аристотеля.

Также следует заранее указать, что все отрывки из греческих текстов, используемые в настоящей работе, я привожу в своем собственном переводе, если специально не указано обратное.

---

[98] См., например, *Einarson B.* On Certain Mathematical Terms in Aristotle's Logic. P. 151–172..
[99] APr I.4 26b28-30;
[100] APr I.7 29a30-39.

Глава 1. Знание и доказательство у Аристотеля

Задача настоящей главы состоит в том, чтобы, во-первых, дать как можно более подробное описание «знания в собственном смысле» каким оно предстает в текстах Аристотеля, а во-вторых, указать на те проблемы, которые возникают при попытке осмысления аристотелевского учения о доказательном знании – единственного вида знания, которое можно считать знание в собственном смысле.

В первом разделе я даю краткий очерк того, что Аристотель понимает под знанием (ἐπιστήμη), и какие сведения о знании мы можем обнаружить в корпусе его сочинений в целом. Второй раздел посвящен подробному описанию доказательства (ἀπόδειξις) – единственного, согласно Аристотелю, способа получения знания – таким, каким оно предстает из прямых свидетельств «Второй аналитики». В третьем разделе я рассматриваю основные черты лежащей в основании «Второй аналитики» модели доказательства и доказательного знания, которые не даны в тексте в виде прямых свидетельств, однако вполне извлекаемы из разбросанных в тексте замечаний Аристотеля. Особенное внимание в это разделе посвящено установлению смысла понятия субъектов, или предметов (ὑποκείμενα) доказательства и субстанциальных свойств (καθ’ αὐτὰ πάθη) и проблеме их соотношения. Наконец, в конце главы я кратко перечисляю проблемы, которые необходимо решить, чтобы получить полную картину той модели доказательного знания, которую Аристотель выстраивает во «Второй аналитике».

В целом, настоящая глава представляет собой очерк тех сведений о структуре доказательного знания «Второй аналитики», которые мы можем установить, не погружаясь в главные трудности, связанные с учением о доказательстве. Как таковая она служит необходимым введение в проблему строения доказательного знания Аристотеля, предваряющим по-настоящему сложную часть этой проблемы – учение о началах доказательного знания.

I. Знание в Corpus Aristotelicum

Первая[101] и особенно Вторая «Аналитики» посвящены ответу на вопрос, что мы должны сделать, чтобы достичь обладания знанием (ἐπιστήμη)[102], точнее,

[101] В первых строках «Первой аналитики» (APr I.1 24a1-2) Аристотель говорит, что это «исследование <…> о доказательстве и доказательном знании» (ἡ σκέψις <…> περὶ ἀπόδειξιν καὶ ἐπιστήμης ἀποδεικτικῆς), таким образом ясно указывая, что исследование этого трактата (исследование видов умозаключения) предпринимается ради исследования, производимого во «Второй аналитике» (исследования доказательного знания); доказательство нельзя исследовать, не исследовав прежде умозаключения, поскольку первое относится к последнему как вид к роду (APr I.4 25b26-31).

[102] В современном аристотелеведении существует широкая дискуссия, касающаяся перевода термина «ἐπιστήμη». Русские переводы страдают от нерегулярности при передаче этого термина в текстах Аристотеля, в разных местах одного и того текста предлагая переводы «знание», «наука» и «научное знание», что совершенно неудовлетворительно, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, сама нерегулярность перевода препятствует тому, чтобы последовательно обсуждать этот предмет как устойчивое и постоянное явление в философии Аристотеля, каковым оно, безусловно, является. Во-вторых, эти же переводы передают как «знание» не только слово «ἐπιστήμη», но и слово «γνῶσις» и используют формы глагола «знать» для передачи не только «ἐπίσθασται», но и «γιγνώσκειν», «γνωρίζειν», «εἰδέναι», что создает большую путаницу и местами приводит к искажению логики текста «Второй аналитики»: так, Аристотель говорит, что начала знания (ἐπιστήμη) не могут быть получены нами с помощью знания (ἐποστάμεθα), но становятся известны нам (γνωρίζομεν) иным путем. Если не проводить различие между различными глаголами знания эта мысль теряет в переводе всякий смысл. Подробнее об этом см. *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля, С. 31-40. Сам Орлов предлагает для передачи «ἐπιστήμη» термин «разумение». Такое терминологическое решение выводит нас из указанного выше логического круга и технически было бы уместно, однако, во-первых, «разумение» не является употребительным словом современного языка (а мы, я убежден, должны все же переводить трактаты Аристотеля на современный язык и рассуждать о его терминологии на нем же), а во-вторых, я полагаю, отнюдь не передает того смысла, который вкладывает Аристотель в это слово.

В последнем пункте Орлов бы со мной не согласился. Дело в том, что он в своем переводе опирается на англоязычную традицию перевода «ἐπιστήμη» словом «understanding», начало которой было положено, насколько я могу судить, Дж. Барнсом в первом издании его перевода «Второй аналитики» (Aristotle's Posterior Analytics, 1975) и которая получила широкое распространение после статьи Бьёрнита «Аристотель о понимающем знании» (*Burnyeat M.F.* Aristotle on Understanding Knowledge // Aristotle on science, the *Posterior Analytics*: proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum / ed. by Enrico Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 97–140.). Барнс предлагал этот перевод во многом как технический термин для того, чтобы отличить «ἐπιστήμη» от других лексем, связанных с различными видами знания и избежать указанной выше ловушки логического круга, однако Бьёрнит в своей статье высказал мнение, что вариант Барнса является наиболее точным переводом и попытался обосновать его. Ключевым пунктом его аргументации служило то, что для Аристотеля «ἐπιστήμη» всегда подразумевает знание причины: если мы точно знаем какой-то факт, но мы не знаем его причины, то он нам только известен (γνωρίζομεν), но когда мы узнаем его причину – мы получаем его «ἐπιστήμη». Бьёрнит считал, что это полностью соответствует различию между простым знанием с одной стороны и пониманием факта с другой, и, таким образом, слово «understanding» является идеальным способом передачи «ἐπιστήμη». Многие исследователи согласились с предложенным им вариантом перевода термина «ἐπιστήμη» словом «understanding» (*Kosman A.* Understanding, Explanation, and Insight in the Posterior Analytics // Exegesis and Argument: Studies in Greek Philosophy Presented to Gregory Vlastos / ed. by E. N. Lee, A. P. D Mourelatos, R. Rorty. Assen: Van Gorcum, 1973. P. 374-392; *Bayer G.* Definition through Demonstration: The Two Types of Syllogisms in «Posterior Analytics» II.8 // Phronesis. 1995. Vol. 40. No. 3. P. 241–264); другие, близкие к этому варианты перевода, также основанные на соображениях Бьёрнтиа включают в себя, например, «scientific understanding» (*Goldin O.* Explaining an Eclipse; *Goldin O.* Conventions, P. x // *Philoponus J.* On Aristotle Posterior Analytics 2 / ed., trans. O. Goldin. Bristol Classical Press, 2009), «wissenschaftliche Verstehen» (*Aristoteles*. Zweite Analytiken / hrsg. von H, Seidl).

Однако все эти рассуждения все же крайне неубедительны. Прежде всего, крайне уязвима сама логика подобного перевода: если мы нашли термин, который удачно отражает одну (и, подчеркну, только одну!) из сторон предлагаемого Аристотелем понимания слова «ἐπιστήμη», это не является хорошим основанием для того, чтобы отождествлять два явления – тем более, когда «понимание» не встречается среди вариантов перевода «ἐπιστήμη» *ни в одном* словаре древнегреческого языка. Стоит обратить внимание, что остальные стороны того явления, о котором говорит Аристотель, остаются совершенно обойденными стороной при таком переводе: например, рассуждения о «геометрическом понимании» выглядят странными, а между тем «γεωμετρικὴ ἐπιστήμη» является для Аристотеля вполне обыкновенным способом выражения (Metaph XI.3 1061b3).

Кроме того, перевод «понимание» уводит нас далеко в сторону от парадокса «Менона», ответом на который в существенной степени является «Вторая аналитика», как это можно видеть по ее первой и последней главе (начало

«знанием в собственном смысле» (ἐπιστήμη ἁπλῶς)[103], как мы можем его получить. Ответ на этот вопрос, однако, предполагает необходимость для начала разобраться в другом вопросе – а именно, в вопросе о том, что вообще такое знание (ἐπιστήμη), т.е. какое именно знание является знанием в собственном смысле.

1) Слово «знание» (ἐπιστήμη) для Аристотеля, как правило, представляет собой регулярный термин, за каждым употреблением которого лежит четкое представление об определенном виде знания, которое можно назвать знанием в собственном смысле слова (ἁπλῶς). Это очень сильно терминологически и теоретически нагруженное слово, которое, насколько можно судить, практически всегда используется Аристотелем в четко определенном смысле; при отсутствии необходимости указания именно на этот определенный смысл – т.е. когда речь идет о знании вообще, о любом знании, обо всем, что может быть так названо кем бы то ни было – Аристотель склонен использовать не существительное «ἐπιστήμη» и производный от него глагол «ἐπίστασθαι», а другие лексемы –

«Второй аналитики»: «Πᾶσα διδασκαλία καὶ πᾶσα μάθησις διανοητικὴ ἐκ προϋπαρχούσης γίνεται γνώσεως» прямо отсылает к тезису «Менона» о том, что никакому знанию нельзя обучить (διδάσκειν), но можно только научиться самостоятельно (μανθάνειν), причем только извлекая это знание из себя самого, поскольку «не существует обучения, а только припоминание» (οὔ <…> διδαχὴν εἶναι ἀλλ' ἀνάμνησιν) и «научаться значит припоминать» (μάθησις ἀνάμνησίς ἐστιν) (Meno 81c-82a)).

Таким образом перевод «понимание» совершенно не подходит для передачи «ἐπιστήμη»; любопытно, что сам Барнс, который положил начало традиции такого перевода, во втором издании своего перевода «Второй аналитики» четко говорит, что перевод «understanding» не является ни правильным, ни удачным, хотя он сам и продолжает им пользоваться, поскольку он не может найти «менее дурного» варианта, чем «понимание» (Aristotle's Posterior Analytics, 1994. P. 82).

Бедственное положение, в которое попадает переводчик терминологии Аристотеля, связанной со знанием, можно продемонстрировать, заметив, что некоторые переводчики, понимая, что различные связанные со знанием термины, которые Аристотель использует в своем тексте, необходимо отличить друг от друга в переводе, однако отчаявшись это сделать, прибегают к тому, чтобы переводить различные греческие слова одним словом «знание» с индексами, соответствующими тому греческому глаголу, от которого этот перевод производен: «epistasthai is 'know(e)', ginôskein is 'know(g)', and eidenai is 'know(o)'» (*R.D McKirahan*. Inroduction, P. 7 // *Philoponus J.* On Aristotle Posterior Analytics 1.1-8, 2014.); «gignôskein is translated 'to know' and eidenai, 'to know(o) '» (*Goldin O.* Conventions, P. x // *Philoponus J.* On Aristotle Posterior Analytics 2, 2009)

Сам я в настоящей работе последовательно использую для перевода «ἐπιστήμη» слово «знание» во всех случаях без исключения; для того, чтобы подчеркнуть терминологический статус этого слова у Аристотеля, как правило, я употребляю его в словосочетании «доказательное знание» (ἐπιστήμη ἀποδεικτική), к которому сам Аристотель прибегает не так часто. Чтобы избежать путаницы с другой гносеологической терминологией Аристотеля, я стараюсь по возможности переводить последнюю, не прибегая к лексике «знания». Это, однако, оказывается возможно не во всех случаях; когда этого сделать не получается, я дополнительно привожу для сведения читателя греческий оригинал текста для того, чтобы была видна разница в употребляемой Аристотелем лексике.

[103] APo I.2 71b9.

«γνωρίζειν» и «γνώριμος γίνεσθαι»[104], «γιγνώσκειν» и «γνῶσις»[105], «εἰδέναι»[106][107]. Кроме того, когда речь идет о более конкретных случаях знания, не являющегося знанием в собственном смысле слова, Аристотель всегда дает им отдельную характеристику: «мнение»[108] «софистическим образом»[109], «привоходящим образом»[110] и т.д.

Впрочем, временами не вполне ясно, использует ли Аристотель в некоторых местах слово «ἐπιστήμη» вольно и нетерминологически, или для него оно остается термином во всех случаях. Так, когда Аристотель говорит о знающем грамматику (ἐπιστήμη ἔχων τὴν γραμματικὴν)[111], то он, вполне возможно, подразумевает в точности то же, о чем говорит Платон в «Филебе»[112], и, значит, грамматика тут вполне может считаться примером стандартным и, более того, доказательным знанием, но держит ли Аристотель в уме это обыкновенное значение, говоря, например, о просто знающем (ἐπιστήμων) человеке[113]? Как бы то ни было, если случаи отклонения от установленному им самим узузса употребления слова «ἐπιστήμη» и случаются[114], то они крайне редки и не выходит за рамки той

[104] Например, APo I.3 72b29-30; I.18 81b3-4; I.22 83b36; I.25 86a35; 38; II.3 90b16; II.8 93a18-19; 93b15-16; II.16 98b24; II.19 99b18; 28; 100b4.
[105] Например, APo I.1 71a2; 6; 11; 17-24; II.19 99b18-9, 21, 22, 27, 38; I.9 76a5; 26; I.31 87b39; II.1 89b34: II.2 89b39-40; 90a8; II.3 90b15; II.7 92b38; II.8 93b18; II.13 97a16; II.19 99b21-22; 27-29; 39.
[106] Например, APo I.1 71a30ff; I.3 72b29-30; I.9 76a19-21; 26-28; I.12 78a9; I.13 79a3; 4; 6; 12; 16; 24; I.22 83b35-38; 84a4-5; I.24 85a23; 85b 6-8; 13-14; 86a11-13; 24-28; I.31 87b40; 88a13; APo I.33 89a12-15; II.1 89b28-30; II.2 89b36; 90a28-29; 31; II.3 90b2; II.7 92b5-8; 17-18; II.8 93a4; 20; 36; 93b2; II.10 92b33-35; II.11 94a20; II.13 97a5-10; 16-17; 97b17; II.16 98b21.
[107] См. также M. F. Burnyeat. Aristotle on understanding knowledge. P. 97-108.
[108] APo I.33.
[109] APo. I.2 71b10.
[110] APo. I.2 71b10; EN VI 1139b35.
[111] Напр., Cat. 8 11a20-38 и DeAn II.5 417a25.
[112] Платон в «Филебе» (Phil. 16c-18d) указывает, что чтобы действительно знать какую-то реальность (скажем, что такое животное) недостаточно просто понимать, что все представители Многого этой реальности (т.е. различные разновидности животных) принадлежат к некоему Единому (т.е. охватывающему их Виду или Идее; в данном случае, что все животные являются животными в силу причастности к животному самому по себе), как это часто утверждается в других диалогах. Чтобы знать нечто, нужно знать на какие виды подразделяется первоначальное единство, и знать точное число этих видов. Платон приводит пример: грамматику знает тот, кто, подобно ее изобретателю Тевту, знает, что буквы (т.е., собственно, звуки, στοιχεῖα) делятся на гласные, безгласные и немые, и эти их виды, в свою очередь, делятся дальше на какие-то еще группы и так далее до конкретных неделимых букв. В Категориях, Аристотель, говоря о знании грамматики, судя по всему, имеет в виду ровно то же самое. Более того, не исключено, что в данном случае мы имеем прямую отсылку не Аристотеля к Платону, а как раз наоборот, Платона к Аристотелю (см. *Шичалин Ю.А.* Поздний Платон и Аристотель (постановка вопроса) // Mathesis. Из истории античной науки и философии. М.: Наука, 1991. С 81–85.)
[113] DeAn II.5 417a21сл.
[114] Наиболее обсуждаемый пример – глава I.3 «Второй аналитики», где Аристотель в нескольких местах в крайне нехарактерном для себя ключе говорит о «знании» первых начал доказательства (72b5 (здесь это, впрочем, можно списать на изложение чужой точки зрения); 18-21).

обыкновенной неаккуратности, которую Аристотель вообще нередко демонстрирует в использовании своей собственной терминологии[115].

2) Знание (ἐπιστήμη) служит одним из самых частых примеров для разъяснения доктрины родо-видового сказывания в «Категориях». Так, уже во второй главе оно приводится в качестве примера вещи, которая и высказывается о подлежащем, и находится в подлежащем, иначе говоря, с одной стороны не принадлежит к роду (категории) сущности, а с другой – в том роде (категории), к которому она принадлежит, не является последним неделимым видом[116]. Глава 7 сообщает нам, к какому же именно роду (категории) принадлежит знание – это оказывается род отношения (πρός τι)[117], поскольку существуя, знание всегда соотнесено с предметом этого знания[118]. Однако уже в следующей главе сказано, что знание принадлежит к роду качества (ποιότης), и является той его разновидностью, которая называется «ἕξις» (черта)[119]. Тезис о том, что нечто принадлежит одновременно к нескольким высшим родам в рамках Аристотелевской доктрины категорий выглядит достаточно удивительным, и сам автор «Категорий» это вполне понимает: глава о качестве завершается как раз разъяснением этого странного момента: решения противоречия состоит в том, что, якобы высший род, знание «вообще», принадлежит к категории отношения, а подчиненные этому роду конкретные знания являются качествами, поскольку, хотя знание «вообще» бывает о чем-то (например, знание музыки или арифметики), но о конкретных знаниях нельзя сказать, что они «о чем-то» (нельзя

---

[115] Ср., например, выделенные Россом шесть (!) различных и сильно отличающихся друг от друга смыслов глагола «ἀντιστρέφειν» (Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross, P. 293), который вообще-то является строго определенным самим Аристотелем термином его логической нотации.

[116] Cat. 1 1a29-b3.

[117] Cat. 7 6b2-3.

[118] Cat. 7 7b22-35.

[119] Cat. 8 8b29-37. «Ἕξις» - еще один крайне сложный для перевода на русский язык термин философской нотации Аристотеля. Аристотель характеризует таким образом устойчивые (т.е. одинаково медленно приобретаемые и медленно теряемые) качества чьей-то природы, в отличие от преходящих и неустойчивых ее качеств, которые он называет «διαθέσεις». Примером качества, которое Аристотель может характеризовать как «ἕξις» являются для тела – здоровье, а для души – добродетель или порок; как «διάθεσις» Аристотель может обозначать болезнь или, например, голод. Для перевода слова «ἕξις» я в настоящей работе использую слово «черта» (в смысле устойчивого, постоянно качества чего-то); «διάθεσεις» я передаю словом «состояние».

Тот факт, что далее в тексте Аристотель будет называть знание διάθεσις'ом связан с том, что всякий «ἕξις» есть «διάθεσις», но не наоборот (Cat. 8 9a10-11).

сказать: «музыка нот» или «арифметика чисел»)[120]. Это решение (а тем более завершающая его ремарка о том, что, если бы знание и другие подобные ему случаи и принадлежали к разным родам, то в этом нет ничего удивительного), тем не менее, в целом, слабо согласуется с общей позицией Аристотеля о том, что вид и род должны принадлежать к одной категории (поскольку должны принадлежать к одному охватывающему их роду, а категория – высший из таких родов) – в самом деле, если его принять, то пафос выстраиваемых Аристотелем как в «Топике», так и в «Аналитиках» способов аргументации оказывается под ударом[121]. Тем не менее, эти два варианта родовых для знания понятий– отношение и качество – мы равным образом встречаем и в других текстах Аристотелевского корпуса[122].

В «Никомаховой этике» Аристотель более подробно описывает знание как одну из черт (ἕξις) человеческой души. Он говорит, что знание представляет собой связанную с доказательством черту души (ἀποδεικτικὴ ἕξις)[123], причем та часть разумной (λόγον ἔχον) части души, к которой оно принадлежит, так и называется – «τὸ ἐπιστημονικόν», познающая часть[124]. Чуть ниже, рассуждая о соотношении знания с другими способностями и добродетелями высшей части души, Аристотель отмечает, что знание (ἐπιστήμη) вкупе с обладающим знанием (γνῶσις) начал умом (νοῦς) формируют мудрость (σοφία)[125] – с подобного рассуждения начинается и «Метафизика»[126].

3) Аристотель также часто использует пример знания в контексте разъяснения своего учения о возможности (δύναμις) и действительности (ἐνέργεια), давая нам некоторую дополнительную информацию о том, как он смотрит на познавательную способность человека и на сам процесс познания. Во II-й книге «О Душе» он выделяет два вида осуществленности (ἐντελέχεια): первую

---

[120] Cat. 8 11a20-38
[121] Например, перестают работать такие основополагающие способы рассуждения, как Top IV.1 120b36-121a9, Top IV.1 121a20-26, и т.д.
[122] Например, Top. II 4 111a 20-23 и Top. II 8 114a 13-25, Met V 15 1020b26-31 и EN VI 3 1139b 31-32 и т.д.
[123] EN VI.3 1139a11-12.
[124] EN VI.2 1139b31-32.
[125] EN VI.7 1141a15-20.
[126] Metaph I.1 981b27-29.

– подразумевающую наличие актуальной способности к чему-либо и вторую – подразумевающую актуальное осуществление этой способности. Один примеров этих двух осуществленностей является зрение: первой осуществленностью обладают в этом смысле зрячие люди в отличие от слепых; второй – зрячие люди, которые прямо сейчас что-то видят (используют свою способность зрения) в отличие от зрячих людей, чьи глаза закрыты[127]. Другим примером здесь является как раз знание: существует как знание в смысле первой осуществленности (им обладает знающий, т.е. разбирающийся, например, в грамматике человек) и знание в смысле второй осуществленности (им обладает человек, который не только знает нечто, но находится непосредственно в процессе рассмотрения чего-то, т.е. реализует свое знание в данный конкретный момент времени)[128]. В III книге «О Душе» Аристотель говорит о том, что «знание в действительности» (ἡ κατ᾽ ἐνέργειαν ἐπιστήμη) тождественно с познаваемым предметом, а «знание в потенции» (ἡ κατὰ δύναμιν) «в отдельном индивидууме предшествует по времени, <в человечестве же> в целом и по времени <является первоначальным>»[129]. Судя по всему, он подразумевает здесь именно два указанных выше вида осуществленности знания: первую осуществленность здесь он обозначает как знание в возможности, а вторую – как знание в действительности[130]. Оба замечания, которые Аристотель делает в этом месте достаточно интересны. Первое (о тождестве действительного знания со своим предметом) роднит знание с другой познавательной способностью, с которой оно уже сравнивалось и раньше – с чувственным ощущением[131]. Однако второе замечание, наоборот, резко отличает его от последнего. Ведь, хотя, безусловно, и о знании, и о чувственном ощущении можно сказать, что первая их осуществленность в человеке предшествует второй (имеющееся, но не применяющееся знание предшествует имеющемуся и применяющемуся; способность к зрению предшествует

[127] DeAn II.5 417a9-13.
[128] DeAn II.1 412a21-27; 5 417a22-29.
[129] DeAn III.7 431a1-4.
[130] В пользу этого говорит и то, что, обсуждая первую осуществленность знания, он характеризует ее точно таким же образом, каким характеризует здесь знание в возможности: она предшествует второй по возникновению (DeAn II.1 412a 26-27).
[131] DeAn II.2 414a4-6; II.5 417a21сл.

применяющемуся зрению), речь в данном случае идет о разных первых осуществленностях – в случае чувственного ощущения речь идет о *способности* к нему, а в случае знания – об *уже имеющемся*, но не применяемом знании. Это указывает нам на важную черту знания, которая еще будет более подробно описана во «Второй аналитике»: если в случае ощущения реальные внешние объекты, которые мы ощущаем, предшествуют их образам в нашей душе, то в случае знания реальные знания в нашей душе в случае отдельного человека предшествуют применению этих знаний к познаваемым объектам. Это должно быть связано с тем, что мы приходим к знанию не посредством знания[132]: знание формируется в нашей душе путем иных познавательных практик, и только когда мы сформировали его, мы имеем возможность его применять.

4) Аристотель нередко говорит об отдельных конкретных знаниях, или, как мы бы сказали, областях знания (в этих случаях переводы нередко предлагают передачу «ἐπιστήμη» словом «наука»): арифметическом знании[133], геометрическом знании[134], математических знаниях в целом, физическом знании[135], знании о сущем как таковом[136], грамматическом знании[137] и т.д. Каждое из этих знаний, разумеется, не является знанием какой-то одной вещи, но представляет собой знание определенного рода вещей[138]. Таким образом, знание простирается за пределы отдельных предметов познания и покрывает собой целые связные области бытия; предметом такого знания являются *роды сущего* – числа, пространственные величины, движущиеся тела и т.д. Именно о такого рода знании Аристотель будет говорить во «Второй аналитике».

5) Аристотель предъявляет к знанию весьма высокие требования – чтобы наша осведомленность в чем-то могла называться знанием она должна удовлетворять ряду непростых условий.

---

[132] APo II.19 100b10-14.
[133] Напр., APo I.27.
[134] Напр., APo I.7 75b2-14; APo I.27; Metaph XI.3 1061b3.
[135] Напр., Metaph VI.1 1026a27-29; Phys. 184 14-15.
[136] Напр., Metaph IV.1 21сл.
[137] Напр., Cat. 8 11a20-38 и DeAn II.5 417a25.
[138] APo I.7; I.9.

Прежде всего, Аристотель говорит, что мы обладаем знанием о вещи в собственном смысле, когда «мы считает, что нам известна причина, по которой вещь есть, что это действительно ее причина и что иначе дело обстоять не может»[139]. Знание причины вещи или, точнее, определенного положения дел – это одна из основных характеристик, отличающих знание от других видов осведомленности: так, в I.1 «Метафизики» Аристотель говорит о том, что знание отличается от опытности прежде всего пониманием причины: знать (εἰδέναι), что такое-то средство помогает от такой-то болезни может и просто опытный человек; знать (εἰδέναι) почему – только обладающий знанием (ἐπιστήμη), или, что практически то же самое, владеющий искусством врачебного дела[140].

Здесь же Аристотель упоминает о другой важной характеристике знания – оно бывает только об универсальном (καθόλου), но не об отдельном[141]. Это, в свою очередь, связано с другой его характеристикой – знание бывает только о существующем вечно и с необходимостью (поскольку знанием может являться только то, в чем мы можем быть уверены абсолютно, т.е. то, что не может быть иначе, тогда как любой преходящий предмет подвержен изменениям)[142], а отдельные предметы – за редчайшим исключением – преходящи. Знание вообще для Аристотеля – это состояние нашего мышления, являющееся безошибочным, и он уделяет много места тому, чтобы всячески подчеркнуть его точность; точнее знания, по Аристотелю, является только ум (νοῦς)[143].

Все прочие свидетельства о знании более или менее производны от той картины этого явления, которую мы находим в «Аналитиках», и часто даже прямо

---

[139] «<…> τήν τ᾽ αἰτίαν οἰώμεθα γινώσκειν δι᾽ ἣν τὸ πρᾶγμά ἐστιν, ὅτι ἐκείνου αἰτία ἐστί, καὶ μὴ ἐνδέχεσθαι τοῦτ᾽ ἄλλως ἔχειν» (APo I.2 71b10-12).

[140] Metaph I.1 981a1-30.

[141] Правда конце XIII книги «Метафизики» (Metaph XIII.10) Аристотель сообщает, что знание, поскольку оно потенциально, имеет дело с универсальным, т.е. родами и видами, а поскольку актуально, - с единичным, т.е. отдельными предметами. Это место, очевидно, связано с уже упоминавшимся выше различием первой и второй осуществленности знания, а также с такими местами как APo I.1 71a17-b8 и DeAn III.11 434a15 сл. Мысль Аристотеля здесь заключается в том, что знание как таковое (его первая осуществленность) имеет дело с универсальным, неизменным и вечным, и потому отличается сопутствующим этим реальностям точностью; однако в этом знании было бы мало толку, если бы не могли его применить к конкретным предметам или вести с помощью него исследование (т.е. применять его в смысле второй осуществленности) – а это всегда происходит в области отдельных, единичных предметов, пусть и рассматриваемых с точки зрения их универсальных и непреходящих характеристик.

[142] EN VI 1139b18-24.

[143] APo II.19 100b5-16; EN VI.6.

отсылают к авторитету «Аналитик» в этом вопросе[144]. Рассмотрим теперь, каким знание предстает в этих трактатах.

II. Условия знания во «Второй аналитике».

Аристотель подходит ко «Второй аналитике», уже имея вполне конкретное и сформировавшееся представление о знании. Он заранее представляет, какой должна быть наша осведомленность о чем-либо, чтобы она могла считаться знанием – именно поэтому мы найдем во всем трактате всего несколько мест, где он говорит о характеристиках знания как таковых[145]. Основной вопрос «Второй аналитики» заключается не в том, что такое знание, а в том, как мы можем получить нечто, что будет удовлетворять всем тем серьезным требованиям, которые мы предъявляем к знанию. Иначе говоря, какие условия мы должны выполнить, чтобы обладать знанием?

1) Прежде всего – и это, пожалуй, главный тезис «Второй аналитик» - знание возможно только через доказательство[146]. Доказательство и доказательное знание (ἀπόδεξις καὶ ἐπιστήμη ἀποδεικτική)[147] – это, как уже было замечено выше, основная тема корпуса «Аналитик», и «Вторая аналитика» делает все возможное, чтобы практически отождествить знание и обладание доказательством. Именно поэтому далее, говоря об описанной во «Второй аналитике» модели познания, я буду в основном говорить о «доказательном знании», несмотря на то что сам Аристотель употребляет эту формулировку не так часто.

Итак, знание может быть только доказательным. Но что такое доказательство? Аристотель определяет доказательство как познающее

---

[144] Напр., EN VI.3 1139b25ff, Top. VIII.11 162a11 и т.д.
[145] APo I.2 71b9-16; I.33.
[146] Исключение, возможно, составляют начала этого доказательства и, значит, знания; Аристотель намекает на это в APo I.2 71b16-17 и I.3 72b18-25. Впрочем, на этот счет у Аристотеля встречаются разные свидетельства: ср. APo II.19 100b10-14, где говорится, что о началах доказательства не бывает знания.
[147] APr I.1 24a11.

умозаключение (ἐπιστημονικὸς συλλογισμός)[148], а значит нам прежде всего нужно обсудить, что такое умозаключение.

Понятие умозаключения (συλλογισμός) само по себе довольно проблематично. Аристотель четырежды[149] в своем логическом корпусе дает почти идентичное, хотя и отличающееся в некоторых аспектах определение этого понятия; воспользуемся определением из «Первой аналитики»: «Умозаключение есть такая речь, в которой при предположении некоторых <посылок из них и> через них с необходимостью вытекает нечто отличное <от них самих>». Дж. Барнс, автор последнего из английских переводов «Второй Аналитики» и комментария к нему, замечает, что ни в этом, ни в каком другом из определений термина «συλλογισμός» не содержится определения конкретно того вида рассуждения, который мы сегодня называем силлогизмом[150]; более того, Аристотель предпринимает специальное доказательство того, что всякий «συλλογισμός» является тем, что мы понимаем под силлогизмом сегодня[151]. На этом основании Барнс заключает, что термин «συλλογισμός» у Аристотеля *во всех случаях* означает не «Силлогизм» в современном смысле (Syllogism) а «Вывод» (Deduction)[152] – последнее понятие шире первого, и разница между ними в том, что Вывод – это просто логическое следование (любой формы), при котором, если верны посылки, то верно и заключение, а Силлогизм – это Вывод, на который наложены дополнительные условия: он должен следовать ровно из трех терминов (ὅροι)[153] и двух посылок (προτάσεις)[154], следование должно происходить через

---

[148] APo II.2 72b18.

[149] APr A 1 24b17-20: «συλλογισμὸς δε ἔστι λόγος ἐν ᾧ τεθέτων τινῶν ἕτερόν τι τῶν κειμένων ἐξ ἀγάγκης συμβαίνει τῷ ταῦτα εἶναι»;
Top A 1 100a25-27: «ἔστι δε συλλογισμὸς λόγος ἐν ᾧ τεθέτων τινῶν ἕτερόν τι τῶν κειμένων ἐξ ἀγάγκης διὰ τῶν κειμένων»;
Soph. El. 1 164b27-165a2: «ὁ μὲν γάρ συλλογισμὸς ἐκ τινῶν ἐστὶ τεθέτων ὥστε λέγειν ἕτερόν τι ἐξ ἀγάγκης τῶν κειμένων διὰ τῶν κειμένων <...>»;
Rhet I 2, 1356 b 16-8: «<...> τὸ δὲ τινῶν ὄντων ἕτερόν τι διὰ τοῦτο συμναίνει παρὰ ταῦτα τῷ ταῦτα εἶναι <...> συλλογισμὸς <...> καλεῖται».

[150] *Barnes J.* Proof and the Syllogism, P. 23-24.

[151] APr I 23.

[152] *Barnes J.* Proof and the Syllogism. P. 21-27. Я вслед за автором статьи оставляю заглавные буквы, чтобы подчеркнуть, что «Силлогизм» и «Вывод» имеют строго терминологическое значение.

[153] APr A 24 41b36.

[154] APr A 24 42a32-33.

средний термин (ὅρος μέσος)[155] по одной из трех описанных Аристотелем фигур (σχήματα)[156]. При этом для понятия «Силлогизм» у Аристотеля вообще нет термина, и, повторюсь, «συλλογισμός» во всех случаях значит не более, чем «Вывод»: Барнс аргументирует это тем, что Аристотель не берет как верное в силу определения, что все «συλλογισμοί» происходят по трем описанным фигурам, а считает нужным это доказать[157], т.е. у Аристотеля «συλλογισμός» не равно «Силлогизм» *в силу определения* (а равно «Вывод»), но напротив, Аристотель полагает (ошибочно), что все Выводы – это Силлогизмы (*в силу приведенного им доказательства*)[158].

Интерпретация Барнса нашла достаточно много сторонников и на данный момент является практически стандартной в аристотелеведении. И действительно, нельзя не признать, что во многих местах Аристотель использует слово «συλλογισμός» явно не в смысле знакомого нам из курса логики способа рассуждения из двух посылок и трех терминов[159]. Однако, даже если это верно, то это оказывает совершенно незначительное влияние на наше понимание учения «Второй аналитики» о доказательных «συλλογισμοί», поскольку Аристотель, как было указано выше, считает, что все «συλλογισμοί» являются силлогизмами в современном смысле слова и рассматривает форму силлогизма как предпочтительную для ведения рассуждения перед любой другой[160] - что ведет его к тому, чтобы подразумевать прежде всего именно силлогизмы, когда он говорит о доказательствах. Барнс, разумеется, выдвигал свой тезис с более серьезными намерениями: он пытался реанимировать тезис Фридриха

---

[155] APo A 23 84b19-24.
[156] APr A 4-6, A 28, 44 b 7-8.
[157] APr A 28, 44 b 7-24.
[158] *Barnes J.* Proof and the Syllogism. P.25.
[159] В ряде мест складывается ощущение, что Аристотель употребляет «συλλογισμός» также нетерминологически, как и Платон (например, Theaet. 186d), в очень общем смысле вроде «рассуждения» или «размышления», т.е. как синоним λογισμός (Top I.11 104b13; Top I.8 103b 6-19 и т.д.). Кроме того, помимо непосредственных (δεικτικοί), в поздней традиции получивших название категорических, συλλογισμοί, Аристотель также упоминает о гипотетических, «συλλογισμοί ἐξ ὑποθέσεως» (APr A 23 40b25-29, 41a34; A 29, 45b15-20; A 44, 50a19.:25, Top A 18 108b7), т.е. «συλλογισμοί» вида «Если А, то В; при этом А, следовательно, В», действующих на основании modus ponens и modus tollens (в частности, одним из видов такого «συλλογισμός» будет доказательство через приведение к невозможному). Эти «συλλογισμοί» не удовлетворяют дополнительным условиям «Первой аналитики», но вполне подходят под даваемые Аристотелем определения «следование чего-то отличного на основании предположенного».
[160] APo I.14.

Зольмсена[161] о том, что «Вторая аналитика» написана до «Первой аналитики», и что Аристотель в ее рамках еще не знаком с силлогизмами в современном смысле и имеет в виду под словом «συλλογισμός» любой логический вывод. Этим, по его мнению, можно объяснить множество странностей, связанных с местом силлогистики в рамках этого трактата. Однако эта часть рассуждений Барнса выглядит крайне неубедительной и натянутой, как я показал в другом месте[162]. В целом, силлогистическое понимание доказательства укоренено в тексте «Второй аналитики» столь глубоко[163], что мы вполне имеем права понимать под «συλλογισμός» «Второй аналитики» именно «силлогизм» в современном смысле. Однако, поскольку первая часть тезиса Барнса все же выглядит вполне правдоподобной, настоящая работа придерживается следующего терминологического принципа: «συλλογισμός» передается нейтральным словом «умозаключение» во всех случаях, когда речь идет передаче конкретного места из текста Аристотеля, в котором он употребляет это слово; однако при обсуждении этого места я оставляю за собой право использовать слово «силлогизм» в случае, если то умозаключение, о котором говорит здесь Аристотель, имеет именно силлогистическую в современном смысле этого слова форму.

Умозаключения, как правило[164], делятся Аристотелем делятся на три типа - аподиктические, диалектические и эристические.

Аподиктические (ἀποδεικτικοί) – это доказывающие умозаключения, строящиеся, как и все прочие (если мы игнорируем различение Барнса), из двух посылок, связанных через средний термин; посылки при этом должны быть истинными, «первыми» (т.е. выведенными из начала (ἀρχή) науки или из посылок, которые уже были выведены из начала), «непосредственными», «более известными», «предшествующими» и указывающими причину.[165] Кроме того, преимуществом обладают утвердительные, универсальные и необходимые

[161] *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S. 37-43.
[162] *Юнусов А.Т.* Проблема хронологии логических трактатов Аристотеля в работах исследователей XX века.
[163] См. свидетельства в *Ross W.D.* The Discovery of the Syllogism. P. 254-260; 267-268.
[164] Т.е. если не учитывать маргинальных классификаций вроде Soph.El. 2; впрочем, здесь классифицируются не силлогизмы, а доводы в беседах (τῶν ἐν τῷ διαλέγεσθαι λόγων).
[165] APo A 2 71b9-72a7. Подробнее о значении всех этих налагаемых на посылки условий см. ниже.

посылки. Аподиктическое (также иногда называемое познающим, ἐπιστημονικός[166]) умозаключение – это способ получения или построения знания (ἐπιστήμη), т.е. знания в собственном смысле в отличие от всего, что кажется знанием; аподиктическое умозаключение, таким образом, – это единственный способ настоящего познания, а значит, способ, с помощью которого должно вестись всякое претендующее на действительную истинность – т.е. научное – исследование. Рассмотрению аподиктического умозаключения, как уже отмечалось, посвящены Первая и Вторая «Аналитики».

Диалектическим же умозаключениям и диалектике в целом посвящена «Топика». О диалектических умозаключениях Аристотель всегда говорит, противопоставляя их аподиктическим[167]. По форме они могут ничуть не отличаться друг от друга – четное число посылок, нечетное – терминов[168], связь через средний термин и следование через одно только положенное. Истинность истинных модусов каждой из трех фигур тоже должна сохраняться. Разница будет заключаться в наполнении силлогистической формы, т.е. – в характере посылок. Доказательство использует посылки, полученные из собственного[169] начала (или сами начала в качестве посылок[170]), диалектика же умозаключает «ἐξ ἐνδόξων»[171] («общеизвестного» или «правдоподобного»). Кроме того, Аристотель часто говорит, что диалектика в качестве посылки берет вопрос относительно противоречия, а доказательство – принимает за нее один из членов противоречия[172], т.е. что диалектика одинаково может аргументировать в пользу как положения А так и положения не-А, а доказательство, будучи обязанным выяснить, как дело обстоит на в действительности, должно твердо принять один из членов противоречия – либо А, либо не-А. Это связано с кардинальной задачей

[166] Напр., APo A 2 71b18.
[167] Top I.1 100a25-100b23; APr I.1 24a-24b15 и пр.
[168] APr I.25.
[169] Т.е. для знания. Поскольку каждому знанию соответствует один конкретный род сущего, то и начало у каждой из них будут свои – математическому знанию не подойдет начало знания физического, и наоборот (APo I 7)
[170] Напр., APo A 6 74b5-7.
[171] Напр., Top I.1 100a18-20.
[172] APo I.1 24b23-26, APo A 2 72a8-11, APo A 11 77a31-35 и т.д.

обеих дисциплин: целью доказательство является получение знания и истины[173], тогда как целью диалектики – собственно, мастерство обоснования любых положений и, в конечном счете, победа в споре. Диалектика как раз и стремится к правдоподобному и убедительному (а не истинному) доказательству в споре, собственно, спор – это суть диалектики, не зря диалектические умозаключения названы однажды у Аристотеля эристическими, спорщическими (ἐριστικοί)[174].

Однако, как собственно эристические обычно проходят у Аристотеля умозаключения третьего рода – софистические, ненастоящие умозаключения. Аристотель даже отказывает им в статусе собственно умозаключений, называя их «кажущимися умозаключениями»[175]. Отношение софистики к диалектике подобно отношению делающего намеренно неправильные чертежи к геометру[176]. Подробному разбору софистических рассуждений и способам противостояния им посвящен трактат «О софистических опровержениях».

2) Из всего перечисленного выше для целей настоящей работы самым важным является тот факт, что доказательство представляет собой один из видов умозаключения, а последнее мы имеем в случае «Второй аналитики» полное право понимать в смысле силлогизма. Таким образом, доказательство – это силлогизм, на который наложены определенные дополнительные ограничения. И практически все эти ограничения касаются свойств посылок этого умозаключения. Посылки, из которых ведется доказательство, доставляющее знание, должны соответствовать набору условий, перечисленных главным образом в II.2 «Второй аналитики»[177].

а) Они должны быть истинными (ἀληθεῖς) – т.е. утверждения, в них высказанные, должны соответствовать действительному положению вещей[178]. Это условие продиктовано тем, что истинные заключения могут следовать и из

[173] Top I.1 105b30-32.
[174] Top I.1 100b23-101a4.
[175] Soph. El 1 164a 20-24.
[176] Soph. El 11 171b 35-36.
[177] APo I.2 71b20-23.
[178] APo I.2 71b24-26.

ложных посылок[179], и такие истинные, но неправильно полученные заключения не могут считаться в собственном смысле слова познанными и принадлежать к телу доказательного знания.

Отдельно Аристотель отмечает, что истинность посылок не должна быть преходяща (φθαρτόν), т.е. посылки должны быть истинными вечно (ἀΐδιοι εἶναι) – всегда и во всякое время[180]. Это условие, в свою очередь, отсылает нас к необходимости для посылок доказательства в собственном смысле (ἁπλῶς εἰπεῖν ἀπόδειξις)[181] быть универсальными (καθόλου). Об этом, впрочем, будет подробнее сказано ниже.

б) Посылки должны быть первыми (πρῶται) – т.е. быть недоказуемыми началами (ἀρχαὶ ἀναπόδεικται) или быть выведенными посредством умозаключений из таких первых недоказуемых начал[182]. Формулировка, которой придерживается сам Аристотель: доказательство должно вестись «ἐκ πρώτων ἀναποδείκτων», т.е. «из первых недоказуемых»[183]. Аристотелевское понятие доказательства организовано так, что позволяет получать истинные и обоснованные следствия из истинных же посылок. При этом истинность используемых посылок также необходимо как-то обосновать – а именно, приняв в качестве условия, что посылками могут служить только уже, в свою очередь, доказанные по правилам получения доказательного знания – через доказательные умозаключения – положения. Легко заметить, что и эти последние, будучи заключениями, сами должны быть выведены из истинных посылок, которые тоже, разумеется, надо получить силлогистически и так далее. В таком случае, если мы допускаем возможность существования истинного знания, мы должны утверждать существование некоторых первых положений – они будут первыми посылками, из которых ведется доказательство: из них доказывается все, сами же

[179] APo I.12 78a6-8.
[180] APo I.8 75a21-30.
[181] APo I.8 75a23-24.
[182] APo I.2 72a6-7.
[183] APo I.2 71b26-27.

они при этом не доказываются, а познаются неким иным способом, который Аристотелю очень важно сделать не менее надежным[184].

в) От посылок доказательства требуется быть неопосредованными (ἄμεσοι) – т.е. им не должна предшествовать никакая другая посылка.[185] На первый взгляд, это определение, как и в целом место, где оно встречается, отсылает нас обратно к требованию вести доказательство из начал: в самом деле, тут говорится, что начало – это неопосредованная посылка доказательства (ἀρχὴ δ'ἐστὶν ἀποδείξεως πρότασις ἄμεσος), а в свою очередь неопосредованная – это та, которой не предшествует никакая другая (ἄμεσος <…> ἧς μή ἄλλη προτέρα). Однако из дальнейшего рассмотрения понятия неопосредованных посылок, а также синонимичного ему понятия посылок неделимых (ἄτομοι) ясно, что в структуре доказательства для посылок возможно быть первыми в двух отношениях – говоря условно: в отношении движения «вверх» и движения «вглубь»[186].

Движение вверх – это движение к тем самым первым началам доказательства, из которых, как уже не подлежащих обоснованию, ведется доказательство. Первое в этом смысле будет самой общей посылкой, с которой начинается цепь доказательств; непринятие (или неправильное принятие) этого элемента саботирует весь процесс доказательства, т.к. последующим посылкам неоткуда черпать истинность, которую они должны переносить в ходе процедур умозаключения.

Движение вглубь – это процесс отыскания промежуточных звеньев между терминами одного умозаключения, т.е., фактически, это процесс отыскания умозаключений внутри умозаключения. Идея в том, что вещи сказываются друг о друге (являются причинами одни для других) через средний термин, но если для связи любых двух вещей необходимо промежуточное звено, то другие звенья необходимы и для связи каждой из этих вещей с первым звеном. Обычная

---

[184] Описанию этого способа посвящена глава II.19 «Второй аналитики». Подробнее вопрос о познании начал доказательного знания будет рассмотрен в 4 и 5 главах настоящей работы.

[185] APo I.2 72a7-8.

[186] Сам Аристотель говорит (APo I.32 88b4-6), что «начала – это посылки, а <неопосредованные> посылки можно получить либо прибавляя термин с краю, либо вставляя его между <двумя имеющимися>» (ἀρχαὶ μὲν γὰρ αἱ προτάσεις, αἱ δὲ προτάσεις ἢ προσλαμβανομένου ὅρου ἢ ἐμβαλλομένου εἰσίν).

формулировка для Аристотеля звучит следующим образом: А сказывается о Г через В. Т.е., по первой фигуре силлогизма, А сказывается о В, а В сказывается о Г, таким образом, обеспечивая сказывание А о Г. Но в этом случае возникает вопрос: ясно как сказывается А о Г – через В, но как тогда сказывается, например, А о В? Вполне возможно, также через некий средний термин – Δ: А сказывается о Δ, а Δ о В. Но это возвращает нас на следующем витке к той же проблеме: как в таком случае сказывается А о Δ? Очевидно, что развертывая эту цепь сказываний, мы должны, в конце концов, прийти к терминам, которые сказываются один о другом не на основании чего-то другого, а сами по себе – т.е. принадлежат друг другу нераздельно (ἀτόμως ὑπάρχουσιν) или присущи как первое (πρώτως ὑπάρχουσιν)[187]. Это и есть первые неопосредованные посылки, которые невозможно далее дробить: в них выражена причинность самого последнего уровня. Мы должны обладать именно такими посылками – так как только тогда мы имеем все причины выраженной в наших доказательствах предикации, а знание о вещи мы имеем, только зная причину, по которой она есть.[188] Не дойдя до элементарных умозаключений, т.е. не расчленив посылки до сказывающихся друг о друге неделимо, мы можем (и, скорее всего, будем) иметь последовательность истинных умозаключений, выведенных из соответствующего исследованию начала и в правильном порядке – однако эта идеальная во всем остальном система не будет квалифицироваться как доказательное знание (хотя и будет наибольшим из всех возможных к ней приближений) – поскольку, не зная всей тотальности причин, связывающих вещи в последовательности предикации, мы не имеем настоящего знания об этих вещах.

г) Посылки должны быть более известными (γνωριμώτεροι), чем заключение, быть предшествующими (πρότεροι) ему и быть для него причинами (αἰτίαι). Все эти близкие друг к другу и перекликающиеся условия касаются порядка доказательства. Для Аристотеля порядок настоящего познания вещей должен воспроизводить естественный порядок их существования. Так, вещи

[187] APo I.15 79b33-38.
[188] APo I.2 71b9-11. Смотри также ниже пункт (2-г).

могут быть более известными и предшествующими в двух смыслах – по природе (τῇ φύσει) и для нас (πρὸς ἡμᾶς); для нас первее и более известно то, что ближе к чувственному восприятию, т.е. единичное, а по природе – то, что от него дальше, т.е. наиболее общее.[189] Порядок доказательного знания, очевидно, подразумевает, что в основание доказательства мы должны класть посылки, предшествующие заключению и более известные, чем оно, во втором смысле – т.е. по природе[190].

Более известными посылки должны быть, т.к. нельзя доказывать из менее известного[191]; это требование – указание на то, что мы должны уже знать (ἐπίστασθαι) посылки, т.е. они уже должны быть доказаны по всем вышеперечисленным правилам, либо – в соответствии с теми же правилами – быть началами. В случае, если они будут для нас менее известны, чем заключения (а это, судя по всему, означает, что мы будем в них меньше, чем в заключения верить, и они будут нам менее понятны, чем заключения), то мы, опять же, будем иметь в своем распоряжении ряд правильных умозаключений, но они не будут давать нам знания[192].

Предшествующими посылки должны быть, буквально, потому, что они должны быть причинами[193] - само понятие причины подразумевает, что она предшествует следствию: ведь следствие существует *через* свою причину[194]. Причинами же они должны быть поскольку, как уже отмечено, мы можем сказать,

---

[189] APo I.2 71b34-72a4.

[190] Характерно, что устойчивая позиция Аристотеля заключается в том, что всякое исследование, наоборот, начинается с того, что более известно нам и идет к тому, что более известно по природе (напр., Phys. I.1; DeAn II.2 413a11-13). Это говорит нам о том, что нам не следует отождествлять знание (ἐπιστήμη) и обретение знания (τὸ ἐπίστασθαι) непосредственно с исследованием и познанием. Как мы увидим ниже, в определенном смысле эти процессе даже противонаправлены; мы можем получить знание только когда исследование уже произведено. Впрочем я уверен, что, вопреки распространенному мнению (*Burnyeat M.F.* Aristotle on Understanding Knowledge; *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science; *Barnes J.* Introduction // Aristotle's Posterior Analytics, 1994; *Goldin O.* Explaining an Eclipse и т.д.), доказательное знание не сводится только к упорядочиванию уже имеющихся у нас сведений с целью объяснения одного за счет другого, и Аристотель уж точно не смотрит на «Вторую аналитику» как на педогогический трактат, в котором изложен способ обучения уже имеющемуся знанию (*Barnes J.* Aristotle's Theory of Demonstration); важная роль модели доказательного знания «Второй аналитики» состоит, как минимум, в том, чтобы направлять наше исследование, указывая ему, какими именно сведениями мы должны овладеть, чтобы в результате получить знание. См. подробнее в 5-й главе настоящей работы.

[191] APo I.2 72a25-37.

[192] APo I.2 72a25 сл.; EN VI.3 1139b33 сл.

[193] APo I.2 71b30-31.

[194] Напр., APo I.2 71b10-11.

что знаем вещь, только исходя из того, что мы знаем ее причину, и притом ближайшую (см. выше пункт (2-в) – посылки должны быть неопосредованными).

Последнее условие возвращает нас к порядку доказательства: именно им обеспечена необходимость начинать в доказательстве с первого по природе, а не с первого для людей, и даже в порядке, противоположном реальному человеческому познанию (τὸ εἰδέναι). Без основополагающего условия, что посылки должны быть причинами следствий (а причинность по природе сообщается от существующего ранее – т.е. более общего – существующему вследствие него – т.е. тому единичному, с которого начинается человеческое познание[195]) было бы возможно некое доказательное знание, соответствующее порядку обычного человеческого познания: от следствий к причинам. Так, например, на основании терминов: А – быть близким; В – не мерцать и Г – планеты – мы могли бы доказать, что планеты находятся близко к Земле, поскольку они не мерцают. Мы, в самом деле, можем это сделать – но это будет только знание, о том, «что <нечто> *есть* <такое-то>» (ὅτι ἔστι), в рамках доказательного знания – ущербное по сравнению с настоящим знанием – знанием того, «*почему* <нечто> есть <такое-то>» (διότι ἔστι). Ведь на самом деле, по природе планеты не мерцают, потому что они находятся близко к Земле, а не находятся близко к Земле, потому что не мерцают[196]. Эту мысль несложно пояснить на, возможно, более наглядном, чем у самого Аристотеля, примере: человек может заключить, что дует ветер, исходя из того, что он видит качающиеся деревья, но это заключение от следствия к причине: ведь в действительности не ветер дует, потому что деревья качаются, а деревья качаются, потому что ветер дует. И поскольку нам необходимо знать именно причины вещей, то знание о том, что ветер дует, поскольку качаются деревья, не подходит под критерии подлинного знания.

[195] APo I.24 85b23-27.
[196] APo I.13 78a22-b4.

3) Посылки, из которых выводится доказательное знание, должны также соответствовать ряду дополнительных условий, вводимых в дальнейшем ходе рассуждения в I-й книге «Второй аналитики»*:*

а) Они должны быть универсальными (καθόλου). «Вторая аналитика» отличается достаточно необычным подходом к определению «универсального», который мы не встретим ни в одном другом трактате Аристотеля. Универсальное определяется здесь как принадлежащее «всему» (κατὰ παντός), «субстанциально» (καθ' αὑτό)[197] и «как таковое» (ᾗ αὐτὸ)[198]. Принадлежащее «всему» - наиболее близкая по смыслу к обыкновенному определению универсального у Аристотеля характеристика универсального «Второй аналитики»: она обозначает общую предикацию в отличие от частной[199]. Субстанциальную принадлежность точно определить сложнее, и к связанным с ее адекватным пониманием проблемам я еще вернусь ниже в этой работе, однако пока ее можно объяснить как связь двух терминов, основывающаяся на принадлежности одного из них другому в том *что* он есть, в его сути (ἐν τῷ τί ἐστιν), т.е. не привходящим образом, а по определению. О «как таковом» Аристотель говорит, что это то же самое, что и субстанциальное, оставляя читателя в недоумении, с какой целью он вообще выделял эту характеристику в отдельное свойство[200].

Как бы то ни было, необходимость для посылок быть универсальными в смысле «Второй Аналитики» гарантирует, что доказательство, касаясь сути вещей, оперирует в подвластной ему области предметов, доступных знанию в собственном смысле. Требуя от посылок быть универсальными, Аристотель отсекает сразу несколько не подходящих для построения доказательного знания видов посылок. Требование быть принадлежащими «всему» отсеивает частные и единичные посылки – поскольку частная посылка подразумевает, что нечто

---

[197] В данной работе я использую «субстанциальное» как технический термин для передачи аристотелевского «καθ' αὑτό» за неимением удачного и в достаточной степени гибкого термина в русском языке.
[198] APo I.4 73b 25-27.
[199] APo I.4 73a28-34; ср. APr I.1 24a16-19.
[200] APo I.4 73b 28-32. Некоторые исследователи, не доверяют собственному свидетельству Аристотеля в этом месте и все же пытаются отличить «καθ' αὑτό» от «ᾗ αὐτὸ» (Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D Ross. P. 62, 522; *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 69-72; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 73. N. 65). Возможно, определенная разница действительно есть (см. ниже стр. 59).

«может быть и иначе», что противоречит определению знания, а единичное изменчиво и преходяще[201]. Требование же быть субстанциальными отсеивает посылки, в которых выражена случайная и акцидентальная связь, поскольку об акцидентальном и случайном не может быть никакого знания в собственном смысле слова[202].

б) Посылки доказательство также должны быть необходимыми (ἀναγκαῖοι)[203]. Требование необходимости объясняется все тем же запретом того, чтобы то, о чем мы имеем знание, могло быть иначе: знание – это постижение предмета, не оставляющее место сомнению, а исключить сомнение мы можем только в случае предметов, которые таковы, какими мы их знаем, с необходимостью. Это требование также отсылает нас обратно к универсальности посылок – потому что теми необходимыми и вечно существующими предметами, которые мы будем постигать в доказательном знании, являются именно универсалии[204].

в) Посылки также в основном являются утвердительными (δεικτικοί или κατηγορικοί) – просто потому, что совершенное познание происходит по первому модусу первой фигуры умозаключения (т.е. по модусу Barbara)[205], а в ней для получения истинного заключения обе посылки должны быть утвердительными и универсальными. Впрочем, это, судя по всему, все же не обязательное требование: Аристотель говорит только о преимуществе утвердительного доказательства над отрицательным[206], и некоторые современные исследователи замечают, что в рамках аристотелевской модели доказательства отрицательные

---

[201] Впрочем, на деле единичные посылки все же используются Аристотелем в приводимых им же самим примерах доказательных умозаключений (проблема единичных посылок в логике и эпистемологии Аристотеля достойна отдельного рассмотрения, на которое однако, в настоящей работе у меня нет места – логическую сторону этого вопроса см. в *Бочаров В.А., Маркин В.И.* Силлогистические теории. С. 63-65), а некоторые исследователи допускают даже использование в рамках доказательного знания частных посылок (*Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 99-108).

[202] APo I.6 75a 18-21.

[203] APo I.4 73a24; APo I.6.

[204] APo I.11 77a6-8; II.19 100a15-b3.

[205] APo I.14.

[206] APo I.24.

умозаключения вполне могли бы иметь место и даже приводят весьма убедительные примеры того, как они могли бы выглядеть[207].

4) Доказательство должно принадлежать одному роду и не выходить за его пределы[208]; так, доказательство геометрии не подойдет для арифметики и наоборот[209]. В действительности, это условие имплицитно содержится в уже перечисленных – субстанциально, то есть в силу своего определения, друг с другом связаны только термины в рамках одного рода. Однако у этого требования есть практическая сторона: несмотря на то, что все субстанциально присущие друг другу термины принадлежат в итоге к одному роду, вопрос в том – к какому именно; ведь один предмет может принадлежать к нескольким родам. Так, например, люди принадлежат к роду животных и в силу этого обладают субстанциальными свойствами, которые присущи всем животным – например, органами ощущения[210], питания[211], размножения[212]. Однако люди – как и все животные – также принадлежат к роду природных предметов, и как таковые обладают свойствами природных вещей – способностью двигаться[213], началом движения в самих себе[214] и т.д. И те, и другие свойства присущи им субстанциальным образом; однако они изучаются в рамках разных знаний, поскольку принадлежат человеку в рамках разных родов. Например, такое свойство как быть движущимся телом присуще человеку хотя и субстанциально (καθ’ αὐτό), однако не как животному (ᾗ ζῷον)[215], и потому оно не может быть познано в рамках зоологического знания. Приступая к построению доказательного знания, важным оказывается четко отграничить, не только какие именно предметы мы будем изучать, но какие именно их свойства – и в обоих

[207] Например, в *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science P. 132 приводится подсказанный Джеймсом Ленноксом пример из DePart 692a10-14: змеи – это рептилии; ни у каких рептилий нет молока; но все молочные железы существуют ради производства молока, значит ни у одной змеи нет молочных желез.
[208] APo I.7.
[209] APo I.7 75b4-5.
[210] HistAn I.3 489a8-16.
[211] HistAn I.2.
[212] HistAn I.3 489a16 сл.
[213] Metaph VI.1 1025b26-28.
[214] Phys II.1 192b13-15.
[215] Возможно именно это различие имел в виду Аристотель, различая в I.4 «καθ’ αὐτό» и «ᾗ αὐτὸ»; в этом случае становится понятным, почему он не смог описать отличие одного от другого указанным способом: в том общем виде, в котором он рассуждает в I.4, это сделать действительно невозможно.

случаях для этого нам необходимо указать род того знания, которое мы будем выстраивать.

III. Предварительная структура доказательного знания

Все перечисленное относится к *прямым требованиями*, которые Аристотель выдвигает к процессу построения доказательного знания во «Второй аналитике», причем пункт 1 относится к самой общей форме получения этого знания (оно получается через силлогистическое доказательство), а пункты 2-4 – к качествам, которыми должны обладать посылки этого доказательства сами по себе, а также в их взаимном отношении друг к другу и к заключениям. Следования этим требованиям, возможно, будет достаточно, чтобы построить научное доказательство по модели Аристотеля, уже понимая, как оно должно выглядеть, однако если перед нами стоит цель понять общую структуру этой модели, то одних этих явно сформулированных Аристотелем требований нам очевидно недостаточно. Поэтому помимо прямо предъявляемых требований и ограничений, которые Аристотель накладывает на процедуру доказательства в тексте своих трактатов, мы вынуждены также прибегать к сведениям иного характера – к той информации, которую Аристотель сообщает нам о своей модели научного доказательства не виде прямых предписаний и указаний, а в виде разбросанных в тексте поясняющих замечаний и общих рассуждений. Именно к ним теперь и следует обратиться.

Прежде всего, мы можем в более общем виде обозначить природу не только посылок, используемых в доказательстве, дающем научное знание, но и терминов, используемых в этих посылках. Начать эту работу будет удобно с обращения к списку того, что «есть во всякой науке», который сам Аристотель дает в 7-й и 10-й главах I-й книги «Второй Аналитики»[216], а также воспроизводит в ходе апорематического обсуждения возможности первой философии как науки в III-й

[216] APo I.7 75a39–b2; 10 76b11–22.

книге «Метафизики»[217]. Этот список включает в себя 1) то, о чем ведется доказательство – т.е. субъект, или предмет доказательства 2) то, что доказывается – т.е. атрибут, принадлежность которого субъекту и доказывается в ходе доказательства и 3) то, на основании чего ведется доказательство, т.е. аксиомы, или «общие начала» доказательства. Третий пункт – характеристика такого явления как начала доказательства – требует отдельного подробного рассмотрения – ниже ему будет посвящена значительная часть настоящей работы, но пока его следует отложить в сторону. На ближайших страницах я сосредоточу свое внимание на первых двух пунктах – на субъектах доказательства (того, о чем нечто доказывается) и на его атрибутах (того, что доказывается о субъектах).

1) Под субъектами (ὑποκείμενον)[218] доказательства понимается то «о чем» (περὶ ὅ)[219] ведется доказательство, т.е. те термины, или те предметы, которым в ходе доказательного силлогизма приписываются определенные свойства. Под субстанциальными свойствами (καθ'αὐτὰ πάθη)[220], в свою очередь, понимается то, что доказывается (ἅ δείκνυσι)[221], т.е. как раз те свойства, принадлежность которых мы должны обосновать в ходе доказательства в отношении субъектов доказательства[222]. Поскольку доказательство представляет собой умозаключение, и основным видом доказательства является силлогизм по модусу Barbara первой фигуры[223](А принадлежит всей В; В принадлежит всей Г; следовательно, А принадлежит всей Г), то самым простым способом указать на роль субъектов доказательства будет сказать, что они представляют собой меньшие термины доказательного силлогизма вообще и заключения такого силлогизма, полученного

[217] Meta III.2 997a5-11; 18–21.
[218] APo I.7 75a42-b1; Meta III.2 997a6; 20.
[219] APo I.10 76b22; Meta III.2 997a8; 22-23.
[220] Словосочетание «субстанциальное свойство» используется в данной работе как чисто техническая формулировка для передачи формулировки Аристотеля «καθ'αὐτὸ πάθος». Оба термина, входящих в эту формулировку одинаково плохо поддаются адекватному переводу на русский язык; их сочетание поддаются такому переводу и того хуже. Поэтому для того, чтобы не перегружать текст излишне громоздкими конструкциями я был вынужден прибегнуть к чисто техническому переводу, очень слабо отражающему суть самой этой формулировки. Нет никакого сомнения в том, что, если бы передо мной стояла задача перевода текста «Второй аналитики», такой вариант был бы совершенно неприемлемым; я, однако, могу извинить себя тем, что передо мной стоит исследовательская задача изложения доктрины этого трактата – а для ее успешного выполнения этот ход, на мой взгляд, вполне оправдан.
[221] APo I.10 76b22.
[222] APo.I.7.75a40–b2.
[223] APo I.14.

в ходе такого силлогизма в частности (т.е. термины «Г»); что же касается субстанциальных свойств, то они являются их большими терминами (т.е. терминами «А»).

Роль субъектов доказательства и субстанциальных свойств в структуре доказательного знания, таким образом, более-менее ясна. Но что именно представляют собой те и другие?

Начнем с субъектов доказательства. Аристотель говорит, что тем «о чем» (περὶ ὅ) ведется доказательство, т.е. как раз его субъектами, является определенный род предметов – числа для арифметики, пространственные величины для геометрии[224], вероятно, живые существа для биологии и т.д. Он, однако, не придерживается в данном случае какого-то одного точного способа выражения в этом отношении и в разных местах говорит, что тем, что подлежит научному знанию (т.е. субъектом доказательства) является или род вообще (число)[225], или все виды этого рода (числа)[226], или даже отдельные конкретные виды этого рода (конкретные числа, например, единицы[227] или двойки и тройки[228]). Все это несколько затрудняет понимание того, что именно мы должны считать субъектами доказательства в модели доказательного знания «Второй аналитики».

Впрочем, некоторые трудности, связанные с субъектами доказательства, можно разрешить достаточно быстро. Так, мы уже представляем себе, что субъекты доказательства должны быть по большей части меньшими терминами доказательного силлогизма модуса Barbara. Такими меньшими терминами должны являться прежде всего предметы или виды предметов, которыми в ходе доказательства приписываются определенные свойства, и действительно,

---

[224] APo I.7 75b3–6.
[225] APo I.10 76b16–19.
[226] APo I.7 75b5; 10 76a42–b2.
[227] APo I.10 76a34-35; 76b3-5; 32 88b. Здесь, конечно, возникает дополнительная сложность: вообще-то Аристотель, как и вся античная математика, не считает единицу числом (Metaph XIV.1 1088a4-8). Приемлемого решения этой проблемы в рамках доктрины «Второй аналитики» мы не обнаружим. Несомненно, однако, следующее: во-первых, текст «Второй аналитики» ясно говорит о том, что единицы изучаются в рамках арифметического знания (APo I.10 76b4-5), что прямо относит их к роду числа, даже если они не являются числами в собственном смысле; во-вторых, единицы играют роль именно субъектов доказательства – т.е. являются тем, о чем (περὶ ὅ) доказываются субстанциальные свойства (76b3-5).
[228] APo II.13 96b17.

большинство примеров субъектов доказательства у Аристотеля представляют собой именно такие предметы – помимо упомянутых конкретных чисел, это точки[229], линии[230], треугольники[231], определенные виды растений[232], определенные виды животных[233], небесные тела[234], метеорологические тела[235]. Другими словами, судя по всему, Аристотель имеет в виду под субъектами доказательства прежде всего именно определенные виды, принадлежащие к одному и тому же роду; более того некоторые его замечания позволяют предположить, что, прежде всего – последние и неделимые виды[236]. Но как же быть с тем, что он постоянно называет субъектом доказательства род и, более того, приводит в этих случаях в качестве примера родовое понятие?

Род как таковой, то есть родовой термин – «число», «величина», «животное» - очевидно, может являться одним из субъектов доказательства, однако он совершенно точно не может быть единственным из них. Действительно, существуют определенные субстанциальные свойства, которые принадлежат роду как термину: так, родовому понятию «число» могут принадлежать такие свойства как «не иметь пространственного положения»[237], «быть неподвижным»[238], возможно также, «быть измеряемым единицей»[239] и т.д. Однако если мы посмотрим на тот набор субстанциальных свойств, которые предлагает Аристотель во «Второй аналитике» в качестве главных примеров для исследования в арифметике – четное и нечетное, квадрат и куб[240] - то нетрудно заметить, что не может идти речи об доказательстве их принадлежности роду как

---

[229] APo I.10 76ab5; 32 88a32.
[230] APo I.7 75b17 сл.; I.10 76a40; b5; II.2 90a13; II.13 96b18; II.17 99a9-10 и т.д.
[231] APo I.4 73b30 сл.; I.10 76a35; II.7 92b15-18 и т.д.
[232] Виноград (APo II.16 99b56-15; II.17 99a23), фиговое дерево (APo II.17 99a24), широколиственные в целом (APo II.16 99a35-b24).
[233] Рогатые (APo II.14 98a16-18), четвероногие (APo II.17 99b5), крылатые (APo II.17 99b6); возможно также рыбы и птицы (APo II.13 97a2-4).
[234] Луна (APo I.13 78ab4-13; II.2 90a3; 12; 17; 26; II.8 93a30-b7), Солнце (APo II.1 89b26: II.2 99a13), Земля (II.2 90a12); планеты (APo I.13 78a30-b4).
[235] Тучи (APo II.8 93ab7-14; II.10 94a2-10).
[236] APo II.13 96b15-17.
[237] APo I.27 87a36; I.32 88a33; Phys V 227a28; Metaph XI.12 1069a12; XIII.8 1084b26.
[238] Metaph VI.1 1026a7-10.
[239] Metaph X.6 1057a3-4; ср. Eucl. Elem. VII. def. 2.
[240] APo I.10 76b8. Под «квадратом» и «кубом» подразумевается, разумеется, те числа, которые представляют собой другие числа, возведенные во вторую и третью степень соответственно.

термину («“четное” принадлежит всему “числу”» - это просто ошибочное утверждение, поскольку существуют и нечетные числа)[241]; их принадлежность должна быть, безусловно, доказана конкретным числам: четного и куба – например, восьмерке; нечетного и квадрата – например, девятке. Таким образом, Аристотеля никак нельзя понять в том смысле, что род является единственным субъектом доказательство в качестве родового понятия.

Тем не менее, мы вполне можем предположить, что Аристотель говорит о «роде» как о субъекте доказательства в несколько ином смысле. Действительно, если мы предположим, что нам удалось выделить все низшие неделимые виды определенного рода, то их совокупность в каком-то смысле будет исчерпывать собой весь род целиком. Именно это и может подразумевать Аристотель под родом-субъектом – совокупность всех неделимых видов, входящих в этот род. И в этом случае, когда Аристотель говорит о доказательстве принадлежности субстанциальных свойств роду[242], он подразумевает в точности то же самое, что и в прочих случаях – доказательство соответствующих свойств соответствующим видам этого рода. Поэтому под субъектами доказательства должны пониматься прежде всего неделимые виды того рода, в рамках которого производится наше доказательство[243].

2) Теперь, когда мы в общих чертах разобрались с субъектами доказательства, понять существо того, что Аристотель подразумевает под субстанциальными свойствами будет намного проще, тем более, что я уже невольно коснулся этой темы выше. Под ними, как следует из их называния, подразумеваются любые свойства субъекта доказательства, присущие ему субстанциальным образом. Это, однако, подразумевает необходимость выяснить, что Аристотель подразумевает как под тем, так и под другим словом – т.е., во-первых, под «свойством» (πάθος), а во-вторых, под «субстанциальным» (καθ’ αὐτό).

---

[241] И тем не менее как «четное», так и «нечетное» принадлежит числу субстанциальным образом (APo I.4 73a34-b2). См. объяснение этого факта в 4-й главе настоящей работы, стр. 235-244.
[242] APo I.7 74a42-75b2; I.10 76b11-13; Metaph III.2 997a5-7.
[243] Ср. *McKirahan R. D.* Principles and Proofs. P. 57–60; *Golding O.* Explaining an Eclipse. P.50.

а) Начнем с последнего. В I.4 Аристотель выделяет четыре вида субстанциальной связи; нас будет интересовать только первые два, поскольку именно они являются для Аристотеля основным[244]. В первом смысле называется принадлежащим субстанциально то, что «принадлежит <предмету> в его сути, как, например, линия треугольнику и точка линии (ибо их сущность <состоит> из этих <терминов>, и они присущи им в формулировке, раскрывающей их суть)»[245]. Предположительно имеется в виду, что «линия» входит в определение «треугольника» (которые может выглядеть, например, как «замкнутая площадь, ограниченная тремя линиями»[246]), и потому субстанциально ему присуща. Во втором смысле называется присущим субстанциально то свойство, в формулировке, указывающей на суть которого, встречается тот термин, которому оно само принадлежит: например, «прямая» и «кривая» присущи таким образом «линии», поскольку в определении «кривой» и «прямой» встречается термин «линия» («прямая – это такая линия, что…»); другим примером такой субстанциальной принадлежности будет «четное» и «нечетное» для числа[247]. Таким образом, термин А субстанциально принадлежит термину В если, когда А предицируется В, либо А находится в определении В, либо В находится в определении А.

Что это значит? Многие исследователи «Второй аналитики» полагали, что в данном случае Аристотель не только определяет, какие термины относятся друг к другу субстанциальным образом, но и одновременно дает указания, как именно может быть доказана такая принадлежность одних терминов другим. Например, если один термин принадлежит другому в первом смысле субстанциального, то эти два термина должны использоваться в качестве предиката и субъекта в доказательном силлогизме, который бы демонстрировал эту их связь (т.е

[244] Из всех исследователей не считает основными видами «субстанциального» первые два только Ферджон, который полагает, что основным во «Второй аналитике» для Аристотеля является четвертый из перечисленных смыслов (*Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 119-125).

[245] ὅσα ὑπάρχει τε ἐν τῷ τί ἐστιν, οἷον τριγώνῳ γραμμὴ καὶ γραμμῇ στιγμή (ἡ γὰρ οὐσία αὐτῶν ἐκ τούτων ἐστί, καὶ ἐν τῷ λόγῳ τῷ λέγοντι τί ἐστιν ἐνυπάρχει) (APo I.4 73a34-37).

[246] Подобное определение предлагает Маккирахан (*McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P.86-87); такое же понимание данного места предлагают Дзабарелла (Iacobi Zabarellae Patauini In duos Aristotelis libros posteriores analyticos commentarii. P. 23) и Пациус (Aristotelis Stagiritae Peripateticorum principis Organum. P. 423).

[247] APo I.4 73a37-b3.

показывал бы, что, например, A принадлежит B, поскольку A входит в определения B). Это, однако, порождает проблему: хотя вполне возможно построение такого рода доказательств, что они будут отражать первый род субстанциальной связи (однако, что характерно, не для тех терминов, которые сам Аристотель привод в качестве примеров, с помощью которых он поясняет виды субстанциальной связи), однако доказательство, которое бы прямо отражало второй вид субстанциальной связи просто невозможно – прежде всего потому, что даже простая предикация субстанциального свойства субъекту доказательства в случае такого доказательства будет неверна (для приводимых самим Аристотелем примеров это будет «“четное” принадлежит всему “числу”», что ошибочно, поскольку существуют и нечетные числа).

Ниже я подробно укажу источники возникающих тут проблем и те заблуждения, из которых они проистекают[248]. Пока же достаточно будет просто указать, что я уверен, что субстанциальная связь двух терминов вовсе не должна быть отражена в ходе доказательств (она устанавливается отдельно и в существенной степени независимо от доказательства), и в I.4 Аристотель говорит вовсе не о том, доказательства каких видов встречаются в рамках доказательного знания, а ровно о том, о чем он сам объявляет – какие термины связаны друг с другом субстанциальным образом. Понятно, что он хочет определить – какие свойства присущи предмету сами по себе и как таковому (ᾗ αὐτό), а не привходящим образом. Первый ряд таких свойств – это разумеется все, что присуще предмету в его определении – поскольку все это составляет самую сущность (οὐσία) и суть (τὸ τί ἐστι) вещи. Но есть и второй набор таких свойств, которые не входят непосредственно в определение предмета, но неразрывно связаны с тем, что туда входит. Например, в случае дюжины – это четность. Четность присуща дюжине именно как (ᾗ) дюжине, т.е. субстанциальным образом; это связано с тем, что четность субстанциально присуща числу, а дюжина – это число. Когда Аристотель говорит о том, что «четное» и «нечетное» присущи числу, он имеет в виду не что все числа четные или все числа нечетные

[248] См. гл. 4, стр 234-241.

(это просто неверно) и даже не то, что все числа либо четные, либо нечетные[249] (это верно, но совершенно бесполезно для доказательства); он имеет в виду, что все четное (равно как и все нечетное) есть число, и нет ничего, что, являясь бы четным (или нечетным) не было бы числом. Это верно в отношении и всех прочих субстанциальных свойств, которые упоминает Аристотель: только линии бывают прямыми и кривыми[250], пересекаются и отклоняются[251], только числа бывают простыми и составными в арифметическом смысле, «равносторонними» и «прямоугольными»[252], квадратами и кубами других чисел[253], только у треугольника сумма внутренних углов только равна двум прямым углам[254], только у растений опадают листья[255], только в тучах гремит гром[256], только с небесными телами происходят затмения[257] и т.д. Таким образом, под «субстанциальными» понимаются такие свойства вещей, которые, коротко говоря, присущи им как таковым, в силу самой их природы, а не как некая случайность.

б) Необходимо также уточнить и что Аристотель понимает под свойством (πάθος). Трактовка этого термина осложнена тем, что πάθος в греческом языке – крайне многозначное слово, а в языке Аристотеля и тем более[258]. Важно понимать, что как естественное значение этого слова, так и его трактовка Аристотелем выходит за пределы того, что в русском языке называется «свойством». С одной стороны под субстанциальными свойствами понимается то, что мы без всяких сомнений и сами обозначили бы как свойства (четность,

---

[249] Ср. Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 113.
[250] APo I.4 73a38-39.
[251] APo I.10 76b9.
[252] APo I.4 73a40-41.
[253] APo I.10 76b8. На этом примере особенно видна ущербность понимания фразы «"четное" и "нечетное" принадлежит субстаницальным образом "числу"» как «все числа являются четными или нечетными»: по аналогии в случае квадрата и куба такая интерпретация должна была бы звучать «все числа являются квадратами и кубами», что очевидно неверно.
[254] Напр., APo I.4 73b31.
[255] APo II.16 98a36-b16; 33 сл.; II.17 99a23-29.
[256] APo II.8 93ab7-14; II.10 94a2-10.
[257] APo II.1 89b26; I.13 78ab4-13; II.2 90a3; 12; 17; 26; II.8 93a30-b7; II.16 98b17-23. На самом деле точнее будет сказать даже так: только с Луной происходит затмение. В этом случае читатель может почувствовать некоторое внутреннее сопротивление: ведь существуют и Солнечные затмения! Однако Аристотель смело бы сказал, что, поскольку причина этих двух событий различна (в случае лунного затмение Луна угасает, поскольку Земля заслоняет падающий на Луну свет Солнца, проходя между ними; в случае солнечного – Солнце угасает, потому что Луна заслоняет падающий на Землю свет, проходя между ними), они оба являются «затмениями» только в силу омонимии (ср. APo II.17 99a30-b7)
[258] Metaph V.21; Cat 8 9a28-b34.

нечетность, прямота, кривизна и т.д.), но с другой – то, что мы бы скорее называли событиями (затмение, грохот грома, опадение листьев). Это нередко служило основанием для упреков Аристотеля в непоследовательности и отступлении от установленных им самим правил. Следует, однако, заметить, что под то, что описывается словом «πάθος», которое буквально обозначает «переживание», «претерпевание», т.е. то, что происходит с определенным подвергающимся этому πάθος'у предметом, вполне попадают как свойства, так и события, и точно то же самое можно сказать и о другом термине, который Аристотель в данном случае использует взаимозаменяемым со словом «πάθος» образом, «τὸ συμβεβηκός»[259]. Оба эти способа обозначения призваны, я полагаю, показать не более, чем разницу между самим субъектом доказательства и *всем остальным, что с ним «случается»* - свойствами, событиями и чем бы то ни было другим. Аналогичного термина в русском языке мне найти не удается, так что в дальнейшем я буду продолжать использовать технический термин «свойство». Это, однако, не должно заслонять от нас того факта, что под свойством здесь разумеется намного более широкий спектр характеристик, чем тот, что обыкновенно покрывается значением этого слова в русском языке.

3) Итак, мы установили, что субъектами доказательства являются прежде всего неделимые виды одного рода, а субстанциальными свойствами – все характеристики, принадлежащие каждому из них как таковому.

Но теперь у нас должен возникнуть вопрос, касающийся соотносительного статуса этих двух понятий. Подступить к нему можно следующим образом. Ограничивает ли нас что-либо в нашем обозначении в качестве субъектов только неделимыми видами? Судя по всему, нет. В самом деле, выше уже было указано,

[259] Напр, APo I.7 75b1 (ср. Metaph V.30 1025a30 сл.). Орлов (*Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. С. 163-192) предлагает интересное различие, согласно которому понятия «συμβηβεκότα καθ' αὐτὰ» и «καθ' αὐτὰ πάθη» не полностью синонимичны одно другому, но соотносятся друг с другом как род и вид. Подобное различие, развивая его чуть подробнее, предлагает и Бронштейн (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P.46-48). Единственным недостатком этого достаточно интересного взгляда является тот факт, что, достаточно подробно его описывая, ни Орлов, ни Бронштейн не приводят, в сущности, никаких аргументов в его пользу. Я, в свою очередь, не могу найти ни существенных оснований против их отождествления, ни существенных выгод от их отождествления, и поэтому буду считать в настоящей работе их синонимичными. Другими формулировками, которые я также буду считать синонимичными указанным выше способами обозначения субстанциальных свойств, являются «καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα» (напр., APo I.6 75a30) и «ἴδια πάθη» (напр., APo II.13 96b20).

что о родовом понятии, предположительно, также вполне можно доказать принадлежность ему некоторый субстанциальных свойств. Вероятнее всего, субстанциальные свойства, будучи доказаны, сами в свою очередь могут становится субъектами доказательства. Единственным примером «Второй аналитики», который оказывается уместным для иллюстрации данного тезиса оказывается пример опадения листьев у широколиственных. В самом деле «широколиственное» - это, судя по всему, субстанциальное свойство, которое свойственно таким неделимым видам растений как «виноград»[260], и, судя по всему, «фиговое дерево»[261]. Как таковое, оно должно быть доказуемо о каждом из них, хотя Аристотель прямо об этом и не говорит. Однако «широколиственному» в свою очередь принадлежит свойство «опадение листьев <зимой>» - и о его доказательстве Аристотель говорит подробно[262]. Это означает, что термин, который в случае одного доказательства являлся субстанциальным свойством, в случае другого явно выступает как субъект доказательства.

Таким образом, мы имеем дело, во-первых, с субъектами доказательства par excellence – теми терминами, которые могут выступать только в качестве субъектов доказательства (а это неделимые виды), а во-вторых, с теми терминами, которые, с одной стороны, являются для этих субъектов субстанциальными свойствами, а с другой – имеют свои собственные субстанциальные свойства, для которых они являются субъектом доказательства. Судя по тому, что доказательство не может идти бесконечно и любая цепь силлогизмов где-то подходит к концу[263], у нас также должны быть и такие термины, которые будут являться субстанциальными свойствами par excellence – т.е. такие, которые являются только лишь субстанциальными свойствами и не являются субъектами доказательства ни для чего последующего. Нетрудно также заметить и то, что тот термин, который является субстанциальным свойством субстанциального

[260] APo II.16 98b7-8
[261] APo II.17 99a23-24.
[262] APo II.16 98a35-b16; APo II.17 99a23-29 (в последнем случае я полагаю в достаточной степени очевидным, что тем термином, о котором Аристотель говорит, что он покрывает собой все виды растений, у которых опадают листья, но не простирается за пределы их совокупности, является именно «широколиственное», хотя сам этого термина прямо и не называет).
[263] APo I.19-23.

свойства субъекта доказательства будет являться также и субстанциальным свойством самого этого субъекта («опадение листьев» принадлежит «широколиственному»; «широколиственное» принадлежит «винограду»; следовательно, «опадение листьев» принадлежит «винограду»). Именно подобный процесс нанизывания одних субстанциальных свойств на другие с тем, чтобы в конце концов достичь обоих краев цепи понятий – субъекта доказательства par excellence и субстанциального свойства par excellence – я полагаю, и лежит в основании модели доказательного знания Аристотеля[264].

Последняя проблема, которая возникает в таком случае, является чисто терминологической. Она касается того, можно ли называть те субстанциальные характеристики, которые принадлежат субъекту доказательства в первом смысле субстанциального из APo I.4, собственно субстанциальными свойствами (πάθη); например, можно ли так, с точки зрения Аристотеля, говорить о «числе» для «двойки» или, если пользоваться примером, встречающимся во «Второй аналитике», о «широколиственном» для «винограда» (первый термин, суля по всему должен входить в определение последнего[265]). Проблема здесь в том, что Аристотель в V.30 «Метафизики» определяет субстанциальные акциденции (καθ' αὑτὰ συμβεβηκότα) – что является синонимом для субстанциальных свойств – как то, что принадлежит вещи «субстанциально, но входя в ее сущность»[266]. Под сущностью (οὐσία), судя по всему, Аристотель здесь, так же, как и в некоторых других местах, понимает суть вещи (τὸ τί ἐστι), или, иначе говоря, ее определение. Это подразумевает, что в собственном смысле субстанциальным свойством будет являться только то, что не входит в определение вещи, которой оно принадлежит – то есть только то, что присуще вещи во втором смысле субстанциального из I.4. Так, «нечетное» и «кубическое» можно будет назвать субстанциальными свойствами для девятки, но «число» - нет. Это, впрочем, неудивительно: «число»

[264] Cp. Thomae Aquinatis in libros posteriorum analyticorum expositio P. 143-144.
[265] По крайней мере, если к определению растений Аристотель подходит так же, как к определению животных в PartAn I.3.
[266] «<…> καθ' αὑτὸ μὴ ἐν τῇ οὐσίᾳ ὄντα <…>» (Metaph V 30 1025b30-32). Доказательство того факта, что «καθ' αὑτὰ συμβεβηκότα» – это то же самое, что «καθ' αὑτὰ πάθη», обеспечивается следующем немедленно далее примером: «два прямых» для «треугольника».

вообще – это род, в рамках которого ведется доказательство, странно было бы называть его свойством. Но такая проблема возникает у нас не только в случае рода. Например, в таком случае «широколиственное» не является субстанциальным свойством для «винограда», а, например, «животное» – для человека. Впрочем, как я указал, это прежде всего терминологическая проблема; будет ли мы называть входящие в определение вещи термины субстанциальными свойствами или нет – это не сильно изменит существо дело. Для удобства мы можем пока принять следующее обозначение: называть неделимые виды первичными субъектами доказательства («человек», «двойка», «виноград»); входящие в их определения свойства – производными субъектами доказательства («разумное», «число», «широколиственное»)[267], а все прочие присущие субъектом доказательства субстанциальным образом характеристики называть, собственно, субстанциальными свойствами[268].

***

В настоящей главе я дал общий очерк того, как должны выглядеть основы доказательного знания, согласно «Второй аналитике». Из первого раздела мы

[267] Ср. *McKirahan R.D.* Principles and Proofs P. 41; 44. Позиция Маккирахана в вопросе «производных» субъектов доказательства, впрочем существенно отличается от моей: он понимает под ними прежде всего такие вещи как треугольник – т.е. предметы, которые хотя и не являются свойствами, нуждаются в доказательстве своего существования; я же подразумевают под ними любое субстанциальное свойство, которое может выступить в качестве меньшего термина в доказательном силлогизме.

[268] Альтернативные взгляды на соотношения первичных и производных субъектов доказательства и субстанциальных свойств смотри, прежде всего, в McKirahan R.D. Principles and Proofs P. 36-49; Goldin O. Explaining an Eclipse. P. 48-52; Bronstein D. Aristotle on Knowledge and Learning. P. 190–197.

Позиция Маккирахана уже была кратко описана в предыдущем примечании; стоит лишь добавить, что он считает (впрочем, не приводя существенных оснований для такой точки зрения), что у субстанциальных свойств не может быть дальнейших субстанциальных свойств.

Позиция Голдина в чем-то близка к моей; основное отличие состоит в том, что он пытается удержать четкое различие между субъектами доказательства и субстанциальным свойствами, что приводит его к утверждению, что не существует «производных» субъектов доказательства и все, что находится выше субъектов (в том числе свойства, имеющие свои дальнейшие свойства – существование таковых он признает), следует считать строго свойствами и ничем иным. Исходя из этого он также считает, что например, «треугольник» или «двойка» – это примеры субстанциальных свойств (см. также Thomae Aquinatis in libros posteriorum analyticorum expositio. P. 144; Фома, впрочем, считает, что треугольник может выступать и как свойство, и как субъект), в чем лично я не уверен, хотя у меня и нет здесь возможности обсудить этот сложный вопрос подробнее. Как бы то ни было, во всем, за исключением последнего пункта, наши расхождения можно считать чисто терминологическими.

Позиция Бронштейна чрезвычайно замысловата, очень сложна и исключительно спекулятивна. Поскольку, с одной стороны, ее краткое изложение невозможно, а с другой, она крайне слабо основана на тексте «Второй аналитики», я считаю возможным не описывать ее здесь подробно, просто отослав читателя к ней для самостоятельного ознакомления.

знаем, что мы пытаемся получить, строя доказательство; из второго раздела – какова в общих чертах форма доказательной процедуры, а из третьего нам даже становится понятно доказательство чего именно мы пытаемся получить. Остается единственный, но главный вопрос – как мы должны получить его; как именно мы строим наше доказательство и какой в точности вид оно должно иметь?

К сожалению, на этот вопрос ответить совсем не так просто, как на предыдущие. Более того, именно при попытке ответа на него мы наталкиваемся на столь серьезные проблемы, что ни одной вполне исчерпывающей попытки ответа на него, насколько мне известно, до сих пор не было даже предпринято ни одним исследователем.

Фактически, основной характеристикой аристотелевского понятие доказательного знания является то, что доказывающие умозаключения, из которых она строится, исходят из первых начал. По сути это главное условие, которое с формальной точки зрения отличает доказательство от любых других силлогистических рассуждений, в частности, диалектических. И теперь, когда мы уже представляем не только общую форму, которую должно иметь доказательное рассуждение, но даже его крайние термины (субъект доказательства и субстанциальное свойство), мы наталкиваемся именно на проблему начал: принадлежность субстанциального свойства субъекту доказательства должна быть доказана именно на основании начал доказательного знания; именно они должны быть теми посылками, которыми заполнен промежуток между этими двумя терминами. Но все дело в том, что учение о началах представляет собой, пожалуй, самое темное место «Второй аналитики».

Аристотель выделяет в I.2 «Второй аналитики» три вида начал – аксиомы, гипотезы и определения, и с каждым из них возникают большие проблемы. Могут ли аксиомы быть началами, учитывая, что они, судя по всему, не могут использоваться в ходе доказательства, а начало определяется как посылка доказательства? Являются ли гипотезы посылками, выносящими суждения о существовании определенных предметов, как, видимо подразумевают некоторые места «Второй аналитики», или же посылками, выражающими предикацию одних

терминов другим, как подразумевают другие места? Подразумевает ли Аристотель под определениями во «Второй аналитике» тот же вид указаний на суть вещи, который он понимает под определениями в своей философии обыкновенно, или же здесь под ними понимается нечто принципиально иное? И, так или иначе, определения каких терминов мы используем в доказательстве и в каких его местах? Являются ли одним и тем же определения из I.2 и указания на значение из I.1 и I.10? Являются ли вообще одним и тем же начала, перечисленные в I.2 и начала, о которых говорит I.10? Понимает ли Аристотель под началами всегда посылки доказательства, или же помимо начал-посылок «Второй аналитике» также известны и начала термины?

Все это лишь краткий список вопросов, на которые необходимо ответить для того, чтобы разобраться в учении о началах доказательного знания «Второй аналитики», понимание которого, в свою очередь, необходимо для понимания того, как выглядит модель доказательного знания Аристотеля в целом. Следующие три главы будут посвящены подробному разбору проблем, связанных с каждым из видов начал, которые мы обнаруживаем в I.2 «Второй аналитики» - аксиом, гипотез и определений. Решив эти проблемы, мы будем иметь в наших руках все необходимое для того, чтобы описать, как мы должны доказывать принадлежность субстанциальных свойств субъектам доказательства, и как выглядит модель доказательного знания «Второй аналитики» в целом.

Глава 2. Аксиомы

Начать исследование начал доказательного знания необходимо с того их вида, который сам Аристотель называет аксиомами. Это связано с тем, что с проблемами, связанными с этим видом начал, как мы увидим, мы можем разобраться, не погружаясь особенно глубоко во другие трудности «Второй аналитики», тогда как в случае других видов начал доказательного знания сделать этого не удастся.

Приступая к исследованию аксиом, стоит прежде всего освежить в памяти аристотелевское понятие начал доказательного знания. В первую очередь, следует зафиксировать, что начала доказательства – это, по словам Аристотеля, посылки (προτάσεις) доказательного силлогизма[269]. Аристотель производит несколько подразделений начал во «Второй Аналитике»; нас пока интересует только одно из них – подразделение на общие (κοιναί) и собственные (ἴδιαι) начала. Один из главных тезисов философии науки Аристотеля заключается в том, что всякая наука исследует и постигает только некий один род сущего[270] (математика – числа, геометрия – величины[271], физика – движущиеся тела[272] и т.д.). Будучи жестко прикреплены каждая к своему роду, науки строго отделены друг от друга, и переход от доказательства положения одной науки к доказательству положения другой науки невозможен[273]. Всякая наука доказывает свои положения из определенного и свойственного только ей набора недоказуемых принципов – это как раз и есть собственные начала доказательства каждой науки[274]. Однако помимо таких начал Аристотель допускает существование т.н. общих начал (κοιναὶ ἀρχαί), также называемых им аксиомами (ἀξιώματα). Это начала в равной степени используются во всех науках[275], либо хотя бы одновременно в нескольких из них[276]. Конкретный способ этого использования, впрочем, остается за кадром.

[269] APo I.2 72a7-9.
[270] APo I.28 87a38.
[271] APo I.10 76b3-5.
[272] Metaph VI.1 1026a13-14.
[273] APo I.7 75a38-39.
[274] APo 32.88b27-29.
[275] APo I.11 77a26-27
[276] Напр., APo I.7 75b2-3

При этом Аристотель устойчиво воспроизводит всего три примера таких начал: 1) тезис «если от равных <количеств> отнять равные <количества>, то останутся равные <количества>» (принцип равенства остатков – далее ПРО) 2) принцип исключенного третьего (далее - ПИТ) и 3) принцип противоречия (далее – ПП).

I. Проблема функции общих начал

Для того, чтобы лучше понять, чем для Аристотеля являются указанные «общие начала», нам необходимо понять, как и для чего он их использует. Однако сделать это не так просто. Аристотель устойчиво связывает «общие начала» с понятиями «доказательства» и «знания», однако характерной чертой этих начал оказывается тот факт, что Аристотель нигде не указывает, какое именно применение они должны получать в рамках доказательного знания. Он посвящает большую часть IV книги «Метафизики» обсуждению ПП (гл. 3-6) и ПИТ (гл. 7) и не устает подчеркивать значимость аксиом для человеческого знания[277], однако не находит места, чтобы более-менее подробно обсудить причины и суть этой значимости. Его замечания о месте аксиом в построении доказательства весьма скудны и малопонятны: в разных местах он говорит, что доказательство должно вестись «через», или «в соответствие с общими <началами>» (διὰ τῶν κοινῶν)[278] и что общие начала должны быть тем «из чего» (ἐξ ὧν)[279] мы доказываем требуемые положения.

Два указанных типа замечаний соответствуют двум типам основных гипотез о том, как Аристотель представляет себе употребление аксиом в научной практике. Описание общих начал, как того, «в соответствии с чем» происходит доказательство, наводит на мысли о регулятивном использовании аксиом, т.е. их использовании в качестве логических законов, ограничивающих собой ход всякого доказательства и не фигурирующих в ходе доказательств

[277] APo I.2 72a17-18; Metaph IV.3 1005b15-16; 32-34.
[278] APo I.10 76b10; 32 88b3.
[279] I.7 75a42; b2; b14; 10 76b14; b22; 11 77a27; 32 88b28.

непосредственно в качестве положений, из которых выводятся следствия. С другой стороны, их описание как того «из чего» ведется доказательство, напротив, кажется, свидетельствует в пользу того, что они являются посылками доказательства[280], т.е. как раз теми положениями, которые служат непосредственным основанием для выведения силлогистического заключения.

Текстуальные свидетельства произведений Аристотеля скорее на стороне второй гипотезы о месте аксиом в ходе доказательства. Прежде всего, Аристотель четко определяет «начало» доказательства как «неопосредованную посылку»[281], что подразумевает, что все начала, вне зависимости от их конкретного вида, должны являться первыми посылками использующихся в доказательстве умозаключений. Таким образом, поскольку аксиомы – это один из видов начал, они также должны быть посылками.

Вместе с тем, это проблематично. Непонятно, как положение, например, вида «невозможно, чтобы одно и то же было вместе присуще и не присуще и одному и тому же в одном и том же отношении»[282] может выступать посылкой в каком-либо доказательстве вообще. Основных препятствий этому два: 1) такое предложение не соответствует форме посылок силлогизма и 2) неясно, как подобную посылку можно использовать в доказательстве.

1) Всякая посылка у Аристотеля должна иметь форму AxB (AaB, AeB, AiB, AoB), где A – это предикат высказывания, B – его субъект, а символы a, e, i, o обозначают «присуще всем», «не присуще всем», «присуще некоторым», «не присуще некоторым» соответственно. Говоря словами Аристотеля, посылка – это высказывание «чего-то одного о чем-то одном»[283]. Типичным примером посылки будет: «“быть животным” присуще всему “человеку”».

В действительности, это не очень существенная проблема. Аристотель проявляет удивительную гибкость в своей готовности формулировать как нечто «одно» (т.е. как единый термин) то, что одним вовсе не кажется. Так, в

[280] «Τὸ ἐξ ὧν» – это достаточно стандартное для нотации Аристотеля обозначение посылок доказательства, см., напр., APo.I.2 71b20; 8 75b21; 10 76b10.
[281] APo I.2 72a7.
[282] Metaph IV.3 1005b19-20.
[283] APo I.2 72a8-10.

специально посвященной проблеме преобразования естественных доводов в силлогистическую форму 32-й главе I-й книги «Первой Аналитики»[284] Аристотель, в частности, недвусмысленно утверждает, что такому рассуждению, как «(1) Сущность не может быть уничтожена иначе, чем через уничтожение самой сущности; но (2) через уничтожение тех частей, из которых предмет состоит, уничтожается предмет, который состоит из этих частей; следовательно, (3) необходимо, чтобы часть сущности также была сущностью» можно придать строгую силлогистическую форму, если добавить к нему определенные посылки (хотя он и не говорит, что это за посылки и как в точности это сделать).

Таким образом, не подлежит сомнению, что ПП можно сформулировать в виде посылки. Например, следующим образом: A – быть вместе присущим и не присущим в одном и том же отношении; B – некий предмет, тогда: «Необходимо, что быть вместе присущим и не присущим в одном и том же отношении не присуще ни одному предмету» (необходимо, что AeB). То же самое касается и двух оставшихся примеров общих начал Аристотеля.

2) Таким образом, форма посылки оказывается не столь существенной проблемой: в действительности, по Аристотелю, почти любая пропозиция может быть преобразована в формат силлогистической посылки.

Куда большую проблему представляет другой вопрос: как вообще возможно использовать полученную таким образом посылку-аксиому в доказательстве? И в каком доказательстве?

В данном вопросе каждая из трех приводимых в пример Аристотелем аксиом обладает своими особенностями.

а) Использование ПП в качестве посылки доказательства, фактически, исключено: в 11 главе I книги «Второй Аналитики»[285] Аристотель сам говорит, что при доказательстве никто не принимает ПП в качестве посылки, если только он не хочет получить заключение такого же вида[286].

---

[284] APr I.32 47a24-31.
[285] APo I.11 77a10-12.
[286] Т.е. поскольку доказательства производятся в основном по 1-й фигуре, а в 1-й фигуре предикат большей посылки будет одновременно предикатом и заключения, термин «быть вместе присущим и не присущим в одном и том же

б) ПИТ, по словам Аристотеля, используется в качестве «предположения» в доказательствах через приведение к невозможному[287]. Однако, во-первых, Аристотель избегает называть «предположения» гипотетических умозаключений «посылками», а во-вторых, умозаключения «из предположения», и в частности доказательство через приведение к невозможному считаются Аристотелем логически неполноценным видом рассуждения – они менее совершенны, чем прямые доказательства (поскольку невозможны без них[288]) и, в целом, их можно считать доказательствами только в нестрогом смысле этого слова – соответственно, им, судя по всему, нет места в науке «Второй Аналитики». Если это так, то мы не можем рассматривать указанное замечание Аристотеля как свидетельство о том, что ПИТ используется в качестве посылки в каком-либо доказательстве; при этом его применение в этом качестве в категорическом силлогизме невозможно ровно настолько же, насколько и применение в нем ПП.

в) ПРО, в свою очередь допускает и, более того, предполагает его использование в качестве посылки доказательства[289]. Однако статус этого принципа среди прочих аксиом Аристотеля в известном смысле ущербен: он не удовлетворяет со всей строгостью тем критериям, в соответствие с которыми Аристотель определяет общие начала: не является общим для всех наук без исключения[290], не представляет собой положение, без знания которого невозможно ничего познать [291]. Говоря о своих «общих аксиомах»[292], Аристотель, хотя иногда и приводит в пример ПРО, однако прежде всего имеет в виду ПП и ПИТ – соответственно, именно на них мы прежде всего должны ориентироваться

отношении» с необходимостью переходит в заключение; иными словами, мы можем только вывести по 1-й фигуре, что это свойство – свойство непротиворечивости – есть у какого-то конкретного предмета или вида предметов, что является не слишком плодотворным выводом.

[287] APo I.11 77a22-24. Объяснение этого утверждения можно найти в APr I.23 41a23-32 и 44 50a16-38. См. также подробную реконструкцию того, как используется ПИТ в доказательствах через приведение к невозможному, в Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross, 1949. P. 371-372; Aristotle's Prior Analytics. Book I / ed. by G. Striker. 2010. P. 174-177.

[288] APr I.23 41a21-b5.

[289] APr I.24 41b13-22.

[290] APo I.11 77a26-27.

[291] APo I.2 72a16-17 (При условии, что мы готовы признать, что в этом достаточно туманном месте речь идет о тех же самых аксиомах, о которых Аристотель говорит обычно (против чего возможны веские возражения); впрочем, отождествление аксиом этого фрагмента с обычными аксиомами Аристотеля получает поддержку в свете параллельного места (Metaph IV.3 1005b15-16), где речь ведется именно об общих началах).

[292] APo I.10 76b14.

при попытке понять, как должны функционировать положения, в собственном смысле являющиеся общими началами Аристотеля. А эти два принципа, как было указано выше, в качестве посылок доказательства оказываются бесполезны, и сам Аристотель это с готовностью признает[293].

Таким образом, исследование позиции Аристотеля по вопросу о способе использования общих начал доказательства в построении научного знания приводит нас к странному заключению: эти начала не могут быть посылками на теоретических основаниях (поскольку те из этих начал, которые Аристотель считает аксиомами в первую очередь, не могут быть использованы в этой роли в рамках предписываемого Аристотелем построения доказательства), и не могут быть логическими законами – на текстуальных (поскольку большая часть свидетельств текстов Аристотеля говорит именно о том, что они должны быть посылками). Иными словами, складывается ощущение, что аксиомы *должны быть* посылками, но само теоретическое устройство системы доказательства «Второй Аналитики» препятствует тому, чтобы они ими были.

Все это выглядит как теоретический crux, удовлетворительное решение которого в рамках дошедших до нас текстов аристотелевского корпуса невозможно; более того, я склонен полагать, что так оно и есть, и мы действительно имеем здесь дело с неразрешимым внутри системы Аристотеля теоретическим противоречием. Однако в то же время я полагаю, что мы вполне можем добиться понимания причин и истоков этого противоречия. Но для этого нам придется выйти за пределы Corpus Aristotelicum.

[293] Маккирахан (*McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P.70) высказывает мысль о том, что в случае 11 главы I книги «Второй Аналитики» в рассуждении Аристотеля «общие начала могут использоваться в принципе, хотя почти никогда не используются на практике» следует все же заострить внимание не на второй части, а на первой: якобы сам факт того, что они *могут* использоваться как посылки недвусмысленно указывают, что они *являются* посылками. Однако это крайне уязвимый тезис: Аристотель постоянно подчеркивает важность и фундаментальность общих начал для доказательства; если они оказываются сведены к неупотребимым (и таким образом, практически бесполезным) посылкам, то от их важности ничего не остается; более того, становится совершенно неясно, зачем вообще выделять их в отдельный род начал, если они исполняют подобную чисто декоративную функцию.

II. Аристотель и античная геометрия.

В 1935 Десмонд Ли в первой части своей статьи «Геометрический метод и описание первых начал у Аристотеля»[294], опираясь на работы одного из крупнейших исследователей античной математики Томаса Хита[295], сопоставил первые начала (πρῶται ἀρχαί) Аристотеля с началами (στοιχεῖα) 1-й книги «Начал» Евклида и пришел к выводу, что три вида начал Аристотеля находят точное отражение в трех видах начал Евклида.

Прежде всего, определения (ὁρισμοί, реже ὅροι) Аристотеля эквиваленты определениям (ὅροι) Евклида: учитывая совпадение терминологии и общую для обоих начал функцию указания сути обсуждаемых в доказательстве предметов, Ли не считает необходимым доказывать их сходство сколько-то подробно.

Далее, гипотезы (ὑποθέσεις) Аристотеля находят отражение в постулатах (αἰτήματα) Евклида. Их сходство менее очевидно, и для того, чтобы установить связь между ними, Ли совершает несколько дополнительных мысленных ходов. Во-первых, вслед за Хитом[296], он считает, что 4-й (утверждающий, что все прямые углы равны друг другу) и 5-й (грубо говоря, утверждающий что любые две линии, между которыми нельзя провести третью так, чтобы она образовала прямые углы с обеими, пересекаются) постулаты являются привнесением самого Евклида: 5-й постулат нужен ему для того, чтобы привести к удовлетворительному виду теорию параллельных прямых, которая до него, по косвенным свидетельствам[297], содержала порочный круг; 4-й постулат необходим для того, чтобы мог функционировать 5-й[298]. Таким образом, доевклидовой геометрии должны были

---

[294] *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle's Account of First Principles.

[295] *Heath T.L.* Introduction / The Thirteen Books of Euclid's Elements P. 117-124; *Heath T.L.* A history of Greek mathematics P. 336-338. Впрочем, несмотря на то, что Ли ссылается именно на Хита, тот не был первым исследователем, полагавшим, что виды начал Аристотеля соответствуют видам начал Евклида и, шире, что «Вторую аналитику» следует объяснять, опираясь на мысль об особенном интересе Аристотеля к математике, через «Начала» Евклида: подобные мысли вполне четко сформулированы уже у Тренделенбурга (*Тренделенбург А.* Элементы логики Аристотеля. С. 277, 284-285, 303, 309, 314, особенно 316-117)

[296] The Thirteen Books of Euclid's Elements / ed. by T.L. Heath, 1908. P. 191, *Heath T.L.* A history of Greek mathematics. P.358.

[297] А именно по свидетельству как раз Аристотеля в APr II.16 65a4.

[298] *Heath T.L.* A history of Greek mathematics. P. 375.

быть известны только 3 первый постулата «Начал». В свою очередь, эти постулаты представляют собой постулаты о построимости – прямых линий (1-й и 2-й) и окружностей (3-й постулат). Как таковые они крайне напоминают «гипотезы» Аристотеля, которые, согласно прочтению Хита и Ли, являются утверждениями, постулирующими существование объектов, рассмотрением которых должна заниматься наука – в частности, в случае геометрии, точек и линий[299]. Утверждения о возможности построить определенные геометрические объекты при некотором усилии можно интерпретировать как утверждения об их существовании, и если доевклидовой геометрии (а значит, и Аристотелю) были известные только первые три постулата Евклида, то кажется вполне правдоподобным, что Аристотель, вводя в свою теорию построения научного знания такие начала как «гипотезы», опирался на знакомую ему практику геометров, использующих «постулаты» при построении геометрических доказательств. Дополнительное подкрепление этому предположению дает тот факт, что, по словам Ли, гипотезы и постулаты имеют в двух системах одну и ту же функцию: подобно тому, как у Аристотеля, предположительно, существование базовых субъектов рода необходимо предположить, а существование всех остальных субъектов рода должно быть доказано[300], также и у Евклида постулирование возможности построения базовых геометрических фигур служит тому, чтобы с их помощью доказать возможность построения всех прочих.

Наконец, общие понятия (κοιναὶ ἔννοιαι) Евклида можно приравнять к аксиомам, или общим началам (κοιναὶ ἀρχαί) Аристотеля. Сходство терминологии очевидно, и оно многократно подчеркивается, с одной стороны, тем, что Аристотель иногда называет свои аксиомы «κοιναὶ δόξαι», т.е. «общие мнения»[301], что уже совсем близко к «общим понятиям», а с другой, тем, что комментарий Прокла на первую книгу «Начал» использует как общепринятое обозначение для того, что в дошедшем до нас тексте Евклида обозначено как «общие понятия», как

[299] APo I.10 76b5.
[300] APo I.10 76a32-36.
[301] Metaph.III.2.996b28; 997a20.

раз используемый Аристотелем термин «аксиомы»[302]. Однако куда более веским аргументом служит тот факт, что третье из общих понятий Евклида («если от равных <величин> отнять равные <величины>, то остатки будут равны») прямо совпадает с одним из частых примеров аксиом Аристотеля – с ПРО.

Общую мысль Ли можно описать следующим образом. Столь точное соответствие между теорией Аристотеля и научной практикой Евклида, разумеется, неслучайно. Мы, очевидно, не можем предполагать влияния Евклида на жившего за несколько поколений до него Аристотеля, однако и постулировать обратное влияние – Аристотеля на Евклида – были бы ошибочно. У нас есть достаточно сведений, свидетельствующих о том, что подобные «Началам» произведения существовали и до Евклида[303], и современные исследователи считают, что даже сами «Начала» Евклида в значительной степени написаны на основе (и даже просто состоят из) более ранних математических трактатов[304]. Таким образом, мы должны предполагать влияние на Аристотеля при создании им своей теории научного знания современной ему математической науки – не идентичной той геометрии и математике, которые мы находим у Евклида, однако в существенной степени похожей на нее. Сами же «Начала» (в особенности их первая книга) служат для нас в данном случае окном в более древнюю и, по крайней мере, современную Аристотелю геометрию: при умелом сопоставлении с текстами Аристотеля они могут дать нам представление о том, как развивалась математическая аксиоматика (в качестве примера такой работы см. указанный выше анализ возникновения 4-го и 5-го постулатов Евклида). Впрочем, ничуть не меньше эта реконструкция доевклидовой аксиоматики проясняет для нас теоретический замысел самого Аристотеля.

---

[302] Procl. In Eucl. 75.27-77.6; 178.1-185.29; особенно 194.4-9. При этом Аристотель при употреблении этого термина прямо отсылает к практике современных ему математиков: «то, что называется в математических науках аксиомами» (Metaph IV.3 1005a20), «так называемые общие аксиомы» (APo I.10 76b14).

[303] По свидетельству Евдема (Procl. In Eucl. 66.7-8; 66.20-22; 67.12-15), свои «Начала» писали Гиппократ Хиосский, Леонт и Февдий из Магнезии.

[304] См., например, *ван дер Варден Б.Л.* Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. Москва, 1959. С. 151-162; 199-202; 213-15; 230-9; 257-261.

Со времен работы Ли вопрос об отношении теории доказательства Аристотеля к античной математике получил некоторую, хотя и не слишком обширную, разработку.

С одной стороны, в ряде работ логическая теория Аристотеля была тесно увязана с современной ему математической наукой. Так, Бенедикт Эйнарсон в серии прекрасных статей показал, что терминология логической теории Аристотеля по большей части производна от древнегреческой математики, и в особенности – от древней теории пропорции[305]. В свою очередь Робин Смит, основываясь на работах Эйнарсона, постулировал еще более тесную связь между логикой Аристотеля и античной математикой, выдвинув тезис о том, что математика не просто оказала влияние на формирование логической теории Аристотеля, но в представлении самого Аристотеля его трактаты, которые мы сейчас считаем логическими par excellence (прежде всего, «Первая Аналитика»), были в собственном смысле трактатами математическими, и как таковые могут считаться самыми ранними из дошедших до нас произведениями греческой математики[306]. В то же время ряд других исследований был направлен, напротив, на дистанцирование теории доказательства Аристотеля от математики. В частности, Иэн Мюллер выдвинул и обосновал практически уже общепринятый к настоящему моменту тезис о том, что, вопреки утверждениям Аристотеля, теория доказательства «Второй аналитики» не может использоваться для описания реальной практики математического доказательства, поскольку ход математического рассуждения несовместим с требованием Аристотеля о том, что всякое доказательство должно протекать строго в силлогистической форме[307]. В свою очередь, Вольфганг Кулман, пошел еще дальше и заявил, что вопреки огромному числу математических примеров, которые Аристотель приводит для иллюстрации своей теории доказательного знания во «Второй Аналитике», математика как наука Аристотеля совершенно не интересует, и Аристотель вовсе

[305] *Einarson B.* On Certain Mathematical Terms in Aristotle's Logic: Part I. P. 33–54; *Einarson B.* On Certain Mathematical Terms in Aristotle's Logic: Part II. P. 151–172.
[306] *Smith R.* The Mathematical Origins of Aristotle's Syllogistic.
[307] *Mueller I.* Greek Mathematics and Greek Logic.

не ставит своей целью создать теорию доказательства, которая бы была применима в том числе и к математическому знанию: все математические примеры «Второй Аналитик», по мнению Кулмана, носят чисто иллюстративный характер, тогда как той реальной наукой, которую Аристотель имеет в виду при конструировании своей теории доказательства, является исключительно физика, и даже более конкретно – зоология [308].

Впрочем, все указанные работы рассматривают отношения теории доказательства Аристотеля и античной математики в целом. Если же говорить конкретно о математической аксиоматике и теории начал Аристотеля – а именно этот вопрос прежде всего интересует нас при исследовании аксиом Аристотеля – то помимо фундаментального труда Томаса Хита «Математика у Аристотеля» [309] (который, при всех его достоинствах, не содержит принципиальных нововведений в этом вопросе по сравнению с уже упомянутыми работами Хита), можно упомянуть всего два значимых исследования, почти целиком посвященных этой теме – работы Курта фон Фритца[310] и Арпада Сабо[311].

Статья Фритца довольно убедительно реконструирует путь развития греческой математики в целом (от элементарных доказательств, связанных с наглядностью – прежде всего метода наложения – к сложным доказательствам, принципиально дистанцирующимся от всякой наглядности[312]), однако на уровне детального анализа возникновения и развития различных типов математических начал, она является очень неровной – хотя бы потому, что зачастую одни суждения Фритца по этому вопросу противоречат другим его же суждениям. Для демонстрации этого достаточно будет одного наиболее существенного примера (хотя в действительности их можно найти куда больше). Общая картина истории аксиоматических начал, по Фритцу, такова: ко времени Аристотеля в математике имело хождение три типа начал: 1) общие аксиомы, 2) «истинные» определения (т.е. определения в том смысле, в каком их понимали Евклид и Аристотель) и 3)

[308] *Kullman W.* Die Funktion der mathematischen Beispiele in Aristoteles' Analytica Posteriora.
[309] *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle.
[310] *Fritz K. von*. Die Archai in der griechischen Mathematik.
[311] *Szabo A.* Anfänge der griechischen Mathematik.
[312] *Fritz K. von*. Die Archai in der griechischen Mathematik. S. 94-95.

начала, в действительности соответствующие общим началам и постулатам Евклида, но обозначаемые древними математиками наряду со вторыми видом начал как «определения»[313]. Однако уже в следующем абзаце Фритц говорит, что разработка теории начал и разделение начал на различные виды – это целиком заслуга Аристотеля, поскольку до него никакого ясного принципа деления начал в греческой науке не было. Последний тезис вынуждает Фритца утверждать, что Аристотель был первым, кто использовал термин «ἀξιώματα» в смысле «общих начал» - именно этим Фритц хочет объяснить тот факт, что в математической традиции после Аристотеля и вплоть до самой поздней античности (когда возрастает влияние текстов Аристотеля и перипатетических комментариев к ним) термин «аксиомы» в аристотелевском смысле не встречается[314]. Однако это ставит его перед необходимостью объяснить, почему Аристотель утверждает, что именно то, что он зовет аксиомами, называется аксиомами и настоящими математиками (см. прим. 302). Фритц согласен, что Аристотель не мог сам этого придумать, однако он считает, что утверждение Аристотеля обладает только формальной правильностью. Дело в том, считает Фритц, что термин «ἀξιώματα» в современной Аристотелю математике обозначал вообще любое начало доказательства – а раз так, то вполне корректно со стороны Аристотеля говорить, что, например, ПРО математики называют аксиомой – просто потому что математики называют аксиомами все начала вообще. Нетрудно заметить, что это предположение основывается на приписывании Аристотелю либо феноменальной глупости, либо удивительного невежества в области математики, при том что в сам же Фритц считает, что Аристотель имел самые обширные знания в этой области. Подводя итог, следует сказать, что интерпретация Фритцем истории развития начал доказательства выглядит крайне неубедительно.

Исследование Сабо дает намного больше для понимания общей истории развития понятия начала в греческой математики и философии, чем работа Фритца. Так, весьма убедительным выглядит предположение о том, что термины

[313] Ibid. S. 98.
[314] Ibid. S. 33; 96.

для обозначения начал – ὑπόθεσις, αἴτημα, ἀξίωμα, λήμμα – в действительности, во-первых, были на ранних этапах развития греческой математики практически абсолютно взаимозаменяемы[315] (в особенности этот тезис многое объясняет в употребление Платоном и Аристотелем термина ὑπόθεσις), а во-вторых, ведут свое происхождение из того или иного рода диалектической практики. Впрочем, здесь же таится слабое место интерпретации Сабо. Дело в том, что он не готов остановится на вполне привлекательном минимальном тезисе об исторической связи математики с диалектикой, но настаивает на куда более радикальном тезисе – на том, что вся греческая аксиоматическая математика происходит от философии элеатов и, более того, на раннем этапе своего развития являлась не более чем ветвью элеатской диалектики[316]. Исходя из этого тезиса, он выстраивает и свое объяснение исторического подразделения начал в древнейшей греческой математике: по его мнению, до Аристотеля начала делились на гипотезы – которым соответствуют определения Аристотеля и Евклида (утверждения, с которыми собеседник согласен), постулаты – которые у Евклида сохранились под этим самым названием, тогда как у Аристотеля им соответствуют гипотезы (утверждения, которые постулируются вопреки согласию собеседника и касаются возможности движения геометрических предметов – поскольку для построения фигур, которые задаются тремя первыми постулатами Евклида (отрезка, линии и окружности), нужно представить себе мысленное *движение* сначала точки, затем отрезка по прямой и, наконец, отрезка вокруг своей оси; тогда как элеаты, в среде которых зарождается математика, не были готовы признать какое-либо движение вообще) и аксиомы – которые сохранились под этим именем у Аристотеля, а у Евклида называются общими понятиями (утверждения, которые также постулируются вопреки согласию собеседника, однако, в отличие от постулатов, касаются равенства частей и целого; по мысли Сабо, элеаты не могли согласится с подобными утверждениями, т.к. не признавали в своей онтологии наличия у Бытия частей). Впоследствии, однако,

[315] *Szabo A.* Anfänge der griechischen Mathematik. S. 293-302.
[316] Ibid. S. 345-346.

истинный смысл этого трехчастного деления начал был утрачен и более поздние математики и философы (начиная с Аристотеля), имевшие дело с готовым делением, но не понимающие его основания, пытались осмыслить его по-своему[317]. Несмотря на то, что это крайне остроумная и очень хорошо продуманная интерпретация, она целиком держится на тезисе о том, что математика целиком берет свое начала в диалектике элеатов – а в него, несмотря на блестящие попытка Сабо его обосновать, очень трудно поверить.

Таким образом, можно сказать, что интерпретация вопроса о связи начал Аристотеля и Евклида Ли во многом сохраняет свою актуальность до настоящего момента. Именно к ней возвращается автор последней работы, которую я считаю нужным затронуть в настоящей статье в связи с проблемой соотношения начал в античной математике и философии Аристотеля – Ричард Маккирахан[318]. В то же время в определенных моментах он существенно дополняет и корректирует ее. Маккирахан систематизирует основания для тезиса о том, что аксиоматический подход к математике был распространен в Древней Греции и до «Начал» Евклида (Прокл, не скупящийся на похвалу Евклиду и подробно перечисляющий все достоинства его работы, не говорит о том, что он первым ввел характерный для «Начал» способ организации материала; у Евклида встречаются определения, которые он никогда не использует – что может говорить только о том, что он позаимствовал их из более ранних работ и т.д.) и более глубоко разрабатывает вопрос о возможности отождествления конкретных начал Аристотеля и Евклида. Так, он указывает, что математики, современные Аристотелю, совершенно точно оперировали определениями[319] (большое количество которых сохранилось в более ранних, чем «Начала» текстах) и аксиомами (лучшим доказательством чему являются тексты самого Аристотеля). При этом однозначных свидетельств в пользу использования в доевклидовой геометрии постулатов у нас нет, как, впрочем, нет и решительных доводов, говорящих против возможности такого

[317] Ibid. 412-416.
[318] *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 134-143.
[319] Маккирахан также обосновывает принятое Ли как самоочевидное предположение о связи определений Аристотеля с соответствующей практикой доевклидовой геометрии, и находит дополнительные параллели между свойствами определений, предписываемых к использованию Аристотелем и используемых Евклидом (ibid. P. 140-141).

использования – сам Маккирахан, кажется, склоняется к тому, что этот тип начал также имел хождение до Евклида, однако замечает, что даже если ко времени Аристотеля постулаты еще на были явно сформулированы и выделены в отдельный тип начал, соответствующая им практика уже должна была иметь хождение и именно она легла в основу учения Аристотеля о гипотезах как недоказуемых утверждениях о существовании базовых объектов науки.

В целом, взгляд Маккирахана на историческую связь «Начал» Евклида и «Второй Аналитик» Аристотеля можно описать следующим образом. Корни гипотез Аристотеля, как уже было сказано, действительно уходят в современную ему практику геометрической науки, успехами которой он был впечатлен: стремясь описать идеал доказательного знания, который был бы применим для всех наук без исключения, он обобщил понятие используемых в конкретной науке начал таким образом, чтобы оно могло удовлетворять всем наукам вообще: так из постулатов о построимости у него получились постулаты существования. Представление об аксиомах как об утверждениях, использующихся более, чем в одной области знания, также достались Аристотелю от математики, свидетельством чему является упоминаемый им в числе аксиом ПРО. Его взгляды на определения также подверглись определенному влиянию геометрических практик, однако в большей степени они обязаны своему формированию философской среде Академии, где вопросам определения всегда уделялось значительное внимание. При этом влияние геометрии на Аристотеля не было односторонним, и сформулированный им не основе этого влияния во «Второй Аналитике» идеал научного знания, в свою очередь, будучи известен Евклиду, в определенной степени повлиял на архитектуру проекта его «Начал»[320].

Я полагаю, что мы можем принять за основу одного из возможных объяснений загадки аксиом именно точку зрения Маккирахана, только несколько

[320] В частности, об этом можно судить по трехчастному делению начал доказательства у Евклида: в действительности часть этих начал явно выбивается из деления на определения, постулаты и общие понятия (например, уже упомянуты 4-й и 5-й постулаты, а также 3-е и 6-е определения), и для них было бы уместнее ввести четвертую категорию начал; тот факт, что Евклид сохраняет трехчастное деление даже ценой адекватности используемого в нем основания, Маккирахан интерпретирует как свидетельство его стремления уложиться именно в предписанное Аристотелем число видов начал.

развив ее. Дело в том, что сам Маккирахан он не делает из нее всех возможных выводов: рассматривая взаимоотношения теорий «Второй Аналитики» и «Начал», он посвящает много времени тщательному установлению связей, однако упускает некоторые моменты, касающиеся влияния. В особенности это касается именно обсуждения аксиом, которому он посвящает всего два абзаца – меньше, чем какой-либо другой теме. Между тем, именно предложенная им картина влияния античной геометрии на Аристотеля, на мой взгляд, является ключом к решению стоящей перед нами проблемы использования общих начал в модели аристотелевской науки.

Маккирахан прямо говорит об обобщении, которое Аристотель осуществляет в случае постулатов геометрии: желая расширить сферу применения этого типа начал с одной науки на все возможные, он формулирует соответствующие в его универсальной модели науки геометрическим постулатам гипотезы как недоказуемые утверждения о существовании, рассматривая тезис о геометрической построимости как частный случай утверждения о существовании. Однако Маккирахан нигде не говорит (хотя, я уверен, имеет в виду), что в случае аксиом он проделывает точно тот же самые прием: взяв за основу реально использующееся в практике конкретных наук (в данном случае: арифметики и геометрии) вид начал (что видно из его собственного примера ПРО как одной из аксиом), он обобщает заложенный в его основание принцип (начало должно использоваться в нескольких науках), доводя его до максимально возможной универсальности (начало должно использоваться во всех науках), и затем ставит ему в соответствие принципиальные для его собственной системы положения (ПП и ПИТ). Если мы учтем эту генеалогию общих начал Аристотеля, то многое в его учении об аксиомах становится ясным.

В самом деле, большинство проблем в доктрине общих начал Аристотеля связано с тем, что то, что он сообщает об одних аксиомах, оказывается неприменимым к другим. Так, аксиомы должны быть применимы во всех науках вообще, но не для всех из них это оказывается возможным; без знания аксиом в рамках науки должно быть невозможно получить никакого дальнейшего знания,

но нельзя сказать, чтобы для каждого из указанных Аристотелем общих начал это было верно; аксиомы, по всей видимости, должны использоваться в доказательстве в качестве посылок (см. выше), однако большинство (но не все!) из приводимых Аристотелем примеров аксиом не могут быть использованы подобным образом в доказательстве. И во всех случаях линия деления пролегает двумя одними и теми же группами начал: ПП и ПИТ с одной стороны и ПРО с другой. Первые два начала общи всем наукам, необходимы для возможности познания чего-либо вообще и, судя по всему не могут использоваться (или, по крайней мере, на деле не используются) в качестве посылок в ходе доказательства. Тогда как ПРО является общим только для наук, имеющих дело с количествами; в рамках этих наук вполне возможно доказать некоторые положения (и даже большинство положений) без его использования; наконец – и это самое существенное для нынешнего рассуждения – он может быть использован и используется в качестве посылки в ходе доказательства, о чем свидетельствует и сам Аристотель (см. выше). Стоит добавить к этому перечню различий указание, что ПРО является настоящей аксиомой, применявшейся в современной Аристотелю математике, а ПП и ПИТ – это, вне всякого сомнения, положения авторства самого Аристотеля, и мы, я думаю, можем считать, что нашли источник этих противоречий.

Для того, чтобы окончательно разобраться в ситуации, мы можем дополнить историческое описание Маккирахана некоторыми деталями. Итак, Аристотель формулировал свой универсальный идеал построения научного знания с опорой на пример единственной известной ему науки, которая в его времена демонстрировала впечатляющую методологическую стройность и успешность, – математики. Соответственно, один из наиболее существенных моментов своей теории – учение о началах доказательства – он развивал по аналогии с аналогичными ему элементами математической практики доказательства. Движение в сторону ориентирования именно на математические начала облегчалось тем, что первым и главным видом таких начал в математике были определения, традиционный интерес к которым был характерен для

философских исканий Академии в целом – этот род начал Аристотель мог принять практически без всякого существенного изменения. Однако два оставшиеся типа начал были специфичны именно для математики и не могли быть включены в общую теорию построения любой науки без изменения. Утверждения о возможности построения фигур Аристотель обобщил до применимых в рамках любой науки утверждений о существовании, а общие для нескольких областей математики аксиомы – до общих для всех наук (т.е для всего сущего) законов бытия. При этом в случае математики постулаты и общие понятия употреблялись в качестве непосредственных посылок доказательства – поэтому при описании своих начал он по аналогии с известными ему геометрическими недоказуемыми положениями предусмотрел для своих гипотез и аксиом точно такую же роль (отсюда – данное в самом начале «Второй Аналитики» общее определение, согласно которому всякое начало – это неопосредованная (т.е. недоказуемая) посылка <доказательства>[321]). Однако на практике вышло, что ни тот, ни другой тип полученных в результате обобщения начал не могут быть включены в общий ход разработанной Аристотелем модели доказательства в качестве посылок. В том, что касается гипотез, т.е. постулатов о существовании – остается большим вопросом, как именно Аристотель представлял себе их функционирование, однако практически все исследователи сходятся в том, что самостоятельное, отдельное от доказательства свойств рассматриваемого предмета доказательство существования этого предмета (подобное доказательству построимости фигуры в геометрии «Начал») в рамках силлогистики доказательства «Второй Аналитики» оказывается невозможным[322], хотя сам Аристотель склонен на протяжении всего текста настаивать на необходимости доказательства существования предметов, о которых ведется

[321] APo I.2 72a7; ср. I.33 88b18-19.

[322] См. *Hintikka J.* On the Ingredients of An Aristotelian Science. P. 93-95 // Analyses of Aristotle. Springer Netherlands : Springer. Dordrecht, 1971. P. 87–99; *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 32-35; *Aristotle*. Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 101; *Harari O.* Knowledge and Demonstration P. 41-42; однако см. противоположную точку зрения в *McKirahan R.D.* Principles and Proofs P.188-198. Более подробное обсуждение вопроса о доказательстве существования в рамках доказательного знания Аристотеля см. в 3-й главе настоящей работы.

доказательство[323]. Что же касается аксиом, то Аристотель, судя по всему, достаточно быстро осознал, что использование их в качестве посылок невозможно и столкнулся с необходимостью обратить внимание читателя на этот факт – именно в этом смысле я склонен интерпретировать роль обсуждавшейся выше 11 главы I книги «Второй Аналитики».

Это позволяет нам решить сформулированную выше проблему, заключающуюся в том, что текст «Второй Аналитики» дает все основания считать, что аксиомы являются посылками доказательства, но само устройство описываемой в нем теоретической системы препятствует тому, чтобы они ими были. Действительно, согласно предлагаемой интерпретации, аксиомы, по замыслу Аристотеля, *должны были быть* посылкам доказательства – поскольку именно такова была роль аксиом в математических доказательствах, известных Аристотелю. Однако те действительные общие аксиомы, которые Аристотель сформулировал на основании обобщения своего представления об аксиомах математики, - ПП и ПИТ – *оказались не способны* играть роль посылок доказательства, в результате чего Аристотель вынужден был отвести им роль общих законов мышления (возможно, одновременно сохраняя мысль о том, что не исключено, что в будущем он сможет сформулировать другие аксиоматические положения, которые все-таки будет возможно использовать именно в качестве посылок для любой науки). Иными словами, нам следует признать, что в рамках теории доказательства Аристотеля учение об аксиомах содержит противоречие, которое мы не можем разрешить с теоретической позиции, однако вполне способны объяснить исторически.

Отдельно стоит отметить, что понимание «гипотез» Аристотеля как недоказуемых утверждений о существовании, позволяющее поставить их в соответствие с «постулатами» Евклида, хотя и дает предлагаемому объяснению роли аксиом в рамках доказательного знания дополнительную силу, однако вовсе не является необходимым и основополагающим для ее функционирования доводом – так что даже при условии иного понимания сущности «гипотез»

[323] APo I.1 71a11-17; I. 2 72a21-24; I.10 76a32-36; 76b5-11; II.1 89b31-35; II.7 92b4-8; II.10 93b32-35.

Аристотеля (например, как неопосредованных посылок, выражающих суждения о предикации, а не о существовании[324], или как единичных утверждений, утверждающих принадлежность конкретных индивидов к их виду[325], предлагаемая интерпретация происхождения аристотелевских аксиом остается применимой, хотя и несколько утрачивает в своей привлекательности.

***

В настоящей главе я рассмотрел основные проблемы, связанные с применением общих начал доказательного знания во «Второй аналитике» Аристотеля и предложил одно из возможных объяснений того, как исторически могла возникнуть подобная проблема. Нельзя не отметить, что в определенном смысле проблема общих начал является второстепенной для понимания структуры доказательного знания Аристотеля, поскольку, как было отмечено выше, Аристотель фактически не рассчитывает использовать те начала, которые он считает общими в первую очередь (т.е. ПП и ПИТ) непосредственно в ходе доказательтсва в качестве посылок, что избавляет нас от необходимости искать им ясное место в структуре доказательного знания «Второй аналитики». Для целей настоящей работы это является не менее, а возможно и более важным тезисом, чем предложенное в настоящей главе историческое объяснение этого факта.

[324] Как в *Harari O.* Knowledge and Demonstration.
[325] Как в *Gómez-Lobo A.* Aristotle's hypotheses and the Euclidean postulates // Review of Metaphphysics. 1977. Vol. 30. No. 3. P.430–439; *Gómez-Lobo A.* The So-Called Question of Existence in Aristotle, an. Post. 2. 1-2 // The Review of Metaphphysics. 1980. Vol. 34. No. 1. P. 71–89.

Глава 3. Гипотезы

Вопрос о специфике таких начал как аксиомы, как было показано выше, в итоге оказывается не столь важен для того, чтобы составить себе адекватное представление о сущности той модели доказательного знания, которую Аристотель конструирует во «Второй аналитике» - возможно, именно поэтому он не так часто обсуждается исследователями логического корпуса Аристотеля. Однако того же самого нельзя сказать о двух оставшихся типах начал, прямо поименованных Аристотелем в тексте «Второй аналитики» - о гипотезах и определениях. От того, как именно мы будем себе их представлять, в существенной степени зависит наше понимание текста в целом, и, как будет показано ниже, в отличие от аксиом, эти начала не испытывали недостатка внимания со стороны исследователей. При этом никакого значимого консенсуса по поводу их правильного понимания в современном аристотелеведении все же до сих пор не достигнуто, поэтому мне придется провести отдельное исследование, касающееся того и другого типа начал. Я начну с рассмотрения гипотез и проблем, связанных с пониманием их места в модели доказательного знания Аристотеля и перейду к проблемам, связанным с определениями, только в следующей главе[326].

С гипотезами и их ролью при построении доказательного знания связан целый спектр проблем. Однако в действительности фундаментальной проблемой, к которой в том или ином виде сводятся все остальные, является только одна, и именно ей будет посвящена настоящая глава. Эта основная проблема, касающаяся гипотез, связана вопросом о том, являются ли они экзистенциальными или предикативными высказываниями – т.е. служат ли они тому, чтобы постулировать без доказательства существование определенных предметов[327], или же они являются посылками,

[326] В известной мере порядок рассмотрения, предлагаемый мной в рамках данной работы (сначала гипотезы, а затем определения) не является обязательным; более того, вопросы, связанные с гипотезами, и вопросы, связанные с определениями, не могут получить своего решения по отдельности друг от друга – то, как мы пониманием один из видов этих начал, напрямую влияет на то, как мы понимаем второй их вид. Однако в целях удобства изложения – а также для того, чтобы яснее обрисовать проблемы, встающие при попытке интерпретации каждого из этих видов начал – я счел необходимым жестко отделать обсуждение гипотез от обсуждения определений в этой и следующей главе.

[327] Themistii analyticorum posteriorum paraphrasis. P. 7. 16-24; *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S.100. Anm. 1; *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle's Account of First Principles. P. 113–117; *Mansion S.* Le jugement d'existence chez Aristote. 2e éd., revue et augmentée. Louvain: Éditions de l'Institut supérieur de philosophie, 1976. P. 153; Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W. D Ross. 1949. P. 57; *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. P.

приписывающими (или наоборот отрицающими) некий предикат субъекту доказательства в условиях, когда между этими субъектом и предикатом не существует никакого среднего термина[328] [329]. Как мы увидим ниже, в формулировке Аристотеля гипотезы, фактически, имеют вид «λαμβάνωμεν, ὅτι ἔστι *x*», т.е. «примем, что *x* есть». Однако в силу как определенных особенностей греческого языка, так и противоречивых свидетельств Аристотеля, эту формулировку можно понять различными способами. Сторонники экзистенциального прочтения понимают ее в смысле «примем, что существует *x*» - т.е. в смысле утверждения бытия определенного предмета или термина. Сторонники предикативной интерпретации считают, что настоящей формулировкой гипотез является «примем, что x есть <y>» (или же «примем, что <y> есть x»), т.е. что в гипотезе высказывается определенный факт,

---

53-57; *Fritz K. von*. Die Archai in der griechischen Mathematik. S. 27 *Aristote*. Seconds Analytiques / éd. par J. Tricot. P. 23-24; *Szabó Á.* Anfänge der griechischen Mathematik. S. 307; *Landor B.* Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4 // Phronesis. 1981. Vol. 26. No. 3. P. 308–318; *Leszl W.* Mathematics, Axiomatization and the Hypotheses, P. 309 // Aristotle on Science, the «Posterior Analytics»: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by Enrico Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 271–328; *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 122-132; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes, 1994. P. 100-101; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 41-61; *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. С. 290; 299; *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 61; 171-173.

[328] Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria. P. 35.4-19; Thomae Aquinatis in libros posteriorum analyticorum expositio. P. 159; Aristotelis Stagiritae Peripateticorum principis Organum / edidit Iulius Pacius. P. 418; Iacobi Zabarellae Patauini in duos Aristotelis libros posteriores analyticos commentarii. P. 15D-16A (Дзабарелла не акцентирует внимание на том, что он интерпретирует это место предикативным образом; его формулировка о том, что гипотеза «ponit aliquid esse vel non esse» (ibid. P. 15 D) может быть понята и в предикативном и в экзистенциальном смысле; однако из последующего изложения становится ясно, что он понимает гипотезу как утверждающую нечто истинное, а не сообщающую о некоем существовании («<…>suppositionem esse alteram partem enuntiationis, definitionem vero neutram, quia non dicit esse, vel non esse aliquid <….>» (ibid. P. 16 A))); Aristotelis Organon graece. Vol. II. P. 308 / novis codicum auxiliis adiutus recognovit scholiis ineditis et commentariis instruxit Theodorus Waitz. Lipsiae: Sumtibus Hahniansis, 1844. (Вайц также не акцентирует предикативную интерпретацию; тот факт, что он придерживается именно ее становится ясен из того, что он противопоставляет гипотезу определению как «ἀπόφασις» «φάσις»'у; однако см. также Ibid. P. 328, где Вайц понимает «гипотезы» в экзистенциальном смысле); *Hintikka J*. On the Ingredients of an Aristotelian Science. P. 98; *Harari O*. Knowledge and Demonstration. P. 39-63; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1975. P. 103-104; Орлов (*Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля, С. 290) принимает "неопосредованную посылку доказательства", т.е. предикативную посылку, в качестве отдельного вида начал доказательного знания, однако не отождествляет ее с гипотезами. Ферджон (*Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P.49-57) занимает промежуточное положение между сторонниками экзистенциальной и предикативной интерпретации: для него гипотезы – это неопосредованные предикативные посылки доказательства, однако, вместе с тем, они имеют «экзистенциальную силу», т.е. доказывают существование того, о чем в них говорится. Пеллегрэн (*Aristote*. Seconds Analytiques / éd. par P. Pellegrin. P. 346-347) отмечает существование проблемы и приводит доводы в пользу возможности предиктивной интерпретации, однако уклоняется от того, чтобы с уверенностью заявить свою позицию в этом вопросе. Похожую позицию занимает Детель: несмотря на то, что он переводит ключевое для понимания гипотез место APo I.2 72a21-22 в очевидно предикативном смысле («ὅτι ἔστι» как «dass der Fall ist»; *Aristoteles*. Zweite Analytik. S. 9 / hrsg. von W. Detel, 2014), в своем комментарии (Ibid. S. 203. Anm. 22) он перечисляет параллельные места как в пользу предикативного, так и в пользу экзистенциального понимания гипотез, видимо, сам склоняясь к экзистенциальному прочтению (Ibid. S. 201. Anm. 6; S. 203. Anm. 24; S. 209. Anm. 95, 100).

[329] Существуют также другие точки зрения на сущность гипотез в системе Аристотеля: например, Гомеш-Лобо (*Gómez-Lobo A.* Aristotle's hypotheses and the Euclidean postulates. P. 430–439; *Gómez-Lobo A.* The So-Called Question of Existence in Aristotle, an. Post. 2. 1-2. P. 71–89.) считает, что они являются единичными высказываниями типа «постулируем, что *вот это есть x*»), однако в известной степени они являются маргинальными и едва ли заслуживают отдельного рассмотрения.

имеющий форму высказывания субъекта о предикате – иначе говоря, что гипотеза имеет вид обыкновенной посылки силлогизма. Проблема, как это столь часто бывает во «Второй аналитике», в том, что в тексте Аристотеля можно обнаружить достаточно свидетельств в пользу как той, так и другой точки зрения.

Опыт предыдущих исследователей «Второй аналитики», в компетенции и широкой эрудиции которых я не могу сомневаться, показывает, что построить полностью непротиворечивую интерпретацию даже какой-то одной части учения этого трактата (например, доктрины начал) с ходу оказывается крайне проблематично. Характерной чертой «Второй аналитики» является тот факт, что одни части текста достаточно уверенно свидетельствуют об одном, а другие – о чем-то прямо противоположном; при этом, как уже было отмечено во введении к настоящей работе, очень многие исследования этого трактата имеют тот недостаток, что, отстаивая ту или иную интерпретацию какого-то элемента учения, они как опираются только на ограниченный ряд фрагментов и доводов, свидетельствующих в ее пользу, так и подвергают критике только ограниченный ряд мест и фрагментов, свидетельствующий в пользу противоположной интерпретации. Учитывая неудачи предшествующих исследователей, у нас есть все основания полагать, что полностью непротиворечивая интерпретация имеющегося у нас на руках текста просто невозможна. В этой ситуации, я полагаю, мы должны попытаться построить интерпретацию наиболее близкую к непротиворечивой. А это в свою очередь требует при работе над конкретным элементом учения трактата быть способным принять обоснованное решение *скорее* в пользу одного его понимания, чем в пользу другого – поскольку о полной достоверности одного из прочтений речь в данном случае не идет. Но для того, чтобы сделать это, нам нужно ясно понимать, какие доводы, в каком количестве и какой силы существуют в пользу того и другого прочтения определенной проблемы. Именно эта идея лежит в основе настоящей главы – она будет выполнена как по возможности исчерпывающее перечисление всех доводов в пользу сначала экзистенциальной, а затем предикативной интерпретации, а также выяснение силы каждого из них с тем, что сравнить весомость совокупности доводов в пользу как той,

так и другой интерпретации сделать выбор между ними, обладая полной осведомленностью о том, насколько существенны свидетельства в их пользу по сравнению друг с другом.

Настоящая глава имеет следующую структуру. В первой его части приводятся и кратко обсуждаются 8 основных аргументов в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез. Вторая ее часть посвящена критике экзистенциальной интерпретации и основным аргументам в пользу предикативной интерпретации гипотез – в общей сложности в ней приводится 10 доводов, одни из которых являются чисто критическими, а другие – позитивными. В третьей части я рассматриваю, какие из перечисленных в предыдущих двух разделах аргументов оказываются полностью нейтрализованы другими аргументами, какие оказываются ими поставлены под сомнение (и насколько сильно) и, наконец, какие остаются незатронутыми критикой. Поскольку в последнюю группу входят аргументы как в пользу той, так и в пользу другой интерпретации, я далее, обсудив принцип, на основании которого я буду приписывать больший и меньший вес имеющимся аргументам в настоящей работе в целом, взвешиваю ценность каждого из оставшихся доводов индивидуально и соотносительно друг с другом. В результате я прихожу к одной из возможных интерпретаций текста «Второй аналитики», которая позволяет согласовать между собой большинство свидетельств текста, изложенных в аргументах данной главы. Одним из принципиальных моментов этой интерпретации является тезис о том, что гипотезы являются все же пропозициональными, а не экзистенциальными началами.

I. Экзистенциальная интерпретация

Экзистенциальная интерпретация гипотез является, вне всякого сомнения, самой распространенным из всех существующих пониманием сущности этого вида начал доказательного знания. Это уже само по себе означает, что имеющийся текст склоняет нас понимать гипотезы в качестве постулатов существования в большей степени, чем в качестве чего бы то ни было еще. Поэтому неудивительно, что, если мы попытаемся упорядочить наши основания понимать гипотезы именно в экзистенциальном смысле,

то обнаружим, что в пользу этой интерпретации можно привести достаточно большое количество весомых доводов. Я полагаю, что мы можем выделить следующие аргументы в пользу экзистенциальной интерпретации:

1) *Объяснение «гипотезы» в I.2*. Рассмотрение любой проблемы лучше начинать с фрагментов текста, связанных с исследуемым вопросом самым тесным образом. В нашем случае выбор в действительности невелик, поскольку с уверенностью Аристотель говорит о таком начале доказательства как гипотеза (т.е. прямо идентифицируя в рамках одного периода гипотезу (ὑπόθεσις) как один из видов неопосредованного начала умозаключения (ἄμεσος ἀρχὴ συλλογιστική)) только однажды – во I.2 «Второй аналитики»[330]. Аристотель здесь определяет гипотезу, указывая что она является «тем из положений[331], что принимает какую-либо из частей противоречия» (θέσεως δ᾽ ἡ μὲν ὁποτερονοῦν τῶν μορίων τῆς ἀντιφάσεως λαμβάνουσα), после чего он поясняет – «οἷον λέγω τὸ εἶναί τι ἢ τὸ μὴ εἶναί τι». Наиболее естественный перевод этого пояснения будет выглядеть следующим образом: «то есть, что нечто есть или что чего-то нет». И еще на четыре строки ниже мы можем обнаружить уже четкий пример гипотезы: Аристотель, насколько можно это понять из контекста, говорит, что гипотезой будет являться утверждение о «τὸ εἶναι μονάδα», т.е. о бытии единицы.

Оба замечания, идущих после определения гипотезы и объясняющих, как нужно понимать этот вид начал, при наиболее естественном прочтении достаточно ясно свидетельствуют в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез. Сначала нам

---

[330] APo I.2 72a15-24. Термин «ὑπόθεσις» в контексте обсуждения начал появляется во «Второй аналитике» и в других местах (прежде всего – в I.10 76b23-34 и b35-77a4, но также APo I.19 81b15; I.25 86a33-35), но есть серьезные основания сомневаться в том, что в этих местах речь идет о тех же самых гипотезах – см. в настоящей работе ниже стр. 139-145. Кроме того, «Вторая аналитика» содержит фрагменты, содержание которых, по крайней мере, на первый взгляд, существенно перекликается с обсуждением гипотез в I.2 – здесь речь прежде всего о I.10 76a29-b22, но также о I.1 71a11-17; II.9 93b22. Однако, во-первых, в указанных фрагментах ни разу не звучит само слово «гипотеза», а во-вторых, существуют и иные, чисто теоретические основания для того, чтобы сомневаться в возможности отождествить гипотезы и те виды начал, которые обсуждаются в указанных фрагментах – см. в настоящей работе стр. 135-139 (II-6).
Другими словами, во всех прочих фрагментах «Второй аналитики» перед нами либо нет самого слова «гипотеза» (даже если у нас есть основания думать, что речь в них идет о них), либо нет достаточных оснований думать, что речь идет о том самом виде начал, который назван гипотезами во I.2 (даже если в тексте мы встречам слово «гипотеза»).

[331] Чуть выше (72a14-18) Аристотель определяет положение (θέσις) как такое неопосредованное начало, которое хотя его и нельзя доказать, в то же время необязательно иметь изучающему что бы то ни было, отличая его тем самым от аксиомы, которую необходимо знать любому, приступающему к изучению какого бы то ни было предмета. Для нас деление начал на аксиомы и положения пока не так важно – в нашем случае мы имеем дело только с положениями.

говорится, что гипотезы – это утверждения о существовании или несуществовании чего-то, а затем эта мысль подкрепляется примером – так, гипотезой будет утверждение о том, что единица существует[332].

2) *Доказательство существования в I.10*. Другой фрагмент, из которого мы можем почерпнуть свидетельства, играющие в пользу экзистенциального прочтения гипотез – это, разумеется, начало 10 главы I-й книги, отрывок 76a31-b22. 10-я глава – это второе наиболее существенное обсуждение вопроса начал доказательного знания во «Второй аналитике» (наряду с уже упомянутой I.2). В ней Аристотель говорит видах начал, которые при самом естественном прочтении вполне нетрудно в точности отождествить с видами начал, которые были перечислены им в I.2. В самом деле, в двух фрагментах I.10 рассматриваются «общие <начала>» (τὰ κοινά)[333] и «так называемые общие аксиомы» (τὰ κοινὰ λεγόμενα ἀξιώματα)[334], в которых хотя бы уже в силу одной общности названия можно увидеть соответствие аксиомам из второй главы; также в этой главе утверждается, что для всех терминов, о которых будет вестись доказательное исследование, необходимо принять (т.е. постулировать, λαμβάνειν), что каждый из них значит (τί σημαίνει)[335] – здесь легко усмотреть аналогию с определениями 2-й главы, хотя этот термин и не употреблен здесь прямо; наконец Аристотель говорит, что для определенных терминов также нужно постулировать, что они есть (ὅτι ἔστι)[336], или их бытие (τὸ εἶναι)[337] – и эту предписываемую Аристотелем практику легко поставить в соответствие с его словами о необходимости для построения доказательного знания таких начал как гипотезы во 2-й главе.

---

[332] Такого прочтения этой главы придерживаются Росс (Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W. D Ross. 1949. P. 57; 508; 510-511); Трико (*Aristote*. Seconds Analytiques / éd. par J. Tricot. 2012. P. 23-24); Ландор (Landor B. Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4); Маккирахан (McKirahan R.D. Principles and Proofs. P. 41-43); Зайдль (*Aristoteles*. Zweite Analytiken / hrsg. von H. Seidl. S. 206-207.); Барнс (Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes, 1994. P. 100-101), Бронштейн (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 61). Голдин (Goldin O. Explaining an Eclipse. P. 41-43) считает, что из одного лишь этого места нельзя с уверенностью извлечь экзистенциальное понимание гипотез, однако в ходе дальнейшего исследования склоняется именно к экзистенциальной интерпретации этой главы.

[333] APo I.10 76a37-b2.

[334] APo I.10 76b14.

[335] APo I.10 76a32; b7; 15-16; 19-21.

[336] APo I.10 76a33; b9-10; 17-19.

[337] APo I.10 76a35; b3; 6; 12; 17.

На данном этапе исследования нас интересует исключительно последняя аналогия. В процедуре постулирования существования для, как говорит Аристотель, «первых» предметов[338] большинство интерпретаторов действительно с готовностью узнают гипотезы I.2[339], что и не удивительно: в пользу такой точки зрения любого читателя склоняет множество простых, но в то же время вполне весомых аргументов.

а) Аристотель в обоих случаях прямо заявляет, что он ведет речь о началах (ἀρχαί)[340] – что делает предположение о том, что в обоих случаях речь идет не только об одном и том же роде вещей, но и об одних и тех же видах этого рода очень вероятным.

б) Более того, в I.10, как уже было отмечено выше, можно при желании найти точное соответствие всем трем видам начал, перечисленным в I.2 – аксиомы прямо названы по имени, определения можно увидеть в требовании Аристотеля принять значения для всех используемых в доказательстве терминов, а кроме того, здесь же присутствует требование постулировать бытие для «первых» предметов, в котором можно усмотреть гипотезы. Если трем видам начал, перечисленным в I.2, можно найти точное соответствие здесь, то это придает большой вес предположению о том, что в обоих случаях речь идет в точности об одних и тех же предметах. Для нас, в частности, важно, что эта дает нам хорошие основания верить, что постулирование

[338] Аристотель использует здесь (APo I.10 76a32), как и в других местах (см Index. Arist. 653b59-654a5) субстантивированную форму τὰ πρῶτα; при передачи этой формы на русский язык, разумеется, необходимо употребить после «первые» какое-либо существительное – в противном случае она будет вызывать непонимание. Проблема, однако, заключается в том, что не совсем просто заранее понять, какое именно существительное будет в данном случае корректно употребить. Аристотель в разных местах «Второй аналитики» дает основания считать, что под «первыми» в его доказательной науке нужно понимать первые <вещи> (APo I.10 72a31-36), первые <термины> (APo II.19 100a3-b5) или первые <посылки> (APo I.2 72a5-14). Пока этот вопрос не решен, я предпочитаю формулировку «первые» <предметы>; при этом слово «предмет» здесь использовано в предельно абстрактном и не обязывающем к какому-то конкретному пониманию этого вопроса смысле, примерно в том смысле, в каком употребляется в этом месте слово «item» в английский переводах Аристотеля.

[339] *Heath T.L.* A history of Greek mathematics. P. 336-338; *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle's Account of First Principles. P. 113–117; *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. P. 50-57; Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. 1949. P. 538-539; *Fritz K. von*. Die Archai in der griechischen Mathematik. S. 27; *Aristote*. Seconds Analytiques / éd. par J. Tricot. 2012. P. 63-65; *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 40-41; 125; 142-143; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 46-50; 58-61; *Aristoteles*. Zweite Analytik. S. 203. Anm. 24; S. 209. Anm. 95, 100 / hrsg. von W. Detel, 2014); *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 170–173.

[340] APo I.2 72a14-15 и 10 76a31; 33

бытия в I.10 главе – это и есть существо гипотез из I.2, несмотря на то, что само слово «гипотезы» в интересующих нас фрагментах I.10 не употребляется[341].

в) Для описания процедуры постулирования бытия в I.10 используется лексика, крайне похожая на ту, что была употреблена для описания гипотез в I.2 (ὅτι ἔστι; τὸ εἶναι).

г) Пример, используемый в первой главе для иллюстрации сущности гипотезы – бытие единицы – дважды встречается в интересующем нас отрывке I.10 главы в качестве иллюстрации постулирования бытия «первых» предметов[342].

д) Несмотря на то, что, как уже было отмечено выше, само слово «гипотеза» не встречается нам в указанном фрагменте ни разу, в 76b17 в ходе обсуждения необходимости постулировать «τὸ εἶναι» для рода исследуемых вещей, Аристотель говорит о том, что «τὸ εἶναι» рода необходимо «ὑποτίθεσθαι»[343]. «Ὑποτίθεσθαι» - это глагольный аналог существительного «ὑπόθεσις», так что при желании тот факт, что хотя Аристотель и не упоминает здесь о «гипотезах», он говорит о «гипотезировании» бытия вещей, можно рассматривать как дополнительное свидетельство в пользу того, что в начале I.10 речь идет именно о гипотезах.

Все это является достаточно хорошим основанием для того, чтобы отождествить принятие гипотез I.2 с постулированием бытия I.10. И если мы соглашаемся с этим отождествлением, то это, безусловно, дает нам хороший аргумент в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез, поскольку процедуру принятия «ὅτι ἔστι» и «τὸ εἶναι» для «первых» предметов рода и доказательства для всего прочего, предписываемую в I.10, сложно понять иначе, чем как требование Аристотеля постулировать для них существование.

---

[341] Следует отметить, что само слово ὑπόθεσις активно употребляется во второй части I.10 главы, где гипотезы становятся непосредственным предметом рассмотрения; однако в силу того, что у нас есть серьезные основания для того, чтобы сомневаться в том, что здесь идет речь о тех же самых гипотезах, что во 2-й главе, а также в силу того, что даже если мы все же согласимся, что это те же самые гипотезы, то это будет свидетельствовать скорее против экзистенциального прочтения этого типа начал, мы пока отложим рассмотрения этой части I.10 (см. ниже стр. 139-145, аргумент (II-7))

[342] APo I.10 76a35; b3-5.

[343] Если точнее, то конкретно в этом месте он говорит о том, что иногда его как раз нет нужды «ὑποτίθεσθαι» – однако это само по себе подразумевает, что Аристотель готов употреблять этот глагол для обозначения операции постулирования «τὸ εἶναι».

Чтобы показать, что экзистенциальная интерпретация для I.10 действительно является самой естественной, рассмотрим подробнее места, связанные с предполагаемыми гипотезами в первой части этой главы. Аристотель говорит о необходимости постулировать бытие в трех ее местах – a) 76a31-36; b) 76b3-11 и c) 76b11-19; кроме того, в первых двух фрагментах Аристотель помимо необходимости постулирования бытия для «первых» предметов указывает также на то, что бытие всех остальных предметов, с которыми доказательство будет иметь дело, кроме «первых», должно быть доказано. Рассмотрим эти места одно за другим

a)

> Λέγω δ᾽ ἀρχὰς ἐν ἑκάστωι γένει ταύτας ἃς **ὅτι ἔστι** μὴ ἐνδέχεται δεῖξαι. τί μὲν οὖν σημαίνει καὶ τὰ πρῶτα καὶ τὰ ἐκ τούτων, λαμβάνεται, **ὅτι δ᾽ ἔστι, τὰς μὲν ἀρχὰς ἀνάγκη λαμβάνειν, τὰ δ᾽ ἄλλα δεικνύναι**· οἷον τί μονὰς ἢ τί τὸ εὐθὺ καὶ τρίγωνον, **εἶναι δὲ τὴν μονάδα λαβεῖν καὶ μέγεθος, τὰ δ᾽ ἕτερα δεικνύναι.**
>
> Началами в каждом роде я называю то, о чем нельзя доказать, **что оно *есть***. В самом деле – что обозначают как первые <предметы>, так и <производные> из них – это принимается; а **что они *есть* – то для начал это необходимо принять, а для <всего> остального доказать**. Так, например, <следует принять> что такое единица или что такое прямое и что такое треугольник; **что единица и величина *есть* – это <тоже следует> принять, а все другое <необходимо> доказать.**

Жирным шрифтом в тексте выделены те части, которые в данном фрагменте нас интересуют прежде всего. Наиболее естественным пониманием этих частей *в целом*, безусловно, является их понимание в экзистенциальном смысле: начало – это то, существование чего нельзя доказать, его существование нужно постулировать без доказательства, тогда как существование производных предметов, в отличие от существования начал, доказать не только возможно, но и необходимо в ходе получения доказательного знания. Вместе с тем, нельзя не отметить, что имей мы дело с тремя выделенными частями текста по отдельности, едва ли мы могли бы быть столь

уверены в экзистенциальном прочтении каждого из них. Фактически, для первых двух выделенных мест вполне разумным и даже вовсе ненадуманными было бы предикативное прочтение. Таким образом, в данном случае важную роль в интерпретации этого отрывка играет третье из выделенных мест, представляющее собой пример. Утверждение о том, что мы должны принять εἶναι <…> τὴν μονάδα <…> καὶ μέγεθος непросто прочитать иначе, чем требование постулировать, что единица и величина *есть*, т.е. существуют. Это далее склоняет нас к экзистенциальному прочтению всего фрагмента в целом – просто в силу того, что мы естественным образом обязаны предполагать, что на расстоянии пяти строк Аристотель не мог резко сменить предмет обсуждения и приводимый пример не может не быть адекватен изначальному предмету обсуждения.

b)

Ἔστι δ᾽ ἴδια μὲν καὶ ἃ λαμβάνεται εἶναι, περὶ ἃ ἡ ἐπιστήμη θεωρεῖ τὰ ὑπάρχοντα καθ᾽ αὑτά, οἷον μονάδας ἡ ἀριθμητική, ἡ δὲ γεωμετρία σημεῖα καὶ γραμμάς. **ταῦτα γὰρ λαμβάνουσι τὸ εἶναι** καὶ τοδὶ εἶναι. τὰ δὲ τούτων πάθη καθ᾽ αὑτά, τί μὲν σημαίνει ἕκαστον, λαμβάνουσιν, οἷον ἡ μὲν ἀριθμητικὴ τί περιττὸν ἢ ἄρτιον ἢ τετράγωνον ἢ κύβος, ἡ δὲ γεωμετρία τί τὸ ἄλογον ἢ τὸ κεκλάσθαι ἢ νεύειν, **ὅτι δ᾽ ἔστι, δεικνύουσι διά τε τῶν κοινῶν καὶ ἐκ τῶν ἀποδεδειγμένων.**

С другой стороны, **есть <такие начала**, которые являются> собственными <для каждого знания> и **для которых принимается их бытие**. Именно принадлежащие им субстанциально <свойства каждое> знание <и> рассматривает – например, арифметика <рассматривает такие свойства> у единиц, а геометрия – у точек и линий. **Ибо в именно в отношении и этих <начал> принимают, что они *есть***, и что они есть такие-то. Что же касается их <присущих им> самим-по-себе свойств, то <в их случае>, что <именно> каждое из них обозначает, принимается – как например, в арифметике что <обозначает> четное, нечетное, квадрат или куб, а в геометрии – что <обозначает> иррациональное или же кривая и

сходящаяся <линия> - **а что <каждое из них> *есть* – это доказывается через общие <всем знаниям> начала и из уже ранее доказанного**.

Это место говорит в пользу экзистенциального прочтения еще более, чем предыдущий – просто постольку, поскольку прочитать выделенные в нем места в предикативном смысле, в отличие от предыдущего фрагмента, очень сложно даже по отдельности. Отчасти это связано с тем, что в отличие от места (a) здесь Аристотель переходит сразу к обсуждению примеров того, для чего принимается существование и, учитывая характер этих примеров и общий контекст очень мало понятно, что могло бы значить, что нужно принять «τὸ εἶναι μονάδας» и «τὸ εἶναι γραμμάς» в предикативном смысле (и если это действительно могло бы быть прочитано предикативно, то чем бы отличалось постулирование «τὸ εἶναι» от постулирования также предписываемого здесь «τοδὶ εἶναι»), тогда как понимание этих выражений как требования постулирования существования единиц и линий не только более естественно грамматически, но и дает абсолютно внятный смысл.

Таким образом, в целом, прочтение этого места в точно том же смысле, что и предыдущего – т.е. в том смысле, что для собственных начал доказательного знания необходимо постулировать существование, а для всего остального, что встретиться нам в процессе построения знания, его существование необходимо доказать – в данном случае является не только наиболее естественным с точки зрения, так сказать, непредвзятого, спонтанного прочтения, но и единственное делает весь фрагмент в целом понятным и имеющим разумное содержание.

c)

Πᾶσα γὰρ ἀποδεικτικὴ ἐπιστήμη περὶ τρία ἐστίν, **ὅσα τε εἶναι τίθεται (ταῦτα δ᾽ ἐστὶ τὸ γένος, οὗ τῶν καθ᾽ αὐτὰ παθημάτων ἐστὶ θεωρητική)**, καὶ τὰ κοινὰ λεγόμενα ἀξιώματα, ἐξ ὧν πρώτων ἀποδείκνυσι, καὶ τρίτον τὰ πάθη, ὧν τί σημαίνει ἕκαστον λαμβάνει. ἐνίας μέντοι ἐπιστήμας οὐδὲν κωλύει ἔνια τούτων παρορᾶν, οἷον **τὸ γένος μὴ ὑποτίθεσθαι εἶναι, ἂν ᾖ φανερὸν ὅτι ἔστιν (οὐ γὰρ ὁμοίως δῆλον ὅτι ἀριθμὸς ἔστι καὶ ὅτι ψυχρὸν καὶ θερμόν)**, καὶ τὰ

πάθη μὴ λαμβάνειν τί σημαίνει, ἂν ᾖ δῆλα· ὥσπερ οὐδὲ τὰ κοινὰ οὐ λαμβάνει τί σημαίνει τὸ ἴσα ἀπὸ ἴσων ἀφελεῖν, ὅτι γνώριμον. ἀλλ᾽ οὐδὲν ἧττον τῇ γε φύσει τρία ταῦτά ἐστι, περὶ ὅ τε δείκνυσι καὶ ἃ δείκνυσι καὶ ἐξ ὧν.

Ведь всякое доказательное знание имеет дело с тремя <вещами>: <1> **тем, о чем нужно постулировать его бытие (это – род, чьи <присущие ему> субстанциально свойства <знание и> рассматривает)**, <2> так называемые общие акисомы, из которых как из первых происходит доказательство, и <3> третье здесь – это свойства, для каждого из которых принимается, что оно обозначает. В случае некоторых наук ничто не мешает тому, чтобы что-нибудь из этого было пропущено – **например, чтобы не было постулировано бытие рода, если <и так> понятно, что он *есть* (ведь не в одинаковой степени ясно, что *есть* число и что *есть* холодное и теплое)**, или чтобы не было принято, что обозначают свойства, если это <и так> ясно, равно как и в случае общих <начал>, чтобы не было принято, что обозначает отнять равные <количества> от равных <количеств>, потому что это и так известно. Однако это ничуть не умаляет того, что по природе <во всяком знании> есть именно эти три <вещи>: то, о чем идет доказательство, то, что доказывается и то, из чего <доказывается>.

В случае этого места мы во многом имеем ситуацию, аналогичную предыдущему, и все, что было сказано о нем, может быть вновь перечислено здесь. Экзистенциальное прочтение, согласно которому мы должны постулировать существование рода тех вещей, о которых будет вестись доказательство, в данном случае лежит на поверхности и выглядит самым простым и вызывающим меньше всего вопросов. Дополнительным свидетельством в пользу экзистенциальной интерпретации в данном случае можно считать пояснение в 76b18-19: «οὐ γὰρ ὁμοίως δῆλον ὅτι ἀριθμὸς ἔστι καὶ ὅτι ψυχρὸν καὶ θερμόν». До этого в тексте встречались просто примеры тех вещей, для которых нужно постулировать «ὅτι ἔστι»; в данном же случае текст указывает, что «ὅτι ἔστι ἀριθμὸς и ὅτι ἔστι ψυχρὸν καὶ θερμόν» (возможно, род для

материальных вещей[344]) – ясно не в одинаковой степени, и поэтому в случае одного из них (я полагаю, числа) «ὅτι ἔστι» можно специально не артикулировать, тогда как в случае другого (предположительно, «теплого-и-холодного», в котором не так просто увидеть отдельный единый род вещей), это сделать необходимо. Экзистенциальная понимание в данном случае вполне удачно вписывается в контекст, давая хороший смысл: что существует такой тип вещей как числа, едва ли кого-то потребуется убеждать, а вот что существует некое достаточно абстрактное «теплое-и-холодное», которое к тому же является родовой природой для знакомых нам вещей – это требует пояснения[345]. Напротив, попытка прочитать это же самое замечание в предикативном смысле не дает никакого внятного понимания слов Аристотеля.

---

[344] Ср. De Gen II.3.

[345] Возможно и другое понимание распределения ролей существующего с большей и меньшей очевидностью в этом примере, которое многим, пожалуй, покажется, более интуитивным: согласно этому пониманию, как раз «теплое» и «холодное» (понимаемые в данном случае как отдельные реальные чувственные качества) – это нечто, на постулирование существования чего не стоит отвлекаться, поскольку никто не сомневается, что эти вещи действительно существуют – по той простой причине, что они доступны нам чувственно; тогда как число в действительности, как известно, не есть нечто чувственно воспринимаемое, и потому его существование отнюдь не очевидно, так что мы должны отдельно постулировать, что оно существует. Достоинством этой интерпретации, безусловно, является тот факт, что она отражает характерное для Аристотеля подозрение по отношению к математическим предметам. Однако в то же время у нее есть существенные недостатки.

Во-первых, замечание Аристотеля в данном случае очевидно должно быть направлено на согласование предписаний, которые дает его теория, с реальной научной практикой, знакомой его слушателям – в противном случае совершенно неясно, зачем он вдруг начинает говорить, что вообще-то конкретная наука может пропустить что-то из того, постулирование чего он предписывает, но это не страшно, потому что ничуть не подрывает его общей схемы (это в том числе видно и из примера с ПРО – Аристотель говорит, что его значение не объясняется на практике (что, если судить по «Началам» Евклида действительно верно), потому что оно и так всем известно). Значит, всего скорее, он должен апеллировать к реальной научной практике и в примере с постулированием рода. Из этого следует, что в этом примере он отталкивается от того, постулируется или нет существование числа в современной ему математике. Мы не можем быть уверены в этом точно (современных Аристотелю математических трактатов до нас не дошло), однако с очень высокой степень вероятностью можем предположить, что с постулирования существования рода «числа» доказательства современных Аристотелю математиков никогда не начинались. Тогда как постулирование существования теплого-и-холодного в истории греческой мысли, согласно самому Аристотелю, имеет прецеденты: в частности, такое сочетание начал сущего постулировал Парменид (напр., Phys. I.5 188a21-22).

Это не самый сильный аргумент, поскольку Аристотель, как мы видели, вообще-то постоянно предписывает постулировать существование, например, единиц, тогда как подобной практики, насколько мы можем судить, у математиков тоже никогда не существовало. Объяснением этого факта может служить то обстоятельство, что, в отличие от всех других мест, именно здесь Аристотель обращается к зазорам между его теорией доказательства и реальной доказательной практикой – т.е. именно здесь он и пытается объяснить, почему существование единицы или протяженной величины реально никогда не постулируется. В других местах его в меньшей степени интересует отношение между математической практикой и его теорией; здесь он занимается им специально.

Есть и еще один простой, но куда более существенный аргумент в пользу того, что мы едва ли можем считать, что мы должны постулировать существование для числа, а для теплого и холодного – необязательно. Дело в том, что, согласно этой интерпретации, мы пониманием теплое и холодное как отдельные чувственные качества (именно потому что они ощущаются чувством и знакомы нам, нет смысла постулировать их бытие). Но это вынуждает нас в соответствие с логикой текста сказать, что у Аристотеля существуют такие отдельные роды сущего как «теплое» и «холодное»; при этом каждый из них исследует отдельное доказательное знание-наука. Мне кажется вполне очевидным, что Аристотель не мог иметь в виду ничего подобного.

***

Каждое из мест (a) – (c) достаточно надежно читается в экзистенциальном смысле по отдельности, что в целом дает экзистенциальной интерпретации излагаемого здесь Аристотелем учения еще больше силы: если бы перед нами было, например, только место (a), которое, как уже было замечено при его рассмотрении, возможно, склоняет нас к экзистенциальному прочтению себя в наименьшей степени, нам было бы несколько труднее с уверенностью читать его в экзистенциальном смысле (хотя, всего скорее, мы бы все равно были склонны читать его скорее именно так), чем когда оно дан нам в ряду пассажей, каждый из которых скорее предполагает свое экзистенциальное прочтение.

Заканчивая несколько затянувшееся изложение этого свидетельства в пользу экзистенциального прочтения гипотез, стоит еще раз кратко изложить его суть. В целом, этот довод выглядит так: в I.10 Аристотель говорит о началах; среди прочего при разговоре о началах он предписывает постулировать «ὅτι ἔστι» и «τὸ εἶναι» для одних вещей и доказывать их для других. Наиболее естественным прочтением всех мест, где фигурирует это предписание, является прочтение в смысле требования постулировать существование для первых предметов, с которых мы начинаем доказательство, и доказывать его для остальных. При этом у нас есть серьезные основания считать, что, когда Аристотель говорит в I.10 о постулировании «ὅτι ἔστι» и «τὸ εἶναι», он говорит в точности о тех же вещах, которые в I.2 были названы им «гипотезами». Таким образом, в постулирование гипотез Аристотель должен вкладывать экзистенциальный смысл.

***

Выше были подробно – почти по строчке – разобраны два главных фрагмента «Второй аналитики», касающихся экзистенциальной интерпретации гипотез – 72a14-24 (I.2) и 76a31-b22 (1-я часть I.10). Я был вынужден прибегнуть к такому способу

Насколько я могу судить, единственным из комментаторов, согласным с предлагаемым мной пониманием этого места, является Александр, сообщение о чем мы находим у Филопона (Ioannis Philoponi in Aristotelis Analytica Posteriora Commentaria. P. 126.1-10); на чем основано мнение Александра, Филопон, впрочем, не указывает.

рассмотрения (и, соответственно, несколько обманчиво классифицировать все эти фрагменты целиком как доводу в пользу экзистенциального прочтения гипотез), поскольку без знакомства с ними контекст прочих аргументов – как в пользу этой интерпретации, так и против нее – был бы совершенно непонятен для читателя, никогда не исследовавшего «Вторую аналитику» углубленно. Однако последующие аргументы будут иметь другую форму – они будут указывать на некоторые более общие соображения в пользу экзистенциальной интерпретации, как правило, не локализованные в каком-то одном фрагменте «Второй аналитики», но встречающиеся в ряде ее мест. С этим связана еще одна особенность нижеследующих аргументов, о которой необходимо заранее упомянуть – они будут нередко черпать материал из уже разобранных выше фрагментов для иллюстрации некоторых особенностей, которые, будучи представлены в тексте более широко, могут дать дополнительный вес экзистенциальной интерпретации.

3) *Экзистенциальное прочтение «εἶναι»*. В целом, когда мы встречаем во «Второй аналитики» описания процедур, которые можно отождествить с постулированием гипотез, мы, как правило, имеем дело – как уже было указано при разборе фрагментов I.2 и I.10 – с двумя способами описания этих процедур: в одних случаях Аристотель использует для этого оборот «ὅτι ἔστι»[346], а в других – обороты, содержащие инфинитив «εἶναι»[347]. При этом оборот «ὅτι ἔστι» фундаментальным образом двусмысленен – с его помощью мы можем легко говорить (как минимум) как о существовании вещей («λέγω ὅτι ἔστι τραγέλαφος» – «я говорю, что козлоолень существует»), так и о том, что они обладают каким-то свойством («λέγω ὅτι ἔστι τραγέλαφος ζῷον ἄγριος» – «я говорю, что козлоолень – это дикий зверь»), и Аристотель действительно использует его как в том, так и в другом смыслах, и даже однажды специально уделает время, чтобы разграничить эти два смысла[348]. Таким образом, встречая в тексте оборот «ὅτι ἔστι» мы не можем на одном только основании

[346] APo I.1 71a12; 14; 10 76a31; 33; 76b18-19; II.1 89b34; II.2 90a2-5; 8-9; 22; 7 92b1; 4; 8-9; 14-15; 16; 20; 8 93a 25; 26 (2); 27; 28; b2-3; 9 93b25; 10 93b32-33.
Аристотель также использует устойчивый оборот «τὸ ὅτι» (APo II.1 89b24; 26; 29; II.2 89b39; 40; 90a2; II.8 93a17; 19; 20; 35-36), который во многих случаях, насколько можно судить, совпадает по значению с оборотом «ὅτι ἔστι».
[347] APo I.2 72a20; 23-24; I.10 76a35; 76b3; 6; 17; 35-36; I.25 86b8-9; 9-10; II.7 92b10-11; 13-14; II.8 93a33; II.9 93b23.
[348] APo II.2 89b38-90a5. См. подробнее ниже, стр. 125-127.

его употребления сделать вывод о том, что в данном случае идет речь о существовании; даже при первом прочтении текста «Второй аналитики», еще не будучи знаком с узусом Аристотеля, достаточно владеющий греческим языком читатель чувствует, что для определения того, что Аристотель имеет в виду, употребляя оборот «ὅτι ἔστι» в каком-либо конкретном месте, ему нужен контекст – иными словами, сам по себе этот оборот не дает нам оснований для как для экзистенциального, так и для предикативного прочтения текста. Однако не так обстоит дело с оборотами, содержащими инфинитив «εἶναι». Судя по всему, само использование таких оборотов, в отличие от случаев, когда Аристотель использует оборот «ὅτι ἔστι», побуждает нас прочитывать тот текст, в котором они употребляются скорее в экзистенциальном смысле. Мы легко можем представить себе, как оборот «ὅτι ἔστι» может быть чисто с грамматической точки зрения использован для выражения предикации, однако в случае с оборотами, содержащими инфинитив «εἶναι», это сделать не так просто.

Таким образом, всякий раз, когда Аристотель, говорит о бытии, употребляя инфинитив «εἶναι», мы склонны понимать его слова, как утверждающие нечто о бытии в абсолютном смысле, а не о бытии чего-то чем-то. Вместе с тем нет такого используемого Аристотелем при разговоре о началах доказательного знания оборота, который в равной мере одним своим появлением склонял бы нас к предикативному прочтению гипотез (оборот «ὅτι ἔστι» легко читается в обоих смыслах). Значит, сам тот факт, что Аристотель употребляет в данном случае обороты с «εἶναι» можно расценивать как довод в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез.

4) *Экзистенциальное прочтение «εἰ ἔστι»*. Помимо упомянутого оборота «ὅτι ἔστι» и конструкций с «εἶναι», Аристотель употребляет для разговора о бытии во «Второй аналитики» еще один оборот, а именно «εἰ ἔστι»[349]. Употребление этой конструкции отличается от прочих тем, что Аристотель специально объясняет, что

[349]APo I.1 71a26; APo II.1 89b24; 32; 33; II.2 89b38; 39; 90a3-5; 6; 8; 21-22 (в последних двух случаях на самом деле используется оборот «ᾆρ’ ἔστι», однако, во-первых, контекст явно показывает, что он служит точным эквивалентом «εἰ ἔστι», а во-вторых, смысловое различие между этими двумя оборотами минимально даже если не принимать во внимание контекст); II.7 92b17-18; II.8 93a4; 20; 21; 32-33; II.10 93b34.

именно он подразумевает, говорят о том, «есть ли» вещь[350]. Объяснение дается не только на примерах, не оставляющих сомнения в том, что в данном случае речь идет именно о существовании (εἰ ἔστιν ἢ μὴ ἔστι κένταυρος ἢ θεός; «существует ли <на свете> кентавр или бог?»[351]), но и со следующим после него замечанием, устраняющим все сомнения в экзистенциальной интерпретации этого места: «τὸ δ᾽ εἰ ἔστιν ἢ μὴ ἁπλῶς λέγω, ἀλλ᾽ οὐκ εἰ λευκὸς ἢ μή»[352], что с уверенностью можно перевести как «под “есть ли или нет” я имею в виду <есть ли кентавр или бог> вообще, а не есть ли он, <например,> белый или нет».

Итак, по крайней мере, в этом месте, Аристотель говорит именно о существовании – в этом мы можем быть вполне уверены. Этого, впрочем, недостаточно, чтобы мы могли считать это аргументом в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез – для этого мы должны связать это рассуждение Аристотеля с проблематикой первых начал. Один способ сделать это будет приведен в рамках следующего аргумента – как мы увидим, Аристотель использует оборот «εἰ ἔστι» во фрагменте, напрямую связанном с проблематикой постулирования существования, необходимого для доказательства[353]. Другой способ несколько сложнее и требует более детального анализа текста.

В тех главах, где Аристотель впервые вводит оборот «εἰ ἔστι» в качестве устойчивой терминологической единицы и объясняет его словоупотребление, – то есть в 1 и 2 главах II книги «Второй аналитики» - Аристотель говорит о четырех видах исследования, каждое из которых в определенном смысле отождествляется им с исследованием среднего термина: мы можем задаваться вопросом о том, что нечто *есть* (τὸ ὅτι), почему оно есть (τὸ διότι), есть ли нечто (εἰ ἔστι), и *что* оно есть (τί ἐστι). Интересующий нас вопрос «есть ли?» Аристотель идентифицирует как вопрос о том,

[350] Наряду со значением «εἰ ἔστι» в Аристотель также объясняет APo II.1-2 89b24-90a5, что он подразумевает под «τὸ ὅτι», и есть основания полагать, что этот последний оборот может быть эквивалентен по значению обороту «ὅτι ἔστι». Однако, как уже было указано выше, вопрос о соотношении значений оборотов «τὸ ὅτι» и «ὅτι ἔστι» нужно решать отдельно, и заранее мы не можем сказать, есть ли между ними точное соответствие. Поэтому из трех наиболее употребительных оборотов, используемых для рассуждения о бытии во «Второй аналитике», мы имеем прямое объяснение только для оборота «εἰ ἔστι».
[351] APo II.1 89b32.
[352] APo II.1 89b33.
[353] APo II.7 92b17-18; APo II.8 93a20.

имеет ли место средний термин[354], средний же термин Аристотель отождествляет с причиной[355]. Далее, в II.9 Аристотель различает два типа вещей: те, для которых причиной является нечто иное, и те, у которых нет иной, чем они сами, причины – т.е., насколько можно понять, те вещи, которые являются сами для себя причиной[356]. Последний вид вещей связывается им с началами доказательства, для которых нужно постулировать и существование, и суть[357]. Как нам известно из «Метафизики», иной, помимо себя самих, причины существования нет у сущностей[358]. Если мы обратимся обратно к II.1-2, то мы увидим, что примеры того, для чего ставится вопрос «εἰ ἔστι», приводимые Аристотелем – это как раз примеры сущностей[359]. Отсюда можно сделать вывод, что начала, для которых нужно постулировать существование, – это именно сущности, и именно в их отношении задается вопрос «εἰ ἔστι»[360]. А этот вопрос, как я уже указал выше – вопрос именно о существовании. Что можно считать доводом в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез[361].

5) *Познаваемо только существующее*. Один из самых существенных аргументов в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез заключается в том, что, согласно Аристотелю, знать о существовании вещей, о которых ведется доказательство, просто необходимо, поскольку познано может быть только то, о существовании чего нам в точности известно.

---

[354] APo II.2 89b37-38.
[355] APo II.2 90a5-7.
[356] APo II.9 93b21.
[357] APo II.9 93b22-25. Здесь, однако, есть определенная проблема: в данном месте в действительности говорится о постулировании сути и существования не начал, а конкретно сути (τί ἐστι) вещей, т.е. определений. См. подробнее ниже, стр. 127-129.
[358] Напр., Metaph VII.17 1041a6-21; 32-b11.
[359] Бог, кентавр (APo II.2 89b32), Луна (90a5), Солнце, Земля (90a12-13). У кого-то могут возникнуть проблемы с тем, чтобы считать сущностью треугольник, приводимый в пример в одном ряду с Землей и Солнцем (90a13), однако я полагаю, что называть математические предметы сущностями при определенных условиях для Аристотеля вполне допустимо – см. подробнее прим. 373. Пример действительно выбивающийся из этого ряда – это «ночь» в 90a5. Объяснить его появление здесь я никак не могу – как, впрочем, не могут это сделать удовлетворительным образом и большинство исследователей «Второй аналитики».
[360] Либо по крайней мере в отношении некоторых из них – потому что существование треугольника, который фигурирует в качестве примера того, о чем спрашивается «εἰ ἔστι», по Аристотелю, нужно доказать (APo I.10 76b32-36; APo II.7 92b12-16).
[361] Напрямую вопрос «εἰ ἔστι» из II.1-2 и II.7-10 «Второй аналитики» с проблемой начал, постулирующих существование, связывают, прежде всего, *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 108-134; *Орлов Е.* Философский язык Аристотеля. С. 272-299.

Аристотель прямо постулирует необходимость знать о существовании вещей, о которых ведется рассуждение, несколько раз – и все релевантные фрагменты мы находим во II-й книге «Второй аналитики». Наиболее ясная формулировка этого требования встречается нам в 7 главе:

> ἀνάγκη γὰρ τὸν εἰδότα τὸ τί ἐστιν ἄνθρωπος ἢ ἄλλο ὁτιοῦν, εἰδέναι καὶ ὅτι ἔστιν (τὸ γὰρ μὴ ὂν οὐδεὶς οἶδεν ὅ τι ἐστίν, ἀλλὰ τί μὲν σημαίνει ὁ λόγος ἢ τὸ ὄνομα, ὅταν εἴπω τραγέλαφος, τί δ᾽ ἐστὶ τραγέλαφος ἀδύνατον εἰδέναι)[362].
>
> Ибо необходимо, если мы знаем, *что* есть человек (или что бы то ни было иное), знать также, что он *есть* – ведь о несуществующем никто не знает, *что* оно есть, но <только разве что возможно знать,> что обозначает <его> описание или имя: <как, например, что я обозначаю>, когда я говорю «козлоолень», а *что* есть козлоолень <такое> – знать невозможно.

Тот факт, что в данном случае речь идет о существовании, не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует как то, что тому, что нужно знать прежде чем мы познаем «τί ἐστι» вещи, Аристотель противопоставляет «μὴ ὂν» (устойчивое выражение для обозначения небытия[363]), так и стандартный для Аристотеля пример несуществующей вещи – козлоолень[364].

Несложно также связать высказанную здесь мысль Аристотеля с проблематикой начал доказательства. Аристотель не раз говорит о том, что доказательство касается того, что присуще вещи в ее сути (τί ἐστι)[365], и что одним из видов начал доказательства являются определения[366], при этом стандартной для Аристотеля дефиницией определения является «формулировка сути <вещи>» (λόγος τοῦ τί ἐστι)[367]. Из этого следует, что для того, чтобы иметь возможность построить доказательное знание, мы должны знать суть, или «что-такое» (τί ἐστι) всех тех предметов, о которых

---

[362] APo II.7 92b4-8.
[363] Напр., Metaph IV.2 1003b10; 1004b27.
[364] См. также DeInt 1 16a16; APr I.38 49a24; Phys IV.1 208a30.
[365] Прежде всего, в APo I.4 72a34-b3, где говорится, что субстанциальные связи между терминами (которыми только и занимается знание) – это связи, основанные на том, что один из терминов входит в суть (τί ἐστι) другого.
[366] APo I.2 72a19-24.
[367] Index Arist. 524b55-60.

будет вестись рассуждение в рамках нашего доказательного знания. Эта мысль находит свое подтверждение и во фрагментах «Второй аналитики», посвященных обсуждению первых начал доказательства: стандартной позицией Аристотеля здесь является тезис о необходимости постулировать тот тип начал, который проясняет нам, «что <вещь> есть» для всех тех терминов, которые мы будет использовать в доказательстве[368]. Итак, без знания сути вещей, мы не сможем построить доказательное знание. Но без знания того, что вещь существует, мы, как мы только что видели, не можем знать ее сути. Значит, знание о существовании предметов необходимо для построения доказательного знания.

На насколько строк ниже Аристотель говорит об этом еще более прямо:

> Εἶτα καὶ δι᾽ ἀποδείξεώς φαμεν ἀναγκαῖον εἶναι δείκνυσθαι ἅπαν ὅ τι ἐστίν, εἰ μὴ οὐσία εἴη. τὸ δ᾽ εἶναι οὐκ οὐσία οὐδενί· οὐ γὰρ γένος τὸ ὄν. ἀπόδειξις ἄρ᾽ ἔσται ὅτι ἔστιν. ὅπερ καὶ νῦν ποιοῦσιν αἱ ἐπιστῆμαι. τί μὲν γὰρ σημαίνει τὸ τρίγωνον, ἔλαβεν ὁ γεωμέτρης, ὅτι δ᾽ ἔστι, δείκνυσιν. τί οὖν δείξει ὁ ὁριζόμενος ἢ τί ἐστι τὸ τρίγωνον; εἰδὼς ἄρα τις ὁρισμῷ τί ἐστιν, εἰ ἔστιν οὐκ εἴσεται. ἀλλ᾽ ἀδύνατον[369].
>
> Далее, мы утверждаем, что для всего, что есть, за исключением сущности, продемонстрировать, что оно имеет место (εἶναι), необходимо посредством доказательства. А бытие ни для чего не является сущностью, поскольку «сущее» не является родом. Значит, должно быть <дано> доказательство, что оно имеет место (ὅτι ἔστιν). И именно так и поступают знания в настоящее время. Ведь что обозначает <слово> «треугольник» - геометр принимает <без доказательства>, а что он *есть* – это он доказывает. А что же будет демонстрировать дающий определение <треугольнику>, как ни то, *что* есть треугольник? А ведь тогда некто,

[368] APo I.10 76a32-36; 76b3-11; II.9 93b21-28. При этом есть обоснованные сомнения в том, что под теми указывающими нам на то, что есть вещь, началами, о которых говорит здесь Аристотель, он подразумевает собственно определения. См. подробнее стр. 136-138.
[369] APo II.7 92b12-18

> зная, посредством определения, *что* <вещь> есть, не будет знать, есть ли она <вообще>. Но это невозможно.

Точное прочтение этого фрагмента осложнено как проблемами чисто текстологического характера, так и трудностью однозначной интерпретации способа выражения Аристотеля в конкретных его местах. Однако общий смысл сказанного Аристотелем вполне, как мне кажется, ясен, однако нуждается в контексте для понимания.

В седьмой главе Аристотель обсуждает, возможно ли продемонстрировать (δεικνύναι) что вещь такое (τὸ τί ἐστι) с помощью определения. Он отвечает на этот вопрос отрицательно. Прежде всего, он отмечает, что дающий определение не может пользоваться для демонстрации сути вещи ни умозаключением, ни наведением – поскольку вопрос состоит в том, можно ли продемонстрировать суть именно с помощью определения, и использующий один из упомянутых способов рассуждения выходил бы за пределы условий задачи[370]. Далее следует фрагмент с козлооленем, кратко рассмотренный нами выше. Взятый в более широком контексте, он должен служить часть аргумента, показывающего, что нельзя продемонстрировать суть вещи одним только определением, поскольку для того, чтобы знать (εἰδέναι), *что* вещь есть (ее суть), мы должны предварительно знать, что она *есть*, а одновременно знать то и другое с помощью одного и того же объяснения (т.е. в данном случае определения) невозможно. Определение может указать только на суть вещи, но не зная о ее существовании, мы не можем знать о ее сути. Значит, определение само по себе не может указать на его суть. Таков ход рассуждения Аристотеля до сих пор.

В настоящем же фрагменте он пытается придать этому же самому рассуждению дополнительную силу, опираясь на установленное им еще в I-й книге понятие доказательства. На поверхности рассуждение, которое он приводит здесь, не сильно отличается от того, что он уже только что произвел; основная мысль здесь все та же: само по себе определение не может в одиночку продемонстрировать суть вещи, поскольку оно не говорит нам о существовании вещи, а знать о существовании для

[370] APo II.7 92a34-b3.

того, чтобы знать ее суть, необходимо. Отличие, я полагаю, в том, что новое рассуждение отсекает путь к отступлению, которым мог бы попытаться воспользоваться воображаемый оппонент Аристотеля в данном случае. Действительно, если рассуждение Аристотеля состоит в том, что мы не можем продемонстрировать суть вещи определением, поскольку а) для того, чтобы знать суть, надо уже знать о существовании вещи б) нельзя познать существование одновременно с сутью, то для того, чтобы опровергнуть вывод, нужно атаковать одну из посылок. Аристотель рассматривает вариант, когда под удар ставится посылка (б), и для того, чтобы спасти ее, прибегает к ее дополнительному обоснованию. Это обоснование заключается в том, что, согласно уже установленному понятию доказательного знания[371], чтобы мы могли утверждать, что мы нечто знаем, мы должны дать доказательство для этого – и это рассуждение, как говорит Аристотель, применимо для всего, кроме «сущностей». Не совсем ясно, что именно Аристотель подразумевает здесь под «сущностями» - при определенном прочтении в текст можно вчитать как понимание «первые сущности», так и понимание «сущность вещей», т.е. их суть, «τὸ τί ἐστι»[372], т.е. в итоге, определения вещей[373]. Какое именно из этих прочтений мы

[371] Вероятно, Аристотель апеллирует к APo I.10 76a31-b1.

[372] Аристотель нередко использует термин «οὐσία» как синоним «τὸ τί ἐστι» (см. Index Arist. 545a49-b1).

[373] В случае первого прочтения, под «сущностями» будут подразумеваться в целом «первые» предметы рода, который исследует доказательное знание – согласно тексту «Второй аналитики» они действительно не нуждаются в доказательстве своего бытия (напр., APo I.10 76a31-36). Среди примеров, используемых в трактате, очевидными кандидатами на роль таких сущностей будут «единица» и «точка». В случае второго понимания, речь будет идти о сути вещей, т.е. об их определениях – которые, согласно тексту 2-й и 10-й глав I-й книги «Второй аналитики», а кроме того глав 3-7 II-й книги также не могут быть доказаны (взгляд Аристотеля на возможность доказательства для определений более сложен, чем простое отрицание такой возможности, развиваемое в II.3-6; однако поскольку в II.7 мы имеем дело с чисто апорематическим рассуждением, мы можем удовлетвориться позицией, высказанной в этих главах).

В целом ни первое понимание «сущности», ни второе не выглядят абсолютно нелепыми, однако с каждым из них связаны определенные проблемы.

Так, первая интерпретация приводит нас к следующей проблеме: прекрасно известно, что, согласно Аристотелю, математические предметы, к которым относятся как единицы, так и точки, не являются сущностями (напр., Metaph XIII.1 1076a16-26; II.2; XIV.3 1090b9-14). На мой взгляд, впрочем, эта трудность в действительности не так уж и страшна: по-моему, для ее преодоления нам достаточно будет указать, что, несмотря на свою антиреалистическую позицию в отношении математических предметов, Аристотель время от времени демонстрирует полную готовность называть их сущностями: даже в тексте самой «Второй аналитики» есть примеры прямого именования, например, единицы и точки сущностью (APo I.27 87a36).

Проблема со второй интерпретацией заключается в том, что в ее рамках получается, что Аристотель говорит, что единственной вещью, которую нет необходимости доказывать, является суть предмета. Что подразумевает, что существование должно быть доказано *для всего*, и, вопреки позиции 10-й главы I-й книги, нет таких предметов, которые бы были «первыми» в роду и существование которых можно было постулировать без доказательства. Это несколько снижает привлекательность такой интерпретации, однако не фатально: во-первых, этот аргумент дается Аристотелем в рамках апорематического рассмотрения вопроса, в ходе которого он, как правило, не считает себя обязанным придерживаться точных формулировок и идеально выверенных аргументов; а во-вторых, такая позиция

выберем, впрочем, не слишком важно для понимания смысла рассуждения в целом. Аристотель говорит, что «существование» не является «сущностью» (а является, подразумевается, свойством (πάθος) вещи), и эта мысль верна для обоих интерпретаций смысла «сущности». А если существование не есть сущность, а есть свойство вещи, то присущность этого свойства (как и всех остальных свойств, рассматриваемых любым доказательным знанием) вещи должна быть доказана, чтобы мы могли знать, что вещь существует[374]. Если же существование вещи должно быть доказано, а доказательство – это нечто отличное от определения, то нам удалось защитить нашу посылку (б).

Для нас, впрочем, в данном случае является важным совершенно конкретное обстоятельство в данном рассуждении: а именно тот факт, что здесь мы, в отличие от многих других фрагментов «Второй аналитики», можем быть уверены, что а) в данном случае происходит обсуждение именно существования (об этом свидетельствует тот факт, что говоря о бытии, Аристотель делает знакомое нам по IV книге «Метафизики» замечание: сущее не есть род, что безошибочно дает нам понять, что речь идет о бытии в абсолютном смысле) б) Аристотель прямо говорит о том, что знать о существовании предмета, фигурирующего в рамках нашего доказательного знания, необходимо, для того, чтобы это доказательное знание было возможно.

Ценность этих свидетельств может быть обоснованно подвергнута сомнению указанием на то, что рассмотренное нами рассуждение целиком дается Аристотелем в

(т.е. позиция, согласно которой существование необходимо доказать для всего) лучше вписывается в общий ход аргумента – если бы Аристотель заметил, что есть такие вещи, для которых их существование доказывать не надо, то это играло бы против его довода.

В целом, контекст этого аргумента делает более вероятной вторую интерпретацию (в начале главы в 92a34 Аристотель употребляет «οὐσία» и «τὸ τί ἐστι» через запятую, явно используя первое слово как синоним второго оборота; если мы посмотрим в 92b13-14, т.е. на предложение, непосредственно следующее за замечанием о том, что только для «сущности» не требуется доказывать, что она имеет место, то мы увидим, что то соображение, что существование не является сущностью (совместимое с обеими интерпретациями) подкрепляется мыслью о том, что «сущее» не есть род; единственное разумное объяснение этого комментария, которое приходит мне в голову, заключается в том, что Аристотель, держа в уме, что определение, которое представляет собой указание на суть вещи, строится по принципу род + видовое отличие, отмечает, что существование не может входить в определение (= быть в «τὸ τί ἐστι» вещи), поскольку оно не является родом (мысль о том, что оно может быть видовым отличие даже не рассматривается)), однако, насколько я могу судить, ни одна из них не выглядела бы совершенно невозможной, учитывая имеющийся текст.

[374] Нетрудно заметить, что такое понимание этого фрагмента противоречит экзистенциальному прочтению I.10, как оно дано выше, на стр. 98-106. Подробнее разбор проблем, касающихся согласования APo I.10 76a31-b19 и APo II.7 92b12-18 см. ниже на стр. 145-148.

рамках апорематического этапа исследования. Всякому читателю, достаточно знакомому с особенностями композиции сочинений Аристотеля, известно, что в рамках предварительной постановки проблем Аристотель редко рассуждает со всей строгостью и часто приводит такие доводы и аргументы, которые прямо противоречат его собственной позиции, которую он будет излагать после. Поэтому всякое рассуждение, обнаруженное в рамках апорематических глав, может быть справедливо поставлено под подозрение. И действительно, как я уже отмечал выше (см. прим. 373) даже в рамках только что рассмотренных доводов можно найти определенные несовершенства, которые, на мой взгляд, невозможно объяснить иначе, нежели посредством того, что Аристотель на данном этапе не считал нужным рассуждать со всей строгостью и скрупулезностью[375]. И все же у нас есть способ показать, что интересующий нас посыл, содержащийся в рассмотренных фрагментах 7-й главы, не является чисто композиционной или риторической фигурой рассуждения. Для этого достаточно будет заметить, что в 8-й главе той же книги, Аристотель в точности повторяет ту самую мысль, которая является для нас определяюще важной в рамках настоящего довода в пользу экзистенциального прочтения гипотез:

> ὥσπερ γὰρ τὸ διότι ζητοῦμεν ἔχοντες τὸ ὅτι, ἐνίοτε δὲ καὶ ἅμα δῆλα γίνεται, ἀλλ᾽ **οὔτι πρότερόν γε τὸ διότι δυνατὸν γνωρίσαι τοῦ ὅτι**, δῆλον ὅτι ὁμοίως καὶ τὸ τί ἦν εἶναι οὐκ ἄνευ τοῦ ὅτι ἔστιν· **ἀδύνατον γὰρ εἰδέναι τί ἐστιν, ἀγνοοῦντας εἰ ἔστιν**[376].
>
> Так вот: мы ищем «почему», уже имея <знание о том,> «что»; в некоторых случаях <и то, и другое> становятся <нам> ясны вместе, но **никогда не бывает, чтобы мы узнавали, «почему» раньше, чем <знаем**

[375] Помимо перечисленных в 373 примечании проблем, есть еще одна наиболее существенная трудность, с которой мы столкнемся, если будем принимать рассуждение 7 главы за чистую монету. Дело в том, что в таком случаемы должны прочитать основной посыл главы, «невозможно продемонстрировать суть вещи с помощью определения» как реальную позицию Аристотеля. Но Аристотель, безусловно, так не считает. Его мнение состоит в том, что, разумеется, нельзя продемонстрировать одним только определением суть вещи, однако если мы предварительно постулировали без доказательства или доказали существование исследуемого предмета, то мы можем знать его суть с помощью определения. Именно в этом и состоит решение той проблемы, которую разбирает в седьмой главе Аристотель: если устранить достаточно странное требование, чтобы суть вещи демонстрировалось «τῷ αὐτῷ λόγῳ», то ее решение элементарно сводится к тому, что сначала мы должны узнать «τὸ ὅτι» вещи (постулировав его для тех вещей, для которых его нельзя доказать, и доказав для всех прочих), а затем продемонстрировать ее «τὸ διότι», что и является настоящей позицией Аристотеля по этому вопросу.

[376] APo II.8 93a16-20.

> **о том,> «что»**. Так что ясно, что и «что такое быть <вещью>» также <становится нам известно> не раньше, чем <мы знаем,> что <эта вещь> *есть*: ибо **невозможно знать, *что* есть <вещь>, не зная, есть ли <она>.**

Подобные по смыслу пассажи можно найти и в других главах II-й книги, не принадлежащих к апорметическому этапу исследования; однако формулировка, которую мы обнаруживаем здесь, ценна для нас тем, что здесь, подводя итог, Аристотель употребляет оборот «εἰ ἔστι», который практически однозначно имеет экзистенциальное значение. Другим удачным подтверждением того факта, что рассуждения о существовании в 7-й главе не являются композиционной уловкой, служит фрагмент 93b29-37, где помимо повторения мысли о том, что вопрос «почему вещь есть», можно задавать только уже зная, что она *есть*, приводится ряд примеров, в точности повторяющий ряд примеров, данных в 7-й главе (треугольник - 92b15-16; Илиада – 92b30-32).

Таким образом, я полагаю, можно считать вполне доказанным, что, согласно ряду фрагментов II-й книги «Второй аналитики», Аристотель действительно считает, что постулирование существования предметов, о которых будет вестись доказательство, является необходим этапом построения доказательного знания. Если же такое постулирование необходимо, и в лице гипотез мы имеем хорошего кандидата на тот тип начала, функцией которого как раз и является такое постулирование, то вполне разумным будет вывод о том, что гипотезы следует интерпретировать именно как экзистенциальные начала[377].

6) *Употребление примеров*. В определенном смысле в пользу экзистенциальной интерпретации свидетельствуют также некоторые из употребляемых Аристотелем при описании тех необходимых для построения доказательного знания процедур, в которых мы можем узнать гипотезы, примеров. Особенно в этом смысле интересны примеры а) единицы – как предмета, для которого нужно постулировать его «ὅτι ἔστι» и б) треугольника – как предмета, для которого его «ὅτι ἔστι» нужно доказать.

---

[377] *Mansion S.* Le jugement d'existence chez Aristote. P. 181; *McKirahan R.* Principles and Proofs. P. 123-124; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 61–69.

а) Аргумент от употребления единицы в качестве примера того, для чего постулируется «ὅτι ἔστι», в определенной мере пересекается с уже установленными в других аргументах тезисами. Во-первых, он базируется на предположении, что во всех местах, где Аристотель говорит о необходимости принять «бытие» единицы[378], Аристотель говорит об одних и тех же вещах – именно о гипотезах. Для ряда мест (а именно для пассажей из I.2 и I.10) этот тезис уже был обоснован в аргументе (2)[379]; приведенные там соображение вполне сгодятся для того, чтобы подверстать под тот же вывод и оставшиеся фрагменты[380]. Тот факт, что во всех этих фрагментах используется в качестве примера единица, служит одним из доводов в пользу отождествления предмета обсуждения этих фрагментов, однако единица в качестве примера оказывается важной не только для того, чтобы связать все эти фрагменты вместе (что, впрочем, само по себе служит важным моментом аргумента в целом), но и потому что она задает их определенное прочтение. А именно, когда единица появляется в качестве примера, это в существенной степени вынуждает нас читать весь тот фрагмент, иллюстрацией к которому она служит, в экзистенциальном смысле. Частично это связано с тем, что, приводя в качестве примера единицу, Аристотель чисто делает это через конструкции с инфинитивом «εἶναι»[381], а они, как уже было отмечено выше (аргумент (I-3)), всегда прочитываются как говорящие скорее о существовании. Однако даже в тех случаях, когда он, приводя пример с единицей, использует для этого конструкции с оборотом «ὅτι ἔστι», любой непредвзятый (т.е. не имеющей четкой интерпретационной программы, которую он рассчитывает навязать тексту) читатель все равно будет склонен прочитать как слова Аристотеля как пример постулирования существования единицы. Причина этого заключается в том, что никакое другое прочтение имеющегося текста в случае такого примера как единица не выглядит хоть сколько-то правдоподобным. Когда Аристотель говорит, что

[378] APo I.1 71a15; 2 72a22-24; 10 76a34-36; b4-5; APo II.9 93b21-25.
[379] См. выше стр. 98-106.
[380] В случае фрагмента APo I.1 71a15 работают доводы (в) (общая лексика для обсуждения бытия – оборот «ὅτι ἔστι») и (г) (использование одинаковых примеров – собственно, единицы); в случае APo II.9 93b21-25 эти два довода также сохраняют свою силу, но к ним можно также добавить доводы (а) (Аристотель прямо говорит, что речь идет о началах), и (д) (для описания постулирования бытия употребляется глагол «ὑποτίθεσθαι»).
[381] APo I.2 72a22-24; 10 76a34-36.

«ἀριθμητικὸς <…> καὶ <…> τί ἐστι τὴν μονάδα ὑποτίθεται, καὶ ὅτι ἔστιν»[382], его трудно понять иначе, чем в том смысле, что «арифметик постулирует, и *что* единица есть, и что она *существует*» просто потому, во-первых, что это прочтение выглядит разумным и естественным, а во-вторых, ему нет столь же разумной и естественной альтернативы. Главным альтернативным прочтением являлось бы предикативное прочтение, т.е. прочтение, понимающее «ἔστιν» в указанном предложении не в абсолютном смысле, а в смысле глагола-связки. В таком понимании Аристотель бы говорил, что «арифметик постулирует *что* монада есть, и что она есть <такая-то>», т.е. обладает такими-то свойствами.

Первая проблема, которая возникает в данном случае, заключается в том, что не очень понятно, в чем в таком случае заключалось бы различие между первым и вторым видом начал. Особенно ясно эта проблема встает в другом пассаже[383], где Аристотель, насколько можно судить, пытаясь донести в точности ту же мысль, что и здесь, говорит, что о единице надо постулировать «τὸ εἶναι καὶ τοδὶ εἶναι». В предикативной интерпретации это место, видимо, должно гласить, что о единице надо постулировать «что она есть <такая-то> и что она есть такая-то», т.е. дважды повторять одно и то же. Что очевидно нелепо.

Другая проблема заключается в том, что ни один из примеров сам по себе не дает никаких оснований считать, что речь может идти о чем-то, кроме существования. В самом деле, предикативная интерпретация гипотез фактически предлагает считать, что, когда Аристотель использует оборот «ὅτι ἔστι», он в действительности подразумевает «ὅτι *x* ἔστι <*y*>», где под *y* понимается некое вакантное место для сказуемого, которое было опущено в целях обобщения. И, несмотря на то, что это не выглядит неправдоподобно в тех контекстах, где Аристотель излагает свое видение определенной проблемы в общем, сложно отделаться от ощущения, что при переходе к примерам Аристотель должен был бы хотя бы где-то дать такую формулировку, которая бы продемонстрировала бы, что речь идет именно о постулировании свойств

[382] APo II.9 93b21-25.
[383] APo I 10 76b4-5.

предметов, а не их существования. И тем не менее среди его многочисленных примеров такой формулировки не встречается *ни разу*. Нельзя не задуматься о том, что если Аристотель действительно хотел проиллюстрировать используемыми примерами, что для единицы помимо ее определения нужно также постулировать ее свойства, то он очень плохо справился с этой задачей. Все те же самые размышления применимы и к другим примерами «первых начал» Аристотеля, единица в данном случае служит не исключительным случаем, а скорее просто самым показательным[384].

б) Отдельным примером на фоне всех прочих, дающим дополнительное свидетельство в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез, является пример треугольника. Треугольник, согласно Аристотелю, не входит в число «первых» предметов, для которых должно быть постулировано их «ὅτι ἔστι»; его «ὅτι ἔστι» должно быть доказано на основании тех первых предметов, для которых оно было постулировано. В случае I.10, где мы впервые встречаем достаточно подробное изложение этой позиции[385], мы еще можем обоснованно усомниться в том, что речь идет о существовании. Однако Аристотель воспроизводит это рассуждение в II.7[386], и в этом отрывке он совершенно точно говорит о существовании (это подробно доказано в рамках аргумента (5), поэтому я не буду повторяться в данном случае). И именно в качестве доказательства того, что современные ему науки действительно доказывают существование своих предметов, Аристотель и приводит пример треугольника, существование которого геометр должен доказать[387].

Итак, разумно заключить, что если здесь Аристотель говорит именно существовании (а это безусловно так), то он говорит о существовании и в другом месте, в котором он приводит в точности аналогичный пример – данном случае в I.10. Если же он говорит там о существовании, и одновременно мы согласились, что речь в 1-й половине I.10 идет именно о гипотезах I.2 (см. аргумент (I-2) для обоснования

---

[384] См. Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P.100; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 43; 45.

[385] APo I.10 76b32-36. Треугольник фигурирует в качестве примера еще в I.1 (71a14-15), однако там ничего не говорится о необходимости доказать его «ὅτι ἔστι».

[386] APo II.7 92b12-16.

[387] Вероятно, с помощью построения – см. 1 теорему I-й книги «Начал» (ср. *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 147-149).

этого тезиса), то из этого прямо следует, что гипотезы – это начала, касающиеся именно существования, а не присущих предмету свойств.

7) *Математическая аналогия*. Еще один аргумент в пользу экзистенциального прочтения гипотез заключается в том, что при таком прочтении нам удается достаточно удачно связать их с определенными практиками математического доказательства современных Аристотелю геометров и, таким образом, объяснить их происхождение. Я уже касался этого момента в главе об аксиомах[388], однако это рассуждение стоит кратко повторить, делая акцент на том, что оно дает нам для понимания гипотез.

Ядро этого аргумента сводится к предположению о том, что гипотезы Аристотеля – это класс начал доказательства, функционально аналогичный началам, обнаруживаемым у Евклида под заголовком «постулаты» (αἰτήματα), только расширенный Аристотелем таким образом, чтобы его можно было применять ко всем вещам без исключения, а не только к математическим предметам. Эта мысль не кажется очевидно правдоподобной на первый взгляд, однако ее можно неплохо обосновать. Прежде всего, мы можем быть уверены, что математические науки и те практики доказательства, которые применялись в них во времена Аристотеля (а эти практики едва ли были сильно отличны от тех, которые мы находим у Евклида[389]), действительно оказали существенное влияние на Аристотеля при написании им «Второй аналитики». Как уже упоминалось выше, около половины всех примеров, приводимых на страницах этого трактата, являются примерами из области математики[390], и самая идея доказательства, отправляющегося от недоказуемых начал и постепенно доказывающего все новые и новые положения, используя в качестве посылок уже доказанные ранее теоремы[391], едва ли случайно напоминает архитектуру

[388] См. выше стр. 79-92.

[389] *Heath T.L.* A history of Greek mathematics. P. 322-354; *ван дер Варден Б.Л.* Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. С.151-162; 199-202; 213-15; 230-9; 257-261; *Fritz K. von.* Die Archai in der griechischen Mathematik. S. 91-96; *Szabo A.* Anfänge der griechischen Mathematik. S. 287-310.

[390] *Barnes J.* Aristotle's Theory of Demonstration, P. 129.

[391] Некоторые исследователи (прежде всего *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 160-161) замечают, что определенные замечания Аристотеля (APo I.19 81b15-18) дают основания полагать, что доказанные теоремы не могут быть использованы в качестве посылок в ходе дальнейшего доказательства. Однако при этом упускается из виду, что Аристотель прямо говорит в нескольких местах «Второй аналитики» о том, что процесс доказательство представляет

«Начал». Далее, у Аристотеля, как и у Евклида, мы находим три вида начал доказательства. Как уже было указано выше, мы без труда можем отождествить «общие понятия» и «определения» Евклида с «аксиомами» и «определениями» Аристотеля соответственно. Это оставляет нас с одним видом начал с каждой стороны – с «постулатами» Евклида и «гипотезами» Аристотеля. Если мы предположим, что «гипотезы» - это начала, постулирующие существование предметов, то у нас появляется возможность дополнительно отождествить этот вид начал Аристотеля с постулатами Евклида: дело в том, первые три постулата Евклида (а у нас есть основания считать, что во времена Аристотеля математикам были известны только они[392]) являются требованиями допустить возможность построения определенных геометрических фигур (отрезка, линии, круга), что в определенном смысле можно рассматривать как постулирование существования этих фигур. Кроме того, все прочие фигуры, которые будут использованы в доказательствах «Начал» Евклид считает необходимым предварительно построить, используя только лишь данные ему в трех изначальных постулатах элементы и уже ранее построенные с помощью этих элементов фигуры, в ходе так называемых задач на построение. Этот процесс можно понимать как доказательство существования этих фигур на основе постулированного существования базовых фигур 1-3 постулатов[393]. При таком понимании мы можем поставить процедуре «Начал» в соответствие требование Аристотеля из I.10, где он требует, чтобы для базовых предметов «ὅτι ἔστι» было постулировано, а для остальных – доказано[394]. Пример треугольника как того объекта, для которого должно быть доказано существование[395], также играет на руку этой интерпретации, поскольку

собой постепенное продвижение к неопосредованным посылкам (в том числе в APo I.23 84b31-35, на свидетельстве которого Маккирахан странным образом основывает свою позицию) и что в доказательстве могут использоваться в том числе и посылки, не являющиеся в строгом смысле первыми началами (APo I.10 76b6-11).

[392] *Heath T.L.* A history of Greek mathematics. P. 375.

[393] *Zeuthen H.G.* Geschichte der Mathematik im Altertum und Mittelalter. S. 88–92; *Zeuthen H.G.* Geometrische Konstruktion als Existenzbeweis in der antiken Geometrie; *Heath T.L.* Introduction. P. 117-124 // The Thirteen Books of Euclid's Elements; *Heath T.L.* A history of Greek mathematics. P. 336-338; *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle's Account of First Principles. P. 113–117; *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. P. 50-57; 201-203; *Fritz K. von*. Die Archai in der griechischen Mathematik S. 27 (однако см. ibid. S. 53-54; 67-68); *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 133-144; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 58–61.

[394] APo I.10 76a31-36; b3-11.

[395] См. выше, довод (6-б), стр. 119-120.

именно с задачи на построение равностороннего треугольника начинается первая книга «Начал» Евклида.

Если мы придерживаемся, с одной стороны, понимания гипотез как экзистенциальных начал, а с другой – описанного выше понимания постулатов «Евклида», то это позволяет поставить эти виды начал в соответствие друг другу, и, таким образом, окончательно уравнять типы начал «Второй аналитики» с типами начал Евклида. Это, в свою очередь, дает нам возможность обогатить картину влияния античной математики на Аристотеля деталями: предположительно, Аристотель, видя в математике крайне успешную частную науку (т.е доказательное знание, занимающееся отдельной областью бытия), строил свою общую модель доказательного знания по аналогии с математическим знанием, следуя при этом по пути обобщения принципов ее построения таким образом, чтобы они оказались применимы в области любого знания. В случае такого типа начал, как определения, никакого обобщения не понадобилось. Общие понятия – начала, которые могли использоваться в нескольких науках (например, в арифметике и геометрии) – были обобщены до аксиом – начал, которые могли использоваться во всех науках (ПП, ПИТ) – утратив при этом возможность быть прямо использованными в ходе доказательтсва в качестве посылок[396]. Постулаты же – недоказуемые тезисы о построимости определенных фигур, понимаемые Аристотелем как способ постулирования существования этих фигур – были обобщены до гипотез, тезисов о существовании каких бы то ни было предметов, также потеряв в процессе реальную применимость в рамках доказательного знания.

Подобная картина является достаточно привлекательной, поскольку позволяет обогатить деталями очевидно существующую связь «Второй аналитики» с античной математикой. Сама привлекательность этой картины вполне может расцениваться как хорошее свидетельство в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез.

[396] См. подробнее гл. 2 настоящей работы.

8) *Сократическая аналогия*. Одним из редко обсуждаемых, но все же иногда привлекающих внимание исследователей[397] обстоятельств, является тот факт, что требование постулировать существование тех предметов, о которых ведется рассуждение, прежде чем приступить к самому этому рассуждению, находит свое точное отражение в практике платоновского Сократа. Вопрос «согласны ли мы, что *x* есть нечто сущее?»[398] - это один из частых вопросов, с которого Сократ начинает многие из своих рассуждений. Мне неизвестно ни одного исследования, которое бы надлежащим образом объясняло эту странную привычку Сократа, и сам я также не могу дать ей удовлетворительного объяснения. Отчасти она обосновывается в «Федоне» 96a-106b, где Сократ подробно говорит о том, какой способ отыскания причин вещей он избрал для себя после того, как разочаровался в тех объяснениях причин, которые давали древние исследователи природы: «я каждый раз стал брать в качестве предпосылки (ὑποθέμενος) ту мысль, которая казалась мне самой надежной, и <все> то, что, как мне кажется, согласуется с этой мыслью, я полагаю правильным <…>, а все что не согласуется – неправильным»[399]; чуть ниже он также поясняет это на примере: «я снова возвращаюсь к тому самому, о чем мы постоянно говорим, и начинаю именно с него: я беру в качестве предпосылки (ὑποθέμενος), что существует некое прекрасное само по себе, а также <само по себе> доброе, большое и так далее»[400]. Однако едва ли этом можно считать объяснением, действительно проясняющим стоящую за постулированием существования предмета рассмотрения логику. Несмотря на то, что у нас, кажется, нет ответа на вопрос о том, почему Платон считал нужным для Сократа заранее постулировать существование вещей, о которых он будет рассуждать (равно как и ответа на вопрос о том, почему именно Аристотель считает, что мы не можем знать о несуществующих предметах, что они есть), сам тот факт, что его Сократ постоянно это делает, должен свидетельствовать о значимости этой практики в глазах Платона. Будучи значимой в глазах Платона, она могла естественным образом приобрести значимость и в глазах членов Ранней Академии

[397] *Landor B.* Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4. P. 312.
[398] Phaedo 74a; Meno 76a; Lach. 190b-c; Hipp. Maj. 287c-d; Prot. 333d; Gorg. 450c и т.д.
[399] Phaedo 100a3-7.
[400] Phaedo 100b4-7.

(тем более, что ее члены, в отличие от нас, могли понимать причины, по которым Платон придерживался этой практики) – так что, учитывая определенное сходство процедур постулирования существования, можно было бы предположить определенное влияние Платона на Аристотеля в этом вопросе. Сходство словаря Платона, описывающего постулирование существования исходной точки рассуждения в терминах «принятия гипотезы» (ὑποθέμενος), со словарем Аристотеля в этом вопросе только усиливает эту аналогию[401]. Если мы остаемся в рамках предложенной аналогии (и ее предложенной глубины), то это, разумеется, не позволяет нам выявить содержательной стороны влияния Платона на Аристотеля (мы не понимаем, почему Платона кажется важным предполагать существование предметов рассмотрения; мы не очень пониманием, с чем связано стремление Аристотеля к постулированию существования начал доказательства; следовательно, было бы наивно полагать, что мы можем понять, почему Аристотель перенял эту платоническую практику), однако для наших целей этого и не требуется. В самом деле, мы рассматриваем эту аналогию как дополнительное свидетельство в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез, не более того. С этой ролью она вполне может справиться: в самом деле, если мы обнаруживаем у Платона процедуру, столь сильно напоминающую процедуру, предписываемую Аристотелем, и мы уверены, что в случае Платона эта процедура предписывает принимать в качестве предположения существование предмета рассмотрения, то вполне разумным будет вывод, что и в случае Аристотеля смысл этой процедуры должен в целом заключатся в том же самом. Как и предыдущий, этот аргумент едва ли обладает большой самостоятельной силой, однако он вполне может оказать определенную поддержку общей массе доводов в пользу экзистенциальной интерпретации, будучи взят вкупе с остальными.

II. Предикативная интерпретация

Как мы видим, аргументы в пользу экзистенциального истолкования гипотез не только многочисленны, но и весьма убедительны. Однако существуют и веские

[401] В действительности эти далеко не единственные сходства, которые можно обнаружить между доктриной «Второй аналитики» и отрывком 96a-106b «Федона», однако подробное рассмотрение влияния этого отрывка на доктрину «Второй аналитики» требует отдельного исследования, которое я надеюсь предпринять в будущем.

доводы в пользу того, чтобы считать гипотезы предикативными началами. Эти доводы получают определенное подкрепление от независимых соображений, свидетельствующих против того, что гипотезы можно понимать в экзистенциальном смысле. Это два вида доводов в принципе следует отличать друг от друга: в конце концов, доводы против экзистенциального прочтения еще не являются с необходимостью ipso facto доводами в пользу предикативного прочтения в рамках любой возможной интерпретации текста. Однако поскольку я изначально поставил вопрос в виде альтернативы «или экзистенциальное – или предикативное прочтение», то в рамках *данной* работы доводы против экзистенциального прочтения как раз *будут* для меня свидетельствами в пользу предикативного прочтения. Руководствуясь этим соображением, я приведу здесь доводы того и другого типа одним списком; однако ради удобства коллег, которые могут в будущем работать над своей интерпретацией этого момента учения Аристотеля, я отмечу, что аргументы 3, 4, 6, 9 и 10-а являются чисто негативными доводами, т.е. доводами, свидетельствующими против экзистенциального прочтения; все же прочие доводы сочетают в себе критический посыл с конструктивными отстаиванием предикативной интерпретации гипотез.

1) *Предикативное «ὅτι ἔστι»*. Выше было многократно указано, что при разговоре о бытии (говорим ли мы о предикативном или экзистенциальном смысле глагола «ἔστι») у Аристотеля есть два основных способа выражения: обороты с «ὅτι ἔστι» и обороты с «εἶναι». При этом обороты с «εἶναι» естественным образом в большей степени склоняют нас к экзистенциальному прочтению текста. Для обратов с «ὅτι ἔστι» экзистенциальное прочтение также является возможным. Однако Аристотель прямо указывает, что у оборота «ὅτι ἔστι» есть и предикативное значение, более того, в изложении Аристотеля, оно является для этого оборота основным, тогда как для обозначения существования он в той же главе склонен скорее употреблять оборот «εἰ ἔστι»[402]. За оборотом же «ὅτι ἔστι» Аристотель закрепляет прежде всего, как кажется, значение принадлежности предиката субъекту, связывая его выбором между частями

[402] APo II.1 89b25-31; II.2 89b38-90a3.

противоречия[403]. Вместе с тем Аристотель употребляет оборот «ὅτι ἔστι» в тех местах, для которых сторонники экзистенциального понимания гипотез склонны предлагать экзистенциальное прочтение[404]. Однако они не могут основывать свое прочтение этих мест на одном этом обороте: если исходить только лишь из него, эти места могут быть прочитаны в том числе и в предиктивном смысле.

2) *Предикативное «εἶναι»*. Здесь вступает в ход другой аргумент сторонников экзистенциальной интерпретации, а именно аргумент (I-3): да, места, в которых употребляется оборот «ὅτι ἔστι», могут быть прочитаны и в экзистенциальном, и в предикативном смысле, но употребление рядом с этими местами оборотов, содержащих инфинитив «εἶναι», должно склонять нас к экзистенциальной интерпретации в целом, поскольку обороты с «εἶναι» в определенном смысле естественнее читать в экзистенциальном ключе. Однако, судя по всему, все зафиксированные во «Второй аналитике» случаи употребления оборотов с инфинитивом «εἶναι», в которых логическое сказуемое состоит только из этого инфинитива, представляют собой всего лишь способ включения устойчивого оборота «ὅτι ἔστι» в конструкцию accusativus cum infinitivo (союз «ὅτι» в этом случае естественным образом теряется, а личная форма глагола «быть» становится инфинитивной), и, таким образом, между одним способом выражения и другим, в действительности нет никакой смысловой разницы. Поэтому, несмотря на то, что те места, где Аристотель употребляет именно инфинитивную форму, не раздумывающий специально над вопросом о смысле этого оборота читатель скорее склонен будет прочитать именно в экзистенциальном смысле, в действительности они не могут читаться как говорящие именно о существовании с большей однозначностью, чем те, в которых Аристотель употребляет оборот «ὅτι ἔστι». Все места с инфинитивным оборотом – это не более чем иной способ введения оборота «ὅτι ἔστι». А этот оборот, как нам известно, может иметь предикативное значение, и, более того, судя по всему,

[403] APo II.1 89b31-33; II.2 89b3890a2-5.
[404] APo I.1 71a13-15; I.10 76a31; b17-18.

имеет его во «Второй аналитике» не реже, чем экзистенциальное[405]. Обороты с «εἶναι», таким образом, также вполне могут выражать предикацию. Более того, мы можем прямо обнаружить во «Второй аналитике» места, где инфинитивный оборот с «εἶναι» по смыслу не может иметь никакого значения, кроме предикативного[406]. Поэтому у нас нет никаких оснований читать инфинитивные обороты с «εἶναι» скорее в экзистенциальном смысле.

3) *Нерелеваность εἰ ἔστι*. Разобрав два оборота, служащих Аристотелю для обсуждения бытия, естественно перейти к третьему – а именно к обороту «εἰ ἔστι». Выше, в аргументе (I-4) было указано, что а) этим оборотом Аристотель обозначает именно существование и б) он использует его для разговора о том, в чем мы имеем все основания узнать гипотезы. Оба этих тезиса можно подвергнуть критике.

а) Аристотель действительно при употреблении оборота «εἰ ἔστι» чаще говорит о существовании, однако, несмотря на то, что он сам объясняет, что основное значение этого оборота состоит именно в постановке вопроса о существовании, это далеко не единственный способ, которым он его использует. В тех же главах, в которых Аристотель объясняет, что употребление оборота «εἰ ἔστι» simpliciter (ἁπλῶς) означает вопрос о существовании, он говорит, что он может быть употреблен и «частично» (ἐπὶ μέρους) – и при этом его значение будет пропозициональным[407]. Аристотель действительно использует этот оборот в том числе и как аналог «ὅτι ἔστι» в

---

[405] Ниже приведен исчерпывающий, насколько я могу судить, список мест «Второй аналитики», в которых употребляется оборот «ὅτι ἔστι»; жирным шрифтом выделена те, в которых он, на мой взгляд, совершенно определенном или же скорее всего имеет экзистенциальное значение:
APo I.1 71a12; 14; 10 76a31; 33; **76b18; 19**; **II.1 89b34**; II.2 90a2-5; 8-9; 22; 7 92b1; **4**; **8-9**; **14-15**; **16**; **20**; 8 93a 25; 26 (2); 27; 28; b2; 3; **II.9 93b25**; **II.10 93b32; 33** (16 к **14-и**).
То же самое сделано ниже для близкого оборота «τὸ ὅτι»:
APo I.13 78a22; 37; b7 II.1 89b24; 26; 29; **II.2 89b39**; **40**; **90a2**; II.8 93a17; 19; 20; 35; 36 (11 к **3-м**).

[406] Например, в APo I.23 84b30-31 и I.25 86b7-9. Интересно, что в случае первого фрагмента обе существующих редакции русского перевода «Второй аналитики» дают очевидно неверную интерпретацию. В APo I.23 84b19-31 Аристотель говорит о том, что началами доказательства могут быть как утвердительные, так и отрицательные посылки, прямо поясняя свою мысль: «подобно тому как есть некоторые недоказуемые начала, <которые говорят,> что то-то есть то-то и то-то присуще тому-то, так же точно <есть и такие начала, которые говорят,> что то-то не есть то-то и то-то не присуще тому-то», после чего следует интересующая нас фраза: «ὥσθ' αἱ μὲν εἶναί τι, αἱ δὲ μὴ εἶναί τι ἔσονται ἀρχαί». Очевидно, что Аристотель в этих словах подытоживает предыдущую мысль. А мысль эта заключалась в том, что некоторые начала является утвердительными посылками, а другие – отрицательными. Русский перевод в обоих редакциях дает: «Так что одни начала будут началами <доказательства> того, что нечто есть, а другие – что чего-то нет». Но это очевидно не отражает предыдущей мысли Аристотеля. Смыл этих слов, безусловно заключается в том, что: «одни начала будут началами <доказательства> того, что нечто есть нечто, а другие – что нечто не есть нечто», т.е. одни будут утвердительными, а другие отрицательными посылками.

[407] APo II.2 89b39-90a5.

предикативном употреблении в ряде мест «Второй аналитики». Таким образом, сам факт использования именно этого оборота не является слишком уже обязывающим при для нас при выборе той или иной интерпретации мест, в которых он используется.

б) Однако даже если мы принимаем, что Аристотель употребляет оборот «εἰ ἔστι» во всех интересующих нас в первую очередь местах в экзистенциальном смысле, это еще не говорит о том, что в этих местах он говорит о чем-то, что имеет хоть какое-то отношение к гипотезам. Отождествление поиска ответа на вопрос «εἰ ἔστι» в отношении сущностей с постулированием гипотез покоится на достаточно слабом рассуждении. Это рассуждение принимает, что, когда Аристотель говорит в II.1 о том, для чего мы задаемся вопросом «εἰ ἔστι» (бог, кентавр), он говорит о тех же самых вещах, которые он обсуждает в I.10 и в II.9. Основание для такого отождествления – во-первых, в том, что в обоих случаях речь идет о сущностях, а во-вторых, в том, что Аристотель говорит, что вопрос «εἰ ἔστι» - это вопрос о том, существует ли средний термин, при этом средний термин – это причина вещи, а в II.9 идет речь о вещах, для у которых причина совпадает с ними самими, и именно они названы началами.

Однако, в том отрывке II.9, который используется в этом рассуждении, вообще не идет речь о гипотезах. Аристотель говорит, что «τῶν τί ἐστι τὰ μὲν ἄμεσα καὶ ἀρχαί εἰσιν, ἃ καὶ εἶναι καὶ τί ἐστιν ὑποθέσθαι δεῖ ἢ ἄλλον τρόπον φανερὰ ποιῆσαι», т.е. что «из <формулировок> сути <, т.е. определений,> одни – неопосредованны и являются началами, и в их отношении нужно постулировать или прояснять каким-то иным образом и что они *есть*, и их суть»[408]. Т.е. речь здесь идет только об определениях, и далее по тексту Аристотель укажет, что есть и другой тип формулировок «τί ἐστι» – а именно, такие, которые можно в определенном смысле продемонстрировать. Что вполне разумно, учитывая, что в предшествующих главах речь шла тоже именно об этом вопросе: существует ли способ в каком-то смысле продемонстрировать определение и, если да, то для всех ли определений это возможно. После этого, правда, следует пример никак не увязывающийся с основной мыслью текста и как раз и заставляющий думать, что речь здесь может идти в том числе и о другом, нежели

[408] APo II.9 93b22-25.

определения, виде начал: а именно текст иллюстрирует мысль Аристотеля словами о том, что и арифметик постулирует для единицы и бытие, и *что* она есть. Однако этот пример никак не встраивается в окружающий контекст, и есть основания полагать что он может быть интерполирован редактором аристотелевского текста[409]. Тем не менее, в целом можно сказать, что текст здесь говорит именно о разных типах «τί ἐστι», ничего не говорит о постулировании существования, и уж тем более о тех видах начал, которые можно было бы отождествить с сущностями из 1-2 глав II-й книги. Таким образом, в целом, свидетельств текста просто недостаточно для отождествления поиска ответа на вопрос «εἰ ἔστι» с постулированием гипотез.

4) *«Существование» пропозиций*. В самой первой главе «Второй аналитики» мы встречаемся с перечислением того, что нужно знать заранее (προγινώσκειν) для того, чтобы освоить какое-либо новое знание или учение[410]. Аристотель говорит, что об одном нам нужно знать, что оно *есть* (ὅτι ἔστι), о другом – что означает слово, которым оно обозначается (τί τὸ λεγόμενον ἐστι), а о третьем – и то, и другое. Приведенный список очевидно перекликается со списком начал доказательного знания, который Аристотель приводит в других местах «Второй аналитики»[411], однако, следует заметить, напрямую позиции этого списка с началами не отождествляются; слово «начало» во всей первой главе не звучит вовсе. Тем не менее недвусмысленное сходство прежде всего со списком начал из I.10 заслуживает рассмотрения: так же, как и там, здесь нам предписывается знать значение одних элементов, нужных нам для получения знания, о других знать – что они *есть* (ὅτι ἔστι); а о третьих – и то, и другое. Совпадают и примеры: последний пункт в обоих случаях иллюстрируется единицей[412], первый – треугольником[413]. Второй пункт списка первой главы, впрочем, представляет определенную сложность: ничего подобного в I.10 нет ни в плане учения (Аристотель

[409] Проблема здесь в следующем: в общей формулировке тезиса Аристотель говорит, что есть опосредованные и неопосредованные «τί ἐστι» вещей, (что вполне хорошо встраивается в общее рассуждение II.8-10; именно в уподоблении процесса доказательства и получения определения и состоит главная стратегия этих глав), для которых нужно постулировать «τί ἐστι» и «ὅτι ἔστι»; пример же говорит нам о постулировании «τί ἐστι» и «ὅτι ἔστι» для *единицы*, которая сама не является «τί ἐστι». Таким образом, пример ни имеет никакого отношения к тому, что он должен иллюстрировать.
[410] APo I.1.71a11-17.
[411] APo I.2 72a14-24; 10 76a31-b19; b4-5; APo II.9 93b20-28.
[412] APo I.1.71a15-16 и 10. 76a34-36.
[413] APo I.1.71a15 и 10. 76a34-35.

не говорит здесь о вещах, о которых нужно только знать, что они *есть* (ὅτι ἔστι), без того, чтобы знать их значение), ни в смысле примера. Пример особенно показателен в интересующем нас вопросе: в качестве иллюстрации для тех вещей, о которых нужно знать только «ὅτι ἔστι», Аристотель приводит принцип исключенного третьего: о всякой веще истинными будет только либо ее утверждение, либо ее отрицание.

Это вполне можно расценить как свидетельство против экзистенциальной интерпретации гипотез. Действительно, выше, в аргументе (I-6-a) мы уже показали, что у нас есть существенные основания считать, что в I.1 речь идет именно о гипотезах – предыдущий абзац только добавил оснований для принятий такой позиции. Если это так, в те обороты, которые используются для описания функции гипотез (в данном случае в оборот «ὅτι ἔστι»), Аристотель должен вкладывать в настоящем фрагменте тот же смысл, что и в других. Если это смысл – существование, то мы получим в этом фрагменте требование постулировать существование принципа исключенного третьего. Принцип исключенного третьего – это пропозиция, а значит, Аристотель требовал бы здесь постулирования существования определенных пропозиций. Совершенно неясно, что могло бы подразумеваться под «существованием» пропозиций.

Единственное предположение, которое мог бы сделать сторонник экзистенциальной интерпретации в данном случае, для того, чтобы защитить тезис о том, что Аристотель здесь, как и в других местах, говорит о бытии в абсолютном смысле (ἁπλῶς), заключается в том, «ὅτι ἔστι» в данном фрагменте употребляется для обозначения «бытия в смысле истины» (τὸ ὄν <…> τὸ ὡς ἀληθές)[414]. Я, в свою очередь, совершенно согласен с тем, что здесь идет речь именно о бытии в смысле истины, более того, на мой взгляд, гипотезы во «Второй аналитике» в принципе выражают бытие в смысле истины[415]. Однако необходимо отметить, что бытие в смысле истины –

[414] См., напр., Metaph VI.2 1026a33-35; см также 4 1027b17-1028a2. Подробнее о бытии в смысле истины и его роли во «Второй аналитике» см. в 4 главе настоящей работы, стр. 188-194.

[415] Англоязычные исследователи называют этот смысл «бытия», т.е. глагола «εἶναι», «veridical sense»; отличая его от предикативного смысла того же глагола (т.е. тех случаев, когда он выступает в роли связки). В силу полной невозможности подобрать для слова «veridical» аналог в русском языке, я использую термин «предикативный» как покрывающий оба этих значения. Ниже, утверждая, что гипотезы имеют «предикативный» смысл, я имею в виду как раз прежде всего этот «veridical sense»

это совсем не то бытие, о котором говорили сторонники экзистенциальной интерпретации до сих пор; это бытие, в действительности не имеющее ничего общего с существованием предметов.

Таким образом, если сторонники экзистенциальной интерпретации предполагают, что в I.1 идет речь о тех же самых началах, что и в I.2 и I.10, то они оказываются в затруднении при попытке объяснить, что могло бы значить «существование» пропозиции.

5) *Определение гипотезы*. Вернемся к тому фрагменту из I.2, в котором Аристотель, собственно, определяет понятие гипотезы. В предыдущем разделе я отметил, что примеры в этом фрагменте скорее склоняют в пользу его прочтения в экзистенциальном смысле. Проблема, однако, в том, что само определение, взятое отдельно от примеров, практически невозможно прочитать иначе, чем в предикативном смысле. Аристотель говорит, что гипотеза – это «тезис, принимающий одну из частей противоречия»[416]. Однако «принимать одну из частей противоречия» - это стандартное описание Аристотеля для всякого предикативного высказывания: под этим подразумевается, что определенное высказывание утверждает либо что «А есть В», либо что «А не есть В» - эти два типа высказывания (утверждение и отрицание), в которых один и тот же предикат приписывается одному и тому же субъекту и отрицается в его отношении, и составляют собой «части» противоречия; и подразумеваемое противоречие – это именно противоречие между утверждением и отрицанием с одинаковыми терминами[417]. Более того, всего несколькими строками выше Аристотель прямо говорит «части противоречия: <когда> нечто о чем-то <утверждается> - это утверждение; <когда> нечто от чего-то <отнимается> - это отрицание»[418] (из чего можно прямо сделать вывод что «принятие одной из частей противоречия» - это постулирование утверждения или отрицания), а также определяет силлогистическую посылку в целом (которая, как нам точно известно, является

[416] θέσεως δ᾽ ἡ μὲν ὁποτερονοῦν τῶν μορίων τῆς ἀντιφάσεως λαμβάνουσα (APo I.2 72a19-20).
[417] DeInt 6 17a25-37, особенно 33-34: καὶ ἔστω ἀντίφασις τοῦτο, κατάφασις καὶ ἀπόφασις αἱ ἀντικείμεναι; APr I.1 24a22-25; 28-b3.
[418] μόριον δ᾽ ἀντιφάσεως τὸ μὲν τὶ κατὰ τινὸς κατάφασις, τὸ δὲ τὶ ἀπὸ τινὸς ἀπόφασις (APo I.2 72a13-14).

предикативным высказыванием) в почти неотличимой от определения гипотезы формулировке «одна из частей высказывания, <высказывающая нечто> одно о <чем-то> одном»[419].

Далее, следующее за непосредственным определением гипотезы («тезис, принимающий одну из частей противоречия») пояснение «οἷον λέγω τὸ εἶναί τι ἢ τὸ μὴ εἶναί τι» может быть прочитано несколькими способами, а именно, «οἷον λέγω» можно понять либо как «например», либо как «то есть», а «τὸ εἶναί τι ἢ τὸ μὴ εἶναί τι» либо как «что нечто существует или нечто не существует», либо как «что нечто есть нечто <иное> или нечто не есть нечто <иное>». Выбор между пояснением (в таком случае последующее – это часть определения) и приведением примера (в таком случае за этими словами следует иллюстрация) обладает определенной значимостью, однако он не является решающим для того или иного прочтения данного фрагмента, поэтому я позволю себе его не делать. А вот вторая альтернатива определяет собой интерпретацию фрагмента в целом. Выше, при обсуждении аргумента (1) в пользу экзистенциального прочтения, я указал, что вполне естественным прочтением будет именно экзистенциальное. Это действительно возможное и вполне разумное прочтение, и многие исследователи, как уже было указано, так и понимают этот фрагмент. Однако прочтение в предикативном смысле не только также является возможным[420], но и в контексте непосредственно предшествующего ему фрагмента является намного более правдоподобным[421]. Экзистенциальное прочтение выглядит правдоподобным, если брать это пояснение в отдельности, а кроме того, как это иногда отмечается, в его пользу склоняет следующий далее в тексте пример «τὸ εἶναι μονάδα»[422]. Реальная значимость примера с единицей еще будет обсуждаться ниже,

[419] ἀποφάνσεως τὸ ἕτερον μόριον, ἓν καθ᾽ ἑνός (APo I.2 72a8-9). Ниже Аристотель говорит, что «ἀπόφανσις δὲ ἀντιφάσεως ὁποτερονοῦν μόριον» (72a11-12), так что могло бы показаться, что в целом речь здесь о том, что у противоречия есть «части» (отрицание и утверждение), и каждая из них – это высказывание, у которого в свою очередь также есть «части». Но какие «части» могли бы подразумеваться в последнем случае, кроме утверждения и отрицания? Подробнее о том, что могло бы подразумеваться под этой формулировкой см. в 4 главе настоящей работы, стр. 196-204.

[420] См. подробнее о прочтении оборотов с «εἶναί» в предикативном смысле выше в аргументе (II-2).

[421] Речь прежде всего об обороте «одна из частей противоречия».

[422] См. выше аргумент (I-6-а).

пока же стоит сказать, что в отсутствие этого примера текст 2-й главы приобретает отчетливо предикативный смысл.

Еще одним аргументом, к которому может прибегнуть защитник экзистенциальной интерпретации, для того, чтобы удержать экзистенциальное истолкование данного фрагмента, является указание на тот факт, что если мы будем понимать определение гипотезы в предикативном смысле, то оно, как уже было указано выше, ничем не будет отличаться от определения посылки; при этом посылка – это род для начала доказательного знания, тогда как гипотеза является видом начала; в итоге мы придем к ситуации, в которой определение рода (начало) совпадает с определением вида (гипотеза). Если же мы пониманием определением гипотезы в экзистенциальном ключе, то этой проблемы не возникает: гипотеза является только одним из видов неопосредованных посылок – а именно тем, который утверждает существование или несуществование определенных вещей[423].

Есть несколько способов возразить на это рассуждение. Во-первых, мы можем указать, что привычки Аристотеля в области определений далеки от идеальных, подтверждением чему является само определение посылки и следующее за этим определение тех терминов, которые были использованы в ее определении[424].

Во-вторых, даже если мы согласимся с тем, что при предиктивной интерпретации все посылки в результате оказываются гипотезами, т.е. высказываниями, продуцирующими свойство о субъекте, то при экзистенциальной интерпретации мы будем ничуть ни в лучшей ситуации, поскольку у нас, напротив, просто не будет посылок, выполняющих подобную предикативную функцию. В самом деле, 1) аксиомы вообще не похожи на высказывания, утверждающие ἓν καθ’ ἑνός[425] 2) гипотезы – это утверждения о существовании 3) определения – это, согласно

[423] Некоторые исследователи видят проблему уже здесь: так, Барнс (Aristotle’s Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P.100) отмечает, что сложно представить, как доказательное знание может содержать в себе утверждения о несуществовании. Другие исследователи резонно отмечают в ответ на это, что здесь в действительности нет столь большой проблемы: обсуждение вопроса о существовании пустоты в IV книге «Физики» (Phys IV.6-9) служит прекрасным примером того, как могло бы функционировать постулирование несуществования в рамках доказательного знания (*Charles D.* Aristotle on meaning and essence. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 2000. P. 39).

[424] См. прим. 419.

[425] См. подробнее в предыдущей главе, стр. 75-76.

обычному пониманию Аристотеля, указание на суть вещи, а не на ее свойства[426]. Значит, предикативных высказываний в собственном смысле у нас не остается, тогда как они необходимы нам для построения доказательного знания[427]. Можно возразить, что, согласно экзистенциальному пониманию, предиктивные начала среди перечисленных Аристотелем все же присутствуют – а именно такими началами оказываются именно определения (в конце концов Аристотель определяет их как тот вид тезисов, которые «без этого», т.е. которые не делают того, что делают гипотезы – в случае экзистенциальной интерпретации – не постулируют существования), и большинство исследователей действительно принимают именно это следствие[428], однако в действительности это как раз скорее служит аргументом против этой интерпретации: нигде более Аристотель не понимает определения таким удивительным способом, т.е. как любые предиктивные неопосредованные высказывания.

Это ведет нас к третьему возможному возражению. Как мы видим, из двух интерпретаций гипотезы обе оказываются имеющими не совсем приемлемые следствия в свете изложенного в предыдущем абзаце определения начала. Более того, проблемы с согласованием этих двух абзацев начинаются даже раньше, чем мы доходим до разбора определения и гипотезы: уже аксиомы, как отмечено выше, не слишком подходят под то определение начала, которое предложено абзацем выше. Поэтому кто-то мог бы сказать, что, учитывая все проблемы, которые у нас возникают при попытке их согласования, эти абзацы могут быть просто помещены друг рядом с другом задним числом, без того, чтобы их как следует согласовать – сделано ли это самим Аристотелем или редактором его текста, заметившим тематическое сходство этих фрагментов. Об этом нельзя не задуматься, но и считать такое предположение очень уж хорошим возражением, пожалуй, также нельзя.

---

[426] См. прим. 367.
[427] См. ниже стр. 151-164.
[428] Я не буду перечислять здесь конкретных исследователей; список тех, кто соглашается с таким пониманием определения полностью совпадает со списком тех, кто разделяет экзистенциальную интерпретацию гипотез, поскольку первое является необходимым следствием последнего.

Подробнее место I.2 72a5-24 будет рассмотрено в следующей главе[429]; пока же будет достаточно подытожить, что у нас есть достаточно хорошие основания понимать данное здесь определение гипотезы именно в предикативном ключе.

6) *Различие начал в I.2 и I.10*. Один из важных доводов в пользу экзистенциальной интерпретации является аргумент из следующих посылок: a) 10-я глава I-й книги достаточно уверенно читается в экзистенциальном смысле b) и параллели между ней и 2-й главой I-й книги позволяют утверждать, что речь в них идет об одном и том же типе начал, а именно гипотезах (аргумент (I-2)). Каждую из этих посылок можно поставить под вопрос, но в рамках настоящего довода в пользу предиктивной интерпретации я только укажу на проблемы, возникающие с обоснованием посылки (b).

В рамках обоснования посылки (b) в аргументе (I-2) были приведены несколько доводов, дающих основания считать, что во 2-й и 10-й главах I книги «Второй аналитики» идет речь об одних и тех же предметах: сходство словаря описания, одинаковость примеров, упоминание начал и т.д. Ниже я покажу, как можно атаковать каждый из них, однако в целях связности изложения я буду разворачивать критику не в том порядке, в котором эти доводы были приведены при их обосновании.

a) В обоих главах (а равным образом в некоторых других фрагментах «Второй аналитики») действительно используется сходная лексика для разговора о бытии, однако само по себе это вовсе не говорит, что речь в обоих случаях о бытии в одном и том же смысле. Оборот «ὅτι ἔστι», как уже были показано выше, может иметь как экзистенциальное, так и предикативное значение, и то же самое относится к инфинитивным оборотам с «εἶναι». Глагол «ὑποτίθεσθαι» также дает очень слабую связку с «гипотезами» сам по себе: в конце концов, Аристотель достаточно часто

[429] См. ниже стр. 185-204.

говорит о «предположении сути <вещи>»[430], и, вне всякого сомнения, в этих случаях речь идет не о существовании «τὸ τί ἐστι», а просто о его постулировании.

б) Аристотель действительно использует в I.2 и в I.10, а также в некоторых других местах, где он говорит о бытии начал, одинаковые примеры для указания на те вещи, для которых нужно постулировать «ὅτι ἔστι»: прежде всего, речь идет о единице. Однако на этом фоне не следует упускать, что он также использует там другие примеры, которые представляют собой примеры вещей, принципиально отличных от единицы и даже в каком-то смысле несовместимых в качестве примеров с ее использованием в том же качестве. Более того, все эти примеры обнаруживаются в рамках одной главы – а именно 10-й.

Примеры начал в 10-й главе в действительности, насколько можно судить, делятся на два вида. Одним примеры связаны с постулированием значения и бытия вещей элементарных вещей, из которых складываются дальнейшие объекты исследования науки – точек[431], линий[432], единиц[433]. К этому же ряду принадлежит треугольник, несмотря на то, что его бытие не постулируется, а доказывается[434]. Однако есть ряд примеров совершенно другого рода. Это примеры постулирования существования высшей родовой природы, которая охватывает все объекты того доказательного знания, в рамках которого будет вестись исследование. Лучше всего это видно во фрагменте 76b11-19, где Аристотель прямо говорит, что нужно постулировать бытие рода[435], в рамках которого ведется исследование; тут же он приводит примеры таких родов – число и «теплое-и-холодное»[436]. Но есть подобный пример и в самом начале главы – еще в 76a35-36 Аристотель говорит, что μέγεθος, т.е. «<протяженная> величина» должна быть постулирована в качестве обладающего бытием начала, при том что μέγεθος – это явно родовая природа для геометрического

[430] APo II.3 90b31-32 (<…> ὑποτιθέμεναι καὶ λαμβάνουσαι τὸ τί ἐστιν <…>); II.9 93b22 (<…> ἃ καὶ εἶναι καὶ τί ἐστιν ὑποθέσθαι δεῖ <…>); это отмечает и Ландор (Landor B. Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4. P. 309)
[431] APo I.10 76b5.
[432] APo I.10 76a40; b5.
[433] APo I.10 76a34-35; b4.
[434] APo I.10 76a35.
[435] APo I.10 76b13; 17.
[436] APo I.10 76b17-18.

знания[437]. Особенно любопытно в последнем случае, во-первых, то, что в 76a35-36 Аристотель приводит через запятую оба типа начал – и элементарные составляющие (единица) и высшую родовую природу (величина) – а во-вторых, что нетрудно усмотреть противоречие между этим отрывком и отрывком 76b5 в вопросе геометрических начал: в 76a35-36 сказано, что «ὅτι ἔστι» всего, кроме величины, должно быть доказано, т.е. величина приводится как единственный пункт закрытого списка геометрических начал, тогда как в 76b5 сказано, что началами геометрии также являются точки и линии.

Иными словами, хотя в I.10 мы действительно можем обнаружить примеры, роднящие ее со I.10, одновременно с этим мы находим там примеры, судя по всему, противопоставляющее эти две главы друг другу. Говорить, что родство примеров этих двух глав поддерживает экзистенциальную интерпретацию – значит опираться на одни примеры в ущерб другим без достаточного на то основания. Таким образом, одинаковость примеров является крайне уязвимым аргументом в пользу экзистенциального прочтения.

в) Мы едва ли можем говорить, о том, что мы можем обнаружить все те три типа начал, которые обсуждаются во I.2, в I.10, если мы внимательно присмотримся к тексту последней главы. Аксиомы действительно названы по имени как во I.2, так и в I.10, поэтому для простоты допустим, что эти начала мы отождествить в состоянии. Однако два других типа начал в I.10, прежде всего, ни разу не названы по имени, что уже вызывает определенные подозрения. Опустим гипотезы – сходства и различия трактовки I.2 и в I.10 невозможно обсудить достаточно кратко для настоящего рассуждения. Однако с отождествлением третьего типа начал I.10 с определениями есть существенная проблема, которую очень легко продемонстрировать. Определение, согласно Аристотелю, - это формулировка сути вещи (λόγος τοῦ τί ἐστι)[438]. Суть вещи нельзя узнать ранее, чем мы знаем, что это вещь *есть*[439]. При этом третий тип начал, согласно I.10, должен заранее постулировать значение (τί σημαίνει) для всех тех

[437] APo 7 75b3-6; I.10 76a42-b2; Rhet 1355b29-30.
[438] Напр., APo II.10 93b29.
[439] APo II.7 92b17-18; 8 93a20; 10 93b33-34.

предметов, которые будут использованы в доказательстве[440]. Из этих предметов только для части одновременно постулируется бытие; для остальных оно должно быть доказано[441]. Значит, если под началами, постулирующими «τί σημαίνει» вещей, понимаются определения, мы должны будем иметь определения для предметов, о чьем существовании мы еще не знаем, и, таким образом, знать о вещах «τί ἐστι», не зная «εἰ ἔστι». Что прямо запрещается Аристотелем. Значит, постулирование «τί σημαίνει» не может быть определением. Значит, у нас нет оснований считать, что в I.2 и I.10 совпадают и остальные типы начал.

г) В предыдущем доводе показано, что у нас есть основания сомневаться в отношении конкретных начал, что в I.10 идет речь о тех же из них, что и в I.2. Но у нас есть возможность выдвинуть и более сильный тезис: а именно, что в I.10 идет речь *вообще о других* началах в целом, чем во I.2. Внимательный читатель мог уже заметить это самостоятельно. В самом деле, в I.2 главе Аристотель говорит, что начало – это неопосредованная *посылка* силлогизма[442]. Тогда как в I.10 началами называются первые *предметы* или же *термины,* для которых мы постулируем их бытие и значение: здесь он говорит, что «что обозначают как первые <начала>, так и <производные> из них – это принимается; а что они *есть* – то для начал это необходимо принять, а для <всего> остального доказать», после чего следуют примеры: принять значение и бытие, например, нужно для единицы[443]. Если брать этот текст в целом, то из него следует, что a) начало – это то, для чего принимается значение и бытие b) значение и бытие принимается для единицы. Следовательно, начало – это единица. Но единица – это предмет (термин), а не посылка! Выходит, что здесь вообще идет речь о совершенно другом типе начал и, более того, об одном-единственном: если внимательно следить за текстом, мы нигде не обнаружим, что

[440] APo I.10a32-33.
[441] APo I.10a3-34.
[442] APo I.2 72a7.
[443] APo I.10 76a32-36.

постулирование значение и бытия – это начала; начала – это то, для чего постулируется значение и бытие[444].

Если мы принимаем подобное прочтение, то мы можем быть практически полностью уверены, что во 2-й и в 10-й главах речь идет о разных началах. Так что даже если прочтение 10-й главы склоняет нас в пользу экзистенциального понимания описываемых в ней начал, то это ничего нам не дает для понимания гипотез, как они описаны во 2-й главе.

7) *Употребление «ὑπόθεσις»*. В предыдущем аргументе мы увидели, что у нас нет достаточных оснований отождествлять гипотезы I.2 с «началами» I.10. Помимо всего прочего это связано еще и с тем, что начала I.10 (точнее ее первой части, которую мы рассматривали выше) ни разу не называются Аристотелем «гипотезами». Но эту проблему можно поставить еще более остро. Начала первой части I.10 не называются гипотезами, однако Аристотель употребляет слово ὑπόθεσις в своих текстах не так уж редко – в том числе во «Второй аналитике» и в том числе во все той же I.10. И все употребления за пределами I.2 показывают нам гипотезу как предикативную, а не экзистенциальную пропозицию[445]. Мы рассмотрим употребление термина ὑπόθεσις последовательно сначала а) в корпусе «Аналитик», затем б) в корпусе сочинений Аристотеля в целом и, наконец, в) в текстах современников Аристотеля.

а) *В корпусе «Аналитик»*. Начать можно именно со второй части I.10 [446] - вся 10-я глава после того фрагмента, который мы подробно рассматривали выше посвящена гипотезам. Однако и этот остаток I.10, в свою очередь четко распадается на два фрагмента – 76b23-34 и 76b35-77a4. Первый фрагмент обсуждает различие между гипотезой и постулатом, и он менее для нас интересен, поскольку достаточно

[444] Ср. *Harari O.* Knowledge and Demonstration. P. 13-16. Маккирахан (*McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 37) согласен, что в одних местах Аристотель говорит о началах-терминах, а в других - о начала-посылках, но отказывается придавать этому факту большое значение и полностью отождествляет начала I.2 и I.10 (Ibid. P. 41-42); Голдин (напр. *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P.47-48) и Бронштейн (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 171) также считают, что в I.10 идет речь о терминах, но никак не комментируют тот факт, что это проблематично в свете доктрины I.2.

[445] Росс, считающий, что во 2-й главе идет речь именно об экзистенциальных гипотезах, специально отмечает, что это единственное место во всем корпусе, где Аристотель использует слово «ὑπόθεσις» в таком смысле (Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. By W.D. Ross. 1949. P. 511).

[446] APo I.10 77b23-77a4.

очевидно, что в нем речь идет об иных гипотезах, чем те, что интересуют нас – гипотезы из этого фрагмента не являются началами, поскольку их можно доказать[447]. Однако второй фрагмент является для нас крайне важным. В нам Аристотель обсуждает различие между такими терминами как «ὑπόθεσις» и «ὅρος». Некоторые исследователи, ориентируясь на I.2, интерпретируют это как возвращение к вопросу о разнице между определениями и гипотезами[448]. Учитывая, что Аристотель часто использует слова ὅρος и ὁρισμός взаимозаменяемо[449], это вполне возможное прочтение. Однако оно, безусловно, ошибочно. В действительности Аристотель проводит здесь различие между «гипотезами» и «терминами» (еще одно частое значение слова «ὅρος» у Аристотеля[450])[451]. Это видно по тому, что Аристотель говорит, что «всякая <…> гипотеза является общей или частной, тогда как «ὅροι» не являются ни тем, ни другим»[452]. Определения являются общими (καθόλου) по количеству посылками, как об этом ясно сказано в другом месте «Второй аналитики»[453]. А вот о терминах сказать, что они являются общими или частными действительно нельзя[454]. Поэтому в целом различие, которое здесь проводит Аристотель – между посылками и терминами, из которых они состоят. В этом свете интересно взглянуть на то, как именно Аристотель отличает термины от посылок в этом фрагменте изначально. А именно он говорит о

[447] APo I.10 76b27-31. Большинство комментаторов отмечают, что такое понимание гипотез как раз совпадает с общепринятым понимание этого слова во времена Аристотеля (Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. 1949. P. 511; *Heath. T.L.* Mathematics in Aristotle. P.55; *Fritz K. von*. Die Archai in der griechischen Mathematik. S. 37-39; *Szabo A.* Anfänge der griechischen Mathematik. S. 310-315). Однако см. *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S. 92-101.

[448] Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria. P. 131.30-132.23; Iacobi Zabarellae Patauini In duos Aristotelis libros posteriores analyticos commentarii. P. 49A–50A; Aristotelis Stagiritae Peripateticorum principis Organum. P. 438; Aristotelis Organon graece / edidit T. Waitz. Vol. II. P. 328; *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S. 81; Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. 1949. P. 538-539, 541; *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. P. 52; *Aristote*. Les Seconds Analytiques. P. 67 / éd. par J. Tricot; *Aristoteles*. Zweite Analytiken / hrsg. von H. Seidl. S. 224; *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 39-40; см. также Index Arist. 529b61-530a1.

[449] См. Index Arist. 529b54-530a15, особенно 530a8-13.

[450] См. Index Arist. 530a16-39.

[451] Также интерпретируют это место *Fritz K. von*. Die Archai in der griechischen Mathematik. S. 39-40; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 142; *Aristote*. Seconds Analytiques. P. 117 / éd. par P. Pellegrin; *Aristoteles*. Zweite Analytik. S. 43 / hrsg von W. Detel. Ландор (*Landor B.* Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4) и Маккирахан (*McKirahan R.D.* Principles and Proofs P. 46-48) занимают промежуточную позицию: они считают, что речь в данном случае о терминах, но совершенно конкретных - а именно терминах-определителях (definienta), т.е. формулировках, предицирующихся в определениях об определяемом термине. Ландор предлагает перевод «definienta», Маккирахан соглашается с его мыслью, но при этом считает возможным сохранить перевод «определения». Похожим образом читает это место и Фома (Thomae Aquinatis in libros posteriorum analyticorum expositio. P. 212–214).

[452] <…> ὑπόθεσις πᾶσα ἢ ὡς ὅλον ἢ ὡς ἐν μέρει, οἱ δ' ὅροι οὐδέτερον τούτων (APo I.10 77a3-4).

[453] APo II.13 97b25.

[454] Впрочем, см. постулирование (впрочем, никак не обоснованное) противоположной позиции в *McKirahan R.D.* Principles and Proofs P. 47.

том, что термины не являются гипотезами, поскольку термины «οὐδὲν <…> εἶναι ἢ μὴ λέγεται»[455]. Учитывая тот факт, что, как мы установили, в этом фрагменте речь идет о различии терминов и гипотез, а также то, что далее Аристотель добавляет «гипотезы – это то, что в посылках, а термины нужно только понимать», ясно, что в указанные слова должен быть вложен предикативный смысл и что они должны быть прочитаны как «<термины> ничего не говорят о том, что нечто есть или не <есть нечто>», т.е. попросту говоря, не являются пропозициями, тогда как гипотезы (подразумевает Аристотель) – как раз представляют собой именно пропозиции. Иными словами, «гипотеза» в данном случае явно является предиктивным, а не экзистенциальным суждением. Этот фрагмент обладает для нас той дополнительной ценностью, что для описания того факта, что гипотеза является предикативной пропозицией, в нем использована практически в точности та же формулировка, которая используется в I.2 при определении гипотезы.

Аристотель говорит о «гипотезах» и в других местах как «Первой», так и «Второй аналитики», и во всех случаях гипотеза имеет ярко выраженный смысл пропозиции, выражающей предикацию[456].

б) *В Corpus Aristotelicum*. За переделами корпуса «Аналитик» Аристотель также нередко употребляет термин «гипотеза» для обозначения начала доказательства[457]. Так, в «Физике» Аристотель говорит, что основной гипотезой знания о природе является положение о том, природа является началом движения[458] и что, приступая к физическому исследованию, мы должны положить в его основание (ὑποκείσθω), что природные вещи способны к движению[459]. В различных природовеческих трактатах Аристотель также приводит несколько гипотез, необходимых для его рассуждений: что вода стекает в более глубокое место[460], что число видов движений конечно и

[455] APo I.10 76b35-36.
[456] APr I.1 24b1 APo I.19 81b15; APo I.25 86a33-35. Места, в которых Аристотель говорит о гипотетических (ἐξ ὑποθέσεως) умозаключениях, опущены как не имеющие отношения к данному вопросу.
[457] См. полный список мест в Index Aristot. 796b59-797a15.
[458] Phys VIII.3 253b5.
[459] Phys I.2 185a12-13.
[460] DeCaelo II.4 287b5.

каждый элемент движется одним видом движения[461], что семени внутренне присущи потенциальный и актуальный вид движения, что при образовании зародыша побежденное качество семени уступает место противоположному, а ослабленное – следующему за ним[462], что всякое тело делимо[463]. Кроме того, в «О небе» он апеллирует к «нашим первым гипотезам»[464], очевидно подразумевая под ними те положения, касающиеся движения и его видов, которые он выдвинул в начале трактата[465] (в частности, уже упомянутое выше положение о том, что каждый элемент движется только одним видом движения). Далее, в этических трактатах, учитывая специфику практических наук, Аристотель нередко говорит о том, что и в них так же, как и в теоретических, есть первая гипотеза – отличие в том, что в их случае эта гипотеза представляет собой цель (например, она указывает, как надо поступать или какое главное положение лежит в основании государственного устройства)[466]. В целом, абсолютно во всех остальных местах корпуса сочинений Аристотеля «гипотеза» имеет явно предикативное значение: Аристотель подразумевает под ним определенное положение, в котором утверждается какая-либо мысль[467].

Справедливости ради следует отметить, что во всех без исключения случаях – как указанных выше, так и перечисленных у Боница, Аристотель, говоря о гипотезе, обозначает, кажется, скорее не один из видов начал доказательства, а начало доказательства в принципе[468]. Это дает сторонникам экзистенциальной интерпретации возможность утверждать, что у слова «гипотеза» в корпусе Аристотеля есть два значения: широкое и узкое. В широком значении под «гипотезой» подразумевается посылка доказательства в принципе, причем даже необязательно неопосредованная. В

[461] DeCaelo I.8 276b8.
[462] GenAn IV.3 768b6-10.
[463] DeCaelo III.7 306a28-30
[464] DeCaelo I.7 273b34.
[465] DeCaelo I.2.
[466] EE II.6 1022b15-29; II.11 1027b26-34; EN VII.9 1151a17; Pol V.11 1314a28 VI.2 1317a40ff и т.д.
[467] Единственное известное мне место, которое можно при желании прочитать иначе – это Metaph XIII.9 1086a11, где Аристотель говорит о том, что платоники рассуждают о математике, а также о существовании и способе существования математических объектов исходя не из математических «гипотез». Контекст дискуссии имеет отношение к существованию, однако даже здесь мы не можем со всей уверенностью сказать, что под гипотезами Аристотель подразумевает экзистенциальные положения; куда более разумным выглядит допущение, что здесь идет речь об обычной привычке Аристотеля не допускать рассуждения о предметах определенного знания, исходя из не свойственных этому знанию начал (ср. APo I.7).
[468] См. особенно Index Arist. 796b59-797a8.

узком смысле гипотеза – это экзистенциальное начало, причем в этом смысле это слово используется только в I.2 «Второй аналитики»[469]. Такая интерпретация не выглядит невозможной: в конце концов, любому исследователю Аристотеля известно, что ему свойственно иногда резко перескакивать между несколькими способами употребления одного и того же слова, никак не предупреждая об этом читателя; при этом этим словом может быть даже вполне четко определенный ранее термин, крайне важный для хода рассуждения[470]. Однако, как правило, мы все же имеем дело с устойчивым употреблением слова в нескольких смыслах: в одних местах оно употребляется так, в других – иначе, но и у того, и у другого употребления есть определенное постоянство. Предположение же о том, что Аристотель отводит слову «гипотеза» специальный смысл только в одном месте всего своего корпуса, и это место должно быть решающим для всего нашего прочтения его доктрины начал, кажется мне очень малоправдоподобным.

в) *У других авторов*. Наконец, еще одним интересным свидетельством в пользу предикативной интерпретации «гипотезы» можно считать употребление этого слова другими греческими авторами и, прежде всего, Платоном. Арпад Сабо в своем замечательном исследовании древней математики указывает[471], что слово «гипотеза» имело среди доаристотелевских математиков смысл любого положения, которое необходимо учителю, чтобы доказать определенную теорему. Происхождение этого термина связано с тем, что математический проект Евклида – постепенное построение всех возможных теорем из ограниченного набора начал – вовсе не является самоочевидным, а также с нуждами педагогической практики. Доказывая определенную теорему, древний математик, вероятно, принимал без доказательства

---

[469] *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle's Account of First Principles. P. 116; Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. 1949. P. 511; *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. P. 55; *Fritz K. von.* Die Archai in der griechischen Mathematik. S. 37-39; *Landor B.* Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4. P. 310; *Leszl W.* Mathematics, Axiomatization and the Hypotheses. P. 309-310; Барнс (Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 100) высказывает то же самое мнение (т.е. мнение о том, что в случае экзистенциальной интерпретации мы должны будем согласиться, что у слова "гипотеза" есть широкий и узкий смысл), но с присущей ему осторожностью.

[470] Лучший пример в рамках «Второй аналитики»: в I.2 72a7 начало (ἀρχη) определяется как «неопосредованная посылка», и, таким образом, является недоказуемой пропозицией, тогда как в I.23 84b28 говорится, что только «*некоторые* начала недоказуемы».

[471] *Szabo A.* Anfänge der griechischen Mathematik. S. 310-315.

определенное число «предположений», которые будут ему необходимы для доказательства этой теоремы, и доказывал ее, исходя из них. Некоторые из этих положений он мог считать недоказуемыми, в случае других он вполне понимал, что их можно доказать ничуть не хуже, чем ту теорему, для доказательства которой он их использовал, однако для его непосредственных нужд в этом не было смысла (несмотря на то, что при необходимости он мог затем доказать и одну из этих гипотез). Таким образом, все положения, используемые при доказательстве какой бы то ни было теоремы, носили название «гипотез» - тех «предпосылок» - все равно доказуемых в свою очередь или нет – которые нужны, чтобы ее доказать. Подобный обыкновенный для греческой математики смысл слова «гипотеза» прекрасно соответствует тому, как Аристотель употребляет слово «гипотеза» в своих сочинениях обыкновенно (см. выше) – т.е. в смысле «взятая без доказательства посылка, необходимая для доказательства определенного положения», и особенно хорошо соответствует описанию гипотезы Аристотелем в APo I.10 76b22-34, что отмечают и другие исследователи[472]. В похожем смысле, судя по всему, говорит о «предположении» и «непредположительном начале» Платон в знаменитом отрывке из Государства[473]: его претензия к геометрам заключается в том, что они останавливаются на определенных «гипотезах», не считая нужным рассматривать и доказывать их далее (несмотря на то, что именно так они поступают со всеми гипотезами до этих последних); тогда как он считает, что тот способ исследования, который они вели до сих пор (доказательство положения; затем доказательство посылок, из которых доказано это положение, затем доказательство использованных в последнем доказательство посылок и т.д.), должен быть продолжен, и эти гипотезы также должны быть рассмотрены, но уже с помощью диалектического исследования, которое в итоге возводит все эти посылки к началу, которое не является предположением. К сожалению, по непонятной мне причине среди исследователей царит странное и, с моей точки зрения, совершенно необоснованное убеждение в том, что Платон, упоминая в 510c-d, что математики «предполагают» (ποιησάμενοι ὑποθέσεις) три вида углов, чет и нечет, фигуры и все

[472] Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. 1949. P. 511; *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. P. 55.
[473] Rep. VI 510b сл.

прочее, имеет в виду, что они постулируют именно их существование[474]. Я не могу найти ничего в тексте упомянутого места «Государства», что бы каким-либо образом указывало на такое прочтение, и, что особенно для меня удивительно, до сих пор не встретил ни одного настоящего аргумента в его пользу.

Как бы то ни было, я считаю, что мы можем быть практически уверены, что во времена Аристотеля слово «гипотеза» употреблялось практически в точности так же, как употреблял его он сам – как взятая без доказательства предпосылка, необходимая для доказательства определенного положения. Никаких свидетельств, вызывающих обоснованные сомнения в том, что именно таков был основной смысл этого слова в области математики, с которой был знаком Аристотель, мне неизвестно. Таким образом, среди современников и непосредственных предшественников Аристотеля это слово также употреблялось в отчетливо предикативном смысле.

8) *Существование треугольника*. Выше, в аргументе (I-6-б) мы рассмотрели пассажи APo I.10 76b32-36 и APo II.7 92b12-16, в последнем из которых Аристотель вне всякого сомнения говорит о доказательстве именно существования треугольника, из чего разумно сделать вывод, что о нем же он говорит и в первом фрагменте, где тоже упоминается треугольник и рассуждение ведется в похожих на фрагмент APo II.7 92b12-16 выражениях. В ходе изложения этого аргумента указанные свидетельства фигурировали в качестве доказательства экзистенциальной интерпретации 10-й главы I-й книги и гипотез в целом. Однако в действительности, если присмотреться к пассажу APo II.7 92b12-16 внимательнее, то окажется, что он, хотя он, вне всякого сомнения и говорит о существовании, он совершенно летален для экзистенциальной интерпретации I.10.

Присмотримся к этому месту еще раз:

> Εἶτα καὶ δι᾽ ἀποδείξεώς φαμεν ἀναγκαῖον εἶναι δείκνυσθαι ἅπαν ὅ τι ἐστίν, εἰ μὴ οὐσία εἴη. τὸ δ᾽ εἶναι οὐκ οὐσία οὐδενί· οὐ γὰρ γένος τὸ ὄν.

[474] *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S. 92-103; *Cornford F.M.* Mathematics and Dialectic in the Republic VI.-VII. (I.). P.41 // Mind. 1932. Vol. 41. No. 162. P. 37–52; *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle's Account of First Principles. P. 116; *Ross W.D.* The Discovery of the Syllogism. P. 266; *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. P. 55.

ἀπόδειξις ἄρ᾽ ἔσται ὅτι ἔστιν. ὅπερ καὶ νῦν ποιοῦσιν αἱ ἐπιστῆμαι. τί μὲν γὰρ σημαίνει τὸ τρίγωνον, ἔλαβεν ὁ γεωμέτρης, ὅτι δ᾽ ἔστι, δείκνυσιν. τί οὖν δείξει ὁ ὁριζόμενος ἢ τί ἐστι τὸ τρίγωνον; εἰδὼς ἄρα τις ὁρισμῷ τί ἐστιν, εἰ ἔστιν οὐκ εἴσεται. ἀλλ᾽ ἀδύνατον .

Далее, мы утверждаем, что для всего, что есть, за исключением сущности, продемонстрировать, что оно имеет место (εἶναι), необходимо посредством доказательства. А бытие ни для чего не является сущностью, поскольку «сущее» не является родом. Значит, должно быть <дано> доказательство, что оно имеет место (ὅτι ἔστιν). И именно так и поступают знания в настоящее время. Ведь что обозначает <слово> «треугольник» - геометр принимает <без доказательства>, а что он *есть* – это он доказывает. А что будет демонстрировать дающий определение <треугольнику>, как ни то, *что* есть треугольник? А ведь тогда некто, зная, посредством определения, что <вещь> есть, не будет знать, есть ли она <вообще>. Но это невозможно.

Итак, речь здесь идет о доказательстве существования и Аристотель действительно говорит, что существование вещей нужно доказывать подобно тому, как геометр доказывает существование треугольника – тут, как уже отмечалось, вероятно имеется доказательство посредством построения, которое Аристотель интерпретирует в качестве доказательства существования. Однако тот факт, что Аристотель здесь утверждает необходимость доказательства существования, не должен заслонять от нас то, как именно он вводит эту мысль в данном случае. А он вводит ее не как нечто само собой разумеющееся и уже ранее постулированное; он считает нужным обосновать, что существование – это такое свойство, которое должно быть доказано наряду со всему остальными, что было бы совершенно излишне, если ранее он бы уже упоминал, что мы должны постулировать существование для всех базовых предметов доказательства. Тот факт, что Аристотель считает нужным обосновать, что мы должны доказывать бытие предметов, подвергающихся рассмотрению в рамках доказательного знания, можно было бы попытаться

истолковать в том смысле, что Аристотель рассуждает здесь так, как будто те вещи, которые он уже обосновал в I-й книге, ему неизвестны, и он ведет независимое обсуждение новой по сравнению с проблематикой I-й книги темы (как это нередко действительно бывает у Аристотеля). Однако это очевидно не так: Аристотель для обоснования того, что необходимо давать доказательство существования, прямо ссылается на уже установленные в рамках предыдущего обсуждения и никак заново не обосновываемые факты: «δι᾽ ἀποδείξεώς φαμεν ἀναγκαῖον εἶναι δείκνυσθαι ἅπαν ὅ τι ἐστίν, εἰ μὴ οὐσία εἴη». То есть он говорит, что ему и его слушателям известно, что необходимо доказать для всего, кроме сущности, «εἶναι», что, как указано в аргументе (II-2) можно (и, добавлю я, на мой взгляд, следует) понимать, как эквивалент «ὅτι ἔστι», которое встречается ниже по тексту в b16, и нужно переводить как «имеет место» - в том смысле, что является присущим какому-либо субъекту доказательства[475]. Такой перевод – единственный, который делает весь текст в целом осмысленным. Место в целом, таким образом гласит, что поскольку мы говорим, что мы должны доказывать принадлежность субъекту доказательства всех его свойств, кроме его сущности (т.е. вероятно - определения), и бытие не является сущностью, и, таким образом, является одним из рядовых свойств, мы должны будем его доказать наряду со всеми другими свойствами. Но такое понимания прямо подразумевает, что в том месте, где Аристотель ранее по тексту устанавливал те тезисы, которые здесь он берет как не нуждающиеся в дальнейшем обосновании (в данном случае – это тезис о том, что для всего, кроме сущности нужно доказать «ὅτι ἔστι»), он говорил о том, что нужно устанавливать не существование свойств, а их принадлежность субъекту доказательства, т.е. о *предикации*, а не о *существовании*. Но единственным местом, где Аристотель говорит о чем-то подобном, является I.10. А это значит, что в этой главе он говорит отнюдь не о доказательстве существования, а просто о доказательстве, в традиционном предикативном смысле.

Последнее соображение, к которому может в этой ситуации прибегнуть сторонник экзистенциальной интерпретации, заключается в том, что, даже если это

[475] Как в стандартном объяснении «τὸ ὅτι» в APo II.1 89b27-27 и APo II.2 90a2-4.

так, то, тем не менее, тут Аристотель прямо говорит о необходимости доказывать бытие. Разве этого нам недостаточно для того, чтобы утверждать, что аристотелевской модели доказательного знания нужны экзистенциальные начала? Ответ – нет, ни в коем случае. И это станет ясно, если еще раз внимательно посмотреть на контекст, в котором встречается тезис о том, что мы должны постулировать существование предметов. Этот контекст – апорематическое рассуждение 7-й главы, где этот тезис приведен не сам по себе, а в рамках более обширного аргумента, доказывающего совершенно иную мысль. Тезисам, выдвинутым в подобных обстоятельствах, никак нельзя верить безоглядно: Аристотель открыто говорит, что кое-что из того, что он обсуждал в 3-7 главах было сказано неправильно[476], и развивать рассуждения, идей которых он сам не придерживается, – это типичная практика Аристотеля при предварительном апорематическом рассмотрении вопроса.

Таким образом, хотя Аристотель действительно в APo II.7 92b12-16 и говорит необходимости доказывать существование предметов доказательного знания, но, во-первых, мы смело можем не верить, что он говорит это всерьез, и во-вторых, ход аргумента, в котором он приводит этот тезис, ясно показывает, что в I.10 книги Аристотель должен был говорить не о существовании, а о предикации.

9) *Невозможность доказательства существования*. Одна из самых существенных проблем в случае экзистенциальной интерпретации заключается в том, что, согласно ей, существование всех предметов, кроме первых начал, необходимо доказать – между тем совершенно неясно, как именно могло бы выглядеть доказательство существования чего бы то ни было при тех требованиях, которые предъявляет для доказательства Аристотель.

а) Некоторые исследователи указывают на то, что пропозиции типа «*x* существует» являются пропозициями с одним термином и как таковые не могут служить посылками аристотелевского силлогизма, для которого требуется две

[476] APo II.8 93a1-2.

пропозиции, каждая из которых имеет по два термина[477]. В действительности это не такая большая проблема: как уже было указано выше, Аристотель очень гибок в своих формулировках посылок, так что он вполне бы мог сформулировать посылку «*x* существует», например, как «существование присуще всему *x*», так что в ней было бы два термина (предикат – «существование» и субъект – «*x*»), после чего осталось бы только взять посылку «*x* присущ всему *y*», чтобы можно было сделать заключение «существование присуще всему *y*».

б) Тем не менее для построения подобных «доказательств» в рамках модели Аристотеля существуют существенные препятствия. Во-первых, существование не является предикатом, присущим какому-то роду сущего уникальным образом – все сущее является существующим в равной мере, хотя и не одинаковым способом[478]. Тогда как Аристотель прямо запрещает выходить в доказательствах за пределы того рода, доказательное знание которого мы выстраиваем[479]. Доказательство существования прямо бы нарушало этот запрет, причем делало бы это в случае каждого из доказательных знаний. Сторонник экзистенциальной интерпретации мог бы возразить, что мы могли бы рассматривать доказательство существования по аналогии с общими началами, или аксиомами: эти пропозиции, согласно Аристотелю, используются в нескольких доказательных знания сразу, но в каждом из них они используются применительно к его роду[480], т.е., можно сказать, что несмотря на формальное сходство общих начал, используемых в разных родах, содержательно они различны, поскольку в одних случаях, например, ПРО применяется к числам, а в другом – к пространственным величинам. Почему бы нам не считать, что и с доказательством существования дело обстоит тем же образом? Однако такой выход из этой трудности в действительности прямо закрыт текстом Аристотеля. Ведь «Вторая аналитика» говорит нам, что то, что сторонники экзистенциальной интерпретации считают гипотезами (т.е. постулатами существования вещей), – это «собственные»

[477] *Harari O.* Knowledge and Demonstration. P. 41-42, *Gómez-Lobo A.* Aristotle's hypotheses and the Euclidean postulates. P. 431.
[478] Metaph IV.1-2 1003a21-b19.
[479] APo I.7.
[480] APo I.10 76a37-b2.

(ἴδια) начала науки, а не общие[481], что прямо подразумевает, что доказательство, использующее эти начала, должно целиком и в прямо смысле принадлежать к роду, в рамках которого оно ведется.

в) Но даже если мы пренебрежем требованием вести доказательство строго в рамках одного рода сущего, у нас все еще остаются большие проблемы с доказательством существования предметов знания. Их суть заключается в следующем. В I.10 сказано, что «ὅτι ἔστι» (что в данном случае понимается как «существование») нужно доказать для субстанциальных свойств (καθ'αὐτὰ πάθη)[482] первичных субъектов рода (т.е. для начал рода), тогда как постулируется «ὅτι ἔστι» только для начал рода. При этом, как мы уже видели в 1-й главе настоящей работы, свойства играют роль предикатов, а начала – субъектов высказывания, которое должно фигурировать в качестве умозаключения. Другими словами, мы, имея в распоряжении существование субъекта, должны каким-то образом доказать существование предиката. В рамках силлогистики Аристотеля, однако, это задача неразрешима. В самом деле, обозначим существование как «А», начало, существование которого мы постулируем, как «В», присущее этому началу свойство, существование которого требуется доказать, как «Г». В нашем распоряжении в каждом конкретном случае будут следующие посылки: АаВ (существование присуще всему началу) и ГаВ (свойство присуще всему началу). Заключение, которое нам нужно получить, должно выглядит как АаГ (существование присуще всему свойству). Однако несложно заметить, что такого вывода получить из этих посылок нельзя. Две общеутвердительные посылки в третьей фигуре силлогизма могут дать только частноутвердительное заключение (АiГ – существование присуще части свойства), чего явно недостаточно для целей Аристотеля.

Большинство исследователей «Второй аналитики», придерживающихся экзистенциальной интерпретации, обходят эти проблемы стороной, совершенно их не упоминая[483]. Единственная известная мне попытка серьезно и обстоятельно доказать,

[481] APo I.10 76b3-11.
[482] APo I.10 76a31-36; 76b3-11.
[483] Голдин (*Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 60) понимает и признает, что силлогистическое доказательство существования невозможно, его объяснение этого факта заключается, коротко говоря, в том, что Аристотель об этом не подумал – я не считаю, что это правдоподобно. Позицию Орлова по этому вопросу выявить сложно, поскольку он

что доказательство существования в рамках модели доказательного знания Аристотеля возможно, и что оно будет являться доказательством в строгом смысле слова, обнаруживается в работе Ричарда Маккирахана[484]. Маккирахану в своих построениях удается соблюсти многие важные условия «доказательности» умозаключения (средним термином является определение, в качестве посылок используются только начала), однако в целом его объяснение доказательства существования (как и доказательства во «Второй аналитике» вообще) основано на фундаментальном отказе от требования соблюдать силлогистическую форму рассуждения для тех доказательств, из которых выстраивается знание. Несмотря на то, что Маккирахан тщательно обосновывает этот свой отказ[485], учитывая то упорство, которое «Вторая аналитика» демонстрирует в приверженности силлогистическому рассуждению, я не могу согласиться с его возможностью. И если я вправе требовать, чтобы настоящее доказательство было выполнено не только исходя из начал, но и по привальному силлогистическому модусу, то к решению Маккирахана применима критика как довода (б), так и особенного довода (в).

10) *Необходимость предикативных посылок*. Наконец, есть еще один важный довод в пользу предикативной интерпретации, который заключается в том, что такие посылки, как понятые в предикативном смысле гипотезы, просто необходимы для функционирования той модели доказательного знания, которую выстраивает Аристотель. Мы можем показать, что а) без разговора о предикативных началах, какими должны являться гипотезы, главы «Второй аналитики», обсуждающие начала, смотрятся крайне странно и б) без предикативных посылок ту модель доказательного

расщепляет проблему существования на несколько: с одной стороны, это принятие существования субъектов доказательства, которое, однако не относится к проблеме начал (*Орлов Е.В.* Аристотель о началах человеческого разумения. С. 288–289), с другой – принятие бытия начал рода, под чем, насколько можно судить, Орлов понимает одновременно принятие «первых терминов» этого рода и принятие бытия самого рода, которое, однако, видимо (или нет? можно только догадываться, сам Орлов мало проясняет этот вопрос), необходимо нам только в случае, как говорит Орлов, «гипотетических родов», т.е. родов, создаваемых нами искусственно (*Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. С. 296–297; *Орлов Е.В.* Аристотель о началах человеческого разумения. С. 99–101.). Все это сильно запутывает проблему; как бы то ни было, в нашем случае важно только то, что ничего о том, каким могло бы быть доказательство (в аристотелевском смысле этого слова) существования Орлов ничего не говорит. Позиция Бронштейна имеет почти все то же самые недостатки, что и позиция Орлова: у него нет единого обсуждения этой проблемы, разные подходы к ней противоречат один другому, наконец, нигде не указано, как могло бы выглядеть доказательство существования чего бы то ни было (ближе всего Б. подходит к этому вопросу в *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 185–187).

[484] *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 188-198.

[485] Ibid. P. 149-163.

знания, к которую Аристотель описывает на протяжении всей «Второй аналитики», просто невозможно построить.

а) Принимаем ли мы экзистенциальную интерпретацию гипотез или нет, никто не будет спорить, что доказательство существования – это не основная цель, на достижение которой направлено для Аристотеля доказательное знание. Основная цель заключается в доказательстве определенных положений, имеющих предикативную, а не экзистенциальную природу: т.е. в доказательстве того, что какие-то свойства присущи каким-то вещам (например, «иметь сумму внутренних углов, равной двум прямым углам» – «треугольнику»[486]). Между тем, если мы принимаем экзистенциальную интерпретацию, то в 10-й главе I-й книги «Второй аналитики», цель которой, судя по всему, состоит в обрисовке общей динамики построения доказательного знания (с чем мы должны начать – т.е. принять без доказательства – и к чему прийти – т.е. получить через доказательство), Аристотель парадоксальным образом много говорит о вспомогательных (хотя и необходимых) вещах – о постулировании существования и значения для начал и о доказательстве существования для их свойств – но *ни разу* не говорит *ничего* о самом важном – доказательстве того, что свойства, собственно, присущи чему-то. Получается, что при описании доказательства Аристотель отмечает важность всего, что с ним связано, ни ничего не говорит и самом доказательстве и, более того, даже не упоминает о том, что его надо вести.

б) Той модели, которую выстраивает Аристотель, очевидно, *необходимы* для нормального функционирования неопосредованные посылки, которые не являлись бы определениями[487]. Это несложно продемонстрировать. Действительно, если мы утверждаем, что единственными неопосредованными предикативными посылками являются определения[488], то из этого ясно следует, что в любом силлогизме, доказывающем, что некий предикат присущ некоему субъекту, обе посылки должны

[486] См. ниже, стр 228.

[487] Это важный аргумент, который, насколько мне известно, не был до сих пор использован ни одним из исследователей «Второй аналитики», включая тех, кто придерживается предикативной интерпретации гипотез.

[488] А гипотезы, соответственно, являются исключительно экзистенциальными положениями.

представлять собой определения. Тогда, в зависимости от того, как именно мы представляем себе сущность такой посылки, как определение, это ведет нас к одной из трех альтернатив, две из которых являются, насколько я могу судить, совершенно неприемлемыми, а одна, хотя и достойной рассмотрения в куда большей степени, однако все же так же не до конца удовлетворительной:

а) В нашем понимании определения мы можем ориентироваться на стандартное для Аристотеля представление об определении как о формулировке, указывающей на суть (τὸ τί ἐστι) или же суть бытия вещи (τὸ τί ἦν εἶναι)[489] и имеющей вид «А принадлежит всему В» (или «Все В есть А»), где В – это definiendum, определимый термин, то, для чего дается определение, а А – definiens, определитель т.е. собственно сама формулировка, с помощью которой В определяется[490]; причем А – это максимально полное и, таким образом, единственное указание на суть бытия В. Если мы ограничим наше понимание определения только пропозициями, имеющими указанный вид, то в нашем доказательном силлогизме должно быть две посылки, каждая из которых является определением, строго имеющим вид «*x* принадлежит всему *y*».

Далее, мы можем расположить термины в нашем силлогизме тремя способами.

1) С одной стороны, мы можем прямо руководствоваться указанием Аристотеля о том, что доказательство происходит прежде всего по первой фигуре[491], а точнее по ее утвердительному и общему модусу – т.е. по самому первому модусу, модусу Barbara. В этом случае расположение терминов в посылках будет иметь вид «А принадлежит всей В; В принадлежит всей Г», а заключением будет «А принадлежит всей Г», при

[489] Index Arist. 524b55-525a1.

[490] Некоторые исследователи (Aristotelis Stagiritae Peripateticorum principis Organum / edidit Iulius Pacius. 1597. P. 418; *Bolton R.* Essentialism and Semantic Theory in Aristotle: Posterior Analytics, II, 7-10. P. 522. n. 15 // The Philosophical Review. 1976. Vol. 85. No. 4. P. 514–544; *Landor B.* Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4. P. 311; *Орлов Е.* Философский язык Аристотеля. С. 147-150) считают, что для обозначения этой последней части определения, т.е. определителя, Аристотель даже использует специальный термин: когда ему нужно сказать именно о нем, он склонен употреблять слово «ὅρος» (например, APo I.10), тогда как для обозначения определения в целом он чаще использует «ὁρισμός» (например, APo I.2; II.3-8); Бронштейн (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 140) даже считает, что оба эти термина – как «ὅρος», так и «ὁρισμός» - используются во «Второй аналитике» прежде всего в значении «определитель». Впрочем, все указанные исследователи (кроме Бронштейна) признают, что эта терминологическая привычка Аристотеля не абсолютна и знает достаточно исключений.

[491] APo I.14.

этом А будет определителем для В, а В – определителем для Г (и в итоге А также будет определителем для Г). В целом рассуждение будет выглядеть следующим образом (индексом ^{d} здесь и далее обозначены те термины, которые являются определителями, т.е. представляют собой definiens):

$$A^{d}aB^{d}$$
$$\underline{B^{d}a\Gamma}$$
$$A^{d}aB$$

Но, во-первых, такая ситуация при принятом нами ранее понимании определения невозможна, поскольку получается, что у одного и того же определяемого термина (Г) будут сразу два определения (А и В, при этом одно из них будет доказываться через другое), тогда как ex hypothesi у всякого термина есть только одно определение – поскольку только одна формулировка указывает на суть бытия вещи наиболее полным и исчерпывающим образом[492]. А во-вторых, даже если бы у термина могло бы быть несколько таких исчерпывающе эксплицирующих его суть бытия определений, то вся наука Аристотеля сводилась бы к доказательству определений терминов на основе других, ранее известных их определений. Не говоря уже о том, что это невозможно (не только потому, что определение является началом доказательства и, значит, его само нельзя доказать[493], но и потому что Аристотель прямо исключает возможность в строгом смысле доказательства определений в результате отдельного подробного рассмотрения вопроса об этой возможности[494]), это просто крайне ущербная и скудная картина доказательного знания; сам Аристотель, как видно по его примерам доказательств, претендует на нечто большее.

---

[492] Top VI.14 151b16; VII.3 154a10-11. Аристотель в II.4 «Второй аналитики» рассматривает случаи доказательства одного определения через другое, однако делать на основании этого вывод, что, с его точки зрения, это действительно возможно было бы ошибочно. Действительно, контекст дискуссии в этом месте состоит в выяснении вопроса о том, возможно ли доказать определение. Аргумент Аристотеля призван не более чем доказать, что это невозможно; для этого он показывает, что средним термином при доказательстве определения должно было бы быть другое определение, и *даже если бы это было возможно*, то это все равно давало бы нам отрицательный ответ на вопрос о возможности доказательства определений: потому что то определение, которые мы используем в качестве среднего термина мы включили в рассуждение без доказательства (а если мы попытаемся доказать и его, то нам понадобится еще одно определение и так до бесконечности). Таким образом положение о возможности доказательства одного определения через другое – это не более чем предположение, сделанное ради усиления аргумента: Аристотель соглашается с ним, чтобы показать, что даже если мы решим, что это (вообще-то крайне маловероятное) предположение истинно, аргумент его противников не будет работать.

[493] APo I.2 72a5-24.

[494] Аристотель специально уделяет этому вопросу главы 3-10 II книги «Второй аналитики».

2) Мы можем расположить термины в посылках силлогизма, сохраняя за обоими посылками статус определений, и иначе. А именно, мы можем оставить в посылках только один definiens и сделать его средним термином – в этом случае в наших посылках мы будем иметь не два определения одного и того же термина, а одно и то же определение двух терминов, из чего теоретически можно будет сделать вывод о тождестве этих двух терминов. Выглядеть это будет так: «А принадлежит всей В, А принадлежит всей Г» (где А – это definiens); гипотетически заключением в данном случае должно было бы быть нечто вроде «В принадлежит всей Г».

$$A^{d}aB$$
$$\underline{A^{d}aГ}$$
$$[\ BaГ\ ]$$

Однако, как несложно заметить человеку, хорошо знакомому с валидными силлогистическими модусами, из указанных двух посылок нельзя вывести такое заключение; более того, в соответствие с доктриной «Первой аналитики» из них нельзя вывести вообще никакого заключения[495]. В действительности, поскольку definiens всегда в точности равнообъемен с определяемым термином, то объемы всех трех терминов должны совпасть, так что переход к заключению «В принадлежит всему Г», учитывая наше знание о характере терминов, будет вполне правомерен[496]. Однако этот переход не будет осуществляться по правилам силлогистического следования; иначе говоря, в данном случае перед нами не будет умозаключения. А поскольку всякое знание должно быть получено именно через умозаключение, указанное рассуждение не может считаться знанием, и, значит, Аристотель не мог представлять себе функционирование своей модели доказательного знания в соответствие с подобными рассуждениями. К этому следует добавить и то, что уже было сказано о сочетании посылок, которое мы рассматривали в пункте (1) – даже будь рассуждение из подобных посылок хоть в каком-то смысле возможно, оно, фактически, не

[495] Единственными известными силлогистике валидными модусами с двумя общеутвердительными посылками, за исключением модуса Barbara, являются модусы Darapti и Bramantip, однако первый из них является модусом третьей фигуры, а второй – четвертой, тогда как в нашем случае мы имеем дело с рассуждением по второй фигуре; вторая же фигура не терпит сочетаний посылок, каждая из которых является положительной (APr I.5 28a7 сл.).

[496] Здесь и далее в квадратные скобки [ ] я буду брать заключение, которое не следует из данных выше посылок по одному из правильных модусов аристотелевской силлогистики, однако реально выводимо в силу характера терминов в имеющихся посылках.

представляло бы из себя никакого (или почти никакого) интереса: у Аристотеля получалась бы наука, строго ограниченная установлением синонимии[497] между терминами.

3) Наконец, у нас есть третий вариант расположения терминов в наших посылках-определениях – по упомянутому выше модусу Darapti, так чтобы при этом в обоих посылках предикатом являлся различный definiens, а субъектом – один и тот же определяемый термин. Иначе говоря, мы получаем сочетание посылок «А присуще всей Г; В присуще всей Г», где Г – это определяемый термин, а А и В – два различных определителя этого термина.

$$A^{d}aГ$$
$$\underline{B^{d}aГ}$$
$$[A^{d}aB^{d}]$$

Проблемы при таком сочетании посылок у нас, однако, будут с заключением. Во-первых, из этих посылок силлогистически можно вывести только частноутвердительное заключение «А присуще части Б», а науку интересуют все же связи, выражаемые в общеутвердительных положениях[498]; общеутвердительное положение «А присуще всему Б», на самом деле, здесь, так же, как и в предыдущем случае, за счет равнообъемности всех трех терминов можно получить, однако это не будет силлогистическим выводом. Однако, что куда важнее, даже если мы получили такое заключение, мы сталкиваемся со все теми же проблемами: подобным рассуждением мы бы только показали, что у одного и того же термина два определителя, а значит, два определения; во-первых, это, как и в случае (1) невозможно ex hypothesi, а во-вторых, доказательное знание, занимающееся тем, что оно приравнивает одни определения термина к другим его определениям опять же совершенно бесполезно.

[497] В современном, а не в аристотелевском (см. Cat 1 1a6-12) смысле.
[498] APo I.24.

b) Мы можем теперь попробовать несколько отступить от того строго понимания определения, которого мы придерживались до сих пор. Допустим, что Аристотель позволяет понимать под «определением» любую посылку, содержащую definiens в качестве одного из терминов, при этом сам definiens мы будем пока понимать столь же строго как в пункте (a) – а именно как максимально полное и, таким образом, единственное в своем роде указание на суть бытия определяемого термина. Предположение о том, что определением можно считать не только пропозицию вида $A^{d}aB$, но пропозицию вида BaA^{d} не должно казаться нам столь уж скандальным: в самом деле, как уже было неоднократно отмечено, definiens в определении всегда в точности равнообъемен с определяемым термином, так что из посылки $A^{d}aB$ мы всегда можем совершенно правомерно вывести BaA^{d} по правилу обращения для равнообъемных терминов[499]. Однако, что это подобное понимание определения меняет для нас по сравнению с рассмотренным выше? В целом, только одно: в случае понимания (a) definiens мог встречаться в посылках только на месте предиката, теперь же он может занимать как место субъекта, так и место предиката, причем в обоих посылках. В действительности это дает намного больше простора для построения силлогистических рассуждений; впрочем, ни одно из этих рассуждений все так же не оказывается достаточно интересным для Аристотеля. Рассмотрим последовательно новые сочетания посылок, которые мы можем получить при таком понимании сущности определения.

1) Начнем с менее интересных случаев и будем двигаться по восходящей. Во-первых, мы можем получить силлогизм по модусу Darapti третьей фигуры, где определитель будет средним термином (субъектом обоих посылок), а крайними терминами (предикатами) будут два различных определяемых термина:

$$\begin{array}{c} AaГ^{d} \\ \underline{BaГ^{d}} \\ [AaB] \end{array}$$

[499] APr II.28.

В действительности, это не более чем вариация описанного выше случая (а2), и к данному рассуждению применимы все те же самые претензии (как формальные, так и содержательные), что и к случаю (а2) с единственным отличием в том, что там никакого правильного заключения в силлогистике Аристотеля из указанных посылок вывести вообще было нельзя; здесь же мы могли бы вывести заключение, но только частноутвердительное.

2) Мы могли бы обратиться к двум вариантом расположения терминов-определителей в посылках модуса Bramantip 4 фигуры, которые выглядят следующим образом:

(i)	(ii)
BaA^d	B^daA
$\underline{\Gamma^daB}$	$\underline{\Gamma aB^d}$
$[A^da\Gamma^d]$	$[AaГ]$

Однако в действительности эти сочетания посылок являются только более слабыми вариантами сочетаний посылок модуса Barbara 1-й фигуры с точно такими же терминами в обратном расположении. Поэтому для экономии места разумнее рассмотреть сочетания посылок именно в этом последнем модусе – вся критика, которая приложима к ним, в итоге будет верна в отношении этих двух сочетаний посылок. Отмечу, что из рассмотренных ниже случаев случай (3) соответствует сочетанию посылок (i), а случай (4) – сочетанию посылок (ii).

3) Перейдем к первой фигуре. Возьмем для начала менее интересное сочетание терминов в посылках: пусть средний термин В будет определяемым термином, крайние термины А и Г – его двумя различными определителями.

$$A^daB$$
$$\underline{Ba\Gamma^d}$$
$$A^da\Gamma^d$$

В таком случае мы получаем все те же проблемы, которые обнаружили в случае (а3) с тем единственным отличием, что здесь, в отличие от описанного в (а3) случая, общеутвердительное заключение следует из посылок по всем правилам силлогистики. Однако остальные проблемы на месте: у нас получается два определителя одного и

того же термина (что невозможно) и наша наука занимается установлением синонимии различных определений одного термина (что было бы бесполезно, даже если это было бы возможно).

4) В наименьшей степени подвержено критике, а потому наиболее интересно с точки зрения возможности использования в модели доказательного знания Аристотеля такое сочетание терминов в модусе Barbara 1-й фигуры, при котором определителем является только средний термин В, а крайние термины А и Г являются двумя различными определяемыми терминами:

$$AaB^d$$
$$\underline{B^daГ}$$
$$AaГ$$

В самом деле, во-первых, у нас в данном случае нет никаких проблем с возможностью вывести общеутвердительное заключение из имеющихся посылок по всем правилам «Первой аналитики». Во-вторых, в данном наборе посылок перед нами только один определитель, и значит, здесь неприменима критика, касающаяся того, что у одного термина не может быть несколько определений. Таким образом, с формальной точки зрения перед нами вполне допустимое рассуждение.

Однако с содержательной стороны здесь опять провал. Содержательно это рассуждение эквивалентно случаю (a2) и (b1) – фактически, мы опять занимаемся здесь установлением синонимии двух терминов на основании того, что им присуще одно и то же определение.

Кому-то могло бы показаться, что на самом деле это вовсе не так и мы можем обнаружить содержательное применение рассуждения по указанной схеме, выходящее за пределы установления простой синонимии. Например, мы могли бы предположить, что при условии, что определителем термина «человек» является «разумное животное», мы можем получить рамках указанного «модуса» рассуждение

«Человек» принадлежит всему «разумному животному»

<u>«Разумное животное» принадлежит всему «Сократу»</u>

«Человек» принадлежит всему «Сократу»

Это будет доказательством того, что Сократ является человеком, на основании определения человека, встречающегося в обоих посылках. Эвристическая ценность подобного рассуждения уже намного выше, чем простое установление синонимии между двумя терминами: нам удалось показать, что нечто (Сократ) является чем-то (человеком), потому что он подходит под определение человека. Судя по тому, что у нас есть основания полагать, что именно подобный способ рассуждения и правда является очень важным для модели доказательного знания Аристотеля[500], мы могли бы прийти к выводу, что Аристотелевская наука, по крайней мере, в некоем ее минимальном варианте, вполне могла бы существовать именно в рамках того способа рассуждений, который описывается в (b4).

Однако это иллюзия, связанная с особенностью единичных посылок, встречающихся в силлогизмах Аристотеля. Я не буду отстаивать позицию, согласно которой Аристотель вообще не допускает в свою силлогистику единичные термины вроде «Сократа»[501] - в свете обилия свидетельствующих об обратном примеров, обнаруживающихся на страницах как «Первой»[502], так и «Второй аналитики»[503], это позиция не может быть не признана просто ошибочной[504]. Единичные термины вполне могут встречаться в умозаключениях Аристотеля, и в том числе в доказательных умозаключениях. Однако их определенные черты могут сбить исследователя с толку, что и происходит в описанном выше случае. Дело в том, что «разумное животное» не является определением (точнее, определителем) «Сократа», поскольку у единичных предметов вообще нет определения[505] – а значит, нет его и у соответствующих им терминов.

---

[500] См. *Юнусов А.Т.* Первая философия как наука: теория научного знания Аристотеля во «Второй аналитике» и в IV книге «Метафизики // Философский журнал. 2016. Том 9. №2. С. 66–82.
[501] См., например, *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. С. 37-41.
[502] Напр., APr I.27 43a25-35; I.33 47b21 сл.; II.21 67a33-37; I.24 68b41-a11; II.27 70a14-33.
[503] Напр., APo I.13 78b4-10; II.8 93a30-b7; II.11 95a36-b8 и т.д.
[504] Ср. *Бочаров В.А., Маркин В.И.* Силлогистические теории. С. 63-65.
[505] Metaph VII.11 1036a39.

Природа нашей ошибки станет намного более понятна, если мы отвлечемся от примера с Сократом и переместимся на одну ступень выше, рассмотрев точно такое же рассуждение с аналогичным соотношением объемов терминов, в котором, однако, ни один из терминов не является единичным. Так, предположим, что «тело, наделенное ощущающей душой» - это definiens «животного». В таком случае, строя аналогичное рассуждению с Сократом умозаключение, мы можем получить:

«Животное» принадлежит всему «телу, наделенному ощущающей душой»

«Тело, наделенное ощущающей душой» принадлежит всему «человеку»

«Животное» принадлежит всему «человеку»

Здесь прекрасно видна суть совершенного нами выше промаха. «Тело, наделенное ощущающей душой» действительно является определителем для «животного», и первая посылка, таким образом, может считаться определением. Однако для «человека» «тело, наделенное ощущающей душой» определителем никак не является! Этот definiens действительно сказывается обо всем объеме термина «человек», более того, сказывается о нем необходимым образом, так что вторая посылка является одновременно истинной и доказательной. Однако область предикации термина «тело, наделенное ощущающей душой» значительно шире одного только термина «человек» - он сказывается также о быках, конях, собаках и вообще всех животных. Тогда как для того, чтобы быть определителем, термин должен быть равнообъемен с определяемым термином, должен быть «собственным» для него[506]. Отсюда видно, что определением в указанном силлогизме можно считать только первую посылку («животное» принадлежит всему «телу, наделенному ощущающей душой»); иллюзия того, что вторая посылка также является определением возникает из-за того, что она содержит в себе термин, который был определителем в первой посылке; однако несмотря на то, что в большей посылке средний термин действительно был определителем, он не является таковым фактически в меньшей посылке. Есть и еще один простой способ продемонстрировать последний факт – а

[506] APo II.4 91a15-16.

именно, это можно сделать, указав, что определением «человека» (меньшего термина в меньшей посылке) является не «тело, наделенное ощущающей душой», а, например, «разумное животное». В случае с первым с умозаключением, которое мы рассматривали непосредственно перед данным и в котором доказывалось, что Сократ – это человек, ситуация в действительности в точности аналогична; ошибку там, однако, увидеть сложнее – именно потому что у единичных предметов нет своих отдельный определений и при сопоставлении терминов в меньшей посылке, в отличие от нынешнего случая, не сразу видно, что больший термин является не определением для меньшего, а чем-то совершенно иным.

Чем же, впрочем, являются меньшие посылки в двух указанных случаях? Этот вопрос в особенности важен, учитывая, что у нас есть хорошие основания полагать, что умозаключения подобного рода действительно должны встречаться в рамках модели доказательного знания Аристотеля[507]. Я полагаю, что они являются неопосредованными посылками иного, чем определения рода. Единственные такие посылки, о которых упоминает Аристотель – это гипотезы. Разумно предположить, что перед нами в данном случае именно они.

c) До сих пор я показал, что если мы будем понимать определение традиционным способом – как максимально полное и, таким образом, единственное в своем роде указание на суть бытия определяемого термина – то, если единственным видом неопосредованных посылок, являются именно определения, и, соответственно, обе посылки в наших доказательных умозаключениях должны приставлять собой определения, никакое построение содержательного научного знания, на которое претендует Аристотель, не будет возможным – как бы либерально мы не относились к соотносительной позиции определяемого термина и определителя в используемых в таком случае посылках (т.е. даже если мы допустим, что определители могут стоять не только на месте предикатов, но и на месте субъектов). Это показывает, что одних определений в традиционном смысле недостаточно для целей Аристотеля – нужно добавить еще и другой тип посылок. С одной стороны, можно считать, что этим

[507] См. ниже, стр. 223-245.

вторым видом посылок должны быть гипотезы. Однако есть и те, кто жестко отводит гипотезам исключительно экзистенциальную роль в структуре доказательного знания. Такие исследователи бывают вынуждены, как правило, постулировать, что под определениями Аристотель в данном случае понимает более широкий класс пропозицией, чем можно было бы от него ожидать. Их позицию, таким образом, можно свести к тому, что, хотя одних традиционных определений для построения науки недостаточно, Аристотель, говоря об определениях, говорит вовсе не о традиционных определениях (или, по крайней мере, не только о них).

Эту позицию можно попытаться подкрепить следующими способами.

1) Мы можем указать на то, что определение – это для Аристотеля всегда указание на «τὸ τί ἐστι» (или «τὸ τί ἦν εἶναι») вещи, в чем бы именно это «τὸ τί ἐστι» не заключалось. Однако «τὸ τί ἐστι» любой определяемой вещи состоит из многих элементов – предположительно, как минимум, из рода и видового отличия[508], хотя взгляды Аристотеля на содержание определения нельзя называть достаточно устойчивыми, чтобы мы могли утверждать, что во всяком определении должны встречаться именно эти составляющие[509]. Если «τὸ τί ἐστι» всегда состоит из нескольких элементов, то несложно предположить, что под «проговариванием τί ἐστι <вещи>» (λόγος τοῦ τί ἐστι) – что является стандартной дефиницией определения – может подразумеваться указание не обязательно на все «τὸ τί ἐστι» целиком, но только лишь на один (или несколько) из элементов, составляющих целое «τὸ τί ἐστι». В таком случае мы получим определения, которые, попадая формально под дефиницию определения, не подвержены тем строгим требованиям, которые мы склонны предъявлять к определениям.

2) И действительно, некоторые фрагменты текстов Аристотеля, и прежде всего, «Второй аналитики» дают нам основания считать, что Аристотель действительно склонен принимать существование таких «облегченных» определений. В главах 8-10

[508] Top. VII.3 153a15-18; Metaph VII.1037b28-1038a4; APo II.13.
[509] См., например, *Balme D.* Aristotle's Use of Division and Differentiae // Philosophical Issues in Aristotle's Biology / ed. by A. Gotthelf, J. G. Lennox. Cambridge, 1987. 69–89; *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 11-122; *Орлов Е.В.* Аристотель о началах человеческого разумения. С 113-179.

II-й книги он рассуждает о нескольких типах определения, и о том, как каждый их этих типов соотносится с доказательным знанием. В II.10 Аристотель перечисляет 4 типа определения, из которых определения, о которых идет речь в 93b29-37 и в 94a7-9; 13-14 весьма похожи на то, что нам нужно[510]. В особенности это касается определения, описываемого в 94a7-9; 13-14, поскольку у нас есть основания считать, что именно о нем в II.8 книги Аристотель говорит, что оно представляет собой «нечто от самой вещи»[511] и далее «нечто от τί ἐστι»[512]. Таким образом, Аристотель, кажется готов признать существование «облегченных», указывающих только на часть «τί ἐστι» определений, и даже готов определенным образом использовать их в своей модели доказательного знания.

3) Если мы присмотримся к древнегреческим математическим доказательствами, в которых Аристотель, предположительно, черпал вдохновение при построении своей модели доказательного знания, мы обнаружим, что из трех типов начал единственными предикативными началами, являются именно определения (ὅροι). Если в так обстоит дело в доказательном знании, на которое Аристотель должен был ориентироваться, то вполне правдоподобным выглядит предположение, что точно так же должно обстоять дело и у самого Аристотеля. Тем более, что, как нам известно, в случае математики тот набор начал, который дает Евклид, действительно позволяет достичь впечатляющих успехов в построении строгой дедуктивной науки[513].

***

[510] Характерно, что некоторые исследователи считают, что это один и тот же вид определений, и на этом основании сокращают количество типов определений, рассматриваемых в этой главе с 4 до 3 (Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. P. 634-636; *Bolton R.* Essentialism and Semantic Theory in Aristotle. P. 522-525).

[511] APo II.8 93a22.

[512] APo II.8 93a29. Мы можем связать этот фрагмент с указанным видом определения из 10-й главы на том основании, что пример, который Аристотель приводит для того, чтобы проиллюстрировать обладание «нечто от самой вещи» совпадает с примером этого определения: «некий грохот в небесах» - это «обладание чем-то от самой вещи» и одновременно определение нужного нами вида для «грома» (8 93a22-23 и 10 94a7-8).

[513] Как это часто отмечается, некоторых положений Евклиду в его списке начал не хватает – т.е. речь о том, что он нередко использует без доказательства некоторые посылки, которые не были перечислены ни в одном из его списков начал (см., напр., The Thirteen Books of Euclid's Elements / ed. by H.L. Heath. Vol. 1. P. 242). Однако эти пропущенные начала не являются чем-то принципиально гетерогенным по отношению к одному из тех трех типов начал, которые Евклид принимает, поэтому при включении их в список, например, постулатов или определений, мы все еще имеем вполне исчерпывающее для целей Евклида деление начал.

На все приведенные доводы есть что возразить. Проще всего разбить довод (2): да, Аристотель действительно признает существование «облегченных» определений и действительно предусматривает для них место в своей модели доказательного знания. Однако это место, как он сам четко говорит – не в посылках, а в заключении доказательства[514], причем то доказательство, заключением которого наше «облегченное» определение является, в действительности даже не представляет собой доказательства в собственном смысле[515]. Здесь же рушиться и связанный с доводом (2) довод (1) – несмотря на то, что логически существование таких «облегченных» определений и использование их в качестве посылок возможно, на деле мы нигде не найдем такого места, в котором Аристотель бы говорил о том, что нечто подобное действительно используется в качестве посылок.

Довод (3) также несложно подвергнуть критике. Безусловно, Евклид использует в качестве предикативных посылок только определения. Но Евклид в действительности вообще мало озабочен тем, чтобы провести деление используемых им начал на ясных основаниях: в самих «Началах» никак не объясняется, по какому принципу начала делятся на постулаты, общие понятия и определения и чем одни отличаются от других, и, как часто отмечают исследователи, понять, есть ли в его делении какое-то реальное, осознаваемое им самим основание, совсем не просто. Так, среди всего пяти постулатов встречаются пропозиции двух принципиально разных видов; равным образом и среди определений есть такие пропозиции, которые мы бы никак определениями не назвали. Есть существенные основания полагать, что основание деления начал – для самого Евклида представляет собой загадку, и он просто ориентируется на традицию, которой он наследует[516], а также пытается включить начала, к необходимости которых он пришел сам, в уже имеющуюся рамку[517]. Отсутствие теоретической работы по обоснованию своего способа доказательства является нормальным для Евклида, который все же прежде всего

[514] τοῦτο δ’ ἐστὶ τῆς τοῦ τί ἐστι ἀποδειξέως συμπέρσμα (APo II.10 94a8-9).
[515] См. об этом подробнее на стр. 251-254.
[516] *Szabo A.* Anfänge der griechischen Mathematik. S. 408-416.
[517] Прежде всего, 4 и 5 постулаты: *Heath T.L.* A history of Greek mathematics. P. 375; *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle’s Account of First Principles. P. 116.

является математиком-практиком, а не теоретиком математического доказательства. Однако подобная халатность была бы удивительна в случае Аристотеля, который как раз прежде всего выступает в роли теоретика доказательного знания. Евклид может собирать под заголовком «ὅροι» все виды нужных ему посылок без исключения – в конце концов, ему не нужно объяснять, что такое эти «ὅροι» и как он понимает существо этого термина. Вполне возможно, что он даже не так привязан к пониманию этого термина в качестве «определений»; быть может, он склонен был бы объяснить этот термин скорее как «понятия» - в конце концов, совершенно очевидно, что некоторые из его определений вовсе не являются определениями ни в каком из приемлемых смыслов этого слова[518]. В любом случае, мы не можем подразумевать за ним тех особенных отношений к понятию «определения», которые безусловно присущи Аристотелю.

Другое соображение, свидетельствующее против этого довода, может быть найдено в рамках аргумент (II-7) и заключается попросту том, что уж если мы говорим о математической традиции, которая повлияла на Аристотеля, то Евклид написал свои «Начала» уже после смерти Стагирита, и мы никак не можем быть уверены, что Аристотель был знаком с традицией деления и именования начал именно таким образом, как это делал Евклид; между тем, мы можем быть уверены, что Аристотель знаком с традицией именования всех посылок математического доказательства «гипотезами» - просто потому что следы этого знакомства в обилии обнаруживаются в корпусе его сочинений, тогда как следов столь же явного знакомства с терминологией, использованной Евклидом, мы у Аристотеля нигде не найдем.

***

[518] В частности, I. def. 3; XI. def. 5-6 (см. *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 140; The Thirteen Books of Euclid's Elements / ed. by T.L. Heath. Vol. 1. P. 165; 171).

Таким образом, ни один из доводов в пользу того, что мы можем понимать под «определениями» «Второй аналитики» такое указание на τί ἐστι вещи, на которое налагаются менее строгие ограничения, чем на то, что Аристотель понимает под определением обычно, не является достаточно сильным для того, чтобы обосновать эту позицию. В действительности, ни один из них, насколько я понимаю, не является основным для исследователей, придерживающихся подобного понимания определений. Основным доводом в этом случае является еще один аргумент, который можно обозначить как аргумент от *отсутствия альтернативы.*

4) *Отсутствие альтернативы*. В действительности, главный аргумент сторонников такого прочтения определений должен состоять в том, что ничто иное не может играть подобную роль в модели доказательного знания Аристотеля[519]. Без него все прочие перечисленные соображения оказываются несущественными и излишними – если у нас есть другой кандидат на роль нужных для построения содержательных доказательных силлогизмов неопосредованных посылок, то нам вовсе нет нужды принимать взгляд на определения, столь сильно отличающийся от того, которого Аристотель придерживается в абсолютном большинстве иных случаев. В случае если мы считаем, что роль гипотез ограничивается чисто утверждением существования предметов, о которых ведется доказательство, такой взгляд на определения – это и правда все, что нам остается. Однако если мы имеем хорошее основание сомневаться в том, что гипотезы – это не более чем экзистенциальные начала доказательства, он становится излишен.

III. Сравнение аргументов

Время подвести промежуточный итог.

[519] Этот довод в действительности является определяющим, несмотря на то, что чисто текстуально к нему почти никогда не прибегают эксплицитно.

В нашем распоряжении по 8 доводов в пользу экзистенциальной и 10 доводов в пользу предиктивной интерпретации гипотез. Кратко перечислим их по названиями, чтобы потом оценить весомость каждого из них и остаться только с определяющими аргументами, которые достойны более подробного рассмотрения в контексте друг друга.

I) Итак, доводами в пользу *экзистенциальной* интерпретации являются: 1) Объяснение «гипотезы» в I.2 2) Доказательство существования в I.10 3) Экзистенциальное прочтение εἶναι 4) Экзистенциальное прочтение εἰ ἔστι 5) Познаваемость только существующего 6) Употребление примеров (а) единица и б) треугольник) 7) Математическая аналогия 8) Сократическая аналогия.

II) Доводами в пользу *предикативной* интерпретации, в свою очередь, являются: 1) Предикативное ὅτι ἔστι 2) Предикативное εἶναι 3) Нерелеваность εἰ ἔστι 4) «Существование» пропозиций 5) Определение гипотезы 6) Различие начал в I.2 и I.10 7) Употребление «ὑπόθεσις» в текстах Аристотеля 8) Существование треугольника 9) Невозможность доказательства существования 10) Необходимость предикативных посылок (а) по текстуальным основаниям б) по логическим основаниям).

(II-1) и (II-2) нивелируют (I-3), на который, помимо всего прочего, опираются (I-1) и (I-2) при экзистенциальной интерпретации текста 2-й и 10-й глав I-й книги. При этом сами эти аргументы также нивелируются аргументом (I-3) – в том смысле, что все три этих аргумента в совокупности показывают, что определенные обороты могут быть прочитаны как в экзистенциальном, так и в предиктивном смысле, не склоняя нас решительным в ту или иную сторону.

(II-3) полностью сводит на нет (I-4), но мало дает для собственно предикативной интерпретации, являясь чисто критическим доводом.

(II-5) еще далее лишает определяющей силы (I-1).

(II-6), (II-8) и (II-10-а) ставят под вопрос (I-2). (II-6) выбивает у (I-2) почву из-под ног, показывая, что у нас нет оснований отождествлять начала 10-й книги с началами 2-й книги, даже если начала 10-й книги подразумевают экзистенциальное прочтение.

(II-8) наносит (I-2) еще больший урон, показывая, что у нас есть независимые основания считать, то в 10-й главе I-й книги не может идти речь о существовании. (II-10-а) ставит под вопрос самую суть (I-2), т.е. что в нем действительно предписывается необходимость постулирования и доказательства существования для предметов доказательного знания, показывая, почему такое прочтение выглядит крайне странным.

(II-8), кроме того, полностью разрушает (I-6-б).

(I-7) и (I-8), как было указано при их обсуждении, не имеют большой самостоятельной силы, так что при устранении других аргументов в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез, их также можно отбросить. Но то же самое можно сказать и о (II-7). Дополнительно можно сказать, что (II-7) и (I-7) уравновешивают друг друга: эти два доводы не является прямо критическими по отношению друг к другу, но оба они касаются одних и тех же вопросов (математической терминологии в произведениях Аристотеля) и показывают, что эту тему можно использовать как в пользу одной, так и в пользу другой интерпретации.

(II-9) должен бить по (I-5), однако в действительности не делает этого: даже если мы (допустим) показали, что доказательство существования невозможно, это ничуть не отменяет того, что Аристотель считает, что знать существование предмета, о котором ведется доказательство, необходимо.

(II-4), может показаться, вредит обеим интерпретациям, однако все же, как мы увидим в следующей главе, куда лучше совместим с предикативной; впрочем, пока использовать его как хороший довод в ее пользу мы пока не можем.

(I-1) и (I-2) почти целиком опираются на (I-3) и (I-6-а). (I-3), как указано выше, оказывается абсолютно нерелевантным под ударами (II-1) и (II-2). Однако (I-6-а) остается в силе и не позволяет другим доводам, направленным против (I-1) и (I-2) (а именно (II-5), (II-6), (II-8) и (II-10-а)) полностью свести их на нет, поскольку ни один из этих доводов не может объяснить, о чем, кроме существования, могла бы идти речь в приводимых в тексте примерах. Таким образом, благодаря силе (I-6-а), доводы (II-5),

(II-6), (II-8) и (II-10-а) не могут считаться полностью опрокидывающими (I-1) и (I-2); между этими группами доводов устанавливается непрочное, но равновесие.

В результате на стороне экзистенциальной интерпретации не поколебленными остаются только аргументы (I-5) и (I-6-а). В случае предикативной интерпретации никак не попавшими под удар оказываются доводы (II-9) и (II-10-б), однако, следует заметить, что в целом, те подвергшиеся критике доводы в пользу предикативной интерпретации выглядят намного более серьезными, многочисленными и разнообразными, чем раскритикованные доводы в пользу экзистенциальной интерпретации.

В какую же сторону в таком случае мы должны склониться при интерпретации сущности гипотез в системе Аристотеля?

Здесь будет уместно вспомнить об упомянутом мной во введении методологическом принципе, на основании которого должны в настоящей работе решаться подобные спорные вопросы. Этот принцип заключается в том, что в случае обнаружения противоречивых свидетельств текста преимущество всегда должно отдаваться тем свидетельствам, которые находятся в согласии с тем самым общим представлением о доказательном знании, на которое опирается Аристотель во «Второй аналитике».

В свете этого принципа при взвешивании четырех не подвергшихся критике доводов самым существенным для в рамках доктрины, выстраиваемой «Второй аналитикой», безусловно, является довод (II-10-б). Отличные от определений неопосредованные предикативные посылки необходимы Аристотелю для построения его модели доказательного знания, и сам Аристотель не может этого не понимать.

Довод (II-9) также является принципиальным в контексте модели доказательного знания Аристотеля. Существование невозможно доказать силлогистически, и со стороны Аристотеля было бы глупо всерьез требовать подобного доказательства. Невозможность такого доказательства также вне всяких сомнений должна была быть ему понятна. На это можно возразить, что доказательство существования не

обязательно должно быть силлогистическим. Это, безусловно, верно, и, более того, вполне вероятно, что Аристотель действительно может смотреть на доказательство существования как на доказательство, осуществляемое несиллогистическим путем – через мгновение я вернусь к этой ценной мысли. Однако в случае, если мы признаём, что доказательство существования не является силлогистическим, у нас отпадает всяческая нужда в неопосредованных посылках такого доказательства. Гипотезы как неопосредованные посылки, постулирующие существование, имеют смысл только в случае, если речь идет о силлогистическом доказательстве существования. Если же это доказательство не является силлогистическим, то нет никакой нужды включать такие гипотезы в список начал доказательства.

Однако Аристотель достаточно определенно говорит о необходимости знать о существовании вещи, прежде чем мы сможем знать о ее сути, между тем, знание сути вещи необходимо для построения доказательного знания о ней. Таким образом, мы не можем просто отбросить довод (I-5) – он слишком хорошо подкреплен текстом, и у нас нет никаких свидетельств против него. Однако это является не столь уж большой проблемой. Прежде всего, у нас и нет нужды в том, чтобы его отбрасывать. Доводы (II-9) не обязательно противоречит доводу (I-5). Один говорит, что *доказательство* (в том строгом смысле, который в это слово вкладывает Аристотель) существования невозможно, а другой – что нам необходимо *быть осведомленным* о существовании предмета знания, прежде, чем мы сможем уяснить его суть. Ничто в формулировке довода (I-5) не подразумевает, ни что мы должны доказать существование познаваемых предметов, ни что мы должны знать (ἐπίστασθαι) о существовании этих предметов (что косвенно подразумевало бы, что мы должны доказать это существование, поскольку знание (ἐπιστήμη), за исключением, возможно, знания начал, получается только через доказательство). При обсуждении необходимости обладать уверенностью в существовании предметов знания Аристотель использует более нейтральный словарь: чаще всего он говорит, что мы должны быть осведомлены (εἰδέναι)[520] о нем. Таким образом, мы можем сказать, что несмотря на то, что

[520] APo II.7 92b5; 17-18; II.8 93a4; 20; 25-26; 35-36; b2-3 и т.д.

доказательство существования в строгом смысле невозможно, мы все же можем каким-то образом быть осведомлены о существовании предметов знания.

Тут как раз и оказывается кстати упомянутое чуть выше предположение о том, что мы можем иметь несиллогистическое доказательство существования предмета. Я думаю, текст «Второй аналитики» можно интерпретировать в том смысле, что Аристотель допускает возможность для ведущего доказательство получать сведения о существовании рассматриваемых предметов без того, чтобы в собственном смысле доказывать это существование. Насколько можно судить по замечаниям Аристотеля, разбросанным по разным частям «Второй аналитики»[521], а также некоторых других текстов[522], для предмета, обозначаемого термином, который может являться предикатом для чего-либо, т.е. в конечном итоге, для термина, являющегося свойством, а не первой сущностью, существовать – значит быть действительно присущим той первой сущности (отдельному предмету), о которой он сказывается, тогда как для существование первых сущностей и не нуждается в подобной связи с другими предметами и в этом смысле абсолютно. Иными словами, причина существования свойств заключается в их присущности первым сущностям, тогда как первые сущности являются причиной существования для самих себя[523]. Что это действительно так, а также, что именно это значит, я попробую показать на примере, которым пользуется во «Второй аналитике» сам Аристотель – примере лунного затмения[524].

---

[521] Прежде всего, APo II.1-2; APo II.8 93a31-35.

[522] Cat 5; Metaph VII.17.

[523] Здесь необходима та существенная оговорка, что Аристотель, говоря в этом случае о причинах, судя по всему, ограничивается только рассмотрением формальной причины. Так, во-первых, за кадром оказывается целевая причина: в смысле возникновения у первых сущностей, безусловно, есть отличная от них самих действующая причина (при этом стоит отметить, что, будучи отличной по числу, она, как правило, тождественна, им по виду). Во-вторых, не идет здесь речь и о материальной причине первых сущностей, которая, между тем, у них, конечно же есть и которая является причиной их существования: особенно хорошо это видно, если сравнить доктрину II книги «Второй аналитики» с явно перекликающейся с ней (что видно по использованию в точности той же терминологии и тех же примеров) 17 главой VII книги «Метафизики». Отказ от того, чтобы учитывать здесь целевую причину, не столь явен – но это, я полагаю, происходит прежде всего потому, что Аристотелю не свойственно считать целевую причину причиной существования первой сущности, или, по крайней мере, причиной существования, отличной от, собственно, формальной причины.

[524] У этого примера есть множество недостатков, самый существенный из которых заключается в том, что он не очень хорошо вписывается в силлогистическую теорию Аристотеля, на которой основана «Вторая аналитика»: так, как верно отмечают некоторые исследователи (*McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 149-156), когда Аристотель говорит, что «затмение присуще Луне» (очевидно пытаясь представить это положение как посылку силлогизма), он,

Аристотель в начала II книги «Второй аналитики» говорит о том, что в нашем исследовании мы можем задаваться четырьмя вопросами – мы можем искать, 1) является ли нечто фактом (τὸ ὅτι), 2) *почему* оно является фактом (τὸ διότι), 3) *есть ли* нечто (εἰ ἔστι), и 4) *что* оно есть (τί ἐστι)[525]. Аристотель говорит, что вопрос 1 и 3 и вопросы 2 и 4 являются аналогичными друг другу соответственно; т.е., например, спросить «*что* это такое?» в каком-то смысле – это то же самое, что спросить «*почему* это имеет место?», и задаваться вопросом «является ли нечто фактом» - это в каком-то смысле то же самое, что спрашивать «есть ли нечто»? Судя по приводимым Аристотелем для пояснения сути этих четырех вопросов примерам, отличие между вопросами 1 и 2 с одной стороны и 3, и 4 с другой, заключается в том, что последние – задаются об отдельных терминах, тогда как первые – о пропозициях. Так, Аристотель говорит, что мы спрашиваем о факте (τὸ ὅτι) в случае, если мы хотим знать, верно ли, что «Солнце находится в затмении» (=«затмение присуще Солнцу»), а когда мы выясняем, что это действительно так, то мы можем задать следующий вопрос – почему (διότι) «солнце находится в затмении» - оба этих вопроса мы применяем к пропозициям, сочетаниям субъекта и предиката. Однако мы также можем задавать аналогичные этим вопросам вопросы о терминах, и точно в том же порядке: сначала, мы можем спросить об отдельном термине, существует ли соответствующий ему предмет – например, есть ли (εἰ ἔστι) на свете бог? Узнав же, что есть, мы можем далее спросить, что он есть такое (τί ἐστι)? Из дальнейшего объяснения Аристотеля я заключаю, что отмеченная им аналогия между вопросами *почему* (διότι) и *что* (τί ἐστι) заключается в том, что если мы задаем вопрос *что* в отношении термина, который в онтологическом смысле является не субъектом, а предикатом, т.е. не первой сущностью, а свойством (например, спрашиваем, «не что такое человек?», а «что такое

прежде всего, не может использовать связку «быть присущим» (ὑπάρχειν) так, как он делает это обычно, т.е. в том смысле что термины «затмение» и «Луна» находятся в отношении части и целого (это бы давало нам совершенно бессмысленное утверждение «Всяка Луна есть затмение»); далее, он не может также квалифицировать посылку «затмение присуще Луне» с количественной точки зрения так, как это необходимо с точки зрения доказательного знания, т.е. сказать, что это универсальная посылка, поскольку высказывание «затмение присуще всякой Луне» является просто ложным.

Однако, несмотря на все эти проблемы, к обсуждению которых мы еще перейдем в дальнейшем (стр. 228-230), этот пример имеет то несомненное преимущество, что он используется Аристотелем, и Аристотель разбирает его крайне подробно.

[525] APo II.1.

затемнение?», при том, что затмение – это свойство[526], а не сущность), то мы в действительности задаем вопрос «почему *x* находится в затмении?», где x – это та сущность, которой присуще затмение. Тот факт, что «что такое затемнение?» и «почему *x* находится в затмении?» - это один и тот же вопрос, объясняется Аристотелем тем, что правильным ответом на эти вопросы в сущности будет один и тот же ответ: например, если мы говорим о лунном затмении, то ответ на первый вопрос – «потеря Луной <отражаемого ей солнечного> света вследствие загораживания <его> Землей», а на второй – «потому что Луна теряет <отражаемый ей солнечный> свет, когда <его> загораживает Земля»[527], а между этими двумя ответами нет никакой разницы. Если мы назовем вопросы 1 и 2 пропозициональными, а вопросы 3 и 4 – терминными, то аналогия между пропозициональным вопросом *почему* и терминным вопросом *что* будет заключаться в том, что, задавая терминный вопрос *что* о термине, о котором нельзя говорить иначе, чем в составе пропозиции (т.е. о термине, не обозначающем сущность, предикате в онтологическом смысле), мы на самом деле будем задавать пропозициональный вопрос *почему* – что видно из того, что ответы на эти вопросы будут одинаковыми[528]. Именно проведение аналогии между этими двумя вопросами является основной целью глав 1 и 2 II-й книги «Второй аналитики» - поскольку вопрос τί ἐστι тесно связан с понятием определения, а вопрос διότι – с понятием доказательства, и именно исследование соотношения доказательства и определения и составляет основной предмет II-й книги. Однако Аристотель, менее подробно, но все же касается также и аналогии между оставшимися двумя пропозициональным и терминным вопросами – т.е. между вопросами о факте (τὸ ὅτι) и о том, «есть ли» (εἰ ἔστι). Аристотель в сущности говорит о том, что эти два вопроса

[526] Пусть и в очень широком смысле, но «затмение» попадает под рубрику «πάθος» - а именно это слово Аристотель использует как «свойство» в своих сочинениях. См. выше, стр. 66-67

[527] APo II.2 90a15-18.

[528] Ср. интерпретации этого места Фемистия (Themistii analyticorum posteriorum paraphrasis. P. 42.4), Филопона (Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria. P. 336.20.), Росса (Aristotle's Prior and Posterior Analytics. P. 609–610 / ed. by W.D. Ross), Трико (*Aristote*. Les Seconds Analytiques. P. 165–166), Барнса (Aristotle's Posterior analytics. P. 203–204 / ed. by J. Barnes), Голдина (*Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 17–25), Пеллегрэна (*Aristote*. Seconds Analytiques. P. 396), Орлова (*Орлов Е.* Философский язык Аристотеля. С. 273–274), Бронштейна (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 75-76). Отличаясь от моей в некоторых (порой существенных) деталях, они согласны с ней в том, что вопросы 1 и 2 связаны с установлением предикации сказуемого о субъекте и ее причины, а вопросы 3 и 4 – с установлением существования и сути самого субъекта.

относятся друг к другу так же, как и другие два[529]. Если это так, то разумно будет предположить, что то, что оказалось верным в случае взаимного отношения тех вопросов, окажется верным и здесь – то есть, что аналогия между пропозициональным и терминным вопросами здесь также будет заключаться в том, что, задавая терминный вопрос о термине, о котором нельзя говорить иначе, чем в составе пропозиции (т.е. о предикате в онтологическом смысле), мы на самом деле будем задавать соответствующий пропозициональный вопрос. Это значит, что, задавая вопрос «есть ли» об онтологическом предикате (например, «есть ли затмение?»), мы в действительности будем задавать вопрос о факте (например, «находится ли в затмении Луна?»), и ответы на эти вопросы будут совпадать: если верным будет сказать, что «Луна находится в затмении», то верным будет и также сказать и что «затмение есть», или «затмение существует».

Зафиксируем этот результат. Что он дает нам? Мы показали, что, если мы доказываем присущность предиката субъекту (свойства сущности), т.е. «τὸ ὅτι» какой-либо пропозиции, то одновременно с этим мы показываем существование этого предиката. Но именно доказательством присущности свойств (πάθη) определенным субъектам доказательства («тому, о чем» («περὶ ὅ») ведется доказательство) и занимается, по Аристотелю, доказательное знание. Значит, одновременно с доказательством определенных фактов (τὸ ὅτι), которое заключается в доказательстве того, что определенным субъектам присущи определенные предикаты, мы будем узнавать, что эти свойства обладают существованием[530]. Эту процедуру можно будет

[529] APo II.2 89b36-90a1. Если говорить более точно, то Аристотель описывает аналогию между этими вопросами так: спрашивать о факте и «*есть ли*» - это спрашивать *есть ли* средний термин, а спрашивать «*почему*» и «*что*» – это спрашивать, *что* есть средний термин. Однако объяснение сходства вопросов с привлечением понятия среднего термина в действительности только запутывает дело, причем сразу в обоих случаях: в первом случае непонятно, где при ответе на 3-й вопрос может обнаруживаться средний термин (см. Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed by W.D. Ross. 1949. P. 612; *Gómez-Lobo A.* The So-Called Question of Existence in Aristotle, an. Post. 2. 1-2. P. 72-73; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 182); во втором – как получается, что то, на что Аристотель фактически указывает как на средний термин (APo II.8 93a30-35), не совпадает с ответами на вопросы «что» и «почему», которые сам Аристотель приводит в качестве правильных (APo II.2 90a15-18). Обе эти трудности, на мой взгляд можно решить, однако это потребовало бы много места, не относясь напрямую к предмету нынешнего разговора. Поэтому я ограничиваюсь просто констатацией того, что Аристотель постулирует существование аналогии между вопросами 1 и 3 с одной стороны и 2 и 4 с другой, не углубляясь в то, как он сам характеризует эту аналогию.

[530] На это можно было бы возразить, что мы должны знать о существовании предметов, используемых в доказательстве, до доказательства самого факта, поскольку, по словам Аристотеля, мы не можем знать «τί ἐστι» (что в нашем случае эквивалентно «διότι», что, в свою очередь эквивалентно среднему термину доказывающего силлогизма), не зная «εἰ ἔστι» (APo II.8 93a20). Это действительно так, однако два соображения устраняют все возникающие отсюда

провести для всего, кроме самих тех субъектов, о которых мы доказываем определенные положения (т.е. которым мы в ходе наших доказательств приписываем определенные свойства). Это будут, предположительно, первые сущности (либо первые неделимые виды – если мы захотим соблюсти условие допуска в тело доказательного знания только универсальных терминов) и доказать их существование будет нельзя. В их отношении будет правильным задавать вопрос о существовании («εἰ ἔστι;») в собственном смысле, и ответ на этот вопрос будет выходить за рамки возможности доказательства в конкретном доказательном знании. Их существование нужно будет, говоря словами Аристотеля, «постулировать или сделать очевидным каким-либо другим путем[531]» - предположительно, например, путем непосредственного чувственного восприятия[532] (увидев Луну, мы можем быть уверены в существовании Луны).

На этом этапе возникает вопрос: но чем все это отличается от той картины, которую рисует 10-я глава I-й книги в экзистенциальном прочтении? В самом деле, во-первых, мы *постулируем существование* неких первых предметов того рода, знание о котором мы будем выстраивать – это, кажется, вполне соответствует экзистенциальному пониманию *гипотез*. Во-вторых, мы говорим, что существование всего, кроме этих первых предметов, которые будут играть роль предельных субъектов наших доказательств, мы обосновываем через доказательство – это вполне соответствует экзистенциальному прочтению слов «ὅτι δ᾽ ἔστι, τὰς μὲν ἀρχὰς ἀνάγκη λαμβάνειν, τὰ δ᾽ ἄλλα δεικνύναι»[533], а тот факт, что мы обосновываем только существование свойств, очень хорошо согласуется со словами о том, что «τὰ δὲ τούτων (т.е. ἀρχῶν –А.Ю.) πάθη καθ᾽ αὐτά, τί μὲν σημαίνει ἕκαστον, λαμβάνουσιν, <…> ὅτι δ᾽

проблемы. Во-первых, Аристотель прямо говорит, что мы можем узнавать «τί ἐστι» и «εἰ ἔστι» одновременно (APo II.8 93a16-18), что и может происходить в данном случае происходит в данном случае. Но, во-вторых, даже это не является обязательным условием того, чтобы описанная мной схема работала. Ведь нам, предположительно, не нужно *доказывать* существование рассматриваемых свойств, а нужно только быть о нем осведомленным. А для получения такой осведомленности нам необязательно строить силлогизмы – в данном случае подойдет и другой способ получения осведомленности о «τὸ ὅτι», такой как наведение. Ведь, действительно, модель доказательного знания Аристотеля предполагает, что нам уже известно заключение, которое мы должны доказать, и мы должны только найти для него средний термин (см. ниже, стр. 248).

[531] APo II.9 93b22-23.

[532] Metaph VI.I 1025b10-11.

[533] APo I.10 76a33-34.

ἔστι, δεικνύουσι». Не доказали мы случайно валидность экзистенциального прочтения гипотез, пытаясь его опровергнуть?

Я полагаю, что, вовсе нет, хотя на первый взгляд сходство действительно достаточно значительно. Однако проблема в том, что ни такие постулаты о существовании не могут считаться гипотезами, ни такое обоснование существования свойств нельзя назвать доказательством. И то, и другое несложно показать. В самом деле, гипотеза, по Аристотелю – это неопосредованная посылка доказательства[534]. Так что если мы отождествляем нечто с гипотезой, то мы автоматически утверждаем, что это нечто должно быть можно использовать в доказательстве в качестве неопосредованной посылки в составе доказательного силлогизма. Однако описанные выше постулаты о существовании, имеющие форму «х существует» («Луна существует»; «единица существует») а) не используются в тех доказательствах, в результате которых мы предположительно обосновываем существование субстанциальных свойств в предложенной нами схеме б) вообще не могут быть использованы в силлогистических доказательствах, как было показано в аргументе (II-9). Точно та же проблема возникает и с самим обоснованием существования субстанциальных свойств. Дело в том, что в случае описанной процедуры этого обоснования перед нами нет никакого *доказательства* существования в том смысле, в каком использует это слово Аристотель; мы не приходим к тому факту, что нечто существует, *посредством* доказательства, но он становится известен нам *в ходе* доказательства. В том доказательстве, в ходе которого мы приходим к осведомлённости о существовании, собственно, даже нет ничего прямым образом говорящего о существовании: в нем не используется посылок, что-либо говорящих о существовании, и в его заключениях о существовании также не говорится ни слова. В конце концов, оно не исходит из неких «гипотез», если понимать это слово в экзистенциальном смысле. В ходе такого доказательства мы получаем сведения о существовании свойств в определенном смысле побочным образом, контрабандой, так что ничего бы не изменилось, если бы мы вообще особенно не обращали внимания на

[534] APo I.2 72a7.

то, что мы одновременно получаем сведения о существовании чего-то[535]. Те реальные неопосредованные посылки, которые используются в ходе этого доказательства – это предикативные гипотезы, и то реальное доказательство, которое происходит – это доказательство предикации, а не существования.

Тем не менее, такая картина позволяет нам обезвредить аргумент (I-5), указывающий, что для построения доказательного знания, мы должны знать о существовании предметов этого знания. Если мы можем получать осведомленность о существовании этих предметов в ходе доказательства, но не посредством этого доказательства, то критический запал этого аргумента перестает работать: да, мы должны знать и существовании этих предметов, и можем знать о нем, но при этом для этого нам необязательно его в строгом смысле доказывать.

Суммируя некоторые из приведенных в этой главе аргументов, мы могли бы представить себе следующее объяснение позиции Аристотеля по вопросу гипотез, доказательства существования и правильного прочтения тех мест, в которых он говорит о началах доказательного знания.

Во-первых, в I.2 идет речь о предиктивных гипотезах – посылках силлогизма, которые необходимы наряду с определениями для того, чтобы построить доказательство присущности определенных свойств определенным субъектам. Правдоподобность этого прочтения указанной главы показана в (II-5).

Во-вторых, в I.10 речь идет о совершенно других началах, чем во I.2, прежде всего – не о началах-посылках, а о началах-предметах (или началах-терминах). Множество соображений, свидетельствующих в пользу этого прочтения, приведены в (II-6). В таком случае, допустим, I.10 может быть прочитано в экзистенциальном смысле, но Аристотель говорит здесь не о гипотезах. Тот факт, что Аристотель, если

[535] Ср. *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 85. Интерпретация Бронштейна аналогична предложенной мной только частично и со многими ее принципиальными элементами (прежде всего, с тем, что вторая книга «Второй аналитики» описывают полностью отличную от первой эпистемологическую практику – практику исследование в отличие от построения окончательного тела знания) я не могу согласиться. Однако общая мысль о том, что проблема обоснования существования решается через процесс, который связан с построением доказательства, но собственно доказательством не является, кажется мне правильным – несмотря на то, что мы приходим к ней разными путями, а также достаточно по-разному представляем себе сам этот процесс.

мы принимаем экзистенциальное прочтение этой главы, требует доказать существование субстанциальных свойств, что, как отмечено выше, во-первых, невозможно, а во-вторых, не входит в его планы, мы можем объяснить за счет указания на то, что он в действительности использует в I.10 достаточно нейтральный словарь: он говорит о необходимости «δεικνύναι»[536], т.е. «показать» их существование; глагол δείκνυμι во многих случаях используется Аристотелем как в точности эквивалентный глаголу «ἀποδείκνυμι» (доказывать), однако в других случаях он использует его в смягченном смысле, подразумевающем обоснование, демонстрацию чего-либо без того, чтобы строго доказать это в соответствие с понятием доказательства «Второй аналитики». В таком случае выходит, что Аристотель действительно принимает необходимость как постулирования существования начал, так и демонстрации существования всего, что началом не является – однако постулирование существования не следует отождествлять с гипотезой, а демонстрация существования – это не то же самое, что его доказательство.

У такой интерпретации текста остаются определенные недостатки.

Во-первых, она согласуется не со всеми свидетельствами текста в пользу предикативной интерпретации гипотез, рассмотренными нами в ходе этой главы, или, если говорить точнее, она согласуется не со всеми свидетельствами против экзистенциальной интерпретации. Прежде всего, она игнорирует (II-8), который очень сильно говорит в пользу того, что в I.10 должна была идти речь о предикации, а не о существовании; далее она совершенно не учитывает (I-10-a), который также склоняет нас в сторону невозможности прочесть I.10 в экзистенциальном смысле (хотя вес этого довода и не так велик, как у предыдущего).

В то же время, во-вторых, ей не удается в полной мере инкорпорировать в себя и объяснить все достойные внимания свидетельства в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез. Речь в данном случае в действительности только об одном доводе, последнем из выделенных выше четырех основных аргументов, который остался не рассмотренным – а именно о (I-6-a), т.е. о *примерах* «гипотез», которые

[536] APo I.10 76a32; b9.

свидетельствуют совершенно явно выглядят как примеры существования познаваемых предметов. Предложенному прочтению более-менее удается справиться с проблемой экзистенциального прочтения I.10: мы читаем эту главу и содержащиеся в ней примеры в экзистенциальном ключе, однако речь в ее случае идет попросту о других началах, и не о доказательстве в собственном смысле. Однако у нас все еще остается проблема примера гипотезы в I.2 («существование единицы»), который едва ли можно прочитать иначе, чем в экзистенциальном смысле. Мне неизвестно ни одного удовлетворительного решения этой проблемы – большинство авторов, придерживающихся предикативной интерпретации гипотез просто обходят ее стороной. Я предполагаю, что наиболее перспективный путь ее решения заключается в том, чтобы поставить под вопрос авторство Аристотеля в случае этого примера, а также большинства других примеров I.1, I.2 и I.10 «Второй аналитики», однако у меня, к сожалению, нет возможности развить эту линию рассуждения в рамках данной работы. Как бы то ни было, учитывая, что мы свели решительные свидетельства в пользу экзистенциальной интерпретации всего к одному-единственному месту в тексте[537], тогда как все прочие места «Второй аналитики» нам удалось в той или иной степени примирить с пропозициональной интерпретацией, мы можем, в целом, пока пренебречь этим местом, поскольку, как я указывал выше, нашу задачу составляет не решение всех имеющихся в тексте противоречий (что было бы, судя по опыту предыдущих исследователей, невозможно), но понимание того, как должна выглядеть модель доказательного знания «Второй аналитики» на основании наиболее устойчивых и отличающихся наибольшей теоретической необходимостью свидетельств текста.

Если учитывать все указанное, то в данном разделе мне, я полагаю, удалось показать, что такой вид начал доказательного знания как «гипотезы» должен быть понят в смысле предикативных, а не экзистенциальных посылок. Эти посылки используются непосредственно в ходе построения доказательного знания о присущности определенных субстанциальных свойств определенным субъектам

[537] А именно к APo I.2 72a 21-24.

доказательства, а не в ходе построения отдельного, предварительного по отношению к доказательству свойств доказательства существования тех предметов, о которых мы должны будем выстраивать знания. При этом мы – по крайней мере на данном этапе исследования – не отказываемся от того тезиса, что существование одних объектов доказательного знания (субъектов доказательства) должно быть постулировано, а других (субстанциальных свойств) – получено в ходе доказательства; однако «в ходе доказательства» не значит «посредством доказательства»; существование доказываемых предметов становится известно нам в определенном смысле бесплатным довеском к пропозициональному содержанию заключения нашего доказательства. В ходе дальнейшего исследования нам, возможно, придется пересмотреть определенные черты этой модели, однако вывод о том, что гипотеза является пропозициональным, а не экзистенциальным началом, мы можем считать установленным твердо.

Глава 4. Определения

В предыдущей главе я показал, что у нас есть существенные основания считать один из основных типов начал научного знания – гипотезы – пропозициональными высказываниями, утверждающими, что определенный предикат присущ определенному субъекту. При этом на протяжении всей главы я исходил из предположения, что под другим типом начал – определениями – Аристотель понимает в точности то же самое, что он понимает под ними обычно в своей философии – а именно формулировку, указывающую на то, что вещь такое (λόγος τοῦ τί ἔστι), или же на то, что такое быть вещью (λόγος τοῦ τί ἦν εἶναι) единственную в своем роде для каждого определяемого термина[538] и, возможно, хотя и не обязательно, строящуюся по формуле род плюс видовое отличие. Такой взгляд на определения был в целом принят мною без его достаточного обоснования и, более того, вопреки определенным свидетельствам, позволяющим усомниться в его верности. Это было сделано неслучайно – за таким достаточно вольным обращением с понятием определения стоит намерение по возможности как можно более полно разнести обсуждение основных видов начал доказательного знания: гипотез и определений, для того, чтобы подробно обсудить те и другие по отдельности, не перескакивая с одной проблемы на другую. Тем не менее, не подлежит сомнению, что полностью отделить обсуждение сущности гипотез от сущности определений (и соответственно, обсуждение сущности определений от сущности гипотез) невозможно, и то как мы понимаем один из видов этих начал в существенной степени влияет на то, как мы будем понимать другой их вид. В частности, моя попытка обсудить гипотезы в отдельности от определений привела к тому, что я, как это должно было быть заметно любому специалисту в данной теме, в предыдущей главе несколько неестественным образом прошел мимо одного из важных аргументов в пользу экзистенциального прочтения гипотез – а именно аргумента от соотносительных функций начал доказательного знания согласно фрагменту 72a14-24 2-й главы I-й книги «Второй аналитик». Этот аргумент, коротко говоря, состоит в том, что если мы принимаем предикативное прочтение гипотезы во

[538] Напр., Top VII.3 153a15-22.

2-й главе, то мы должны отказаться от классического взгляда на определения как на указание на суть вещи, поскольку, исходя из приводимых Аристотелем в рассматриваемом фрагменте дефиниций, эти предикативное понимание дефиниции гипотезы несовместимо с классическим пониманием дефиниции определения. В определенной степени меня извиняет то, что, на мой взгляд, этот аргумент несложно парировать, так что при нашем финальном учете доводов он не оказал бы существенного влияния на получившийся у нас в итоге расклад. Однако совсем обойти его внимание все же невозможно, так что он будет подробно разобран уже в настоящей главе. Вместе с ним в настоящей главе будут также рассмотрены некоторые другие проблемы, которых мы коротко коснулись в предыдущей главе, но не имели возможности обсудить их там подробно.

Задачей настоящей главы в целом является прояснение сущности такого вида начал как определения во «Второй аналитике», а также описание функций этого типа начал в системе доказательного знания Аристотеля.

В первом разделе я коснусь уже упомянутого выше не затронутого в предыдущей главе аргумента в пользу экзистенциального истолкования гипотез, отталкивающегося от соотносительной дефиниции гипотез и определений в I.2 «Второй аналитики». Я покажу, что этот аргумент вполне возможно парировать и в целом предикативное прочтение гипотез вполне совместимо с традиционным понимание определений как формулировок сути вещи.

Во втором и третьем разделах я еще раз ставлю под вопрос возможность сохранить традиционное понимание определений Аристотеля в связи с особенностями текста «Второй аналитики». Второй раздел посвящен вопросу о том, могут ли определения «Второй аналитики» указывать на суть (τὸ τί ἐστι) вещи или же их нужно понимать, как формулировки, указывающие на значение (τὸ τί σημαίνει) вещи? Третий раздел посвящен рассмотрению другой угрозы традиционному пониманию определений во «Второй аналитики», и будет иметь дело с вопросом о том, можем ли мы считать такие начала как «определения» суждениями, или же под ними подразумеваются начала-термины? В результате проделанной в этих разделах работы,

я получаю два возможных прочтения текста «Второй аналитики», дающие два возможных набора начал доказательного знания. Важным итогом, однако, оказывается, что, отличаясь друг от друга в деталях, они в целом дают одинаковую картину компонентов, необходимых для возведения здания доказательного знания Аристотеля.

Разобравшись с вопросом о том, что следует понимать под определениями-началами во «Второй аналитике», я перехожу в четвертом разделе к вопросу о том, определения чего именно необходимы нам для построения доказательного знания. Здесь я отстаиваю никогда, насколько мне известно, не защищавшийся ранее тезис о том, что определения, используемые в доказательствах в качестве посылок – это *всегда* определения *большего* термина доказательного силлогизма. Кроме того, в данном разделе разбирается понятие субстанциальной (καθ’ αὐτό) связи терминов доказательства и выдвигается принципиальный для моего понимания «Второй аналитики» тезис о том, что доказательство не должно отражать в себе тот конкретный вид субстанциальной связи терминов, из которых оно состоит, в которым они связаны друг с другом и что процесс установления того, что термины доказательства состоит друг с другом в субстанциальной связи и построения самого доказательства – это разные как по существу, так и по времени их выполнения процессы.

Наконец, пятый раздел посвящен вопросу о том, как именно мы получаем те определения-начала, пониманию которых была посвящена эта глава. Здесь я даю интерпретацию метода отыскания определений субстанциальных свойств, описанного Аристотелем в II.1-10 «Второй аналитики», а также решаю некоторые проблемы, связанные с возможными сомнениями в том, что определения, как их описывает «Вторая аналитика», можно считать началами. В конце главы я также касаюсь вопроса о необходимости для модели доказательного знания «Второй аналитики» другого вида определений – определений субъектов доказательства, а также рассматриваю ряд проблем, связанных с их отысканием.

Таким образом, в результате исследования определений, произведенного в этой главе, я, прежде всего, устанавливают ответы на вопросы: что «Вторая аналитика»

понимает под таким видом начал как «определения», для чего в рамках ее модели доказательного знания необходимо дать определения и как именно их можно отыскать.

I. Определения и предикативные гипотезы.

В предыдущей главе, стараясь насколько это возможно, обсудить такой вид начал как гипотезы отдельно от такого вида начал как определения, я пропустил при обсуждении доводов в пользу экзистенциальной интерпретации гипотез один достаточно важный аргумент, которым часто руководствуются исследователи теории начал «Второй аналитики». Этот аргумент отталкивается от соотносительных дефиниций гипотезы и определения, которые даются в I.2 во фрагменте 72a14-24, и поэтому его обсуждение тесно сопряжено с принятием и обоснованием определенной позиции, касающейся существа таких начал, как определения. В предыдущей главе я старался, где это было возможно, воздерживаться от предметного обсуждения определений, и поэтому сознательно опустил этот аргумент. Однако совсем не рассмотреть его было бы нечестно – и поэтому в настоящей главе, напрямую посвященной именно определениям, я начну именно с него. В соответствие с использованной ранее пагинацией, обозначим его как аргумент (I-9).

1) Итак, аргумент (I-9) отталкивается от более комплексного прочтения отрывка 72a14-24, в котором Аристотель единственный раз определяет каждый из трех типов начал «Второй аналитики». Он также в существенной степени связан с непосредственно предшествующим текстом, а именно фрагментом 72a5-14, в котором Аристотель объясняет, что он понимает под началом в принципе.

В начале указанного фрагмента Аристотель говорит, что начало доказательства – это неопосредованная посылка <силлогизма>[539]; чуть далее он указывает, что такие посылки делятся, прежде всего на два типа – тезисы и аксиомы. Как тезисы, так и аксиомы, будучи началами доказательства, сами недоказуемы; отличаются же они друг от друга тем, что аксиома – это начало, которое «необходимо иметь любому, кто

[539] APo I.2 72a7.

чему бы то ни было обучается», тогда как о тезисе этого сказать нельзя[540]. Предположительно под аксиомами тут имеется в виду то же самое, что Аристотель подразумевает под этим словом в большинстве случаев – т.е. общие начала доказательства, хотя исходя из одного лишь данного нам здесь определения, это, как уже отмечалось выше, отнюдь не очевидно. Что же касается тезисов – Аристотель поясняет, что этот тип начал делится внутри себя на еще два вида – а именно на гипотезы и определения. Точно так же, как и в случае с определениями тезиса и аксиомы, дефиниции гипотезы и определения даются соотносительным образом: т.е. один вид начал определяется положительно – как имеющий определенную черту – а другой по остаточному принципу – как не имеющий данной черты. В случае аксиомы и тезиса это чертой была «необходимость наличия этого начала у обучающегося чему бы то ни было», здесь ей выступает уже рассмотренная нами в главе о гипотезах формулировка «ἡ μὲν ὁποτερονοῦν τῶν μορίων τῆς ἀντιφάσεως λαμβάνουσα, οἷον λέγω τὸ εἶναί τι ἢ τὸ μὴ εἶναί τι»; выраженная в этой формулировке черта является отличительным признаком гипотез, определения же ее лишены. Эту черту, как уже отмечалось выше, можно понять двояко: она определенно гласит, что гипотезы принимают одну из частей противоречия, но следующее далее пояснение можно понять либо в том смысле, что этой частью противоречие является существование или несуществование конкретного предмета («что нечто существует»), либо в том смысле, что ей является обладание или не обладание этого предмета определенным свойством («что <нечто> есть нечто <иное>)[541].

Выше я показал, что у нас есть хорошие основания считать, что мы должны понимать это место во втором смысле. Однако при этом у нас возникает дополнительная проблема. Дело в том, что дефиниция определения, как уже было указано, дается соотносительным образом и ее понимание зависит от понимания дефиниции гипотезы. Если мы считаем, что отличительная черта гипотезы должна быть прочитана в экзистенциальном смысле, у нас не возникает проблем – гипотеза

[540] APo I.2 72a14-19.
[541] В первом случае в «λέγω τὸ εἶναί τι ἢ τὸ μὴ εἶναί τι» местоимение «τι» понимается в субъектном смысле; во втором – как часть логического составного именного сказуемого.

постулирует существование вещи, и определение – нет; в рамках этого места такое прочтение дает вполне понятную и простую для осмысления картину. Однако будучи хороша в рамках данного отдельного места, такая картина – т.е. включение в список начал экзистенциальных пропозиций, – как мы видели выше, приводит к большому количеству принципиальных и неразрешимых трудностей, которых можно избежать, если понимать здесь гипотезу как предикативное начало, т.е. начало, отличительным свойством которого является утверждение присущность или неприсущности какого-либо предиката какому-либо субъекту. Но такое прочтение этого места приводит к тому, что мы остаемся с дефиницией определения, согласно которой оно не является предикативным началом, т.е. не утверждает присущности какого-либо предиката какому-либо субъекту. Это большая проблема, поскольку определение, очевидно, нечто высказывает о вещи – а именно предицирует ей ее definiens, содержащий указание на ее суть бытия. Говорить об определении в таком случае, что оно не «принимает одну из частей противоречия», т.е. не является утверждением или отрицанием – было бы, судя по всему, бессмысленным: ни у кого, кажется, не возникает сомнения, что определение является неким утверждением, состоящим из субъекта (definiendum) и предиката (definiens).

Если суммировать этот аргумент, то он выглядит следующим образом. Экзистенциальное прочтение гипотезы в I.2 дает хороший смысл для всего абзаца 72a14-24 в целом, поскольку в случае такого прочтения мы получаем осмысленные дефиниции как гипотезы (экзистенциальная посылка), так и определения (не-экзистенциальная посылка). Предикативное прочтение при этом, давая вполне удовлетворительное понимание дефиниции гипотезы (предикативная посылка), дает практически бессмысленное понимание дефиниции определения (не-предиктивная посылка). Значит, экзистенциальное прочтение следует предпочесть предикативному.

Заметно, что аргумент в целом строится на неспособности объяснить, что могла бы значить характеристика определений как начал, не являющихся предикативными высказываниями. В случае, если бы у нас была возможность убедительно истолковать

эту встречающуюся в тексте характеристику, то аргумент утратил бы если не всю свою силу, то ее существенную часть[542].

Я полагаю, что у нас есть возможность предложить достаточно убедительную интерпретацию этого места, позволяющую объяснить, каким образом можно вполне осмысленно понять характеристику определений как начал «не принимающих одну из частей противоречия» в предикативном смысле. Более того, можно предложить сразу две таких интерпретации. Одна из них будет связана с предположением о том, что определение, о котором здесь говорит Аристотель, не является началом-посылкой, а носит скорее характер начала-термина. Однако, поскольку подобная интерпретация, прими мы ее, заставляла бы нас принципиально пересмотреть понятие определения во «Второй аналитике», а мы в настоящий момент как раз пытаемся его сохранить, я пока отложу ее рассмотрение[543]. Другая интерпретация совместима с классическим пониманием определения Аристотеля и отталкивается от того факта, что определения являются суждениями тождества и как таковые действительно не «принимают одну из частей противоречия». Именно на ней я пока и сосредоточусь[544].

Для того, чтобы разобраться с этой интерпретацией, нам для начала необходимо будет погрузиться в вопрос о «существовании в смысле истины», с которым она тесно связана.

В VI.4 «Метафизики» Аристотель рассматривает один из смыслов, в котором употребляется слово «быть» - а именно смысл, в котором этот глагол используется для указания на истинность или ложность высказываний. С не меньшей подробностью он обсуждает этот смысл глагола «быть», как минимум, еще в двух других местах

---

[542] Какая-то сила у него останется, если предполагаемое экзистенциальным прочтением понимание будет более естественным. Учитывая, что исторически большинство исследователей читали это место именно в экзистенциальном смысле, так оно всего скорее и будет.

[543] См. ниже, стр. 212-223.

[544] В общих чертах эта интерпретация указанного места разработана Орной Харари (*Harari O.* Knowledge and Demonstration. P. 44-46). За основу дальнейшего изложения я беру ее идею о связи фрагмента 72a14-24 с «бытием в смысле истины»; однако предложенное мной изложение ее аргумента в некоторых местах дополняет и пересматривает его.

Стоит отметить, что интерпретация Харари в существенных чертах предвосхищена Филопоном (Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria. P. 35.4-19), хотя она сама на это и не указывает. Кроме того, общее отождествление гипотезы с ἀπόφασις'ом, а определения с φάσις'ом, принципиальное для осуществления этой интерпретации, принимает и Вайц (Aristotelis Organon graece / novis codicum auxiliis adiutus recognovit scholiis ineditis et commentariis instruxit Theodorus Waitz.. Vol.II. P. 308).

«Метафизики» - в V.7 и в IX.10 – каждый раз добавляя новые подробности для пояснения своей позиции по этому вопросу; в целом, все это ясно указывает, что перед нами осознанная и продуманная позиция Аристотеля, а не случайное замечание, брошенное вскользь при обсуждении более важных тем. Во всех случаях Аристотель говорит, что глагол «ἔστι» специфическим образом используется для утверждения или отрицания истинности определенного положения дел. Этот специфический смысл, который Аристотель ясно чувствует в древнегреческом языке, практически полностью теряется в переводе на русский, однако в оригинале он достаточно хорошо различим: Аристотель имеет в виду такие способы выражения как «ὅτι ἔστι Σωκράτης μουσικός» и «ὅτι ἔστι Σωκράτης οὐ λευκός»[545]. Все примеры такого использования глагола «ἔστι», которые он приводит, имеют одну и ту же синтаксическую структуру: «ἔστι» вынесенное вперед высказывания и подлежащее и именная часть сказуемого следующие непосредственно за ним. Такой способ построения фразы действительно вполне употребителен в известных нам древнегреческих текстах; согласно большинству специалистов, вынесение связки «ἔστι» вперед имеет грамматический смысл подчеркивания того, что описываемая в высказывании ситуация действительно имеет место[546]: по-русски это можно было бы передать как «Сократ <действительно> есть образованный», или, сохраняя порядок слов: «<так и> есть: Сократ – образованный»[547]. Такое понимание грамматического смысла подобного построения фразы, вне всякого сомнения, является правильным, однако можно предположить, что Аристотель, интерпретировал его несколько иначе. Поскольку он выделяет этот смысл глагола «ἔστι» в отдельную рубрику, он, судя по всему, не считает, что в высказываниях «ὅτι ἔστι Σωκράτης μουσικός» и «Σωκράτης ἔστι μουσικός» глагол «ἔστι» употребляется в одинаковых смыслах[548]. Я полагаю, что различие здесь в том, что в

[545] Metaph Δ.7 1017a33-34.

[546] См. блестящее и исчерпывающее исследование в *Kahn C.H.* The Verb «Be» In Ancient Greek. Indianapolis: Hackett Publishing, 2003. P. 331-371.

[547] Проблема, конечно, в том, что по-гречески таким же образом (т.е. с использованием того же самого глагола «ἔστι») можно сформулировать и отрицательные высказывания (Metaph V.7 1017a35), тогда как по-русски это невозможно. В целом, это проблема касается вопроса о том, используется ли глагол-связка в языке всегда или же как правило опускается.

[548] Ср. в Metaph V.7 1017a4-19 похожее на последнее высказывание «ἄνθροπος ἔστι μουσικὸς» рассматривается как случай бытия в смысле «привходящего» (в особенности следует обратить внимание на a12-13: «τὸ γὰρ τόδε εἶναι τόδε

понимании Аристотеля в последнем случае глагол «ἔστι» выступает в качестве глагола-связки и, таким образом, применяется прежде всего к предикату высказывания, тогда как в случае бытия в смысле истины глагол «ἔστι» применяется к пропозиции «Σωκράτης μουσικός» в целом. Иными словами, одно из высказываний в данном случае Аристотель понимает, как имеющее форму «Сократ есть *x*», тогда форма другого выглядит как «есть *x*», или, если выражаться более по-русски, «имеет место *x*», где *x* – это не свойство, а целая пропозиция, истинность которой утверждается (в данном случае: Сократ – образован).

В VI.4 и IX.10 Аристотель различает два вида суждений, о которых мы можем сказать, что они «есть» или «не есть» в смысле истины. Аристотель называет первый вид суждений «совокупными» (τὰ σύνολα[549]) или «связанным» (τὰ συγκείμενα[550]), а второй – «простыми» (τὰ ἁπλά[551]) или «несоставными» (τὰ ἀσύνθετα[552]). В суждениях первого вида мы связываем в речи отличные друг от друга субъект и предикат (именно поэтому они называются «связанными»), и эти суждения будут истинными и ложными в зависимости от того, соединены ли (или разделены ли) в действительности вещи, соединяемые (или разделяемые) с помощью таких суждений в мысли. Суждения второго типа представляют собой нечто более загадочное: Аристотель связывает их с обозначением сути вещи (περὶ <...> τὰ τί ἐστιν)[553] и говорит, что такие суждения не могут быть ложными; в их случае существует не истина и ложь, но истина и неведение[554], и при этом истина представляет собой не соответствие субъекта и предиката, соединенных в мысли субъекту и предикату, соединенным в действительности, но просто «мышление» предмета[555], или его «касание и изречение»[556], а неведение – «отсутствие такого касания»[557]. Судя по всему, в

σημαίνει συμβεβηκέναι τῷδε τόδε» - в этих словах Аристотель использует порядок слов, принципиально отличающий этот случай от случая «бытия в смысле истины»).

[549] Metaph VI.4 1027b19-20.
[550] Metaph IX.10 1051b4.
[551] Metaph VI.4 1027b27.
[552] Metaph IX.10 1051b17.
[553] Metaph VI.4 1027b27-28; Metaph Θ.10 1051b22-26. Ср. DeAn III.6 430b20-30.
[554] Metaph IX.10 1051b25-26; 1052a1-2.
[555] τὸ νοεῖν (Metaph IX.10 1052a1).
[556] τὸ <...> θιγεῖν καὶ φάναι (Metaph IX.10 1051b22-24).
[557] τὸ <…> μὴ θιγγάνειν (Metaph IX.10 1051b25).

последнем случае Аристотель имеет в виду то, что можно назвать суждениями тождества[558] – т.е. такие суждения, в которых субъект и предикат представляют собой одну и ту же вещь, хотя, возможно, и поименованную различным образом; наиболее очевидным случаем таких суждений являются определения, и именно отсюда, вероятно, связь «простых» суждений с суждениями «περὶ <...> τὰ τί ἐστιν». Подтверждением того, что этот вид суждений следует понимать именно как суждения тождества, может служить место DeAn III.6 430b26-29, в котором Аристотель говорит, что суждения о сути бытия вещи, которые бывают только истинными, не являются суждениями «чего-то о чем-то <другом>»[559]. Нетрудно понять, каким образом объяснение истинности таких суждений должно составлять проблему для стандартной корреспондентской теории истинности Аристотеля. Ведь согласно этой теории, истинность суждений должна определяться согласно тому, соединены ли в действительности, соединенные в мысли субъект и предикат. Если соединенное в мысли соединено в действительности – перед нами истинное высказывание, если же нет – то ложное[560]. Но ведь для того, чтобы можно было соединить в мысли субъект и предикат, они должны быть *разными* вещами. В случае же, если субъект и предикат суждения – это *одно и то же*, подобное объяснение истинности перестает работать – как минимум, потому что нам пришлось бы объединять или разъединять предмет сам с собой – не только в мысли, но и в действительности. Теория истинности Аристотеля, как и вся его логика, тесно завязана на его онтологию, а в мире никогда не идет речь об объединении или разъединении предметов с самими собой. Поэтому Аристотель вынужден постулировать для случаев суждений тождества (которые для него, судя по всему, полностью сводятся к определениям) отдельное определение истинности,

[558] Ср. *Owen G.E.L.* The Platonism of Aristotle. P. 22-26.

[559] «ἔστι δ' ἡ μὲν φάσις τι κατά τινος, ὥσπερ καὶ ἡ ἀπόφασις, καὶ αληθὴς καὶ ψευδὴς πᾶσα' ὁ δε νοῦς οὐ πᾶς, ἀλλ' ὁ τοῦ τί ἐστι κατὰ τοῦ τί ἦν εἶναι ἀληθής, καὶ οὐ τὶ κατά τινος». В этом месте Аристотель использует иную, чем в «Метафизике», терминологию («изречение» (φάσις) вместо утверждения (κατάφασις), а «мышление» (νοῦς) вместо «изречения»), и сам текст этой главы столь сильно поврежден, что Росс в своем издании (*Aristotle*. De Anima / ed., itrod., comm. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1961) ставит в одном том абзаце, к которому принадлежит этот фрагмент, сразу два crux'a (430b24 и b29-30). Однако, несмотря на все это, общий смысл этого места прекрасно различим и в нем благодаря многочисленным параллелям безошибочно узнается точно та же доктрина, которую мы находим в «Метафизике»: истинна и ложь – в соединении (430a27-28); неделимые (ἀδιαίρετα) суждения не могут быть ложными (430a26-27); суждения о сути бытия связаны с умом и мышлением (430a26; b27-30); суждения о сути бытия могут быть только истинными (430b28).

[560] Metaph IX.10 1051b2-5.

которое сводится к тому, что в их случае мы мысленно «касаемся» или «не касаемся» сути вещи, т.е понимаем, что она такое (и в таком случае оказываемся способны дать ее истинное определение), или же нет (и в таком случае просто не знаем, что эта вещь такое). Это совсем несложно объяснить, даже используя один лишь здравый смысл: в самом деле, не бывает истинных и ложных определений; бывает то, что в действительности является определением (и об этом можно в каком-то смысле сказать, что оно является «истинным» или «правильным» определением) и то, что просто не является определением. Последнее может быть ложным высказыванием, но не может оказаться ложным определением – просто потому что понятие «ложного определения» не имеет смысла. Более того, то, что мы могли по незнанию принять за истинное определение, тогда как оно им в действительности не является, может оказаться даже истинным высказыванием, не будучи, тем не менее, истинным определением – и при этом его все равно нельзя будет характеризовать как «ложное определение».

Если мы теперь вернемся к рассматриваемому нами фрагменту «Второй аналитики», то мы увидим, что при предикативном прочтении гипотез, определения можно уравнять с суждениями второго вида (т.е. с суждениями тождества), а гипотезы – с суждениями первого вида (т.е. с высказываниями, связывающими субъект и предикат) из IX.10. В самом деле, о «составных» суждениях, точно так же, как о гипотезах, в «Метафизике» говорится, что они принимают одну из частей противоречия[561], т.е. являются утверждением или отрицанием чего-либо о чем-либо, предиката о субъекте. В то же время об определениях, с этой точки зрения, в самом деле, нельзя сказать, что они принимают одну из частей противоречия: согласно Аристотелю, «простые» суждения, т.е. суждения тождества, уместнее рассматривать не как утверждения (καταφάσεις), а как изречения (φάσεις)[562]. В «Об истолковании»[563] Аристотель называет изречениями отдельные части предложения, которые, с одной стороны, уже имеют самостоятельное значение, но, с другой, еще не являются высказыванием (ἀπόφανσις): Аристотель иллюстрирует эту мысль на примере взятого

[561] Metaph VI.4 1027b219-20.
[562] Описывая отличия «несоставных» суждений от «составных» и связывая первые с «изречением <сути предмета>» (τὸ φάναι), Аристотель даже специально подчеркивает: «οὐ γὰρ ταὐτὸ κατάφασις καὶ φάσις» (Metaph IX.10 1051b24-25).
[563] DeInt 4 16b26-28.

в отдельности слова «человек», однако вполне вероятно, что под изречением он понимает любое не имеющее характера высказывания слово или сочетание слов – в противном случае неясно, чем «изречение» отличалось бы от «имени», примером которого служит «человек» ранее в тексте[564]. Согласно тексту «Об истолковании», отличительная черта высказывания по сравнению с изречением состоит в том, что оно может быть истинным или ложным[565]. Следовательно, изречение не может быть истинным или ложным. Вероятно, большинство изречений (такие как «человек» или «белое») не могут быть ни тем, ни другим; однако в случае суждений тождества, которые Аристотель, напомню, относит именно к изречениям, это ограничение, видимо, нужно понимать в другом смысле: они не могут быть «истинными или ложными», поскольку в их случае невозможна именно ложность и ошибка, хотя и возможна истинность.

Итак, почему же определения нельзя характеризовать как посылки «принимающие какую бы то ни было из частей противоречия»? Начать можно с самого простого ответа: они, как минимум, не могут принимать «какую бы то ни было» из частей противоречия, поскольку определения точно не могут быть отрицаниями[566]: всякое определение имеет утвердительную форму. Однако при необходимости возможно и более глубокое объяснение. Дело в том, что определения, строго говоря, не являются не только отрицаниями, но даже и утверждениями – поскольку они вообще не являются высказываниями. Последний факт можно обосновать, попросту указав на то, что они являются изречениями, а изречения Аристотель отличает от высказываний. Более детальным обоснованием, однако, будет указание на то, что как утверждение, так и отрицание – это всегда высказывание чего-то одном о чем-то другом[567], т.е. «составные» суждения, тогда как определения – это

[564] DeInt 1 16a13-15. В пятой главе (17a17-18) Аристотель поясняет, что изречениями будут взятые в отдельности имена и глаголы: «τὸ μὲν οὖν ὄνομα ἢ ῥῆμα φάσις ἔστω μόνον», что, однако, не подразумевает, что это закрытый список того, что может считаться изречением.
[565] De Int 4 17a1-3.
[566] Part An I.3 642b21-24.
[567] De Int 6 17a25-26.

«простые» или «несоставные» суждения, т.е. суждения тождества, в которых как субъект, так и предикат обозначают в точности один и тот же предмет[568].

2) Таким образом, мы видим, что существует вполне разумное объяснение того, почему определения могут быть определены как нечто, что не «принимает какую бы то ни было из частей противоречия, т.е. что <нечто> есть нечто или <нечто> не есть нечто». Сторонник экзистенциальной интерпретации гипотез, однако все еще может указать на то, что предложенное нами прочтение – слишком сложное по сравнению с прочтением, которое дает экзистенциальная интерпретация данного места: непонятно, зачем Аристотелю определять гипотезы и особенно определения столь замысловатым и трудным для прочтения образом.

Дело, однако, в том, что определения начал, предлагаемые в 72a14-24 останутся замысловатыми и необычными, какую бы интерпретацию этого места мы не приняли. Это видно уже в случае определения аксиом: если бы мы располагали только дефиницией «то, что нельзя доказать, но необходимо иметь всякому, кто обучается чему бы то ни было», которую предлагает нам это место, то из нее одной никогда бы нельзя было вывести, какие именно высказывания Аристотель подразумевает под аксиомами. То же самое касается и определений: какую бы интерпретацию этого фрагмента мы не выбрали, дефиниция определения будет указывать на то его свойство, которое никак нельзя называть наиболее важным для его понимания. В случае экзистенциальной интерпретации это будет свойство «не быть высказыванием о существовании», а в случае предикативной – «не быть высказыванием в принципе». Оба этих свойства, хотя и позволяют отличить определения от начал других видов, отнюдь не указывают на самое существо рассматриваемого предмета. В итоге при любом прочтении более или менее точная – в том смысле, что действительно

[568] Следует заметить, что мое объяснение того, почему определение не может считаться «любой из частей противоречия» несколько отличается от объяснения, предложенного Харари. Она считает, что того факта, что определения, будучи изречениями, а не высказываниями, не могут быть ложными, вполне достаточно для объяснения того, почему о них нельзя сказать, что они принимают «одну из частей противоречия». По ее мнению, предикативные пропозиции (т.е. гипотезы), будучи названы «любой из частей противоречия», определяются через отношение, которое они имеют к другой части противоречия и, соответственно, через возможность быть как истинными, так и ложными. Я, однако, не вижу прямой связи между первым и вторым: части противоречия – это не истина и ложь, а утверждение и отрицание; и истинным или ложным может быть как первое, так и последнее. Мне кажется более уместным объяснить тот факт, что определение не является высказыванием, через указание на то, что оно является суждением тождества и не предполагает предикации «чего-то одного чему-то другому».

указывающая на определяющее для понимания этого вида начал свойство – дефиниция дается только для гипотез, которые определяются либо как высказывания, либо как высказывания о существовании.

Я могу предположить, что столь набор столь странных определений в данном месте связан с тем способом, которым Аристотель пытается дать эти определения – а именно с методом дихотомического деления понятия, при котором видовым отличием для членов деления одного уровня служит один и тот же признак, только один из членов деления определяется как обладающий им, а другой – как лишенный его. Именно исходя из этого принципа Аристотель дает в 72a14-24 определения началам: сначала он отличает аксиому от тезиса, используя в качестве видового отличия необходимость обладать этим началом всякому, кто пытается чему-либо научится (аксиома обладает эти признаком, а тезис – нет); затем он делит тезисы на определения и гипотезы, в зависимости от того, обладают ли они признаком «быть какой бы то ни было из частей противоречия». Нам известно, что в дальнейшем Аристотель отказывается от возможности использовать негативные видовые отличия[569], и, таким образом, накладывает запрет на дихотомическое деление по принципу наличия/отсутствия одного и того же признака, однако, судя по всему, для его ранней мысли эта процедура по какой-то причине обладала определенной важностью – так, он прибегает к ней также в «Топике» для определения четырех видов предикабилий[570] с той разницей, что там эта процедура служит ему не для определения предикабилий в собственном смысле, а для того, чтобы доказать, что их может быть ровно четыре – не больше и не меньше. Я не могу найти достаточно убедительного объяснения того, почему Аристотель прибегает в 72a14-24 к определению через дихотомическое деление с использованием негативных видовых отличий[571], однако я думаю, мне вполне удалось показать, что большинство странностей, связанные с этим фрагментом,

[569] Part An I.3 642b21-24.
[570] Top I.8 103b6 сл.
[571] Напрашивающимся объяснением является влияние Платон и коллег по Академии, однако это достаточно спекулятивное и само по себе мало что проясняющее объяснение: в самом деле, даже если предположить, что Аристотель находится под влиянием той важности, которую подобная процедура, очевидно, имела в кругу членов Ранней Академии (*Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S. 85-89), то почему он применяет ее именно здесь, обходясь без нее в прочих местах?

проистекают именно из того, что Аристотель считает нужным определить начала именно таким способом.

Итак, в целом, я полагаю, мне удалось продемонстрировать, что, во-первых, дефиниции начал в рамках данного фрагмента останутся странными какое бы прочтение мы ни выбрали, и во-вторых, откуда проистекает источник этой странности. Таком образом, разница при прочтении интересующего нас фрагмента в итоге сводится к тому, что, если мы принимаем экзистенциальную интерпретацию, то мы остаемся не только со странными дефинициями гипотезы и определения, но и со странным, удивительно отличающимся от обычного пониманием самой сути этих понятий: гипотеза – единственный раз во всем корпусе[572] – становится здесь высказыванием о существовании, а определение – также крайне необычным образом – любым предикативным суждением, которое может служить началом науки. Тогда как если мы придерживаемся предикативной интерпретации, то перед нами предстает указание на вполне знакомые нам по другим местами гипотезы и определения, хотя и произведенное странным и необычным образом. Выбор, как мне кажется, очевиден.

3) Наконец, есть еще один, последний аргумент, к которому может прибегнуть сторонник экзистенциальной интерпретации этого фрагмента с тем, чтобы показать ее неизбежность. Он может указать, что определение и гипотеза определены как тезис[573], тезис определен как начало[574], начало определено как посылка[575], которая, в свою очередь определяется как «одна из двух частей высказывания, <продуцирующая нечто> одно о <чем-то> одном» (ἀποφάνσεως τὸ ἕτερον μόριον, ἓν καθ’ ἑνός)[576]. Это значит, во-первых, что если мы будем понимать гипотезы в предикативном смысле, то между ее определением и определением посылки в целом не будет никакой видимой разницы, а во-вторых, что определение должно быть посылкой, которая, кажется, определена как предикативное высказывание (ἀπόφανσις), не оставляя, таким образом, места для того, чтобы оно могло считаться изречением (φάσις).

[572] См. выше, стр. 139-145.
[573] APo I.2 72a18-20.
[574] APo I.2 72a14-15.
[575] APo I.2 72a7.
[576] APo I.2 72a8-9.

Это, пожалуй, самое серьезное из всех возможных возражений против предикативной интерпретации гипотез в данном месте. Его можно блокировать несколькими способами, однако ни один из них, насколько я могу судить, не отличается той же надежностью, которая была присуща рассмотренным выше аргументам. И, тем не менее, стоит рассмотреть возможные способы блокировать это возражение.

Начать можно с указания на то, что при определении посылки Аристотель, как уже отмечалось выше, использует странную формулировку «одна из частей высказывания» вместе обычной «одна из частей противоречия». Но «высказывание» чуть ниже[577] само определяется как «одна из частей противоречия»; при этом части противоречия четко обозначены ниже: ими, как и всегда у Аристотеля, являются утверждение и отрицание. По принципу транзитивности посылка должна быть одной из частей одной из частей противоречия, т.е. одной из частей утверждения или отрицания. Но что это могут быть за части?

Возможно несколько различных объяснений того, как нам стоит понимать это загадочное место. а) Одни исследователи считают, что тут просто допущена досадная неточность и между формулировками «одна из частей высказывания» и «одна из частей противоречия» нет никакой разницы – обе они отсылают к утверждению и отрицанию[578]; это, пожалуй, наиболее распространенная точка зрения. б) Другим возможным объяснением является редакторская обработка этого фрагмента «Второй аналитик», в результате которой в тексте остались несколько плохо согласованных друг с другом фрагментов. в) Наконец, возможна также точка зрения, согласно которой между двумя столь близко соседствующими формулировками в действительности есть некоторое отличие, и они сознательно оставлены Аристотелем в тексте именно в том виде, в каком мы их имеем.

---

[577] APo I.2 72a11-12.

[578] См., например, Aristotle’s Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. 1949. P. 510; *Landor B.* Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4. P. 308; *Aristoteles*. Zweite Analytiken / hrsg. von H, Seidl. S. 205.
Барнс (Aristotle’s Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 98), в отличие от многих исследователей, не считает, что имеющийся текст беспроблемен, более того, он полагает, что в имеющемся виде он совершенно бессмысленен; его решение, однако, состоит в том, чтобы просто заменить "ἀποφάσεως" на "ἀντιφάσεως" в 72a8-9. Это, в свою очередь, вызывает вопрос – откуда тогда появляется «ἀπόφασις» в 72a11? Его Барнс, впрочем, полностью игнорирует.

а) Начнем с самого распространенного подхода. Действительно, большинство исследователей считают, что между формулировками «одна из частей высказывания» и «одна из частей противоречия» нет в действительности никакой разницы – обе они отсылают к утверждению и отрицанию; в тексте просто допущена неточность. Однако в таком случае остается необходимым объяснить, почему текст «Второй Аналитики» не ограничивается одной только ошибочной формулировкой «одна из частей высказывания», но зачем-то дополнительно поясняет, что высказывание – это одна из частей противоречия, чего никто из придерживающихся подобной точки зрения, насколько мне известно, не делает. В целом, возможно только два объяснения этого факта. Первое состоит в том, что формулировка «одна из частей высказывания» все же чем-то отличается от формулировки «одна из частей противоречия» и Аристотель использует первую в этом месте вполне сознательно – в таком случае мы смещаемся к позиции (в). Второе же объяснение заключается в том, что мы в данном случае имеем дело с отредактированным неаристотелевской рукой текстом: редактор, встретившись со странной формулировкой, решил пояснить ее более распространенной формулировкой Аристотеля, но сделал это крайне неудачно, в результате чего текст приобрел несколько бессмысленное звучание. Это отсылает нас к позиции (б). Таком образом, как мы видим, позиция (а), несмотря на то, что именно ее молчаливо придерживается большинство исследователей, не имеет права на самостоятельное существование.

б) Итак, второй вариант объяснения имеющихся в тексте 72a7-14 странностей предполагает, что они возникли в этом тексте в результате неаккуратной редакторской работы. Подобное объяснение не выглядит невероятным. В самом деле, весь фрагмент 72a9-14[579] выглядит как достаточно беспорядочное и не слишком нужное в данном месте перечисление стандартных технических терминов логики Аристотеля, многие из которых (диалектической посылки, противоречия) не дают ничего для понимания имеющегося текста; при этом это перечисление отличается неоригинальным характером, т.е. абсолютно все данные здесь определения встречаются в том или ином

[579] Кому-то могло бы показаться, что даже 72a7-14.

виде также в других частях корпуса, так что, если предположить, что этот фрагмент скомпилирован редактором, то можно с точностью указать, откуда могло быть почерпнуто каждое из определений[580]. Таким образом, вполне правдоподобным выглядит предположение о неаристотелевской редактуре текста, которая имела целью, как минимум, прояснить один из его темных моментов, однако сделала это не очень удачно, сделав нить размышления достаточно маловразумительной.

К этой же группе объяснений принадлежит и прочтение данного места Фридрихом Зольмсеном; отличие заключается только в том, что он считает, что редакторская работы, произведенная над этим отрывком – это работа самого Аристотеля, пытающегося примерить более раннее изложение своей теории начал научного знания, в которых под началами понимались отдельные термины, с его более поздней версией, в которой началами стали называться состоящие из терминов посылки. Его объяснение формулировки «посылка – это одна из двух частей высказывания» сводится к тому, что под посылкой здесь, вопреки привычному нам смыслу, понимается термин, и в таком случае формулировка «одна из двух частей высказывания» перестает выглядеть странной – под ней понимается не утверждение или отрицание, не высказывание вообще, а именно термин – субъект или предикат высказывания, которые как раз и являются его двумя частями. При этом все, что добавлено ниже – начиная прямо со следующих слов «<предицирующая нечто> одно о <чем-то> одном» Зольмсен склонен объяснять более поздней правкой Аристотеля, начавшего рассматривать в качестве начал доказательного знания не отдельные понятия, как это было у Платона, а посылки[581].

Предположение Зольмсена, точно так же, как и вся его реконструкция развития учения «Второй аналитики», кажется мне хотя и интересным, но не слишком

[580] Диалектической и доказательной посылки – из APr I.1 24a22-25; 30-b12; высказывания – из APr I.1 24a22-23 + 24a16-17 + DeInt 5 17a8-9; противоречия – из Metaph X.7 1057a34; утверждения и отрицания – из DeInt 6 17a25-26. Некоторые из этих определений не встречаются в цельном виде в других местах имеющегося текста Аристотеля (особенно это касается определения высказывания), однако в таком случае все необходимое для построения такого определения оказывается распределено по нескольким фрагментам.

[581] *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S. 100. Anm. 4.

убедительным[582]. Предположение о сторонней редакторской руке выглядит более правдоподобным – хотя бы потому, что легче представить себе порчу текста тем, кто не понимает в точности, для чего он писался – однако и оно, разумеется, не лишено проблем. Как бы то ни было, в данном случае важно только, что если мы предполагаем, что перед нами фрагмент, подвергнутый редакторской обработке – будь то самим Аристотелем или сторонним редактором, – то это сразу ставит под удар любые вопросы, возникающие к согласованности этого текста с фрагментом 72a14-24. Если мы считаем, что текст подвергался в этом месте редакторской обработке, достаточно серьезной, чтобы она оставила следы рассогласованности на расстоянии двух строк, то куда менее удивительно, если эти следы будут обнаруживаться на расстоянии двух абзацев. Отдельно стоит отметить, что 72a14-24 представляет собой совершенно отдельное по отношению к окружающему тексту рассуждение, связанное с предыдущим и последующим текстом исключительно тематически – через тему начал[583]. С изъятием его из текста он не теряет связности. Кроме того, очевидно, что трудность в согласовании посылок-высказываний из 72a8-9 и определений-изречений из 72a19-21 – это не единственная проблема, возникающая при попытке связного прочтения данных пассажей. Аксиомы из 72a14-17[584] также, как это было отмечено выше[585], с трудом подходят под описание «ἀποφάνσεως τὸ ἕτερον μόριον, ἓν καθ᾽ ἑνός», а между тем, будучи началами, они должны ему соответствовать. Итак, если мы придерживаемся одного из вариантов объяснения (б), то факт несогласованности между текстом утверждающим, что начала – это высказывания, и текстом,

[582] Проблема работы Зольмсена состоит в том, что, разрешая какую-то одну трудность в тексте, он тут же порождает множество новых, которые он не собирается не только решать, но, как правило, и просто замечать. Его подход в известной мере деструктивен: ему не нужен понятный текст «Второй аналитики»; он не пытается составить цельной картины не только единого трактата (что естественно, поскольку он считает, что мы имеем дело с несколькими слоями текста, относящимися к разным этапам творчества Аристотеля), но даже каждого из хронлогических слоев, которые он выделяет: подмечая какую-либо нестыковку в тексте, он тут же стремится объяснить ее за счет эволюции взглядов Аристотеля, часто не замечая, что некоторые из реконструируемых им черт ранней «Аподейктики» не совместимы не только с чертами поздней «Аподейктики», но и друг с другом.

[583] Отдельно следует отметить, что даже эта связь может быть поставлена под сомнение: в 72a7-9 речь о началах доказательства («ἀρχὴ δ᾽ ἔστιν ἀποδείξεως πρότασις αμεσος <...>»), а 72a14 открывается со слов о «неопосредованных началах умозаключения» («ἀμέσου δ᾽ ἀρχῆς συλλογιστικῆς <...>»); доказательство, безусловно, является умозаключением, но не всякое умозаключение является доказательством и не всякая неопосредованная силлогистическая посылка будет также и началом доказательства (для этого ей также надо быть более известной, более ранней, причиной умозаключения и т.д.). Впрочем, здесь тут случай, когда разница в способах выражения все же минимальна и может быть легко списана на простую неаккуратность Аристотеля.

[584] Если только мы пониманием их как то, что у Аристотеля обыкновенно понимается под аксиомами.

[585] См. стр. 75-76.

утверждающим, что определения – это не высказывания, не выглядит безнадежно необъяснимым.

в) Наконец, возможно еще одно понимание того, почему Аристотель употребляет странную формулировку «одна из двух частей высказывания» вместо «одна из двух частей противоречия» для определения посылки: между этими двумя способами выражения существует реальное различие, и Аристотель сознательно пытается его провести.

Вопрос в таком случае сводится к тому, в чем именно оно может заключатся. Ясно, что такое части противоречия – это утверждение и отрицание; и то, и другое, по Аристотелю, является высказыванием. Но что такое части высказывания? Ex hypothesi это не утверждение и отрицание – поскольку в таком случае между двумя формулировками не было бы различия. Зольмсен, как указано выше, считает, что часть высказывания – это термин; однако это отсылает нас к объяснению (б), требуя постулировать, что имеющийся текст подвергся правке; тогда как объяснение (в) все же должно пытаться этого избежать – ведь, согласно нему, Аристотель проводит различие между двумя способами выражения сознательно. Поэтому достаточно правдоподобное само по себе предположение о том, что часть высказывания – это термин, необходимо здесь отбросить.

Лучшее предположение, которое я могу сделать на предмет того, что Аристотель может считать «частью высказывания» - это предположение о том, что в данном случае речь идет об истине и лжи, точнее об истинной и ложной речи (λόγος). Т.е. если в случае «одной из частей противоречия» в центре внимания находится форма, которую имеет высказывания – утвердительная или отрицательная – то в случае «одной из частей высказывания» речь идет о суждении, рассматриваемом с точки зрения его истинности или ложности. Это суждение, безусловно, будет иметь утвердительную или отрицательную форму. Однако, подобно тому как когда мы рассматриваем, имеет ли суждение утвердительную или отрицательную форму, вопрос не в том, является оно истинным или ложным, точно так же, когда мы задаемся

вопросом о том, является ли суждение истинным или ложным, нас не интересует напрямую вопрос и его утвердительной или отрицательной форме.

В пользу подобной интерпретации можно привести следующие соображения. Во-первых, быть способным быть истинным и ложным, в отличие от других видов речи, - это отличительная черта высказывания, через которую Аристотель, собственно и определяет его[586]. Противоречие определяется через противолежащие утверждение и отрицание – и именно они являются частями противоречия. Если высказывание определяется через истинность и ложность, то вполне правдоподобным кажется, что его «части» могут иметь отношение именно к этому его аспекту. Во-вторых, «истина» и «ложь» дают два члена противоречия, между которыми, согласно принципу исключенного третьего, нет ничего посередине – что делает уместной формулировку «одна *из двух* частей» (τὸ ἕτερον μόριον). В-третьих, следующее непосредственно дальше по тексту определение диалектической и доказательной посылок сосредотачивается именно истинности и ложности «частей высказывания»: диалектическая принимает любую из частей, а доказательная – именно истинную. При этом ниже по тексту, после употребления формулировки «одна из частей противоречия» мы немедленно обнаруживаем определение того, что такое части противоречия (утверждение и отрицание); тогда как подобного определения частей высказывания в этом в остальном очень подробном на дефиниции фрагменте найти не удается. Разумно предположить, что Аристотель считает, что он уже имплицитно указал на то, что следует считать частями высказывания, именно в определении диалектической и доказательной посылок – которые как раз и было определены как принимающие истинные или ложные суждения.

Итак, предположение о том, что «частями высказывания» являются истинная и ложная речь вполне разумно, более того, насколько я могу судить, это единственное разумное предположение, не требующее от нас прибегать к догадкам о том, что имеющийся текст был подвергнут редактированию. Вместе с тем это предположение позволяет нам прочитать фрагменты 72a7-14 и a14-24 без того, чтобы они пришли в

[586] DeInt 4 17a1-3.

противоречие друг с другом, если в a14-24 мы будем понимать определения как изречения. Действительно, 72a8-9 в таком случае говорит не более того, что посылка содержит истинную или ложную речь, при этом – и это весьма важно – в отличие от всех других формулировок, встречающихся в 72a7-24, здесь сказано, что она принимает «одну из двух частей» (ἕτερον μόριον), но не сказано, что она принимает «какую бы то ни было из двух частей» (ὁποτερονοῦν μόριον)[587]. Такое описание посылки вполне совместимо как с пониманием гипотезы как посылки-высказывания, которое бывает, как истинным, так и ложным, так и с понимание определения как посылки-изречения, которая не бывает ложной, но бывает истинной – и этого достаточно, чтобы о ней можно было сказать, что она принимает «одну из двух частей высказывания». При этом определения посылки и гипотезы в таком случае не являются тождественными, поскольку «члены противоречия» и «члены высказывания» оказываются разными вещами.

Таким образом, мы видим, что какой бы из вариантов объяснения имеющегося текста мы ни выбрали, любой из них играет против аргумента о том, что гипотеза не может быть предикативной посылкой, а определение – посылкой-изречением, так как такое понимание этих начал вступает в противоречие с определением посылки. Позиция (а) не может существовать самостоятельно и в конце концов должна сводится к позиции (б) или позиции (в). Позиция (б) способна достаточно убедительно объяснить наличие противоречия между двумя фрагментами, позволяя его зафиксировать, в то время как позиция (в) снимает само противоречие. Следует заметить, что ни позиция (б), ни позиция (в) не являются идеальными способами прочтения имеющегося текста: как к той, так и к другой можно предъявить серьезные претензии. Более того, сам я считаю, что как (б), так (в) являются *плохими* способами объяснения имеющегося текста: одна из них прибегает к тезису о редактуре, а другая предлагает крайне сложную интерпретационную конструкцию, которую приходится вчитывать в текст с большим усилием. Проблема, однако, в том, что, будучи плохими,

[587] Аристотель говорит о «принятии частей» во 14 строках 72a7-24 целых 4(!) раза, при этом в a10; a11-12; a19 он употребляет именно выражение «ὁποτερονοῦν μόριον» и только в a9, говоря о «части высказывания» он говорит просто об «одной из двух частей» (ἕτερον μόριον).

они являются в то же время, насколько я могу судить, *единственно возможными* способами объяснения имеющегося текста. Я воздержусь от того, чтобы отдать какому-либо из них предпочтение; важным в данном случае является только тот, что оба они вполне совместимы с предикативной интерпретацией гипотез.

***

В настоящем разделе я показал, что наше понимание гипотез в предикативном смысле во фрагменте APo I.2 72a14-24 отнюдь не препятствует нашему пониманию определений в этом же фрагменте в традиционном смысле – как формулировки, указывающей на суть или же бытия вещи.

II. Τί ἐστι или τί σημαίνει?

В предыдущем разделе я показал, что даже в случае принятия экзистенциальной интерпретации гипотез мы можем сохранить традиционное для философии Аристотеля понимание определений и интерпретировать их не как любые суждения, указывающие на что бы то ни было из содержащегося в определении вещи (как это предполагалось бы при экзистенциальной интерпретации гипотез), а как на уникальные для каждого термина формулировки, указывающие на суть (τὸ τί ἐστι) или же суть бытия (τὸ τί ἦν εἶναι) вещи целиком. Однако текст «Второй аналитики» немедленно ставит читателя перед новой проблемой и новой альтернативой в вопросе понимания сущности определений. Эту проблему можно сформулировать так: являются ли определения указаниями на суть (τὸ τί ἐστι) или же на значение (τί σημαίνει) терминов?

На первый взгляд эта альтернатива может показаться совершенно незначительной: в самом деле, так ли много разницы между «сутью» и «значением»

термина; не одно ли это и то же? И действительно, даже после нескольких прочтений «Второй аналитики» читатель может вообще не заметить никакой проблемы в том, что в одних местах «Второй аналитики» Аристотель, кажется, говорит, что началами являются определения, а в других – что начала указывают на значение вещи. И даже самые тонкие исследователи нередко некритически отождествляют определения с указаниями на значение вещи, не замечая тех трудностей, которые это за собой влечет[588]. Поэтому, прежде чем решать проблему, нам необходимо будет в данном случае убедиться, что она вообще существует.

1) Начнем с достаточно простых свидетельств текста. В I.10 Аристотель говорит о том, что можно назвать началами-значениями. Он утверждает, что помимо постулирования «ὅτι ἔστι» при построении доказательного знания необходимо также постулировать «τί σημαίνει», т.е. значение терминов – причем если первое необходимо сделать только для самых базовых предметов познаваемого рода, а для всех остальных должно быть доказано, то последнее должно быть постулировано для всех предметов без исключения. Аристотель повторяет эту мысль в данной главе трижды[589]; причем во второй раз он уточняет, что «τί σημαίνει» должно быть постулировано для субстанциальных свойств (καθ᾽ αὐτά πάθη), которые будут доказываться в рамках конкретного доказательного знания; а в третий даже, кажется, ограничивает сферу того, о чем постулируется значение, только этими субстанциальными свойствами[590],

[588] Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. 1949. P. ; *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 39-40; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J Barnes, 1994. P. 85; 137-138; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 93. N. 21. Маккирахан (*McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 80; 124; 215) видит здесь проблему, но решает ее удивительно поспешно и совершенно неудовлетворительным образом: он утверждает, что указание на суть вещи представляет собой точно ту же формулировку, что указание на значение вещи; разница между указанием на значение и определением в том, что первое мы имеем для тех предметов, чье существование мы еще не доказали, а второе – для тех, чье существование мы уже доказали. Т.е. как только нам удалось доказать существование какого-либо предмета, формулировка значения которого была нам известна, *эта же самая* формулировка становится определением этого предмета. Такой подход очевидно противоречит самой сути того рассуждения, которое Аристотель ведет в APo II.8-10.
Позиция Бронштейна еще удивительнее. Опознавая проблему, и посвящая несколько блестящих глав своей книги работе, необходимой для ее решения, он в итоге повторяет решение Маккирахана (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 179–182). Поскольку, в отличие от последнего, он глубоко разобрался в проблемах, связанных со II книгой «Второй аналитики», он вынужден вводить дополнительные объяснения этой позиции (Idem. P. 181-183), которые, однако, выглядят крайне слабо.

[589] APo I.10 76a31-36; 76b5-10; 15-21.

[590] В 76b5-10 Аристотель говорит, что о первых предметах нужно постулировать, что они «есть такие-то» («τοδὶ εἶναι»); на первый взгляд, это то же самое, что постулировать их «τί σημαίνει»; однако, при желании можно видеть за разницей формулировок намерение передать смысловую разницу – в таком случае значение постулируются только для субстанциальных свойств как согласно первому, так и согласно второму отрывку.

впрочем, тут же неожиданно давая понять, что оно могло бы постулироваться и, например, для аксиом[591]. Таким образом, в I.10 формулировка «τί σημαίνει» употребляется для обозначения одного из видов тех вещей, которые нужно постулировать при построении доказательного знания (иначе говоря, начал), вполне устойчиво[592], хотя и не совсем единообразно.

Мы можем также встретить эту формулировку и в другом месте «Второй аналитики», касающемся начал – в I.1 71a11-17. Само слово «начала» здесь, правда, не звучит, однако, все говорит о том, что здесь обсуждаются именно они. На это, в частности, указывает 1) описание предмета обсуждения как того, что необходимо знать заранее (т.е. прежде, чем приступить к процессу познания) 2) тот факт, что перечисленные здесь виды того, что нужно знать заранее, находят более или менее точно отражение в предметах, которые в I.10 прямо называются началами[593] 3) что для иллюстрации этих предметов и начал используются одни и те же примеры[594] и т.д[595]. Употребление глагола «σημαίνει» для выражения нужного Аристотелю смысла здесь тоже, очевидно, неслучайно: при описании данных в 71a15-16 примеров он употреблен дважды, а при описании самого того типа начал, для примеры которого описываются с использованием глагола «σημαίνει», в общем виде Аристотель использует фразу «τί τὸ λεγόμενόν ἐστι», что можно перевести как «что представляет собой это выражение», т.е. что обозначает то выражение, которое мы будем употреблять, приступив к построению доказательного знания – из последнего факта видно, что Аристотель на протяжении всей главы подчеркнуто говорит именно о значениях слов, а не о внутренней сути вещей, которые этими словами обозначаются.

---

[591] В 76b20-21 Аристотель говорит, что мы не постулируем значения для таких общих начал, как ПРО, поскольку они и так понятны. Такое объяснение предполагает, что мы не постулируем значение общих начал, не потому что не можем, а потому что нам это не нужно. Отсюда можно сделать вывод, что в случае, если бы нам это понадобилось (например, если мы будем использовать непонятные общие начала), мы вполне могли бы это сделать.

[592] Всего 5 раз: 76a31; b7; 15; 19; 20.

[593] Предварительное знание, «ὅτι ἔστι» (71a12) соответствует постулированию «ὅτι ἔστι» в 76a31-34; предварительное знание «τί τὸ λεγόμενον ἔστι» (71a13), позднее поясненное на примере «τὸν μονάδα <…> τί σημαίνει» (71a15-16) соответствует постулированию «τί σημαίνει» в 76a32; соответствия «общим началам» из 76a37-b1 в I.1 нет на теоретическом уровне, однако на уровне примера того, что «нужно знать заранее», в этой главе приводится ПИТ (71a14), как раз являющийся одним из общих начал.

[594] Треугольник и единица – APo I.1 71a14-15 и I.10 76a35; b 4.

[595] В целом, для обоснования того, что речь здесь идет именно о началах, можно использовать все те же аргументы, что были использованы ранее на стр. 129-131 для обоснования того, что в I.1 и в I.10 идет речь об одном и том же виде вещей и на стр. 99-100 для обоснования того, что в I.2 и I.10 идет речь об одних и тех же началах.

Таким образом, мы, как минимум, дважды находим в первой книге «Второй аналитики» значительные отрывки текста, в которых Аристотель говорит о «постулировании» или «предварительном знании» значения терминов, которые будут использованы нами в доказательстве. При этом мы можем считать, что в обоих этих отрывках речь идет о началах доказательного знания. Отсюда несложно прийти к выводу, что постулирование значения термина считается Аристотелем одним из видов начал[596].

С другой стороны, Аристотель совершенно ясно говорит, что одним из видов начал доказательного знания, являются определения; причем повторяет это на протяжении «Второй аналитики» множество раз. Мы уже знакомы с отрывком APo I.2 72a14-24, в котором дается дефиниция определения как одно из видов неопосредованных начал доказательного знания, служащих первыми посылками в доказательных умозаключениях. Аристотель демонстрирует подобное представление об определении и в других местах «Второй аналитики» («определение – это начало доказательства»[597]; «началами доказательства являются определения»[598]; «всякое знание получается через определение»[599]).

2) Начала-значения при прочтении «Второй аналитики» хочется немедленно отождествить с началами-определениями – по той простой причине, что знать, что термин означает – это, кажется, и значит иметь его определение, а Аристотель прямо говорит, что определение является одним из видов начал доказательного знания. Однако Аристотель никогда не употребляет в тех фрагментах «Второй аналитики», где он говорит о началах-значениях, термин «определение», а, говоря о началах-определениях, он никогда, в свою очередь не выражается в том смысле, что они указывают на значение определяемого[600]. Прямого отождествления начал-значений с

---

[596] В пользу такого прочтения высказывается, например, Орлов (который, правда, не считает, что в I.1 Аристотель говорит в строгом смысле именно об этом типе начал), *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. С. 281-290; 299; Орлов Е.В. Аристотель о началах человеческого разумения. С.276-277.

[597] APo I.9 75b31.

[598] APo II.3 90b24.

[599] APo II.17 99a21-22.

[600] Единственный раз «определение» и «указание на значение» появляются в тексте одновременно в APo II.10 93b29-37, однако, несмотря на то, что указание на значение фигурирует там в качестве одного из видов определения, там это сделано для того, чтобы отличить эти два вида пропозиций друг от друга.

началами-определениями, таким образом, в нашем распоряжении нет, что уже само по себе является поводом для того, задаться вопросом о том, могут ли одни действительно быть поставлены в соответствие другим. И если под определениями понимать то, что мы до сих имели под ними в виду – т.е. уникальные для каждого предмета указания на его суть (τὸ τί ἐστι), которые играют роль неопосредованных посылок в доказательствах, из которых строится наше доказательное знание – то ответ на этот вопрос будет, вне всякого сомнения, отрицательным. Ниже я приведу ряд доводов, каждый из которых достаточно ясно свидетельствует о невозможности отождествления таких определения и начал-значений.

а) Прежде всего, у нас просто недостаточно оснований для отождествления определений и указаний на значение. Во-первых, как я заметил только что, они нигде не отождествляются друг с другом прямо, а во-вторых, как было кратко показано в главе о гипотезах[601], мы не можем отождествлять начала I.2 с началами I.10 (и, таким образом, также и I.1) в принципе: наборы начал в действительности не совпадают; наряду с одинаковыми примерами в этих главах обнаруживаются примеры не совместимые с доктринами начал друг друга; в одном случае речь идет о началах-посылках, а в другом – о началах-терминах.

б) Определение не может быть отождествлено с указанием на значение еще и потому, что из имеющегося текста видно, что они выполняют различную функцию. Аристотель постоянно настаивает, что определение, являясь посылкой умозаключения, прямо задействуется в ходе силлогистического вывода[602], тогда как об указании на значение сказано, что оно нужно нам только для того, чтобы «τί τὸ λεγόμενόν ἐστι, ξυνιέναι», т.е. понимать, что представляют собой «выражения» (т.е., насколько можно судить, те термины и посылки, которые мы используем в доказательстве); понимание же, судя по всему, представляет из себя для Аристотеля

[601] См. стр. 136-139.
[602] См. прим. 597-599.

прежде всего недискрусивный процесс[603]. Иначе говоря, определение – это посылка силлогизма, тогда как указание на значение таковой не является.

в) Наконец, самый серьезный аргумент в пользу отличия определений от указаний на значения вещи заключается в том, что их тождество невозможно в рамках той модели доказательного знания, которую выстраивает Аристотель, на чисто теоретических основаниях[604]. Дело в том, что, согласно тексту I.10, указания на значение должны быть заранее приняты для всех используемых в доказательстве терминов – что вполне разумно; ведь мы должны понимать, о чем мы говорим. В число этих терминов входят как те, существование которых мы также заранее постулируем, так и те, о существование которых должно быть нами обосновано в ходе доказательства. Однако, согласно Аристотелю, мы не можем знать (а значит и постулировать) определения вещи, прежде чем мы узнаем о ее существовании[605]. Значит, как минимум, все указания на значения тех субстанциальных свойств, которые будут подвергнуты доказательству в процессе построения доказательного знания, не могут быть определениями. Классы определений и указаний на значение, таким образом, могут пересекаться только для «первых» предметов, существование которых постулируется. Но подобное отождествление в ситуации, когда существует огромный класс указаний на значения, которые, вне всякого сомнения, просто не могут быть определениями, выглядит надуманным. Тем более, что «Вторая аналитика» дает понять, что у субстанциальных свойств (т.е. тех предметов, существование которых требуется обосновать) помимо указаний на значения есть и, собственно, определения, и последние отличны от первых[606]. Если это верно для производных терминов, то, всего скорее, должно быть верно и для первичных.

Следует заметить, что все только что указанное ставит нас перед новой проблемой: каким образом у субстанциальных свойств могут быть определения, если

---

[603] Ср. описание терминов, как того, что, в отличие от «гипотез» (т.е. высказываний) не говорит ничего о том, как обстоит дело и которые нужно «только понимать» (μόνον ξυνίεσθαι) в APo I.10 76b35-37.
[604] Частично я уже касался этого аргумента выше, см. стр 136.
[605] Напр., APo II.8 93a20.
[606] В целом, можно сказать, что этому почти целиком посвящены главы APo II.8-10, однако см. в особенности II.10 93b29-94a9.

определения – это начала, и начала недоказуемы, а мы в то же время не можем постулировать определения субстанциальных свойств до того, как приступим к доказательству. Все это, кажется, ведет нас к неприятной альтернативе: либо определения субстанциальных свойств надо постулировать изначально (что невозможно, поскольку мы еще не обосновали их существование), либо их нужно доказывать (что противоречит дефиниции определения как начала). Решение этой проблемы здесь слишком сильно бы отклонило нас от курса нашего рассуждения, и поэтому я пока отложу ее в сторону[607].

4) Если указание на значения и определения – это не одно и то же, и при этом и то, и другое является одним из видов начал доказательства, то у нас становится еще на один тип начал больше. Однако соображения экономности системы, а также тот факт, что Аристотель, подробно обсуждая начала и определяя их в I.2, упоминает только о трех типах начал, ведут нас к желанию избежать умножения количества видов начал доказательного знания.

К счастью, у нас есть способ достаточно задешево остаться именно с тремя типами начал, причем именно с теми тремя типами, которые перечисляются в I.2. Дело в том, что указания на значения нигде и никогда не называются Аристотелем началами. В I.1, как уже было сказано выше, слова «начало» вообще не встречается и предположение о том, что там речь идет именно о них, в существенной мере построено на аналогии с I.10. Что касается последней главы, то, вне всякого сомнения, она посвящена началам. Однако мы не найдем там ничего похожего на утверждение о том, что указание на «τί σημαίνει» является началом. Там сказано, что начало – это то, для чего нельзя доказать «ὅτι ἔστι» (т.е. в зависимости от нашего понимания – либо существование, либо бытие таким-то)[608]. Вероятно, для того, чтобы нечто подходило под определение начала, однако, о нем должно быть можно тем не менее сказать «ὅτι ἔστι» (что оно есть/что оно есть такое-то) в принципе – в противном случае под определение начала попадали бы в том числе и, например, несуществующие вещи. Но

[607] См. ниже, стр. 245-265.
[608] APo I.10 72a31-32.

об указании на значение вещи нельзя сказать ни что оно есть такое-то, ни что оно существует. Далее, следующее предложение текста прямо говорит нам о том, что мы должны принять «τί σημαίνει» *для* первых <начал>[609], что подразумевает, что само указание на «τί σημαίνει» не может быть началом. Текст, безусловно, свидетельствует о том, что значения начал и прочих предметов нужно «принять» (λαμβάνειν)[610] или «быть знакомым с ними заранее» (προγιγνώσκειν)[611], однако само по себе это еще не обязательно означает, что Аристотель готов считать их началами.

Таким образом, во-первых, определения в целом не имеют ничего общего с указаниями на значения терминов; они отличаются друг от друга как указание на суть бытия вещи от способности в принципе понимать, что подразумевается под определенным выражением, т.е., например, опознавать, кого можно считать человеком, а кого нет, или какая мысль выражена в определенном предложении. Во-вторых, указания на значения даже не являются одним из видов начал. Мы должны *понимать* значения терминов и выражений, которые мы будем использовать в доказательствах, но нам совершенно необязательно формулировать их эксплицитно[612], а это означает, что они не используются напрямую в доказательстве – поскольку в противном случае ими нельзя было бы пренебречь.

Результат, к которому мы пришли, можно сформулировать в двух тезисах: во-первых, указания на значения и определения – это не одно и то же; во-вторых, указания на значения, вероятно, не являются началами в том смысле, в котором Аристотель определяет это понятие в APo I.2 72a7.

---

[609] APo I.10 72a32-33.
[610] Ibid.
[611] APo I.1 71a11-14.
[612] В APo I.10 76b14-21 говорится, что ничто не мешает иногда не постулировать в точности значения субстанциальных свойств, если они и так понятны. Как я уже отмечал выше, я предполагаю, что во всем фрагменте 76b14-21 невозможно видеть нечто иное, чем оправдание Аристотеля перед лицом того, что его теория не соответствует реальной практике: его общий тезис здесь в том, что что-то из указанного им можно в реальной научной практике опустить, но если оно опущено, это не значит, что его там нет в имплицитном виде. Если мы согласимся с таким прочтением, то из этого следует, что «постулирование значения» - это не очень распространенная в современной Аристотелю научной (надо полагать, прежде всего, математической) практике процедура – и именно этот факт Аристотель и пытается в том числе объяснить. Что дополнительно препятствует пониманию указаний на значения как начал, соответствующих евклидовским определениям – о последних едва ли можно сказать, что они могут быть опущены.

III. Посылки или термины?

В предыдущем разделе мы видели, что определения не могут быть отождествлены с указаниями на значение в случае, если мы пониманием определения как указание на суть бытия вещи и считаем, что в I.2 идет речь именно о такого рода определениях. Такое понимание сущности определений и указаний на значения дает нам достаточно неплохое прочтение текста, сводя к минимуму возможные противоречия.

Однако, как ни странно, аргумент о том, что определения из I.2 и значения из I.10 – это приблизительно одно и то же, можно снова ввести в строй и даже усилить достаточно необычным способом. Следует заранее сказать, что в итоге мы получим прочтении доктрины определений «Второй аналитики», не уступающее по разумности предлагаемому в предыдущем абзаце, – именно поэтому я считаю нужным привести здесь в том числе и его.

Итак, оттолкнемся от того соображения, которое заставило нас отказать указаниям на значения в статусе начал в предыдущем разделе – а именно от вполне понятного нежелания умножать количество начал без необходимости. Следует отметить, что даже при предложенной выше интерпретации мы достигли этого лишь частично: поскольку, несмотря на то, что нам удалось обосновать тезис о том, что указания на «τί σημαίνει» не являются началами, в I.10 все равно идет речь о началах и, как было показано в предыдущей главе[613], если следовать имеющемуся у нас тексту, то мы не можем интерпретировать начала I.10 иначе, чем начала-предметы или начала-термины (в отличие от начал-посылок I.2). Таким образом, мы все равно остаемся с, как минимум, четырьмя видами начал (аксиомы, гипотезы, определения и термины), вместо трех, как это предполагается изложением I.2. В этой ситуации можно сделать неожиданный ход: мы можем попытаться отождествить «определения» из I.2 с указаниями на значения из I.10, приняв, однако, что *в обоих* случаях речь идет не о

[613] См. стр. 138-139.

началах-посылках, а о началах-терминах[614]; т.е. под определениями I.2 подразумевается не то, что обычно обозначается употребленным там словом «ὁρισμοί», а то, что обычно обозначается словом «ὅροι» – последнее при этом может значить как «определение», так и «термин».

Учитывая всю проделанную в предыдущем разделе работу, на первый взгляд, такая интерпретация кажется крайне маловразумительной. Однако существует ряд шагов, которые можно предпринять для обоснования ее правдоподобности.

1) Прежде всего, следует заметить, что начала-термины во «Второй аналитике» есть вне зависимости от того, как мы интерпретируем 2-ю и даже 10-ю главу ее I-й книги. Совершенно определенно именно о терминах идет речь в II.19, последней главе «Второй аналитики», посвященной вопросу о том, как мы приобретаем начала доказательного знания[615]. Это глава описывает процесс заполучения начал как

---

[614] Похожую на предложенную позицию принимает Дзабарелла (Iacobi Zabarellae Patauini In duos Aristotelis libros posteriores analyticos commentarii. P. 16A), который считает, что в I.2 идет речь об определениях, указывающих на значение вещи и, таким образом, не играющих в доказательстве роли посылок, поскольку они не являются высказываниями (enuntiationes), при том что сформулированные *в точности таким же* образом, как эти определения-значения, суждения могут иметь «силу высказывания» и действительно использоваться в доказательстве в виде посылок.

[615] С этим согласны следующие исследователи: *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S. 99. Anm. 4; Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. 1949. P. 675; *Aristoteles*. Zweite Analytiken / hrsg. von H. Seidl. S. 312-313; *Harari O.* Knowledge and Demonstration. P. 37 (хотя позиция Харари и заключается в том, что вопрос "познает ли ум термины или пропозиции" поставлен неверно, фактически она приходит к тому, что в II.19 речь идет о терминах, хотя прямо этого и не говорит); *Salmieri G.* Αἴσθησις, Ἐμπειρία, and the Advent of Universal in Posterior Analytics II.19 // From inquiry to demonstrative knowledge: new essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / James H Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010. P. 155–186; *Орлов Е.В.* Аристотель о началах человеческого разумения. С 41-49.

Против этого см.: *Lesher J.H.* The Meaning of NOYΣ in the Posterior Analytics. P. 60-62 // Phronesis. 1973. Vol. 18. No.1. P. 44–68 *Engberg-Pedersen T.* More on Aristotelian Epagoge // Phronesis. 1979. Vol. 24. No. 3. P. 301–319; *Upton T.V.* A Note on Aristotelian epagōgē // Phronesis. 1981. Vol. 26. No. 2. P. 172–176; *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 44-48; *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 246-247; *Tuominen M.* Back to Posteriror Analytics II.19: Aristotle on Knowledge of Principles // From inquiry to demonstrative knowledge: new essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / James H Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010. P. 115–144.

Промежуточную позицию, согласно которой, хотя в APo II.19 идет речь о формировании понятий, однако, по мнению Аристотеля, это в ходе этого же самого процесса формируются и начала-пропозиции, можно обнаружить в *Hamlyn D.* Aristotelian epagoge. P.177-179 // Phronesis: A Journal of Ancient Philosophy. 1976. Vol. 21. No.2. P. 167–184; *Kahn C.H.* The Role of nous in the Cognition of First Principles in Posterior Analytics II 19 // Aristotle on science, the «Posterior Analytics»: proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum / ed. by Enrico Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 385–416; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 271; *Charles D.* Aristotle on meaning and essence. P. 264. N. 37. Похожую, по его же собственным словам, на эту промежуточную позицию точку зрения занимает Бронштейн (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 227-247); однако его интерпретация должна быть описана отдельно: во-первых, он считает, что в II.19 Аристотель описывает, как мы получаем пропозиции, однако эти пропозиции не являются определениями, а являются «предварительными описаниями» терминов, с помощью которых мы далее будем искать определения; во-вторых, исходя из этого, он полагает, что в II.19 речь вообще не идет о началах. Несмотря на то, что я не согласен с тем, что в II.19 идет речь о пропозициях и не идет речи о началах, мое собственное понимание этой главы и ее места во «Второй аналитике», как это будет видно ниже, ближе всего именно к понимаю Бронштейна.

результат индуктивного обобщения чувственного опыта; пример, которым она иллюстрирует этот процесс таков: имея дело в чувственном восприятии со множеством людей, мы формируем понятие человека; затем мы поднимаемся на одни уровень выше и, имея дело с различными видами животных, формируем понятие животного и т.д[616]. Вне всякого сомнения, вопреки мнению некоторых исследователей[617], здесь не может описываться процесс получения нами определений, поскольку, во-первых, здесь ничего не говорится о привнесении структуры в полученные нами «универсалии» (τὰ καθόλου), а во-вторых, описанию процесса получения определений посвящены другие главы «Второй аналитики»[618]. В то же время очень похоже, что речь в данном отрывке может идти об узнавании *значения терминов* – и в таком случае Аристотель объясняет нам, каким, собственно, образом, мы получаем в свое распоряжение сам термин, например, человек, и научаемся понимать, что он значит.

2) Далее, в первой части I.10, как уже говорилось, речь идет, судя по всему, именно о началах-терминах. При этом доктрина I.1 отражает доктрину I.10.

3) Теперь следует обратиться к отрывку I.10 76b35-77a4, который становится нам особенно интересен, если мы пытаемся найти во «Второй аналитике» следы начал-терминов. В нем идет речь именно о терминах (ὅροι), и в качестве их отличительной черты указывается тот факт, что их нужно «только понимать» (т.е. чтобы быть в состоянии использовать) – что пересекается с описанием «τί τὸ λεγόμενόν ἐστι» из I.1, позволяя нам предположить, что в обоих этих случаях речь идет об одном и том же роде начал. При этом термины в 76b35-77a4 противопоставляются гипотезам, которые определены почти в точности так же, как и в I.2 (как говорящие «что <нечто> есть или не есть <нечто>» и представляющие собой посылки[619]).

Таким образом, мы имеем перед собой два отрывка, обрисовывающих определенную оппозицию. В обоих одним из членов оппозиции являются гипотезы, и

[616] APo II.19 100a3-b5.
[617] См. прим. 615.
[618] Прежде всего, II.8-10 и II.13.
[619] APo I.10 76b35-36.

в обоих основанием для противопоставления является тот факт, что второй член оппозиции не представляет собой предикативного высказывания. Более того, для обозначения второго члена оппозиции употребляются в одном случае слово «ὁρισμός», а во втором - слово «ὅρος»; при этом нам хорошо известно, что, по крайней мере, использование второго термина вместо первого для обозначения «определения» является обычным для Аристотеля делом[620]. Помимо этого, существенная разница между этими двумя пассажами сводится к тому, что из контекста 76b35-77a4 можно с уверенностью установить, что речь идет именно о терминах, тогда как о чем именно идет речь в 72a14-24 сказать из-за недостатка информации куда сложнее. Наконец, в 76b35-77a4 не звучит слово «начало», вокруг которого строится весь 72a14-24.

Несмотря на все эти отличия, сходство двух пассажей достаточно сильно, чтобы у нас было право предположить, что в них идет речь об одних и тех же вещах. Поскольку же, как было сказано, в случае 76b35-77a4 мы уверены, что текст говорит о терминах, а что именно подразумевается под «ὁρισμοί» в 72a14-24 – это куда менее ясный вопрос, то мы можем заключить, что эти одни и те же вещи – термины, которые в таком случае оказываются началами.

4) Теперь нам нужно вплотную заняться перепрочтением главы I.2. Наша цель – получить такое понимание текста, которое было бы совместимо с тезисом, что под «определениями» в нашем случае понимаются термины. И такое понимание действительно можно получить, решив несколько основных проблем.

а) Первое проблемой является тот факт, что, согласно APo I.2 72a7-9, любое начало является посылкой, а определение – это именно начало. Для решения этой проблемы, в целом, подойдут те же самые аргументы, которые были использованы в первом разделе этой главы для того, чтобы проблематизировать связь 72a14-24 с 72a7-14[621]: учитывая имеющийся текст, особую роль в котором играет странная формулировка «одна из частей высказывания», приведенная в качестве определения посылки, за которой ниже следует более обыкновенная для Аристотеля формулировка

[620] Настолько обычным, что многие комментаторы уверены, что в 76b35-77a4 идет речь об определениях (см. прим 436).
[621] См. подробнее выше, стр. 198-204.

«одна из частей противоречия», используемая для определения высказывания, мы можем предположить либо что текст в данном месте подвергся редактуре (что освобождает нас от обязанности согласовывать 72a14-24 с 72a7-14: вполне возможно, эти фрагменты вообще не должны были следовать друг за другом), либо, что за формулировкой «одна из частей высказывания» в действительности стоит нечто иное, чем «утверждение или отрицание», и «посылка» здесь имеет какой-то особый, нехарактерный для философии Аристотеля в целом смысл, который мог бы покрывать собой как начало-высказывание, так и начало-термин. Второй вариант, правда выглядит весьма маловероятным – поскольку очень сложно себе представить, как можно было бы прочитать определение «одна из частей высказывания» так, чтобы оно покрыло собой и высказывание, и термин. Однако вариант редактуры выглядит достаточно правдоподобно (хоть, как я уже отмечал выше, неидеально) для того, чтобы мы могли прибегнуть в данном случае именно к его помощи. В целом, к началу термину применимы многие из принципиальных характеристик, которыми наделяется начало доказательства (он относится к силлогистике, т.е. является «силлогистическим началом»[622] - в большей степени, чем, например, аксиомы; он является «неопосредованным началом» - во-первых, в том смысле, что у него нет среднего термина (у терминов их вообще не бывает), а во-вторых, в том смысле, что «ему ничто не предшествует»; он является недоказуемым[623]), хотя другие встречающиеся в имеющемся текста (бытие посылкой; высказыванием «<чего-то> одного о <чем-то> одном»[624]), разумеется, с ним не совместимы.

б) Далее можно рассмотреть само противопоставление гипотез и определений. В случае, если мы считаем, что под «ὁρισμοί» в I.2 понимаются термины, либо же указания на значения терминов (что, насколько я могу судить, одно и то же, поскольку знать термин – это просто знать, что он значит), то различие между гипотезами и такими «определениями», проводимое в 72a18-24 – это в действительности различие между началами-посылками (которые нечто высказывают) и началами-терминами

[622] APo I.2 72a14.
[623] APo I.2 72a8.
[624] APo I.2 72a7; 9.

(которые ничего не высказывают). Удачность такого понимания в том, что, в отличие от всех прочих, оно предлагает объяснение, которое дает глубокие определяющие признаки как для гипотез, так и для «определений» (гипотеза – это пропозиция, а термин – нет). Также стоит заметить, что Аристотелю для построения доказательного знания в действительности нужны оба этих вида начал – как термины, которые являются мельчайшей неделимой единицей его системы, но ничего не могут дать по отдельности, так и посылки, которые могут устанавливать неопосредованные связи и двигать доказательство вперед[625].

в) Следующая проблема заключается в том, что Аристотель, как уже было неоднократно указано, достаточно часто совершенно прямо утверждает, что определения, будучи началами, являются посылками доказательства, тогда как наши «определения» не могут служить в качестве посылок. То есть нам, вне всякого сомнения, нужны определения-посылки, но у нас есть только определения-термины, и, кажется, нет места для того, чтобы вводить еще один вид начал.

Мы можем справиться и с этой трудностью. Для этого нам, прежде всего, нужно допустить, что все сказанное ранее в разделе I настоящей главы об определении (т.е. что оно считается здесь Аристотелем не высказыванием (ἀπόφασις), а изречением (φάσις) и как таковое не является одной из частей противоречия) – неверно. Не выглядит невероятным предположение, что «Вторая аналитика» еще не знает этой достаточно сложной и совсем неочевидной доктрины, следы которой мы, насколько мне известно, можем прямо обнаружить только в «Метафизике» и в «О душе». В таком случае мы можем считать, что во «Второй аналитике» Аристотель еще считает определение одним из видов предикативного высказывания. Если это так, то ничто не препятствует тому, чтобы определения-посылки были одним из видов таких, начал, как гипотезы.

В таком случае перед нами, в целом, была бы следующая картина начал в I.2: 1) аксиомы 2) гипотезы, которые представляют собой начала-посылки умозаключения и

[625] Аристотель и сам это понимает, ср. APo I.23 84b26-28.

в состав которых входят, а) определения б) другие неопосредованные посылки 3) определения-термины, из которых составляются гипотезы.

В целом такой подход дает достаточно компактную и непротиворечивую, хотя и не лишенную определенных недостатков систему начал.

***

Итак, перед нами два варианта набора начал в I.2. Первый предполагает, что началами являются 1) аксиомы 2) гипотезы – которые представляют собой предикативные высказывания 3) определения – которые представляют собой изречения, указывающие на суть бытия вещи, но не являющиеся предикативными высказываниями. Все три вида начал являются посылками. Назовем этот вариант вариантом (А). Второй предполагает, что началами являются 1) аксиомы 2) гипотезы – которые представляют собой любые неопосредованные посылки, непосредственно используемые в силлогизме и которые делятся на а) определения-посылки и б) другие неопосредованные посылки 3) определения-термины. Назовем это вариантом (Б).

Оба варианта имеют определенные преимущества и определенные недостатки; причем, как правило, преимущества одного варианта одновременно является недостатком другого. Это достаточно удобно для нас, поскольку мы можем сосредоточиться на преимуществах и недостатках только одного из предложенных наборов начал, и просто каждый раз, описав то или иное соображение, говорящие «за» или «против» подобной интерпретации текста, отмечать, что оно в то же время, наоборот, усиливает, конкурирующую интерпретацию. Поскольку последней мы рассматривали интерпретацию, принимающую набор начал (Б), я сосредоточусь именно на нем. Начнем с его преимуществ:

а) Прежде всего, как уже было отмечено, нам не приходится умножать количество начал доказательного знания «Второй аналитики»: у нас остаются в

точности те три вида начал, которые перечислены в I.2, пусть мы несколько и расширили понимание одного из них, разделив его в свою очередь еще на два вида.

Набор же (А) подразумевает, что в I.2 перечисляются не все виды начал, поскольку начала-термины, которые появляются, судя по всему, в I.10 и совершенно точно в II.19, не выпадают из этого перечисления.

б) Понимание определений как начал-терминов очень хорошо вписывается в доктрину процесса обретения начал из II.19 – согласно этой главе, мы получаем именно такие «определения», т.е. понимания того, что обозначают определенные выражения – «человек», «животное» и т.д. Также становится нетрудно понять, почему здесь из трех типов начал идет речь только об одном – дело в том, что именно он оказывается базовым и именно из него составляются все остальные начала.

В случае же набора (А) мы сталкиваемся с ситуацией, в которой в последней главе «Второй аналитики», которая должна объяснить нам, как именно мы получаем те начала, о которых шла речь до сих пор, мы получаем ответ на совсем другой вопрос, чем должны – предполагалось, что мы узнаем, как мы получаем начала-посылки, тогда как Аристотель объясняет нам, как мы приходим к началам-терминам, при том, что термины до сих пор не были четко обозначены в качестве одного из видов начал.

в) Кроме того, если мы понимаем определения как термины, то нам становится намного легче установить связь I.2 с I.10. Если в последней главе идет речь о началах-терминах, то это теперь не выглядит внезапным скачком от доктрины I.2, где речь шла только о началах-посылках (как это выглядело бы в случае набора (А)), а является только уточнением одного из моментов этой доктрины – а именно того, что помимо понимания значения (τί σημαίνει) всех используемых в доказательстве терминов (т.е., собственно, постулирования самих терминов – потому что они в каком-то смысле эквивалентны своим значениям), мы должны также располагать осведомленностью о бытии этих терминов (т.е. о том, что им нечто соответствует в действительности), чтобы иметь право использовать их в доказательстве – поэтому для одних терминов его необходимо постулировать, а для других – вывести.

Далее мы можем рассмотреть недостатки интерпретации текста, дающей набор (Б).

а) Прежде всего, как уже было отмечено, предлагаемое набором (Б) прочтение фрагмента 72a14-24 плохо согласуется с имеющимся текстом непосредственно предшествующего абзаца 72a7-14. Однако и интерпретация, дающая набор (А), также с имеющимся текстом напрямую не согласуется – таким образом, ни одно хорошее прочтение 72a14-24 не встраивается в имеющийся текст без проблем; однако в случае обоих прочтений этот факт, как я показал, вполне поддается объяснению. Стоит, однако, заметить, что прочтение, дающее набор (А), справляется с этой задачей лучше: оно позволяет показать, что существуют два варианта объяснения проблем, возникающих при согласовании 72a7-14 с 72a14-24 (редактура или употребление определенных оборотов в необычном смысле); более того, что выбор одного из этих вариантов неизбежен, при том, что оба они ведут к снятию проблемы. Интерпретация же, предполагаемая набором (Б), прибегает в этом случае только к помощи тезиса о редактуре, не исчерпывая всех возможностей подходов к тексту.

б) Существенной проблемой интерпретации, предполагаемой набором (Б) является тот факт, что Аристотель, насколько мне известно, никогда в имеющемся корпусе текстов не употребляет слово «ὁρισμός» («определение») в смысле «термин», несмотря на то, что употребление слово «ὅρος» («термин») в смысле «определение» встречается постоянно. Т.е. при такой интерпретации мы вынуждены предполагать, что перед нами гапакс – что всегда крайне проблематично, особенно если мы имеем в своем распоряжении такое альтернативное объяснение текста, как (А), позволяющее полностью избежать этой трудности.

в) Есть и еще одна, непосредственно связанная с предыдущей проблема, возникающая при интерпретации, дающей набор начал (Б) и отсутствующая при интерпретации, дающей набор (А). Дело в том, что первая интерпретация заставляет нас предположить крайне неустойчивое словоупотребление Аристотеля на протяжении «Второй аналитики». Если бы «ὁρισμός» действительно имело в 72a21 значение «термин», и это было бы единственным вхождением этого слова в текст

«Второй аналитики», это было бы одно дело. Но Аристотель активно употребляет термин «ὁρισμός» на протяжении «Второй аналитик», всегда имея под ним в виду именно определение, а не термин. Более того, подразумевая под «ὁρισμός» именно определение, он не раз говорит, что оно является началом. Получается, что, специально определив «ὁρισμός» как один тип начал (начало-термин), Аристотель далее всегда пользуется этим словом для обозначения другого типа начал (начало-посылка), и притом такого их типа, который является видом гипотез, которые в I.2 он специально отличает от «ὁρισμοί». Нет никого сомнения, что привычки Аристотеля в том, что касается устойчивости терминологии оставляют желать лучшего[626], однако небрежность, столь колоссально запутывающая теорию начал «Второй аналитики», выглядит очень маловероятной.

Мы могли бы решить проблемы (б) и (в), предположив, что слово «ὁρισμός» в 72a21 является результатом редактуры текста: изначально там должно было бы стоять «ὅρος», которое затем было исправлено редактором на «ὁρισμός» на том основании, что о началах-определениях текст «Второй аналитики» говорит постоянно, а эксплицитного упоминания о началах-терминах в ней найти невозможно. Это бы предполагало, что редактор, наткнувшись в 72a21 на «ὅρος», интерпретировал этот термин как «определение», и чтобы сделать текст более понятным, изменил слово на «ὁρισμός», которое однозначно читается как определение. При этом параллельное место APo I.10 76b35-77a4, в котором в имеющемся тексте читается «ὅρος», не подверглось редактированию, поскольку, во-первых, обсуждающиеся там предметы (термины и гипотезы) не обозначены в рамках этого фрагмента как начала, а во-вторых в отличие от I.2, более-менее очевидно, что в этом фрагменте идет речь именно о терминах. Впрочем, все это рассуждение представляет из себя не более, чем гипотезу ad hoc – помогающую достаточно безболезненно решить ряд серьезных проблем, а также, вне всякого сомнения, весьма правдоподобную – но все же вполне произвольную и, таким образом, легко критикуемую.

[626] См. выше, прим. 115.

***

Итак, как интерпретация, предполагающая набор начал (А), так и интерпретация, подразумевающая набор (Б) имеют свои достоинства, и обе они обладают своими недостатками. Можем ли мы выделить среди них более убедительную, оценив вес всех «за» и «против», которые можно привести в связи каждой из них?

Я не исключаю того, что это действительно возможно, однако в рамках той задачи, которая стоит передо мной в данной работе в этом нет никакой необходимости. Основной моей целью является реконструкция той модели доказательного знания, которая лежит в основе «Второй аналитики», а не установление однозначного прочтения тех или иных мест. В этом смысле основной итог нашего исследования, проведенного до сих пор в данной главе, заключается в том, что нам в действительности не нужно выбирать между интерпретацией текста, подразумевающей набор начал (А) и той, что подразумевает набор (Б) – поскольку оба прочтения дают в целом одинаковую картину, отличаясь друг от друга лишь в плане деталей и конкретной терминологии.

Эта картина предполагает, что, прежде всего, для построения доказательного знания нам необходимы термины, значение которых мы должны понимать – вне зависимости от того, называются ли они определениями или нет, и даже вне зависимости от того, считаются или нет они началами (для простоты будем считать, что считаются). Путь к обретению понимания этих терминов, являющийся ответом Аристотеля на парадокс «Менона»[627], описывается в II.19.

[627] Meno 80d. Ср. Несмотря на то, что многие исследователи согласны с тем, что Аристотель отталкивается от парадокса Менона не только в первой, но и в последней главе «Второй аналитики» (Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 261; *Harari O.* Knowledge and Demonstration. P. 31; *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 46.), подробному исследованию почему-то подвергается прежде всего первая глава (*Ferejohn M.* Meno's Paradox and De Re Knowledge in Aristotle's Theory of Demonstration // History of Philosophy Quarterly. 1988. Vol. 5. No. 2. P. 99–117), тогда как, на мой взгляд, общее решение этот парадокса Аристотель дает именно в APo II.19. Это решение заключается в том, что Аристотель соглашается с Платоном в том, что для того, чтобы что-либо познать, у нас должно уже иметься предшествующее знание, однако само это знание вовсе не должно быть нам врождено (мы должны только обладать им до того момента, когда задаемся тем вопросом, на который мы будем искать ответ – Аристотель предлагает считать, что мы получаем его с помощью способности к чувственному ощущению на протяжении всей предшествующей этому моменту жизни). Это знание представляет собой знание значений терминов, т.е. тех понятий,

Далее, она предполагает, что одним из видов начал доказательного знания являются гипотезы, которые представляют собой неопосредованные предикативные посылки, в которых предикат каким-либо образом высказывается о субъекте.

Эта картина также подразумевает, что одним из видов начал являются определения, которые, являясь посылками, используются непосредственно при построении умозаключений и которые указывают на суть или же суть бытия вещи. Являются ли они при этом одним из видов гипотез или являются отдельным видом посылок – вопрос в известном смысле второстепенный.

Наконец, последним видом начал являются аксиомы, которые представляют собой высказывания, являющиеся общими началами любого доказательного знания, однако не встречающиеся в ходе доказательства непосредственно в качестве посылки, но служащие регулятивным принципом, логическим законом, направляющим ход доказательства.

Кроме того, вероятно, в случае некоторых терминов, которые отождествить с субъектами доказательства, мы должны помимо их значения (т.е., собственно, самого термина) также постулировать, либо обосновать каким-либо иным образом[628] существование этих терминов (точнее, предметов, которые ими обозначаются) – последнее, судя по всему, нужно нам для того, чтобы мы могли быть уверены, что рассуждаем о чем-то реальном, а не о вымышленных сущностях.

IV. Определения больших или меньших терминов?

в отношении которых мы будем задаваться вопросом о том, что они из себя представляют, и получается нами в результате индуктивного обобщения нашего чувственного опыта. К сожалению, у меня нет места для того, чтобы подробно обосновать это понимание текста (см. похожее понимание в *Орлов Е.В.* Аристотель о началах человеческого разумения. С 273-293 и *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 231–235; эти две работы являются удачным исключением среди прочих исследований, связанных с отношением «Менона» и «Второй аналитики» и уделяют должное внимание в описании этого отношения APo II.19).

[628] APo II.9 93b21-24; ср. Metaph VI.1 1025b10-11; EN I.7 1091b1 сл.

Итак, мы выяснили, *что* могут представлять из себя определения и их наиболее интересующих нас при построении доказательного знания вид – определения-посылки. Однако для того, чтобы понимать, как определения участвуют в построении доказательного знания, знать, *что* они из себя представляют недостаточно. Мы должны также знать, определениями *чего именно* являются эти посылки, которые мы должны будем использовать в доказательствах. Иными словами, нам известно, что определение служит ровно одной из неопосредованных посылок в доказательном умозаключении (обе посылки, как показано в 3 главе, быть определениями не могут), более того, мы знаем, что определитель, definiens – это средний термин такого доказательства. Но definiens которого из двух крайних терминов является этим средним термином? Происходит ли доказательство через определение, которое является определением большего термина или же через определение, которое является определение меньшего термина? Или, возможно, одни доказательства получаются через определение большего термина, а другие – чрез определение меньшего?

Этот важный вопрос, насколько мне известно, почти никогда явно не ставился в подобном виде. Однако можно с уверенностью сказать, что большинство существующих интерпретаций «Второй аналитики» имплицитно отталкивалось от того, что под определением, через которое должно производится доказательство, подразумевается определение меньшего термина, т.е. определение субъекта доказательства[629]. Это означает, что эти интерпретации подразумевали, что, имея определение некоего субъекта доказательства (например, линии или треугольника), мы, согласно Аристотелю, должны вывести все присущие ему субстанциальным образом свойства из одного этого определения. Что, вне всякого сомнения, по

[629] Thomae Aquinatis in libros posteriorum analyticorum expositio. P. 143; Iacobi Zabarellae Patauini In duos Aristotelis libros posteriores analyticos commentarii. P. 16A; *Тренделенбург А.* Элементы логики Аристотеля. С. 267, 311; *Mansion S.* Le jugement d'existence chez Aristote (напр., P. 213); *Hintikka J.* On the Ingredients of an Aristotelian Science. P. 89–90; *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science; *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 111-122; 164-171; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 118-122; *Harari O.* Knowledge and Demonstration. P. 120-132 и т.д.

меньшей мере, проблематично, а в действительности, насколько я могу судить, и вовсе невозможно[630].

Я полагаю, что представление о том, что определения, через которые производится доказательство – это определения меньших терминов, является одной из самых серьезных ошибок при интерпретации «Второй аналитики». В настоящем разделе я постараюсь показать, что определение, через которое происходит доказательство – это *всегда* определение *большего* термина силлогизма.

1) Прежде, чем мы приступим к обоснованию этого тезиса, стоит разобраться, какие именно термины в доказательствах являются большими, а какие меньшими.

Как мы уже много раз видели, доказательное знание подразумевает доказательство того, что определенному субъекту доказательства присуще определенное субстанциальное свойство. Итогом, т.е. заключением (в

---

[630] Стоит перечислить авторов, позиция которых хотя бы в какой-то мере отличается от утверждения о том, что определения, используемые в доказательствах – это определения меньших терминов.
Филопон (Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria. P. 30.25-31.4) вскользь указывает, что в доказательствах используются определениях больших терминов, однако его позиция по этому вопросу, как и по многим другим вопросам доктрины «Второй аналитики», не будучи сформулирована четко, едва ли поддается точному описанию: так, в других местах своего комментария он говорит, что большими посылками являются только аксиомы, тут же, впрочем приводя примеры посылок, которые не являются аксиомами в Аристотелевском смысле, что наводит на мысль, что он использует этот термин более широко, чем Аристотель (Ibid. P. 8.7-19; 124.30-125.6).
Орлов (*Орлов Е.В.* Аристотель о началах человеческого разумения) признает важность определений субстанциальных свойств в построении доказательств Аристотеля, однако я не обнаружил у него принципиального, на мой взгляд, тезиса, о том, что определения, используемые в доказательстве – это *всегда* определения большего термина.
Голдин хотя и считает, что доказательство *любого* свойства, которое Аристотель обозначает как «καθ΄ αὐτὸ συμβεβηκός» происходит на основании определения большего термина (*Goldin O.* Explaining an Eclipse, P. 137), тем не менее полагает, что это не единственный вид доказательств, которые встречаются в рамках доказательного знания. Он полагает, что в нем также используются доказательства, в которых средним термином выступает определение меньшего термина (Ibid., P. 3-5; 21-25); причем он считает, что любое доказательство, в котором мы доказали принадлежность большего термина меньшему на основании определения большего термина, должно далее сопровождаться доказательствами того, что каждый из терминов, использующихся в этом определении, присущ какому-либо из субъектов доказательства нашей (либо другой) науки на основании определения этого меньшего термина (Ibid., P. 137-139). На мой взгляд это ошибка – подобный взгляд никак не подкреплен текстом, а отсылка к субъектам другой науки полностью разрушает требование единства рода Аристотеля. Однако нельзя не отметить большой заслуги Голдина в понимании роли доказательство больших терминов, которая абсолютно игнорировалась до него.
Бронштейн развивает эту позицию Голдина (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 48-50). Он также признает, что определения, о которых говорит Аристотель могут быть определениями большего термина, однако в то же время также считает, что существуют и случаи, когда определением, о котором идет речь, является определение меньшего термина; более того, он, как и Голдин, полагает, что этот случай в определенном смысле является основным, и всякий силлогизм, доказывающий нечто через определение большего термина, в итоге опирается на силлогизм, доказывающий нечто через определение меньшего термина. Однако, даже если оставить в стороне последний тезис, его свидетельства в пользу того, что средний термин может быть определителем меньшего термина крайне слабы: из всего трех мест, на которые он ссылается для подтверждения этого тезиса (Ibid. P. 48, n. 24) два (APo I.4 73b31-32 и II.13 96b15-25) не свидетельствуют ни о чем с уверенностью (см. ниже стр. 231-234), а еще одно удивительным образом вообще даже не имеет отношения к обсуждаемому вопросу (I.5 74a30-34).

силлогистическом смысле) доказательства должно являться высказывание АаГ (А принадлежит всей Г), где А представляет собой субстанциальное свойство, а Г – субъект доказательства. Отсюда несложно заметить, что в любом доказательстве субстанциальное свойство представляет собой больший термин, а субъект доказательства – меньший. В целом, стандартное доказательство должно иметь вид:

АаВ
ВаГ
АаГ

А – субстанциальное свойство – является предикатом большей посылки, Г – субъект доказательства – субъектом меньшей. Одна из посылок – АаВ или ВаГ – в общем случае является определением, и недостающий термин, через который доказывается принадлежность А к Г – т.е. термин В – представляет собой definiens одного из терминов. Вопрос в том, какая из посылок – меньшая или большая – представляет собой определение и для какого из терминов – А или Г – В является definiens'ом. В случае, если В - это definiens А, то определением является первая (большая) посылка и доказательство производится через определение субстанциального свойства. В случае, если В – это definiens Г, то определением является вторая (меньшая) посылка и доказательство производится через определение субъекта доказательства.

Здравый смысл склоняет нас к тому, что определением должна быть меньшая посылка. Дело в том, что только она может иметь стандартную форму определения: definiens предицирующийся определяемому термину («Г – это В», где Г – это определяемый предмет, а В – формулировка, с помощью которой он определяется). Если же мы считаем, что определением должна быть большая посылка, то это определение будет иметь весьма странную форму: определяемый термин будет предицироваться definiens'у («В – это А», где А – это определяемый предмет, а В – формулировка, с помощью которой он определяется). Это кажется

контринтуитивным и нежелательным. Однако, поскольку определямое и definiens в точности равнообъемны, посылка такого вида не является невозможной[631]. А поскольку Аристотель оперирует именно такими посылками (см. ниже), то постулирование того, что определение содержится в большей посылке, оказывается и вовсе необходимым.

Итак, прежде чем приступить к обоснованию этого тезиса, я еще раз сформулирую его, на этот раз наиболее подробным образом. Я утверждаю, что определение, через которое, согласно «Второй аналитике» должно происходить доказательство – это всегда определение большего термина доказательного силлогизма, т.е. определение субстанциального свойства, принадлежность которого субъекту доказательство устанавливается в рамках доказательного умозаключения.

2) На стороне этого тезиса все свидетельства текста, тогда как против него непосредственно сам текст не свидетельствует ни разу. Рассмотрим релевантные свидетельства.

а) Наиболее недвусмысленно свидетельствует в пользу отстаиваемого мной тезиса место II.17 99a21-29. Прежде всего, здесь Аристотель прямо говорит, что «средний <термин> – это формулировка первого <термина>, поскольку все знания получаются посредством определения»[632]. Далее он приводит важный пример, полностью подтверждающий мысль о том, что определением является первая посылка доказательства. Этот пример можно сформулировать так:

«Опадение листьев» принадлежит «затвердеванию сока семени у черенка листа»

«Затвердевание сока семени у черенка листа» принадлежит «широколиственному»

«Опадение листьев» принадлежит «широколиственному»

[631] См. подробнее в предыдущей главе, стр. 157.
[632] «ἔστι δὲ τὸ μέσον λόγος τοῦ πρώτου ἄκρου, διὸ πᾶσαι αἱ ἐπιστήμαι δι’ ὁρισμοῦ γίγνονται» (APo II.17 99a21-22).

Это рассуждение гласит, что субстанциальное свойство «опадение листьев» (или «иметь опадающие листья») принадлежит субъекту доказательства «широколиственные <растения>», поскольку определение «опадение листьев» - это «затвердевание семени у черенка листа», а именно это и происходит с широколиственными растениями. Таким образом, очевидно, что определением в данном случае является большая посылка.

б) Точно такой же вид имеют и два других принципиальных для II-й книги «Второй аналитик» примера доказательства: затмения Луны и грома[633]. С обоими дело обстоит намного сложнее, чем с опадением листьев – поскольку по ряду причин не совсем ясно, можно ли считать рассуждения Аристотеля о лунном затмении и громе примерами доказательства (т.е. считает ли он их сам таковыми).

Среди этих причин выделяется, прежде всего, достаточно странный способ предикации: например, итогом доказательства о лунном затмении должно служить заключение о том, что «затмение принадлежит Луне»; однако несложно заметить, что в таком заключении не соблюдаются базовые для силлогистики Аристотеля отношения целого и части, согласно которым в модусе Barbara субъект заключения в должен относится к предикату заключения как часть к целому: в самом деле, нельзя сказать ни что Луна является затмением, ни что она является одним из видов затмения. Точно так же обстоит дело и с доказательством грома, заключением которого является «гром принадлежит тучам». Маккирахан, критикуя способ выражения Аристотеля в указанных книгах, говорит: если, по Аристотелю, можно сказать, что «гром принадлежит тучам», то почему, нельзя, например, сказать, что «люди принадлежат Земле» (в смысле ходят по ней)[634]?

Кроме того, без дополнительного изучения вопроса нельзя быть уверенным в том, что речь у Аристотеля вообще идет о в строгом смысле доказательстве лунного затмения или раскатов грома: в конце концов, основная тема глав II.1-10 – это «как бы доказательство» определения, или «словесное (т.е. ненастоящее)

[633] См. APo II.8 93a14 сл.
[634] *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P 156.

умозаключение»[635] о нем, и возможно все странности умозаключений, которые приведены в этих главах в качестве примеров, объясняются тем, что они и не предназначались для того, чтобы иллюстрировать процесс доказательства в строгом смысле.

Все это вполне реальные и весьма серьезные трудности. Однако я уверен, что несмотря на них, во II-й книге «Второй аналитики» все же вполне возможно обнаружить именно доказательства затмения Луны и грохота грома. Что касается последней трудности, т.е. сомнений относительно того, что в II.1-10 вообще могут встречаться доказательства, поскольку эта часть «Второй аналитики» посвящена другому вопросу, то на это можно ответить, что, безусловно, не все приведенные там умозаключения о затмении и громе являются доказательствами – есть там и принципиально отличные от доказательства формы рассуждения; однако среди прочего там есть и вполне попадающие под аристотелевское определение доказательства рассуждения.

Что же касается странной формы предикации этих рассуждений, то Аристотель специально посвящает целых две главы «Первой аналитики» - I.36-37 – оправданию и узакониванию в рамках силлогистики именно таких случаев предикации. В I.37 он кратко говорит, что связка «принадлежать» (ὑπάρχειν) употребляется в стольких же смыслах, сколько есть категорий. В I.36 он более подробно разбирает в точности такие случаи, как наш силлогизм о лунном затмении или грохоте грома. Так он говорит: «То, что первый <термин> “принадлежит” среднему, а средний – третьему, не надо понимать в том смысле, что они всегда будут высказываться друг о друге или же что первый всегда <принадлежит> среднему так же, как средний крайнему»[636]. Чуть ниже следует пример: «<…> если у всего, о чем есть знание, есть род, а о благе есть знание, то заключением будет <высказывание о том>, что у блага есть род; <а из этих терминов> ни один не высказывается ни об одном другом. А если бы было так, что, о чем есть знание, есть

[635] См. ниже на стр. 251-255.

[636] Τὸ δὲ ὑπάρχειν τὸ πρῶτον τῷ μέσῳ καὶ τοῦτο τῷ ἄκρῳ οὐ δεῖ λαμβάνειν ὡς αἰεὶ κατηγορηθησομένων ἀλλήλων ἢ ὁμοίως τό τε πρῶτον τοῦ μέσου καὶ τοῦτο τοῦ ἐσχάτου (APr I.36 48a40-b1).

род, а о благе есть знание <т.е. термины именно бы высказывались друг о друге, а не было связаны иными отношениями – А.Ю.>, то заключением было бы, что благо есть род»[637]. И в целом данная глава полна примеров подобного толка, ясно демонстрирующих, что Аристотель понимает под силлогистическим выводом не только вывод, основанный строго на соотношениях объемов терминов. Такая позиция может показаться несколько странной человеку, привыкшему к строгости силлогистики в ее современном понимании, однако Аристотель открыто ее защищает, что означает, что такие силлогизмы, как доказательство принадлежности затмения Луне, вовсе не являются аномальными для самого Аристотеля.

Таким образом, я полагаю, что мы вполне можем считать некоторые умозаключения, встречающиеся в главах II.1-10 примерами доказательства. В частности, таковыми, на мой взгляд, являются:

«Затмение» принадлежит «потере свечения Луной вследствие загораживания ее Землёй»

«Потеря свечения Луной вследствие загораживания ее Землёй» принадлежит «Луне»

«Затмение» принадлежит «Луне»

А также

«Гром» принадлежит «грохоту вследствие затухания огня в тучах»

«Грохот вследствие затухания огня в тучах» принадлежит «тучам»

«Гром» принадлежит «тучам»[638]

[637] οἷον εἰ οὗ ἐπιστήμη ἔστιν, ἔστι τούτου γένος, τοῦ δ᾽ ἀγαθοῦ ἔστιν ἐπιστήμη, συμπέρασμα ὅτι τοῦ ἀγαθοῦ ἔστι γένος· κατηγορεῖται δ᾽ οὐδὲν κατ᾽ οὐδενός. εἰ δ᾽ οὗ ἔστιν ἐπιστήμη, γένος ἐστὶ τοῦτο, τοῦ δ᾽ ἀγαθοῦ ἔστιν ἐπιστήμη, συμπέρασμα ὅτι τἀγαθόν ἐστι γένος <…> (APr I.36 48ab22-26)

[638] Следует четко отметить, что это реконструированные формы доказательства, не встречающиеся во в точности таком виде в самом тексте «Второй аналитики». Обоснование того, что эти доказательства должны выглядеть именно так см. ниже на стр. 255.

В обоих случаях ясно видно, что средний термин представляет собой definiens большего.

в) Во «Второй аналитике» встречаются еще несколько примеров умозаключений, которые можно при желании считать доказательствами – такие как умозаключение о присущности опадения листьев винограду вследствие того, что он является широколиственным растением[639]; умозаключение о присущности сычуга животным, имеющим только один ряд передних зубов вследствие их рогатости[640]; умозаключение о мерцании планет вследствие их близости[641]; умозаключение о смене фаз Луны вследствие ее шарообразности[642] и некоторые другие. Я полагаю, что все эти умозаключения можно считать по крайней мере частями более обширных доказательств, однако не уверен, что их можно расценивать как законченные доказательные умозаключения. В этом смысле более всего показателен пример с виноградом: мы знаем, что, по крайней мере, одна из используемых при его доказательстве посылок («опадение листьев» присуще «широколиственным») не является неопосредованной и может быть в свою очередь доказана с помощью умозаключения через определение, описанного в пункте (а). Возможно, подобным образом обстоит дело и со второй посылкой этого умозаключения, а также во всеми прочими посылками, использующимися в других указанных выше умозаключениях. Правдоподобным выглядит предположение о том, что всякое доказательство должно в итоге доходить до определений и иметь в качестве большей посылки определение большего термина, т.е. доказываемого субстанциального свойства. Впрочем, я не возьмусь отстаивать этот сам по себе очень сильный тезис; я вполне допускаю, что это правило может знать и исключения. Как бы то ни было, во всех перечисленных выше доказательствах отсутствуют определения, а потому для наших целей они совершенно неинтересны, даже если их и можно считать доказательствами в строгом смысле.

---

[639] APo II.16 98b5-16.
[640] APo II.14 98a13-19.
[641] APo I.13 77b28-78b4.
[642] APo I.13 78b4-13.

Гораздо интереснее будет взглянуть на другое доказательство, о котором Аристотель постоянно говорит, но полной формы которого он, тем не менее, никогда не приводит – на доказательство того, что «треугольнику» принадлежат «два прямых <угла>», или, иначе говоря, что сумма внутренних углов треугольника равна 180 градусам, или двум прямым углам.

Доказательство субстанциального свойства «два прямых <угла>» субъекту доказательства «треугольник» - это один из любимых примеров доказательства Аристотеля, к которому он прибегает едва ли не чаще, чем к любому другому[643]. Если мы предполагаем, что доказательство должно осуществляться через определение, и это определение должно быть определением меньшего термина, то мы должны были бы каким-то образом вывести, что сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым углам. Здесь есть несколько проблем. Во-первых, это просто невозможно: если мы посмотрим доказательство Евклида I.32, то увидим, что ни о чем подобном там речь не идет и определение треугольника в этом доказательстве не используется вовсе. Во-вторых, Аристотель сам прямо говорит в Metaph V.30 1025a30-34 о том, что «два прямых <угла>» не входят в сущность (ἐν τῇ οὐσίᾳ), т.е., подразумевается суть (τὸ τί ἔστι) треугольника, хотя и принадлежат ему субстанциально (καθ’ αὐτό). Это значит, что это свойство не входит в определение треугольника, что, в свою очередь, подразумевает, что определение треугольника бесполезно для их доказательства. Неудивительно, что исследователи, считающие, что доказательство происходит через определение меньшего термина, как правило, полагают, что позиция Аристотеля в вопросе о доказательстве двух прямых углов прямо противоречит мысли «Второй аналитики»[644]. Исходя из Metaph V.30 1025a30-34, а также из APo II.3 90b7-9 многие делают вывод, что доказательство принадлежности двух прямых углов треугольнику вообще совершается не через

[643] APr I.35 48a33-37; II.21 67 a15-26; APo I.1 71a20-30; I.4 73b28-74a2; I.5 74a32-74b4; I.9 76a4-7; I.23 84b6-12; I.24 85b4-14; 86a25-27; I.31 87b33-37; II.3 90b7-9; 91a3-5; Metaph V.30 1025a30ff; IX.9 1051a24-25; IX.10 1052a5-7; XIII.10 1086b33-37 и т.д.

[644] Например, *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P.169-176; Aristotle’s Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 118-122.

определение – что позволяет им в очередной раз упрекнуть Аристотеля в непоследовательности.

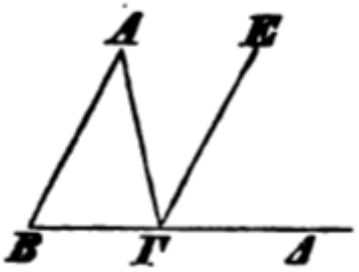

рис. 1

Однако такие упреки вовсе необязательны. Из текста доказательства теоремы Евклида I.32 ясно видно, что ключевой шаг этого доказательства заключается в том, чтобы показать равенство суммы углов, о которых известно, что они в сумме равны двум прямым углам (АГΔ+АГВ), сумме внутренних углов треугольника (АВГ+ВГА+ГАВ) (см. рис. 1). Стоит, однако, заметить, что тот факт, что сумма углов АГΔ и АГВ (т.е. тех углов, к которым мы приравниваем внутренние углы треугольника) определена в доказательстве как два прямых в самую последнюю очередь – посылка «ἀλλ’ αἱ ὑπὸ АГΔ, АГВ δυσὶν ὀρθαῖς ἴσαι εἰσίν» является самой последней в доказательстве. Таким образом, последней посылкой Евклид доказывает, что та сумма углов, к которой приравнена сумма внутренних углов треугольника, так сказать, подходит под определение суммы, дающей два прямых угла.

Но это еще не все. В самом деле, в собственном смысле определения двух прямых тут нет. Более того, посылка, которой Евклид завершает доказательство (т.е. посылка о том, что сумма углов АГΔ и АГВ равна двум прямы углам) опирается на ранее доказанную теорему I.13, и, значит, мы не можем считать, что в ней нам дано недоказуемое определение двух прямых углов. Однако присмотримся к самой теореме I.13. Она гласит, что если прямая, восставленная на другой прямой образует углы, то она будет образовывать либо два прямых угла, либо углы, в сумме равные двум прямым углам. А это теорема в свою очередь доказывается строго через *определение прямого угла*! Разница между определением «прямого угла», к

которому в итоге сводится доказательство I.32 и определением «двух прямых углов» настолько незначительна, что, я полагаю, мы можем извинить Аристотеля, если он считал, что, имея определение одного мы имеем и определение другого, или же просто считал, что доказательство происходит через определение «двух прямых углов», тогда как в действительности оно происходит через определение просто «прямого угла». Как бы то ни было, из доказательства этой самой любимой Аристотелем в качестве примера доказательного знания теоремы ясно видно, что доказательство действительно в конечном итоге в строгом смысле происходит через определение не меньшего термина, а большего, т.е. именно того свойства, принадлежность которого мы доказываем.

3) Итак, свидетельства текста налицо. Так почему же в таком случае большинство исследователей было столь сильно уверено в очевидно неправдоподобном тезисе, что определения, которые мы должны использовать в доказательствах – это определения меньших терминов?

Я вижу тому, как минимум, две причины. Обе они являются производными от того, что исследователи представляли себе процесс построения доказательства «Второй аналитики» как производное от процесса платонического диайресиса.

а) Я полагаю, что одной из главных причин, по которым у читателя возникает искушение понимать под определениями, использующимися в доказательном силлогизме, определения меньших терминов, является тот факт, что при продумывании того, какие именно тезисы, по Аристотелю, могут доказываться описываемым им во «Второй аналитике» образом, многие представляют себе прежде всего стандартные положения, отражающие устройства «порфириева древа» определенного рода, такие как, например, «человек есть животное». И, несмотря на то, что во «Второй аналитике» подобных примеров мы не встретим, если верить замечанию Аристотеля в «Метафизике»[645], подобное положение действительно подлежит строгому силлогистическому доказательству. Глава I.4 «Второй аналитики», утверждающая, что в любом доказательстве термины должны быть

[645] Metaph XIII.10 1086b33-37.

присущи один другому субстанциальным образом (καθ’ αὐτό), и определяющая субстанциальную присущность, отталкиваясь от того, входит ли один термин в определение другого, склоняет читателя к тому, что представлять себе доказательство того, что человек есть животное, примерно следующим образом:

«Животное» принадлежит всему «животному разумному»
«Животное разумное» принадлежит всему «человеку»
«Животное» принадлежит всему «человеку»

Где «животное разумное» - это определение термина «человек», который, в свою очередь, является меньшим термином доказательства.

В таком представлении о доказательстве есть определенная притягательность. В самом деле, тут мы доказываем, что человек обладает свойством «быть животным» просто взглянув на определение человека и заметив, что это определение содержит термин «животное». И сколь бы неправдоподобным ни казалось представление о том, что всякое доказательство должно использовать определение таким образом (неправдоподобность же его очевидна: в случае, если оно верно, о любом предмете возможно исчезающе малое количество доказательств – ровно столько, сколько терминов есть в его определении), проста и понятность этого стандартного примера ведет нас к тому, чтобы представлять себе всякое доказательство по аналогии с ним.

Однако это в корне неверно; более того, указанное умозаключение даже вряд ли является доказательством. Ведь доказательство, согласно Аристотелю, должно раскрывать причину факта, выраженного в заключении[646]. Но действительно ли человек является животным потому что термин «животное» входит в его определение? Едва ли; скорее он является животным, потому что он

[646] APo I.2 71b9-12; 6 74b27-32; I.13; I.14 79a18-24; I.24 85b23-86a3; I.31 88a1-8; I.34 89b13-15; II.2 89b6-11; II.11-12; II.16.

попадает под определение того, что такое животное, например, является «органическим телом, имеющим ощущающую часть души» (предположим, это определение животного). Иными словами, настоящим доказательством того факта, что всякий человек является животным будет

«Животное» принадлежит всему «органическому телу, имеющему ощущающую часть души»

«Органическое тело, имеющее ощущающую часть души» принадлежит всему «человеку»

«Животное» принадлежит всему «человеку»

б) Вторая причина отождествления определений в доказательствах с определениями меньших терминов кроется в естественном прочтении уже упомянутой в (а) главы I.4 «Второй аналитики». Для того, чтобы объяснить, как работает эта причина, необходимо будет присмотреться к этой главе подробнее.

Итак, в I.4 Аристотель говорит о отношении друг к другу терминов доказательства. Он указывает, что «то, из чего» состоит доказательство – т.е. термины, из которых состоят его посылки – должно быть связано друг с другом как «общее» (κατὰ πάντος), «субстанциальное» (καθ’ αὐτό) и «целокупное» (καθόλου)[647]. Я не буду останавливаться на первом и последнем пунктах; нас сейчас интересует только второй.

Говоря о принадлежащем «субстанциально» Аристотель, в свою очередь, выделяет четыре вида такой принадлежности. Нам необходимо рассмотреть только два первых, которые являются основными[648], и которые традиционно вызывают множество вопросов. В первом смысле называется принадлежащим субстанциально то, что «принадлежит <предмету> в его сути, как, например,

[647] Apo I.4 73a24-27.

[648] Из всех исследователей не считает основными видами «субстанциального» первые два только Ферджон (*Ferejohn M.T.* The origins of Aristotelian science. P. 118–128), который полагает, что основным во «Второй аналитике» для Аристотеля является четвертый из перечисленных смыслов.

линия треугольнику и точка линии (ибо их сущность <состоит> из этих <терминов>, и они присущи им в формулировке, раскрывающей их суть)»[649]. Предположительно имеется в виду, что «линия» входит в определение «треугольника» (которые может выглядеть, например, как «замкнутая площадь, ограниченная тремя линиями»)[650], и потому субстанциально ему присуща. Назовем это субстанциальным-1. Во втором смысле называется присущим субстанциально то свойство, в формулировке, указывающей на суть которого, встречается тот термин, которому оно само принадлежит: например, «прямая» и «кривая» присущи таким образом «линии», поскольку в определении «кривой» и «прямой» встречается термин «линия» («прямая – это такая линия, что…»); другим примером такой субстанциальной принадлежности будет «четное» и «нечетное» для числа[651]. Назовем это субстанциальным-2.

Итак, нам известно, что все посылки доказательства должны принадлежать друг другу субстанциально, и что термин A субстанциально принадлежит термину B если, когда A предицируется B, то либо A находится в определении B, либо B находится в определении A. Поскольку, во-первых, в данном случае субстанциальная принадлежность терминов друг другу разъясняется через отношение их определений друг к другу, а во-вторых, нам известно, что определение – это важный тип неопосредованных посылок в доказательном знании, и Аристотель даже говорит, что «всякое знание получается через определение»[652], то у читателя этого места возникает естественное, но слабо отрефлексированное предположение о том, что то отношение между определениями терминов A и B, на основании которого I.4 определяет принадлежность одного из них другому, должно быть *прямо отражено* в посылках доказательства. Иными словами, если, например, A принадлежит B как субстанциальное-1 (например, «животное» принадлежит «человеку»), то

[649] ὅσα ὑπάρχει τε ἐν τῷ τί ἐστιν, οἷον τριγώνῳ γραμμὴ καὶ γραμμῇ στιγμή (ἡ γὰρ οὐσία αὐτῶν ἐκ τούτων ἐστί, καὶ ἐν τῷ λόγῳ τῷ λέγοντι τί ἐστιν ἐνυπάρχει) (APo I.4 73a34-37).
[650] См. прим. 246.
[651] APo I.4 73a37-b3.
[652] APo II.17 99a21-22.

доказательство этого факта должно отражать, должно нести в себе именно тот тип связи этих терминов, который подразумевает субстанциальное-1: т.е. мы должны доказать, что «животное» присуще «человеку» именно за счет указания на то, что «животное» входит в определение «человека». Далее, поскольку любое доказательство должно содержать в себе термины, связанные субстанциальным образом, (т.е. как субстанциальное-1 или как субстанциальное-2), то любое доказательство должно отражать в себе субстанциальную-1 или субстанциальную-2 связь между терминами. Доказательства, отражающие субстанциальную-2 связь, однако, невозможны (см. ниже). Тем не менее существует ограниченный набор умозаключений, в которых действительно можно связать два термина субстанциальной-1 связью и отразить эту связь в самом силлогизме. Одним из таких умозаключений будет уже упомянутое выше умозаключение о том, что все люди суть животные.

«Животное» принадлежит всему «животному разумному»
«Животное разумное» принадлежит всему «человеку»
«Животное» принадлежит всему «человеку»

Действительно, «животное» субстанциально-1 связано с «человеком»: оно входит в определение человека. Значит, согласно нашему предположению о параллелизме связи терминов и способа доказательства, мы должны иметь доказательство этого положения, которое бы было основано на этой связи и отражало ее. А это, в свою очередь, значит, что доказательство должно быть произведено через определение меньшего термина – поскольку оно должно быть основано на указании на то, что больший термин входит в определение меньшего. Указанное умозаключение как раз и удовлетворяет всем этим условиям. Именно поэтому у многих исследователей, я полагаю, и возникает ощущение, что доказательства происходят через определение меньшего термина.

Проблема, однако, в том, что само предположение о том, что доказательство присущности определенного субстанциального свойства определенному субъекту доказательства должно отражать тот вид субстанциальной связи, которым связаны эти термины, *в корне неверно*. На этом моменте стоит остановится подробнее, поскольку он очень важен для понимания доктрины доказательства «Второй аналитики». Против этого предположения можно привести ряд существенных аргументов.

a) Прежде всего, Аристотель попросту *нигде* не говорит ничего подобного! Он говорит, что термины, используемые в доказательстве, должны относится друг к другу таким образом (т.е. как субстанциальное-1 или как субстанциальное-2); он не говорит, что принадлежность одного из них другому должна быть доказана таким образом. И, как я указал выше, она действительно *не доказывается* таким образом; она доказывается иначе, за счет определения большего термина. Предположение о том, что само доказательство должно отражать связь этих терминов, хотя и выглядит вполне естественным, однако никак не обоснованно текстом.

b) Если мы посмотрим на примеры субстанциального-1 (линия для треугольника, точка для линии), то мы обнаружим традиционно озадачивающее всех исследователей «Второй аналитики», которые придерживались предположения о параллелизме субстанциальной связи терминов и хода доказательства[653], обстоятельство: термины в этих примерах вовсе не соотносятся как род и вид, как того следовало бы ожидать, если бы это предположение было верным и доказательства субстанциального-1 производились бы так, как это описано выше на примере доказательства тезиса «все люди суть животные». Линия не является родом для треугольника, а точка – для линии[654]. Аристотель, таким образом, не мог иметь в виду, что субстанциальная-1 связь точки с линией,

[653] *McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P.169-176; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. 1994. P. 112-113; 120-121 и др.

[654] Вопреки остроумным попыткам, например, Зольмсена, свести эти примеры к платоническому ряду «порождающих» друг друга предметов из Metaph I.9 992a сл. и XIV.3 1090b5-7 (*Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. S. 83).

а линии с треугольником должна быть доказана описанным образом. Это ведет нас к закономерному выводу о том, что характер субстанциальной связи и способ доказательства вовсе необязательно должны отражать друг друга.

Объяснение примеров Аристотеля, однако, становится чрезвычайно простым, если мы откажемся от этой мысли. Точка субстанциально-1 присуща линии, поскольку она, по мнению Аристотеля, входит в ее определение (не в качестве рода, но в качестве одного из задействованных в определении терминов); линия субстанциально-1 присуща треугольнику по той же причине[655].

Я не могу с уверенностью сказать, что эти примеры субстанциальной-1 связи подлежат доказательству, как не могу с уверенностью обосновать и обратный тезис. Однако сам вопрос о том, доказуема ли субстанциальная-1 связь за исключением случаев, когда определение меньшего термина составлено по родо-видовому принципу (как это имеет место в случае человека и животного и как этого очевидно не происходит в случае треугольника и линии) становится не столь важным в свете того, что, как это будет показано в следующем пункте, основной массив доказательств для Аристотеля приходится на доказательство свойств, которые являются субстанциальными-2 для своих субъектов доказательства.

c) Если мы принимаем предположение о том, что доказательство должно отражать вид субстанциальной связи задействованных в нем терминов, то мы получаем совершенно неприемлемую картину имеющихся в нашем распоряжении доказательств.

Вспомним: у нас есть два вида субстанциальной связи: субстанциальное-1 и субстанциальное-2. Доказательства субстанциального-1 возможны только если мы позволим использовать в качестве терминов, сказывающихся о субъекте субстанциального-1 доказательства, только род и видовое отличие, из которых состоит его определение, целиком. Так, если мы допустим, что определение

[655] Ср. Iacobi Zabarellae Patauini In duos Aristotelis libros posteriores analyticos commentarii. P. 23.

треугольника – это, например, «замкнутая площадь, ограниченная тремя прямыми линиями», то «треугольнику» будут субстанциально-1 присущи «площадь» и «ограниченное тремя прямыми линиями», но не, например, «прямая линия». Число таких доказательств будет крайне незначительно и будет исчерпываться количеством родов и видовых отличий всех субъектов доказательства.

В то же время доказательство субстанциального-2 будет просто невозможно; более того, сама предикация, которую подразумевает предположение о том, что доказательство должно отражать способ субстанциальной связи субъекта с предикатом, не будет правильной. Например, чтобы отразить субстанциальную-2 связь «четного» с «числом» (которая между ними, согласно Аристотелю, есть), нам пришлось бы делать утверждение «“четное” принадлежит всему “числу”», или же «всякое число четное», что попросту неверно. Некоторые исследователи, заметив, что Аристотель в своем списке примеров субстанциальных-2 предикаций оперирует в основном взаимоисключающими свойствами, предполагают, что речь должна идти о субстанциальной-2 предикации типа «всякое число есть либо четное, либо нечетное», т.е. предикатом должна служить дизъюнкция двух субстанциальных-2 свойств. Впрочем, сами же они немедленно признают, что совершенно непонятно, как бы такое высказывание могло функционировать в качестве посылки или заключения доказательства[656].

Итак, с одной стороны, у нас будет ничтожно малое число доказательств субстанциального-1, а с другой – вовсе не будет доказательств субстаницального-2. Но это никуда не годится. Во-первых, ясно, что никакого особенного доказательного знания мы с такими ограничениями не построим. Во-вторых, Аристотель прямо говорит, что доказательное знание состоит прежде всего из доказательств субстанциальных-2 качеств: ряд примеров субстанциальных-2

[656] Aristotle’s Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. P. 521-522; Aristotle’s Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. P. 113-114.
Ферджон (*Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. P. 99-108) считает, что доказательство субстанциальных-2 свойств подразумевает обоснование частных пропозиций вида "некоторые числа четные", однако это предположение не выдерживает критики: нигде во "Второй аналитике" мы не найдем примеров частных доказательств.

качеств, которые он приводит в I.4, совпадает с примерами субстанциальных свойств (καθ’ αὑτὰ πάθη) из I.10 (прямая (76a40), четное, нечетное (76b8)), в доказательстве которых и состоит основная задача доказательного знания.

Все это легко объяснить, если мы откажемся от предпосылки о том, что что доказательство должно отражать вид субстанциальной связи задействованных в нем терминов. Это развязывает нам руки относительно использования субстанциальных свойств в доказательствах. В самом деле, давайте еще раз обратимся к примеру субстанциальной-2 связи «числа» с «четным» и «нечетным». Я исхожу из предположения, что факт, на который обращает внимания Аристотель, когда он пытается объяснить сущность субстанциального-2, - это не то, что всякое число является либо четным, либо нечетным (как считает, например, Барнс), а то, что четными либо нечетными могут быть только числа и ничто иное. Иначе говоря, Аристотель вовсе не пытается здесь обосновать возможность доказательства принадлежности признаков «четного» или «нечетного» «числу» как таковому; его задача состоит в том, чтобы подготовить почву для обоснования утверждения о том, что некоторые конкретные числа являются четными, а другие нечетными субстанциальным образом: например, пятерка является сбустанциально-2 нечетной, а четверка – субстанциально-2 четной.

Я полагаю, что в целом речь идет о том, что мы можем установить, что свойство субстанциально-2 присуще субъекту следующим образом. Допустим, нашим субъектом доказательства является пятерка, а субстанциальным свойством – нечетность. Мы знаем, что определение нечетного – это «свойство чисел не быть делимыми на два без остатка». Нам также известно определение пятерки – каково бы оно ни было, в него не может не входить в качестве рода термин «число». Отсюда мы видим, что пятерка является числом, а свойство нечетности субстанциально-2 для любого числа. Иными словами, число субстанцильно-1 для пятерки, а нечетность субстанциальна-2 для числа, следовательно, (поскольку сам Аристотель не отделяет явным образом принципиально субстанциальность-1 от

субстанциальности-2, и мы можем предположить, что для него это просто два случая одного и того же «субстанциального»), нечетность субстанциальна и для пятерки – просто по транзитивности. Значит, мы можем иметь доказательство того, что пять – нечетно (поскольку знаем, что эти термины связаны субстанциально). В самом этом доказательстве, однако, особенности субстанциальной-2 связи этих терминов никак отражены не будут. Это доказательство будет просто состоять из большей посылки, гласящей, что «нечетность» принадлежит «свойству чисел не быть делимыми на два без остатка» и меньшей, гласящей, что последнее свойство принадлежит пятерке. Т.е., как и во всех предыдущих случаях, доказательство будет производится через определение *большего* термина.

Введение субстанциального-2 для Аристотеля, насколько я могу судить, имеет весьма простую цель: выделить набор свойств, которые будут специфичны для рассматриваемого рода или даже вида предметов и не будут выходить за его пределы. Только числа бывают четными и нечетными; только линии бывают прямыми и кривыми; только животные имеют конечности и органы чувств; только физические тела движутся по кругу, прямолинейно или смешанным движением.

Или, если возвращаться к примерам «Второй аналитики», только с Луной случается лунное затмение, только в тучах гремит гром, только с растений опадают листья. Лунное затмение является субстанциально-2 присущим Луне, поскольку термин «Луна» входит в его определение («потеря *Луной* свечения вследствие заслонения ее Землей»[657]); на том же основании гром субстанциально-2 присущ тучам (его определение «грохот вследствие затухания огня в *тучах*»[658]), а опадение листьев – широколиственным. В последнем случае все чуть менее прямолинейно: определение опадения листьев определено как «затвердевание сока семени у черенка <листа>»; следуя прослеженной ранее логике можно

[657] См. ниже, стр 247-251.
[658] APo II.10 94a5.

предположить, что здесь имеется в виду, что черенки бывают только у растений, и поэтому мы можем выстроить следующий ряд: «опадение листьев» субстанциально-1 присуще «черенку» (оно входит в его определение); «черенок» субстанциально-2 присущ «растению» («черенок – это такая часть растения, что…»), а «растение» субстанциально-1 присуще «широколиственным» («широколиственные – это такие растения, что…»); следовательно, опадение листьев субстанциально присуще широколиственным.

В целом мы получаем следующую картину. Большинство доказательств в рамках любого доказательного знания представляют собой умозаключения, термины которых в той или иной мере связаны как субстанциальное-2 – это доказательства, доказывающие, что некое субстанциальное свойство принадлежит некоему субъекту доказательства. Это доказательство происходит на основании определения большего термина, т.е. субстанциального свойства. Однако в самом этом доказательстве вовсе не бывает отражен тот вид субстанциальной связи, которым связаны имеющиеся в нем термины. Установление того, что термины связаны друг с другом субстанциальным образом – это отдельный от доказательства и, вероятно, предшествующий ему процесс: он необходим нам для того, чтобы отобрать те термины, которые вообще будут рассматриваться нами в рамках конкретного доказательного знания. Отделение процесса установления субстанциальной связи от процесса доказательства позволяет дать более свободную трактовку как первого, так и последнего – что, в свою очередь, позволяет преодолеть практически все те касающиеся понятия субстанциальной связи недоразумения, которые всегда так озадачивали исследователей «Второй аналитики».

***

Таким образом, я полагаю, что мы можем считать доказанным, что определением, которое используется в доказательстве в качестве среднего термина, является определение большего термина. Я показал, что в пользу этого говорят все свидетельства текста; я также продемонстрировал, на каких именно ошибках покоится предположение о том, что доказательство происходит через определение меньшего термина. Дополнительный тезис этого раздела, к которому мы пришли в процессе объяснения возникновения последнего ошибочного мнения, заключается в том, несмотря на то, что необходимо, чтобы термины, задействованные в доказательстве, были субстанциально связаны друг с другом, нет никакой необходимости в том, чтобы характер этой субстанциальной связи был отражен в самом доказательстве. Этот последний тезис оказывается крайне важным для понимания структуру доказательного знания, развиваемого в данной работе, и мы еще не раз будем к нему возвращаться.

V. Поиск определений

Итак, в предыдущих разделах мы выяснили, о *каких* определениях говорит Аристотель и определениями *чего* эти определения являются. Таким образом, у нас есть в общих чертах обрисованный набор начал, с которыми мы, согласно «Второй аналитике», должны приступать к построению доказательного знания. Однако перед нами все еще стоит вопрос о том, как именно мы получаем эти определения в свое распоряжение.

Этот вопрос частично пересекается с еще одной проблемой, касающейся определений. Я уже упоминал о ней выше, на странице 210, однако отложил ее в сторону, поскольку, начни я ее обсуждать там, это разорвало бы связность рассуждения. Теперь же пришло время к ней вернуться.

Напомню суть этой проблемы. Дело в том, что, как мы установили во II-м разделе данной главы, определения-посылки представляют собой нечто совершенно отличное от указания на значения (τί σημαίνει) терминов. Об этом свидетельствует тот факт, что значения мы должны изначально знать (постулировать) для всех терминов – в том числе для тех, в существовании которых мы еще не удостоверились – тогда как определения мы можем иметь только для того, о существовании чего нам точно известно. Таким образом, приступая к построению доказательного знания мы не можем иметь в своем распоряжении определений большинства терминов – как минимум, тех субстанциальных свойств, присущность которых субъектам доказательства мы будем доказывать. Однако нам необходимо их иметь – как было показано выше, доказательство присущности субстанциального свойства субъекту доказательства производится при использовании определения субстанциального свойства в качестве среднего термина. В таком случае, используемое нами в доказательстве определение субстанциального свойства либо не является началом (поскольку мы не можем принять его заранее, приступая к доказательству), либо не является определением (поскольку мы не можем знать его, не обосновав существования вещи, а его мы обосновываем только в ходе доказательства).

Это достаточно серьезная проблема, однако она имеет вполне конкретное решение. Более того, я полагаю, что именно этой проблеме и ее решению посвящена первая половина II-й книги «Второй аналитики», а именно главы 1-10.

1) В этих главах (прежде всего в главах 3-10) Аристотель ищет ответ на вопрос: возможно ли некое доказательство определения? Сам по себе этот вопрос звучит странно: в предыдущей книге было ясно сказано, что определение – это начала, а начала недоказуемы. Так зачем же поднимать его? Я полагаю, что причина в том, что он напрямую связан с только что обозначенной проблемой: мы не можем просто постулировать определения субстанциальных свойств (в отличие от определений субъектов доказательства[659]), однако нам каким-то образом необходимо их получить. Поскольку же проблема с их получением заключается в том, что мы не знаем о

[659] Впрочем, и в их случае все не так просто; см. ниже стр. 261-265.

существовании определяемых терминов, а существование обосновывается в ходе доказательства (ходя и не через доказательство), то, возможно, определения необходимо получать именно в ходе доказательств[660].

В общих чертах ответ Аристотеля на затруднение с невозможностью определить вещь, в существовании которой мы еще не убедились, обнаруживается еще в II.1-2. Он заключается в проработке представления о том, как именно происходит исследование, или «поиск» (ζήτησις) ответа на какой-либо вопрос: Аристотель отличает друг от друга вопросы о «ὅτι» (имеет ли нечто место) «διότι» (почему нечто имеет место) друг от друга и устанавливает четкую последовательности, в которой они могут быть заданы: сначала мы спрашиваем (и устанавливаем), имеет ли нечто место, и только затем, если мы выяснили, что имеет, мы можем спросить, почему[661]. Например, мы можем спросить о том, почему Луна затмевается только после того, как установим, что она действительно затмевается: знание факта в любом случае всегда должно предшествовать знанию причины этого факта. Одновременно Аристотель устанавливает четкое соответствие: поиск ответа на вопрос «почему» - это поиск среднего термина и определения[662]. Все это можно пояснить следующим образом. Пусть А – это затмение Луны, Г – Луна, В – причина затмения (загораживание света Солнца, падающего на Луну, находящейся между ними Землей). Согласно Аристотелю, это рассуждение имеет следующую силлогистическую форму:

АаВ
ВаГ
АаГ

[660] Следует заметить, что Аристотель не производит подобного рассуждения сам и, возможно, причины его поиска ответа на вопрос о возможности определения доказательства лежат в другой плоскости. В таком случае на мою реконструкцию следует смотреть только как на удобный способ подвести читателя к проблеме. Как бы то ни было, это не оказывает влияния на правильности дальнейшего обсуждения самой проблемы, поскольку оно практически полностью независимо от этой вводной части.
[661] APo II.1 89b24 сл.
[662] APo II.2 89b37-90a1.

То есть: «затмение» принадлежит «загораживанию света Солнца Землей»; «загораживание света Солнца Землей» принадлежит «Луне»; следовательно, «затмение» принадлежит «Луне».

В таком случае сначала мы узнаем «ὅτι», т.е. факт того, что Луна затмевается. Это соответствует заключению нашего умозаключения – АаГ. Это важный момент, который следует подчеркнуть: в действительности, согласно Аристотелю, мы *всегда* сначала имеем в своем распоряжении заключение того доказательства, которое мы собираемся произвести. Доказательство представляет собой объяснение факта, который перед нами уже имеется[663], а вовсе не дедуктивное выведение нового, ранее неизвестного нам знания из имеющихся заранее более общих посылок. Фактически, оно в большинстве случаев представляет собой поиск среднего термина, а не одного из крайних – а для того, чтобы мы могли искать средний термин, крайние уже должны быть налицо[664]. В приведенном примере мы ищем ответ на вопрос «почему АаГ?», т.е. «почему Луна затмевается?», и таким ответом является определение затмения, т.е. большего термина, термина А – которое представляет собой средний термин В.

Итак, мы уже заранее имеем заключение АаГ. Но в таком случае возникает вопрос: зачем вообще нам нужно доказательство, если мы заранее имеем его заключение? Ответ Аристотеля достаточно прост: несмотря на то, что нам *известно* (γνωρίζομεν), что АаГ, мы *не знаем* (ἐπιστάμεθα), что АаГ. Иначе говоря, у нас есть *мнение* (δόξα) о том, что АаГ, но нету настоящего *знания* (ἐπιστήμη) об этом[665] – поскольку знание мы можем получить только через доказательство[666], которое открывает нам причину[667] обнаруживаемой связи и позволит быть уверенным, что эта связь носит необходимый характер[668].

---

[663] В известной степени это соответствует математической практике, в которой у нас изначально уже есть теорема – утверждение, которые мы доказываем – и мы лишь ищем способ ее доказать. Впрочем, аналогия здесь лишь частичная: процесс математического исследования может привести нас к тому, что утверждение, которое мы пытались доказать, неверно; тогда как в процессе доказательства, о котором говорит Аристотель, мы должны заранее знать, что наше высказывание истинно, однако, пока еще не зная, почему.
[664] Подробнее о порядке доказательства см. в следующей главе.
[665] APo I.33.
[666] APo I.2 71b16-17.
[667] APo I.2 9-12.
[668] APo I.4 73a21-23.

2) Таким образом, обладание заключением до того, как мы осуществили доказательство, не выглядит бессмысленным. Но является ли оно возможным? Дело в том, что Аристотель говорит, что знать о факте (т.е. что АаГ) – это значит знать, что у АаГ имеется некий средний термин, т.е. В, тогда как знать почему АаГ – значит знать, что именно это за средний термин В[669]. Но как возможно одно без другого? Как мы можем знать, есть ли средний термин, не зная, что именно он и себя представляет? Это может не выглядеть столь сложной задачей на первый взгляд, однако необходимо понимать, что Аристотель формулирует ее в терминах «поиска», очевидно отсылая нас к парадоксу «Менона»[670]. Например, в случае затмения, мы, согласно Аристотелю, должны сначала искать, затмевается ли Луна, и только затем, когда поняли, что затмевается[671] – почему. Но как мы найдем, что она затмевается, если мы заранее уже не знаем, что такое затмение – т.е. не располагаем средним термином, определением затмения? Иначе говоря, даже обнаружив лунное затмение, как мы поймем, что это – лунное затмение, если мы еще не знаем, что такое лунное затмение?

Ответу на этот вопрос посвящены главы II.8-10 «Второй аналитики». В II.8 Аристотель в очередной раз задается вопросом, который в предыдущих главах (3-7) разбирался в апорематическом ключе: возможно ли некое доказательство определения? И на сей раз он достаточно неожиданно отвечает, что, несмотря на то, что, строго говоря, доказательства в собственном смысле для сути вещи быть не может, о ней возможно «словесное умозаключение» (λογικὸς συλλογισμός), что в

---

[669] APo II.2 89b37-90a1.

[670] Насколько мне известно, впервые связал эти главы II-й книги с парадоксом поиска «Менона» Болтон: см. блестящее обоснование этой мысли в *Bolton R.* Essentialism and Semantic Theory in Aristotle. P. 516.

[671] Не совсем ясно, представляет ли собой вопрос о факте затмении Луны вопрошание о том, затмевается ли Луна сейчас или же о том, существует ли такая вещь, как лунные затмения в принципе. Существуют разные точки зрения на этот счет. Гомеш-Лобо считает, что речь идет о затмении в конкретный момент времени, и достаточно убедительно показывает, что в этом случае это был бы куда более осмысленный вопрос, чем «существуют ли лунные затмения в принципе»: в самом деле, общий вопрос о существовании лунных затмений в рамках исследовательского поиска выглядит странным, тогда как конкретный вопрос о лунном затмении сейчас может быть вполне оправдан, например, в ситуации, когда ночью мы не видим светящейся Луны: происходит ли сейчас затмение или ее просто скрыли густые облака (*Gómez-Lobo A.* The So-Called Question of Existence in Aristotle, an. Post. 2. 1-2. P. 86-87)? Однако, его позиция тесно связана с его убеждением в том, что вопрос «εἰ ἔστι» представляет собой вопрос не о существовании, а о принадлежности единичного предмета к общему виду («εἰ ἔστι ἔκλειψις;» он понимает, как «есть ли <вот это> – затмение <Луны>?»), которое выглядит крайне неубедительным. Большинство исследователей считают, что речь идет о существовании лунных затмений вообще, однако многие из них признают, что такое чтение в некоторых местах достаточно проблематично. Лично я полагаю, что Аристотель вполне может смешивать эти два смысла, переключаясь с одного на другой – осознанно или нет.

случае Аристотеля означает – «как бы» умозаключение[672]. Дальнейшее рассуждение Аристотеля выглядит приблизительно так: мы знаем «ὅτι» (факт) раньше, чем «διότι» (причину факта, которую Аристотель отождествляет с определением); иногда мы познаем их одновременно, но никогда не бывает, чтобы мы узнавали последнее раньше первого. Однако, как выглядит переход от знания «ὅτι» к знанию «διότι»? Предположительно мы должны использовать знание первого для получения знания последнего – поскольку откуда же еще мы могли бы его узнать. В целом, мы можем узнать «διότι» (т.е. определение), когда мы уже знаем «нечто от самой вещи» (τι αὐτοῦ τοῦ πράγματος)[673] или «нечто от <ее> сути (τι τοῦ τί ἔστι)[674]. Иными словами, для того, чтобы найти определение, мы должны уже знать часть определения. Судя по примерам, мы должны прежде всего знать род определяемого термина, например, что затмение – это некое исчезновение свечения, а гром – это некий грохот в тучах[675]. Аристотель говорит, что, зная подобную часть определения, мы можем построить полное определение с помощью того самого «словесного силлогизма», после чего он присваивает определенным терминам определенные обозначения (А. В, Г – как это обычно и бывает, когда он начинает строить силлогистический вывод) и один за другим приводит несколько примеров, силлогистического рассуждения, призванного проиллюстрировать его мысль. Одна из главных проблем при интерпретации этой главы заключается как раз в том, что, несмотря на обилие иллюстративного материала, с помощью которого Аристотель пытается пояснить свою мысль, читателю очень сложно понять, какое именно рассуждение здесь пытается изобразить Аристотель: он перескакивает с одного примера на другой, постоянно меняя не только тезис, которые он пытается проиллюстрировать, но и закрепленные за буквенными переменными

[672] Слово «λογικός» весьма сложно для перевода и даже для однозначного понимания, однако оно совершенно определенно не имеет смысла «логический» в современном понимании этого слова. На русский язык его чаще всего переводят словом «диалектический», что, хотя и удачно передает интонацию несерьезного отношения к тому, что Аристотель обозначает как «словесное», однако не совсем верно по существу. Аристотель нередко прибегает к следующему приему: начиная доказывать какое-либо положение, он начинает с аргументов, которые он сам называет «словесными» - и как правило, это самые слабые и не относящиеся к существу дела аргументы, к которым он сам относится не очень серьезно. Возможно, «λόγικως» для Аристотеля противопоставляется как «τὸ ἔξω λόγον» по отношению к «τὸ ἐν τῇ ψυχῇ» (APo I.10 76b24-25), т.е. как чисто словесное в противовес касающегося сути дела. В любом случае, когда Аристотель говорит о «словесном умозаключении» он явно имеет в виду умозаключение, которое в каком-то смысле нельзя назвать полноценным.
[673] APo II.8 93a22.
[674] APo II.8 93a29.
[675] APo II.8 93a21-22.

значения терминов: в 93b9 он закрепляет за «A» термин «гром», а уже в b10-11 «A» оказывается «грохотом».

Интерпретации этих сложных глав посвящено множество работ, при этом редко две из них оказываются согласны друг с другом даже в общем смысле того, что хочет сказать здесь Аристотель[676]. К сожалению, у меня нет места, чтобы разворачивать подробную и всесторонне обоснованное прочтение глав II.7-10, необходимое для того, чтобы объяснить замысел II.8 во всех деталях. Поэтому я сразу дам краткий очерк ее интерпретации, без того, чтобы подробно обосновывать по частям каждый из тезисов, входящих в эту интерпретацию.

3) Я полагаю, что приблизительно половина силлогистических рассуждений, которые мы обнаруживаем в главах II.1-2 и II.8-10 – это примеры не собственно доказательства, но именно «словесного умозаключения» к определению, т.е. недоказательного обоснования определения. Подобное недоказательное обоснование необходимо Аристотелю по указанной выше причине: мы не можем иметь определения субстанциальных свойств в момент, когда мы приступаем к построению доказательного знания – т.к. нам необходимо для начала обосновать существование этих свойств. Значит, мы должны будем каким-то образом получить нужные нам определения субстанциальных свойств, когда мы уже будем знать о их существовании, и при этом тот способ, которым мы будем их получать, не должен представлять собой

[676] Помимо комментариев и изданий текста, каждое из которых, разумеется, касается этого места, см. *Mansion S.* Le jugement d'existence chez Aristote. P. 183-197; *Bolton R.* Essentialism and Semantic Theory in Aristotle; *Ackrill J.L.* Aristotle's Theory of Definition: Some Questions on Posterior Analytics II 8-10 // Aristotle on science, the «Posterior Analytics»: proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum / ed. by Enrico Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. 359–384; *Sorabji R.* Definitions: Why Necessary and in What Way? // Aristotle on science, the «Posterior Analytics»: proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum / ed. by Enrico Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. 205–244; *Devereux D., Demoss D.* Essence, Existence, and Nominal Definition in Aristotle's Posterior Analytics II 8-10 // Phronesis. 1988. Vol. 33. No. 1. P. 133–154; *Deslauriers M.* Aristotle's Four Types of Definition // Apeiron. 1990. Vol. 23. No. 1. P. 1–26; *Bayer G.* Definition through Demonstration; *Goldin O.* Explaining an Eclipse P. 101-136; *Charles D.* Aristotle on meaning and essence; *Deslauriers M.* Aristotle on Definition. Leiden, Boston: BRILL. 2007. P. 43-80; *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 108-169.

В отличие от многих других проблем «Второй аналитики», в случае которых существует несколько основных линий понимания содержащего их текста и их решения, в данном случае предлагаемые способы понимания и решения поднимаемых в этих главах проблем почти столь же многочисленны как посвященные этой проблеме работы. По этой причине я не имею в настоящем исследовании возможности даже кратко обозначить традиционные линии интерпретации и указать достоинства и недостатки каждой из них. Обзор некоторых (хотя далеко не всех) интерпретаций можно найти в *Ackrill J.L.* Aristotle's Theory of Definition: Some Questions on Posterior Analytics II 8-10. P. 370–373; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 101–136.

Моя собственная интерпретация этих глав отличается от всех указанных выше. Ближе всего к ней находятся интерпретации Голдина и Бронштейна, хотя и с каждым из них я расхожусь в ряде принципиальных пунктов.

доказательство – поскольку тогда полученные определения не будут началами. В II.8 описывается именно такой способ.

Суть этого способа в следующем. Как было указано, мы должны изначально знать часть определения, которое мы будем «доказывать». Аристотель говорит о «некой» части, однако в действительности для нашего успеха это должна быть, насколько я могу судить, весьма конкретная часть – а именно она должна содержать в себе род определяемой вещи, а также указание на субъект, которому определяемое свойство принадлежит. Примерами такой «части сути» являются «грохот в тучах» для грома и «потеря свечения Луной» для затмения[677].

Здесь можно заметить, что эта «часть определения» совпадает с одним из «видов определения», которые Аристотель описывает немногим позже – в II.10[678]. Некоторые исследователи называют этот вид определения из II.10 «номинальным определением», отождествляя его с указанием на значение вещи (или, по крайней мере, считая его одним из видов такого указания)[679]; я, однако, не вижу для такого отождествления достаточных оснований. Сам Аристотель объясняет этот вид определения как «заключение доказательства о сути <вещи>» (τῆς τοῦ τί ἔστιν ἀποδείξεως συμπέρασμα), и приводит в качестве примера такого определения «грохот в тучах», и это важнее всего. Дело в том, что это в точности указывает нам на то, как должно выглядеть то «доказательство сути вещи», о котором здесь речь. Наше доказательство, очевидно, имеет форму модуса Barbara первой фигуры.

AaB
<u>BaГ</u>
AaГ

[677] Я остановлюсь только на двух наиболее разработанных Аристотелем примерах, которые он использует на протяжении всей II-й книги «Второй аналитики», и даже части I-й (APo I.31) и в отдельных местах «Метафизики» (Metaph VII.17). Остальные примеры, которые можно встретить в II.8 93a23-24 (человек – некое животное, душа – нечто самодвижное) плохо вписываются в общую картину рассуждений Аристотеля и их аутентичность может вызывать подозрение.
[678] APo II.10 94a8-9.
[679] Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W. D Ross. 1949. P. 635; *Bolton R.* Essentialism and Semantic Theory in Aristotle. P. 522; *Devereux D., Demoss D.* Essence, Existence, and Nominal Definition in Aristotle's Posterior Analytics II 8-10. P. 136; *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 141-143 и т.д.

При этом нам известно, что заключение этого доказательства, т.е. АаГ выглядит как «грохот в тучах», или точнее «“грохот” принадлежит “тучам”». Это дает нам два из трех терминов того «доказательства», которое использует Аристотель. Оставшийся термин В – это, вне всякого сомнения, то, что сам Аристотель называет причиной заключения АаГ, т.е. ответом на вопрос о том, почему А принадлежит Г, или, иначе говоря, почему в тучах слышится грохот. В случае примера Аристотеля – это будет термин «затухание огня в тучах», поскольку Аристотель здесь предполагает, что гром происходит именно по причине затухания огня[680]. Таким образом в целом то «доказательство», о котором говорит Аристотель, имеет вид:

«Грохот» принадлежит «затуханию огня»
<u>«Затухание огня» принадлежит «тучам»</u>
«Грохот» принадлежит «тучам»

И именно об этом доказательстве Аристотель говорит чуть выше в II.10, когда говорит о первом, и самом главном виде определения – об определении, которое представляет собой «как бы доказательство, отличающееся от доказательства по положению»[681]. Его собственное пояснение выглядит так: «ведь ответы на вопрос о том, “почему гремит гром”, и о том, “что такое гром” - отличаются <друг от друга по положению>. На первый следует ответить “потому что огонь затухает в тучах”, а <на вопрос> “что такое гром” - “грохот при затухании огня в тучах”. Таким образом, это та же самая формулировка, высказанная другим способом; и в одном случае <перед нами> сплошное (συνεχής)[682] доказательство, а в другом – определение»[683]. В этом пояснении сконцентрировано достаточно много важной информации, однако нам

[680] Тем не менее, не стоит отождествлять это объяснение с его собственной позицией. Как видно из Метеорологики (Meteor. II.9), это позиция Эмпедокла, которую сам Аристотель критикует; в данном случае она, всего скорее, приведена просто в качестве удобной иллюстрации.
[681] APo II.10 94a1-2.
[682] Т.е. предположительно высказанное сплошным текстом вместо того, чтобы последовательно быть представленным в виде ряда «А принадлежит В; В принадлежит Г; следовательно, А принадлежит Г».
[683] διαφέρει γὰρ εἰπεῖν διὰ τί βροντᾶι καὶ τί ἐστι βροντή· ἐρεῖ γὰρ οὕτω μὲν "διότι ἀποσβέννυται τὸ πῦρ ἐν τοῖς νέφεσι"· τί δ᾽ ἐστὶ βροντή; ψόφος ἀποσβεννυμένου πυρὸς ἐν νέφεσιν. ὥστε ὁ αὐτὸς λόγος ἄλλον τρόπον λέγεται, καὶ ὡδὶ μὲν ἀπόδειξις συνεχής, ὡδὶ δὲ ὁρισμός (APo II.10 93b38-94a7).

отсюда необходимо вынести пока только лишь то, что один из видов определения – это формулировка, отличающееся от доказательства только по положению, и пример такого определения - «грохот при затухании огня в тучах». Нетрудно понять, почему это определение названо «как бы доказательством, отличающимся от доказательства по положению»: в самом деле, если мы сравним его с приведенным в конце предыдущего абзаца доказательством, то мы обнаружим в них одни и те же термины, и по существу они несут одну и ту же информацию, отличаясь друг от друга лишь тем, что в одной формулировке она представляет собой сплошной текст, а в другой – рассуждение, оформленное в две посылки и заключение. Таким образом, приведенное в конце предыдущего абзаца «доказательство» - это и есть определение, о котором говорит здесь Аристотель, только изложенное в виде силлогистического рассуждения. Одновременно ясно видно, что это, собственно говоря, даже не определение, но только его определяющая часть, определитель, или definiens[684]. Определением формулировка «грохот при затухании огня в тучах» становится, если добавить к ней спереди определяемый термин, а именно – «гром».

Стоит для полноты картины привести и аналогичный пример с затмением Луны. Итак, затмение – это определяемый термин. В данном случае «доказательство» его определения будет содержать термины «потеря свечения» (А), «загораживание Землей» (В), «Луна» (Г) и будет выглядеть следующим образом:

«Потеря свечения» принадлежит «загораживанию Землей»
<u>«Загораживание Землей» принадлежит «Луне»</u>
«Потеря свечения» принадлежит «Луне»

Определение-заключение в данном случае будет выглядеть «затмение – это потеря Луной свечения». Полное определение будет выглядеть «затмение – это потеря Луной свечения вследствие загораживания Землей» (имеется в виду - падающего на нее света Солнца)[685].

---

[684] Весьма характерно, что Аристотель употребляет на протяжении всего абзаца 93b38-94a10 за исключением последней строки термин «ὅρος», а не «ὁρισμός»; напомню, что некоторые исследователи считают, что первый является специфическим обозначением для definiens'а, тогда как второй – для определения в целом.
[685] APo II.2 90a15-18.

4) Все это позволяет решить сразу ряд проблем, связанных с интерпретацией II-й книги «Второй аналитики».

а) Во-первых, становится более-менее ясна нерегулярность использования переменных в II.8. Дело в том, что Аристотель в этой главе постоянно переключается между двумя наборами переменных, которые соответствуют двум рассуждениям. Один набор переменных: А – грохот, В – угасание огня, Г – тучи. Как видно, это набор переменных, которые обозначают термины, составляющие «как бы доказательство» сути грома и образующие, будучи соединены в одно целое, его definiens. Самого грома среди этих терминов нет – именно поскольку их соединение друг с другом должно дать его определение. Второй набор переменных: А – гром, В – <производящее грохот> угасание огня <в облаках>, Г – тучи. В угловых скобках я привел характеристики, которые отсутствуют в тексте, однако, если я правильно понимаю суть рассуждения Аристотеля, должны им подразумеваться[686]. Этот второй набор переменных разворачивает перед нами уже не «как бы доказательство», а самое настоящее доказательство того, что затмение присуще Луне. В этом доказательстве мы в качестве среднего термина используем полученное нами в ходе «как бы

[686] В тексте переменная В раскрыта просто как «угасание огня», однако я думаю, что мы можем обосновать тезис о том, что в действительности она должна выглядеть именно как «<производящее грохот> угасание огня <в облаках>», т.е. как полная формулировка того определения грома, которое дает первый набор переменных А, Б и Г.
Действительно, в II.2 Аристотель говорит, что «τὸ τί ἐστι» («что это такое?» - т.е. определение) и «διὰ τί ἐστι» («почему?» - т.е. средний термин в доказательстве) – это одно и то же (90a15). После чего (90a15-18) он приводит пример: «Что такое затмение? Потеря свечения Луной вследствие загораживания его Землей. Почему происходит затмение, или почему Луна затмевается? Потому что свечение исчезает из-за заслонения Землей» (τί ἐστιν ἔκλειψις; στέρησις φωτὸς ἀπὸ σελήνης ὑπὸ γῆς ἀντιφράξεως. διὰ τί ἔστιν ἔκλειψις, ἢ διὰ τί ἐκλείπει ἡ σελήνη; διὰ τὸ ἀπολείπειν τὸ φῶς ἀντιφραττούσης τῆς γῆς). Значит, то «τὸ τί ἐστι», о котором здесь речь – это именно полное определение затмения («потеря свечения Луной вследствие загораживания его Землей»), и оно должно совпадать со средним термином доказательства о том, что Луна затмевается. Это одно уже говорит, что средний термин должен иметь вид полного определения. Однако можно еще дополнительно заметить, что этот средний термин, который для Аристотеля идентичен ответу на вопрос «почему?», будучи сформулирован как «потому что свечение исчезает из-за заслонения Землей», дан здесь полнее, чем в II.8: из трех терминов А, В и Г, составляющих полное определение затмения, здесь даны А (потеря свечения) и В (загораживание Землей). В то же время в II.8 93b9-10 и II.10 94a3-4 ответ на вопрос «почему гремит гром?», который также должен указывать на средний термин в доказательстве (который в свою очередь должен быть идентичен полному определению), дан в виде «потому что огонь угасает в тучах». В этом указании на средний термин в свою содержатся термины В (угасание огня) и Г (тучи).
Таким образом, несмотря на то, что в II.8 средний термин доказательства того, что гром присущ облакам разъясняется просто как «угасание огня» (т.е. из трех терминов полного определения используется лишь В), мы можем найти, с одной стороны, место, в котором средний термин подобного доказательства содержит термины А и В полного определения, а с другой – место где он содержит термины В и Г полного определения. Это дает основание предположить, что в действительности средний термин этого доказательства содержит все три термина этого определения, просто они по не до конца ясным причинам оказались опущены. Это можно дополнительно подкрепить тем соображением, что Аристотель явно опускает некоторые термины и в других местах: например, спрашивая «что такое гром?» он отвечает «угасание огня в тучах» (APo II.8 93b7-8), тогда как полный ответ, указанный в II.10 – «грохот из-за угасания огня в тучах» (APo II.10 94a5).

доказательства» определение затмения. И это позволяет нам доказать, что Луна находится в затмении, поскольку то, что происходит с Луной – попадает под установленное нами определение затмения.

б) Во-вторых, теперь мы можем объяснить в каком смысле «как бы доказательство» определения является доказательством определения – т.е. объяснить, что имеет в виду Аристотель, когда в конце II.10 говорит, что мы выяснили «в каком смысле существует доказательство сути, а в каком – его не существует»[687]. Речь в данном случае должна идти о полном определении, например, для грома – о «грохоте при затухании огня в тучах». Его доказательства не существует в том смысле, что не существует доказательства, где из набора посылок выводилось бы это определение; т.е. нет такого силлогизма, заключением которого оно бы являлось. В то же время существует такое доказательство, которое повторяет его своей структурой, т.е. которое является этим самым определением, умещенным в силлогистическую форму. Другими словами, Аристотель в данном случае играет на двусмысленности словосочетания «доказательство определения»: определение в этом доказательстве не доказывается, но это рассуждение действительно в известном смысле является «доказательством определения»[688].

в) Наконец, в-третьих, такое понимание позволяет нам ответить на изначально поставленную в данном разделе проблему: как мы приобретаем определения субстанциальных свойств, и можем ли мы считать их началами, если они не могут находится в нашем распоряжении до начала построения доказательного знания? Мы приобретаем их в ходе подобного «как бы доказательства» сути этих свойств. Мы действительно не имеем их в своем распоряжении изначально и действительно обосновываем их в ходе определенного рода рассуждения и исследования. Однако это рассуждение и исследование не является доказательством. Если же они не доказываются, то они вполне попадают под определение начал доказательного знания.

---

[687] APo II.10 94a14-15.

[688] Ср. *Aristotle*. Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed. by W.D. Ross. P. 631–632; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 126–128. *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 139; 150-152.

5) Однако, несмотря на то, что предложенное понимание учения о «как бы доказательстве» определения позволяет решить множество проблем, которые ставит перед нами текст, само по себе оно не дает ответа на ряд важных вопросов. Главным из них является следующий: если мы конструируем определения необходимых нам для доказательства субстанциальных свойств из набора частей – например, берем род («грохот»), субъект («тучи») и прибавляем причину принадлежности рода субъекту («затухание огня») – то откуда мы берем сами те части, из которых мы конструируем это определение?

Я полагаю, что, в целом, ответ на этот вопрос является вариацией того ответа, который дает на вопрос об узнавании начал II.19. В этой главе Аристотель говорит, что мы узнаем термины (или, что, как я полагаю, то же самое, значения терминов) путем индуктивного обобщения чувственно воспринимаемых предметов. В случае этой главы речь очевидно идет о началах-терминах – именно их мы познаем, индуктивно обобщая наши опытные данные. Однако ничто не мешает, чтобы мы проделывали ту же операцию и с высказываниями: множество раз чувственно воспринимая, что определенное свойство присуще определенному предмету (и уже различия их, потому что мы имеем соответствующие термины, полученные в ходе индукции терминов), мы можем сформировать представление о том, что определенное свойство всегда присуще определенному предмету. Более того, Аристотель прямо говорит, что так оно и происходит в I.1 «Метафизики», где мы имеем параллельное II.19 «Второй аналитики», но отличающееся от него в ряде существенных деталей описание эволюции когнитивных способностей живых существ[689]. В ходе этого описания он отличает «опыт» от «знания»: опытный человек знает, что дело обстоит таким-то образом, но не знает, почему, тогда как знающий человек – знает не только, что дело обстоит так-то, но и причину этого[690]. Иными словами, опыт дает человеку знания факта (ὅτι), а доказательное знание – причины (διότι). Таким образом, факт того, что нечто присуще чему-то иному мы можем получать, как минимум, в

[689] Metaph I.1 980a20 сл.
[690] Metaph I.1 980b28 сл.

результате индуктивного обобщения чувственных данных, дающего нам опытность в каком-то вопросе.

Это решение в той или иной мере применимо к каждой из тех частей определения, которые мы выстраиваем в «как бы силлогизм».

а) *Субъект*. Поиск любого определения субстанциального свойства мы начинаем, уже зная тот субъект доказательства, которому оно присуще («Луна») – просто по условию, которое Аристотель выставляет для процедуры поиска[691] и построения доказательного знания[692]. Нам также изначально известно (γνωρίζομεν), что свойство, определение которого мы ищем, принадлежит субъекту (хотя мы пока еще и не знаем (ἐπιστάμεθα) этого в строгом смысле) – знакомство с этим фактом мы получили как раз в результате индуктивного обобщения опытных данных («“гром” принадлежит “тучам”»).

б) *Род*. Далее, для того, чтобы построить такое определение, о котором Аристотель говорит в II.8-10, мы должны иметь «нечто от сути» свойства, а это, как мы видели выше, предполагает понимание не только субъекта доказательства, которому присуще свойство, но рода, к котором принадлежит это свойство. Фактически, от нас требуется, чтобы мы представляли себе, что представляет собой это субстанциальное свойство в общих чертах (род) и какому субъекту оно принадлежит. Последнее мы уже знаем. Первое мы можем сформулировать просто потому, что знаем значение того субстанциального свойства, определение которого мы ищем. Как я указывал выше, некоторые исследователи считают, что «нечто от сути», фактически, эквивалентно значению термина и приводят ряд достаточно интересных доводов в пользу этой позиции. Я, однако, полагаю, что, поскольку Аристотель, во-первых, нигде не отождествляет их прямо, а во-вторых, как правило, говорит, что значение нужно «только понимать» (хотя в то же время очевидно и допускает возможность сформулировать его в словах[693]), у нас нет достаточных оснований для столь сильного отождествления. Мы понимаем значение термина, который обозначает

[691] APo II.1.
[692] APo I.10 76a31-36; b3-11.
[693] См. APo I.10 76b19-22; II.7 92b26 сл.; II.10 93b29-32. Ср. Metaph IV.4 1006a28-32.

искомое нами свойство, и это позволяет сформулировать нам некое общее представление о предмете, чем он является в принципе – т.е. его род (гром – это некий грохот; затмение – некая потеря свечения)[694]. Отождествление значения с «чем-то от сути» вовсе не обязательно, хотя и не невозможно.

в) *Средний термин*. Это, вне всякого сомнения самая сложная часть поиска определения. Действительно, допустим у нас есть род определения и субъект определяемого свойства. Вместе они дают нам тот вид определения, которое Аристотель называет «заключением доказательства», или иначе говоря, «нечто от сути». В нашем случае мы приходим к тому, что затмение – это некая потеря свечения Луной. Далее мы задаемся вопросом: почему происходит подобная потеря свечения? Ответ на этот вопрос («потому что Земля заслоняет падающий на Луну солнечный свет») даст нам недостающую и ключевую часть определения. Однако, как мы ищем сам этот ответ?

Прежде всего, стоит указать, как мы этого *не делаем*. Мы не повторяем все сначала – т.е. не пытаемся найти причину потери Луной света, составляя новый «как бы силлогизм» - это увело бы нас в бесконечность. Некоторые пассажи Аристотеля в II.8 могут показаться говорящими о том, что, установив «ὅτι», мы далее ищем «διότι» (т.е. средний термин – т.е. как раз указанную часть определения) через новый ряд силлогизмов, однако это ошибочное понимание – в действительности он говорит там о возможности силлогизмов, которые дают нам «ὅτι» (т.е. подтверждают факт), но не «διότι» (т.е. не выявляют его причины)[695]. Средний термин «как бы доказательства» не подлежит никакому подобию силлогистического вывода – в том числе и другому «как бы доказательству». Я полагаю, что именно его – т.е. такой средний термин как «заслонение Землей» - Аристотель может подразумевать в II.10 под третьим видом определения, «недоказуемым тезисом о сути <вещи>»[696].

Я думаю, что объяснение Аристотеля того, как мы постигаем эту часть определения, обнаруживается не во «Второй аналитике», а в «Первой аналитике». В

[694] Ср. *Deslauriers M.* Aristotle's Four Types of Definition. P. 16-21.
[695] APo II.8 93a35-b2.
[696] θέσις <…> τοῦ τί ἐστιν ἀναπόδεικτος (APo II.10 94a9-10).

I.30 этого трактата Аристотель говорит о том, что начала всякого знания доставляются опытом (ἐμπειρία) и исследованием (ἱστορία) относящихся к этому знанию явлений (τὰ φαινόμενα) – и только произведя исчерпывающее исследование явлений мы сможем построить доказательство нужного нам знания[697]. Более того, Аристотель очень удачно для нашего примера лунного затмения поясняет, что именно так действует астрология: она набирает нужно количество наблюдений и только затем может построить доказательства. Что еще интереснее, в нескольких местах «Второй аналитики» Аристотель прямо говорит о том, что мы можем познать причину затмения (т.е. заслонение Луны Землей от света Солнца) в результате чувственного восприятия[698]. В обоих случаях это выглядит как гипотетическая ситуация, когда мы оказались на Луне и видим, что Земля заслоняет Солнце и сразу же понимаем, отчего бывает затмение. Я, конечно, ни в коем случае не имею в виду, что Аристотель подразумевает, что мы должны искать причину затмения подобным образом – ясно, что это лишь мысленный эксперимент. Однако здесь важен сам факт того, что мы обнаруживаем самую главную часть определения в результате наблюдения и чувственного восприятия – в случае I.31 повторяемого несколько раз, в случае II.2 даже однократного. Пример со взглядом на Землю с Луны можно считать просто определенным преувеличением: для Аристотеля он важен тем, что дает такую ситуацию, в которой мы можем ухватить причину затмения немедленно, практически без всякого дальнейшего исследования – поскольку она столь очевидно предстает перед нами. Взгляд с Луны лишь дает сверхблагоприятные условия для нашего исследования; находясь на Земле, мы пребываем в менее благоприятных условиях, и наше исследование должно быть более долгим и трудоемким, однако это все так же будет прежде всего именно эмпирическое исследование. Это еще яснее видно на примере другого определения Аристотеля: определения «опадения листьев» как «затвердевания сока семени у черенка <листа>». Вполне ясно, что никаким иным способом, кроме тщательного эмпирического исследования, такое определение получить нельзя.

[697] APr I.30 46a17-26.
[698] APo I.31 и II.2

Как видно, в целом, отыскание частей определения протекает не сильно отличающимся от описанного в II.19 Аристотелем способа: мы имеем дело с чувственным опытом, и с помощью способности индуктивного обобщения формируем определенные устойчивые представления. Бросающееся в глаза отличие в том, что в II.19 речь шла о терминах, а в нашем случае речь идет о суждениях. Однако есть и еще одно, куда менее заметное, однако, возможно, куда более важное отличие. Дело в том, что описанный в II.19 процесс осуществляется, насколько можно судить, помимо нашей воли и представляет собой пассивное формирование понятий под воздействием предметов чувственного мира. Тогда как отыскание определений и их частей – это сознательный, активный поиск, осуществляемый исследователем для прояснения сущности какого-либо явления или процесса.

6) Стоит заметить, что это не единственный способ поиска определения, который предлагает «Вторая аналитика»: в II.13 описаны еще, как минимум, три способа их поиска. Все они, правда, насколько я могу судить, достаточно плохо согласованы друг с другом, и ни одно из них, в отличие от разобранного выше способа, не имеет прочной связи с текстом II-й книги «Второй аналитики» в целом. Однако вполне возможно, что они имеют свою роль в картине доказательного знания Аристотеля – либо в качестве альтернативы описанному методу, либо как способы поиска определений другого вида. Например, первые два способа, судя по всему, подразумевают, что они должны применяться для поиска определений субъектов доказательства, а не субстанциальных свойств: первый[699] проиллюстрирован примером поиска определения тройки, которая явно является субъектом доказательства, а второй задействует деление[700] – процедуру прочно связанную с установлением неделимых видов рода – и опять же приводит в пример «птиц» и «рыб», в которых опознаются скорее субъекты доказательства, чем субстанциальные свойства[701].

[699] APo II.13 96a24-b14.
[700] APo II.13 9625-97b6.
[701] Ср. *Орлов Е.* Философский язык Аристотеля. С. 121. Ср. также понимание II.13 Бронштейном, который считает, что эта глава вовсе не является фрагментарной, непоследовательной и слабо связанной с остальной «Второй аналитикой»,

Однако возникает вопрос: нужны ли вообще для построения доказательного знания определения субъектов доказательства? Ведь если верно то, что я говорил выше, то эти определения никак не используются непосредственно при построении доказательного знания: средним термином в доказательных силлогизмах всегда служат определения больших терминов, т.е. субстанциальных свойств.

Необходимость определений субъектов доказательства можно попытаться подкрепить ссылкой на II.10, где Аристотель выделяет различные виды определений. В этой главе он называет четыре вида, однако при подведении итога главы перечисляет всего три, опуская первый из перечисленных – «формулировку значения вещи или иную подобную имени формулировку» (λόγος τοῦ τί σημαίνει τὸ ὄνομα ἢ λόγος ἕτερος ὀνοματώδης). Остальные причисленные в главе, а также при подведении ее итогов (а кроме того, встречающися в таком составе и в других местах «Второй аналитики» - например, APo I.8 75b31-32) виды определений таковы: 1) умозаключение, отличающее от доказательства по положению 2) заключение доказательства 3) недоказуемая формулировка сути вещи.

Первый и второй виды определений достаточно просто соотнести с примерами самого Аристотеля: под первым, видимо, подразумевается полное определение, получаемое в ходе «как бы доказательства» («потеря Луной свечения вследствие заслонения Землей»), под вторым, очевидно, имеется в виду заключение такого «как бы доказательства» («потеря свечения Луной»). Третий же вид определения обычно отождествляется как раз с определениями субъектов доказательства – они, в отличие от определений субстанциальных свойств, не поддаются «как бы доказательству», и потому обозначаются как «недоказуемые».

Однако с этим пониманием есть несколько проблем.

Прежде всего, несмотря на понимание третьего вида определений как определений субъектов доказательства является традиционным, его нельзя назвать бесспорным. У нас есть неплохое альтернативное объяснение того, что может иметься

но, напротив, исходит из ее глубокой связи с доктриной этого трактата и безупречной последовательности (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 189–210)

в виду под этим третьим видом определений. Я полагаю, что под ним Аристотель может подразумевать средний термин «как бы доказательства» - ту часть, при присоединении которой ко второму виду определения, мы получаем первый вид определения («заслонение Землей»). Действительно, во-первых, это определение, в отличие от остальных двух, является «недоказуемым» ни в каком смысле, а также может считаться «определением неопосредованных»[702] – поскольку выражено в неопосредованной «как бы» посылке «как бы» доказательства. Во-вторых, такое понимание позволяет ответить на вопрос о том, почему Аристотель перечисляет здесь только три вида определений, тогда как в главе речь шла о четырех. Дело в том, что все эти три вида определений тесно связаны друг с другом: первое представляет собой объединение второго с третьим. Четвертый вид определений, который не имеет никакого отношения к указанных трем, упоминать нет никакого смысла.

Другой проблемой в отождествлении третьего вида определений II.10 с определениями субстанциальных свойств является тот факт, что определения этого вида названы «началом доказательства»[703], что подразумевает, что они должны быть непосредственно задействованы в ходе доказательства в качестве посылок. Что возвращает нас обратно к тому, что этого не происходит и вновь ставит под сомнение целесообразность вообще говорить о них.

Итак, нужны ли нам для построения доказательного знания определения субъектов доказательства? Хитрость заключается в том, что они не нужны нам непосредственно *для* построения, но нужны *при* построении. Они действительно не используются для построения доказательств в качестве посылок. Однако у них есть своя роль, связанная с тем, что, как я показал это выше[704], установление того, что термины связаны друг с другом субстанциальным образом и доказательство того, что один термин присущ другому – это отличные друг от друга и осуществляющиеся на разных этапах исследования процессы. Роль определений субъектов доказательства связана с тем, что только с их помощью мы, как правило, можем установить, что

[702] APo II.10 94a9.
[703] APo I.8 75b31-32.
[704] См. стр. 236-244.

определенные термины связаны друг с другом субстанциально – а это является необходимым условием того, чтобы вообще приступать к доказательству. Например, не зная определения пятерки (прежде всего – того, что в него в качестве рода входит термин «число»), мы знали бы, что свойство «нечетности» присуще ей субстанциальным образом, а, значит, не могли бы его доказывать[705].

Таким образом, определения субъектов доказательства – это еще один, важный для модели доказательного знания «Второй аналитики» вид определений, которым нельзя пренебрегать. Вопрос о том, как мы их получаем, однако, сложнее. Я согласен с тем, что определения этого вида, судя по всему, нельзя обосновать способом, предложенным в II.8-10, однако Аристотель в 93a23-24, видимо, подразумевает обратное, приводя «человека» и «душу» в числе терминов, для которых возможно подобное обоснование. Это свидетельство, однако, не является определяющим для окружающего текста и вполне может быть случайной оговоркой или даже интерполяцией. Методы, предложенные в II.13, могут помочь нам найти определение субъектов доказательного знания, однако сама эта глава, как было указано выше, очень слабо связано с доктриной «Второй аналитики». Я не могу также с уверенностью сказать, должны ли мы в итоге понимать под определением третьего вида в II.10 понимать определение субъекта доказательства или все же средний термин «как бы доказательства». Как бы то ни было, и тот, и другой вид определений является важным для модели доказательного знания «Второй аналитики», хотя каждый из по-своему.

---

[705] Другое, на мой взгляд, весьма привлекательное объяснение необходимости дать субъектам доказательства определение, предложено Бронштейном (*Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning. P. 114-120). Он замечает, что для того, чтобы построить доказательное умозаключение PaM, MaS -> PaS, мы должны заранее знать, что P, предикат нашего доказательного умозаключения, являются доказуемым свойством для S, субъекта нашего умозаключения. Однако, даже если мы знаем, что P принадлежит S необходимым образом (т.е. одно не встречается без другого), это еще не означает, что P является доказуемым свойством для S, поскольку все еще возможно, что P является часть сути (τὸ τί ἐστι), т.е. определения S, а свойства, являющиеся частью сути (т.е., фактически, элементы определения S), недоказуемы для S. Именно для того, чтобы гарантировать, что все P, в отношении которых мы будем производить исследование и доказательство, являются именно доказуемыми свойствами, мы должны сначала установить определение S – поскольку только в таком случае имеющееся у нас заранее знание всех терминов, входящих в это определение, позволит нам не перепутать один из них с доказуемыми свойствами и не затеять таким образом доказательство недоказуемого.
Эта интерпретация, однако, требует введения ряда дополнительных предположений, обсуждать которые в данной работе я не готов.

***

Итак, в настоящей главе были установлены несколько важных тезисов. Во-первых, я показал, что традиционное понимание определения как формулировки сути вещи совместимо с предикативным прочтение гипотез в I.2. Во-вторых, я обосновал, что, несмотря на то, что для построения доказательного знания необходимы такие определения, другим необходимым видом начал являются начала-термины, которые можно отождествить с указаниями на значения. Далее, я доказал, что определение в структуре доказательства всегда является большей посылкой силлогизма, дополнительно обосновав при этом тезис о том, что процесс установления субстанциальной связи между терминами доказательства и процесс доказательства присущности субстанциальных свойств субъектам доказательства разнесены во времени. Наконец, я кратко разобрал главы II.8-10 «Второй аналитики» и рассмотрел вопрос о том, как мы обнаруживаем определения.

Глава 5. Структура доказательного знания

I. Этапы построения доказательного знания

Мы коснулись уже большинства вопросов и решили большинство проблем, которые необходимо было решить для того, чтобы иметь возможность понять, как представляет себе процесс построения доказательного знания Аристотель. Фактически, практически все необходимое для построения доказательного знания уже в наших руках. Мне остается только упорядочить процесс этого построения, разбив его по шагам. Большинство этих шагов уже были рассмотрены в ходе этой работы, только вне того порядка, в котором они буду даны ниже: в их случае я лишь кратко характеризую их и напоминаю читателю, что они представляют собой и для чего нужны. Однако на некоторых шагах я должен буду остановиться чуть подробнее, поскольку обсуждать их с нужной степенью мне ранее не представлялось случая.

1) Получение сведений, необходимых для построения доказательного знания, начинается задолго до того, как мы непосредственно приступаем к его построению. Задолго до того, как мы сможем приступить к целенаправленному возведению здания доказательного знания, мы должны уже быть знакомы с а) началами-терминами б) пропозициями, выражающими факты (ὅτι ἔστι) в) аксиомами.

а) *Начала-термины* представляют собой те термины, которые будут содержаться в посылках, которые будут использованы в процессе построения доказательного знания. Я уже обсуждал этот вид начал достаточно подробно выше[706]. Кратко напомню основные важные сведения, касающиеся него.

Прежде всего, я склонен отождествлять начала-термины со значениями (τὶ σημαίνει) слов из I.1 и I.10 – поскольку не вижу большой разницы между обладанием термином и пониманием его значения. Этот вид начал, таким образом, необходим нам

[706] См. выше стр. 212-223.

просто потому, что, не имея его, мы просто не будем понимать, о чем идет речь при попытке построить не только доказательство, но и вообще какую бы то ни было осмысленную речь (λόγος). Это значения не являются в собственном смысле дискурсивными единицами (их нужно «только понимать»[707]), однако при необходимости они могут (хотя и не ясно, во всех ли случаях[708]) быть сформулированы дискурсивным образом[709]; однако даже в этом случае они совершенно точно не используются в качестве посылок в доказательстве.

Во «Второй аналитике» есть целый ряд мест, в которых Аристотель очевидно говорит о началах-терминах (а не началах-посылках)[710], но самым важным из них является глава II.19. Необходимо отметить, что среди исследователей достаточно тех, кто полагает, что в II.19 речь идет все же именно о началах-посылках, однако все они признают[711], что эта интерпретация проблематична, так что для того, чтобы прочитать текст подобным образом, необходимо предпринимать серьезное интерпретационное усилие. В целом, желание прочитать II.19 как имеющую в виду начала-посылки, а не начала-термины связано с естественным стремлением не умножать сущности (т.е. в данном случае количество начал), в ситуации, когда Аристотель эксплицитно говорит только о началах-посылках, и никогда – о началах-терминах. Однако, отказ умножать сущности обоснован, как известно, только в отсутствие такой необходимости, тогда как здесь необходимость налицо: как я уже показал выше, хотя Аристотель действительно нигде не говорит прямо, что один из видов начал – это термины, в ряде мест он отчетливо говорит о началах, которые не могут быть прочитаны иначе. Что касается самой главы II.19, то в ее случае не оставляют сомнений примеры начал, которые приводит Аристотель: «Каллий», «человек», «животное» - все это начала-термины, а не начала-посылки. Нельзя также сказать, что описанное в данном фрагменте получение такого начала, как «человек» - это то же самое, что получение определения этого термина, и поэтому получение начал-терминов одновременно

[707] APo I.1 71a13; 10 76b37.
[708] Например, возможно ли сформулировать значение такой аксиомы как принцип равных остатков (APo I.10 76b22)?
[709] Об этом ясно свидетельствует, например, APo II.10 93b29-32.
[710] APo I.6 74b25; APo I.10 76a31-36; b3-22; APo I.32 88b21 и т.д.
[711] См. прим. 615.

влечет за собой получение начал-посылок[712]. Такое объяснение основывается на непонимании того, что представляют собой определения, использующиеся в доказательном знании как посылки; если быть точнее, то здесь перед нами некритическое отождествление определений-посылок из I.2 с указаниями на значения из I.10 и I.1, которое, как я уже показал выше, в корне неверно. Прибегающие к такому объяснению авторы правы в том, что обретение терминов эквивалентно обретению их значений, однако ошибаются, считая указания на значения эквивалентными определениям и, таким образом, посылками. Да, обретая термины II.19, мы обретаем понимание их значений. Но это не выводит нас немедленно к обретению посылок.

В целом, на вопрос о том, какой вид начал мы обретем, согласно II.19, нужно ответить следующее: *по крайней мере*, начала-термины (это прямо следует из текста); однако не исключено, что в существенной степени тот же самый механизм, который II.19 описывает как доставляющий в наше распоряжение начала-термины, работает и на иных этапах для заполучения нами других видов начал (см. ниже).

Теперь следует перейти к вопросу о том, что именно представляет собой этот механизм, который описывает II.19. Если говорить коротко – то этот механизм представляет собой индуктивную способность человеческого сознания, основанную в свою очередь на способности чувственного ощущения. Множество раз воспринимая какой-то предмет, мы постепенно формируем в нашей душе понятие о нем: воспринимая людей, мы формируем понятие «человека», сравнивая это понятие с другими имеющимися у нас похожими понятиями, мы обретаем понятие «животного» и т.д. Самыми важными в этом описании Аристотеля являются три уже перечисленных элемента – что этот процесс основан на чувственном восприятии, что он происходит по индуктивному принципу, что теми началами, которые мы получаем в итоге, являются начала-понятия, или начала-термины.

Все остальные вопросы, касающиеся механизма восприятия, начал, являются в известной мере вторичными для целей данной работы, хотя и достаточно интересными

[712] *Kahn C.H.* The Role of nous in the Cognition of First Principles in Posterior Analytics II 19. P. 287-297; Aristotle's Posterior Analytics / ed. by J. Barnes. P. 271.

сами по себе, и поэтому я не стану разбирать их здесь подробно, ограничившись описанием тех их решений, которые кажутся мне наиболее разумными.

В том, что касается сложной проблемы соотношения ума (νοῦς) и индукции (ἐπαγωγή) в процессе получения начал в II.19, то здесь наиболее разумным мне кажется следующее решение, впервые ясно сформулированное Барнсом[713]: в 99b32-100b5 и 100b6-16 разбираются разные вопросы: в первом месте разбирается вопрос о том, какая способность (δύναμις) помогает нам познать начала, а в 100b6-16 – вопрос о том, какая черта <души> (ἕξις) отвечает за знание начал, когда они уже есть в нашем распоряжении. Способность (δύναμις) и черта (ἕξις) – это совершенно разные вещи в психологии Аристотеля[714]; таким образом, в одном случае перед нами стоит вопрос о том, чем мы познаем начала (забота Аристотеля здесь – генезис начал в нашей душе), а во втором – чем мы их знаем (здесь его забота состоит в том, чтобы предложить такую черту, которая была бы не менее точной, чем знание-ἐπιστήμη). В целом, соотношение индукции и ума в процессе познания начал можно описать крайне удачной формулировкой Харари: индукция относится к уму так же, как доказательство к знанию: в обоих случаях первый член есть метод для достижения второго, а второй член – определенное когнитивное состояние[715].

В вопросе о том, какую именно способность имеет в виду Аристотель, когда говорит о врожденной способности, способствующей нашему обнаружению начал (99b32-34), я придерживаюсь самого простого понимания: речь о чувственном восприятии.

Необходимо сделать еще несколько замечаний о данном этапе нашего познания. Во-первых, характерной чертой обретения начал-терминов, как уже было отмечено выше, является то, что оно происходит нецеленаправленно и не результате осознанного поиска: люди формируют понятия в известном смысле автоматически, хотят они того или нет. Во-вторых, хотя этот этап служит, вне всякого сомнения,

[713] Aristotle's Posterior Analytics. P. 248–250 /ed. by J. Barnes, 1975.
[714] См. EN II.4. Перевод этих психологических терминов одним и тем же словом «способность» в русском издании полностью скрывает от читателя суть рассуждения Аристотеля; впрочем, даже с более точным переводом других изданий решение этой проблемы вовсе не очевидно.
[715] *Harari O.* Knowledge and Demonstration. P. 19.

началом всякого нашего познания, строго говоря, нельзя сказать, что сам он имеет четкую границу, за которой он бывает завершён: на протяжении всей нашей жизни мы можем формировать все новые и новые понятия, сталкиваясь в опыте со все новыми явлениями. Я полагаю, что частично именно отсюда проистекает хорошо известная увлеченность Аристотеля явлениями, которые «не имеют имени» (ἀνόνυμον), но, по его мнению, определенно являются единым термином[716].

б) Подобно тому, как нецеленаправленно и не стремясь к этому сознательно мы можем усваивать термины, точно так же мы можем постигать и определенные суждения. Частично я этого уже касался выше, однако это все же требует более подробного пояснения.

Действительно, как я уже отмечал выше, если мы обратимся к в определенной степени параллельной II.19 «Второй аналитики» I.1 «Метафизики»[717], где также описывается лестница когнитивных способностей, ведущих нас к знанию (ἐπιστήμη), то мы увидим, что, пройдя по похожим ступеням (ощущение-воображение-память-опыт-искусство и знание), Аристотель подробнее останавливается здесь на опыте, из которого, по его словам, «возникают искусство и знание». При этом по приводимым им примерам видно, что в данном случае он имеет в виду усвоение истинности некоторых суждений («Сократу при такой-то болезни помогло такое-то лекарство»; «при такой-то болезни флегматикам всегда помогает такое-то лекарство»), а не терминов. Такое усвоение, так же, как и усвоение начал-терминов, может происходить и, вероятно, с точки зрения Аристотеля, действительно происходит скорее неосознанно: мы видим какое-то положение дел один, второй, третий раз и постепенно усваиваем общее правило, не особенно прилагая к тому усилия.

Итак, подобно тому, как мы можем нецеленаправленно усваивать термины, мы можем также нецеленаправленно усваивать и суждения. Но что это именно за суждения? И о чем нам это говорит?

---

[716] См. Index Arist. 69a2-25.
[717] Metaph I.1 980b1-981b10

Прежде всего, у нас возникает искушение вернуться к теории о том, что Аристотель считает, что точно так же, как мы усваиваем начала-термины в II.19, мы можем усваивать начала-посылки. Действительно, он описывает здесь процесс получения суждения в тех же терминах, в которых в II.19 описывается обретение начала: как формирование универсалии (τὸ καθόλου) на основании отдельных случаев (τὰ καθ ἕκαστα)[718], да и общая лестница когнитивных способностей, по ступеням которой он проходит в I.1 «Метафизики» практически идентична той, что он выстраивает в II.19 «Второй аналитики»[719]. Однако все же заключение о том, что Аристотель говорит здесь об обретении посылок-начал была бы ошибочна. Во-первых, здесь вообще не звучит слово «начало» – и не случайно, а потому что речь здесь в принципе, в отличие от II.19 «Второй аналитики» идет не о началах; предмет нынешней дискуссии – просто знание и его возникновение. Во-вторых, следует обратить внимание на то, о получении каких именно суждений говорит здесь Аристотель. Прежде всего, указанным образом мы можем усвоить сведения об отдельных случаях («Каллию при этой болезни помогло такое-то лекарство»; «Сократу при этой болезни помогло такое-то лекарство»), впрочем, если следовать общей логике Аристотеля, индуктивно мы вполне можем сделать и опытное обобщение («таким-то людями при этой болезни помогает такое-то лекарство»), хотя сам Аристотель говорит, что это уже как раз скорее точка зрения искусства (=знания)[720]. Тем не менее, несколькими строками ниже он, вполне в согласии с доктриной «Второй аналитики», указывает на совсем другое основное отличие знания от опыта: имеющему опыт известен факт (τὸ ὅτι), а имеющему знание – причина этого факта (τὸ διότι)[721]. Говоря языком «Второй аналитики», это значит, что опытность может дать нам знание не более чем заключений тех силлогизмов, которые мы будем использовать в

[718] APo II.19 110a15-b3; Metaph I.1 981a5-7.
[719] Этому искушению в какой-то мере поддается, например, Филопон (Ioannis Philoponi in Aristotelis Analytica Posteriora Commentaria. P. 8.20-10.12), хотя он, строго говоря, и не называет, как он говорит, «искомое» началом, ограничиваясь формулировкой «то, что нужно предварительно принять» (τὰ προλαμβανέσθαι ὀφείλοντα).
[720] Metaph I.1 981a5-12.
[721] Metaph I.1 981a28-30.

доказательстве, дающем нам знание, но никогда не посылки – при том, что началами являются именно посылки[722].

Итак, набираясь опыта в ходе чувственного освоения мира, мы можем нецеленаправленно усваивать два вида суждений. Первый вид – частные, вернее, даже единичные суждения: суждения об отдельных случаях, которыми мы, фактически обязаны нашей памяти. Второй вид – из этих единичных суждений мы извлекаем универсальное правило, которое можем успешно использовать в нашей деятельности[723], не зная, тем не менее, лежащих за ним причин и оснований. Для того, чтобы в собственном смысле знать полученное таким образом суждение, нам понадобится еще обнаружить причину, по которой оно истинно – или, иначе говоря, найти все средние термины, которые лежат между его субъектом и предикатом.

Стоит отметить, что этот этап, подобно предыдущему, имея достаточно четкую нижнюю границу (такой границей является обладание терминами – не зная их, мы не можем оперировать языком), не имеет четкой верхней и, в сущности, не прекращается никогда, постоянно продолжаясь вне зависимости от того, занимаемся мы чем-то подобным построению доказательного знания или нет.

в) Третьим элементом, который мы воспринимаем нецеленаправленно и задолго до того, как приступаем к построению доказательного знания, являются *аксиомы*. Трудно сказать, врождены ли они нам, с точки зрения Аристотеля, или же мы каким-то образом приходим к ним на очень раннем этапе своей жизни (о получении этого вида начал Аристотель ничего не говорит), однако не возникает никакого сомнения в том, что знание этих начал фундаментально и не отыскивается нами в ходе исследования или каким-либо другим целенаправленным образом. Аристотель определяет эти начала как «общие» не только в том смысле, что они являются общими для нескольких наук, но и в смысле того, что они являются «общими мнениями»[724] - то есть убежденность в их истинности разделяется всеми людьми, которые способны понять,

[722] Стоит, однако, заметить, что у искушения называть «τὸ ὅτι», т.е. заключение доказательного силлогизма «началом» можно найти также серьезные основания в текстах самого Аристотеля: см, например, EN I.2 1095b6-9; I.7 1098b1 сл., где подобные положения прямо названые началами.
[723] Metaph I.1 981a13-24.
[724] Metaph.III.2.996b28; 997a20.

о чем в них идет речь. Далее, он говорит об этих началах как о том, без чего нельзя научится вообще ничему другому[725] - что предполагает, что их роль в процессе познания настолько фундаментальна, что их усвоение должно предшествовать какой бы то ни было осведомленности о мире вообще. И то, и другое обозначает, что мы не можем их искать: во-первых, – потому что они у нас и так уже есть; во-вторых, – потому что чтобы искать что бы то ни было (в том числе и их), мы уже должны ими обладать.

2) Итак, в нашем распоряжении есть аксиомы, какое-то (и постоянно растущее) число терминов, которые нам известны, а также определенное (и также постоянно растущее) число суждений, в которых мы обладаем опытностью. Два последних пункта означают, что мы отличаем одни предметы от других, и одни виды вещей от других, а также в общих чертах представляем, как некоторые термины связаны друг с другом. Иными словами, можно сказать, что мы в целом ориентируемся в том, из чего состоит мир и как его можно описывать. Но это также значит, что мы отличаем друг от друга различные роды вещей – например, числа от животных. Это дает нам возможность начать уже сознательный этап исследования, ведущего к построению доказательного знания.

Построение доказательного знания начинается с выделение того рода, в рамках которого мы будем производить исследование. Это необходимо, прежде всего, в силу убеждения Аристотеля в том, что доказательство не может совершать скачков между родами[726] - что подразумевает, что мы должны четко задать границы нашего исследования. О характере этих границ стоит сказать подробнее.

Установление рода, в рамках которого мы будем производить исследование, необходимо нам как для того, чтобы установить последние субъекты доказательства, так и для того, чтобы в будущем отобрать субстанциальные свойства, которые мы будем доказывать.

[725] APo I.72a14-19.
[726] APo I.7.

В том, что касается субъектов доказательства все достаточно просто: указывая определенный род, мы прежде всего отбираем те последние виды этого рода, которые нам известны и назначаем их главными объектами исследования. У нас уже есть некоторое общее представление о том, какие именно общие виды принадлежат к тому или иному роду (в силу описанного в II.19 процесса обретения терминов), однако оно не является ни вполне разработанным, ни исчерпывающим; его усовершенствованию, впрочем, будут посвящены последующие шаги построения доказательного знания.

В случае определения субстанциальных свойств, которые мы будем доказывать, знание рода также играет определяющую роль. Сам процесс отбора этих свойств также будет происходит позже (см. шаг 4). Однако для того, чтобы этот отбор был произведен, нам необходимо знать, какие из универсально принадлежащих предмету свойств не выходят за пределы рода, в рамках которого будет вестись исследование – потому что именно они будут присущи не только предметам не только субстанциально, но и как (ᾗ) предметам определенного рода. Это необходимо пояснить примером. Допустим, свойство «быть двуногим» присуще человеку не только субстанциальным образом, но и именно как животному – потому что только животные и ничто иное бывают двуногими. Однако, например, свойство «быть способным к движению» присуще человеку, хотя и субстанциальным образом (всякий человек необходимо движется), но не как животному – потому что животные не являются единственными движущимися телами. Как движущийся предмет животное будет изучать общее знание о природе, или физика. Знание о животных подчинено знанию о природе, но в целом является самостоятельным знанием. Вероятно, именно в силу того, что одни и те же последние предметы доказательства (т.е. неделимые виды) могут быть предметами доказательства для разных знаний, нам необходимо заранее определить тот род, который мы будем изучать – поскольку только таким образом мы сможем впоследствии отобрать среди всех субстанциальных свойств предмета релевантные ему именно как принадлежащему к определенному роду (например, свойства человека, релевантные ему именно как животному).

Таким образом, постулирование рода представляет собой необходимый первый шаг, очерчивающий границы нашего будущего доказательного знания – как снизу (в виде последних субъектов, которые принадлежат к этому роду), так и сверху (в виде субстанциальных свойств, которые субстанциально-2 относятся к этому роду).

3) После того, как мы выделили исследуемый род, мы приступаем к целенаправленному исследованию (ἱστορία), заключающемуся в сборе феноменов (φαινόμενα)[727]. Поскольку это не единственный случай, когда мы прибегаем к исследованию (см. этап 5), я буду обозначать данный этап как этап «предварительного исследования».

На этом этапе мы целенаправленно расширяем наши сведения о всем том, что принадлежит к выделенному ранее роду: есть ли какие-то иные субъекты доказательства, помимо тех, о которых мы уже знаем; какие свойства присущи этим субъектам; какие из этих свойств присущи им всегда, какие только по большей части, а какие случайным образом и т.д.

Что именно мы подвергаем исследованию и какова его цель? Я полагаю, что мы можем выделить две главные группы вещей, которые мы стремимся получить в его результате.

а) Во-первых, это *субъекты доказательства*. Какие-то из них уже есть в нашем распоряжении после (1-а), но вполне может быть, что далеко не все[728]. Таким образом, одной из наших целей здесь будет поиск новых субъектов доказательства, которые расширят наши сведения об исследуемом роде. С другой стороны, я полагаю, что именно на этом этапе мы можем уже задаваться вопросом о существовании субъектов доказательства, который, как мы видели выше, также волнует Аристотеля. Иными словами, можно предположить, что именно на этом этапе мы получаем в свое

[727] APr I.30 46a17-26.

[728] Так, мы можем иметь вполне удовлетворительное представление о «животном» и отдельных видах животных, но только целенаправленное исследование даст нам обнаружить огромное число тех их видов, с которыми мы никогда не имели дела или даже о которых мы никогда не слышали. То же самое, хотя и несколько иным образом, касается и, например, отдельных видов геометрических фигур.

распоряжение точную информацию о том, что определенные субъекты доказательства существуют, которая необходима нам для построение доказательного знания.

Как именно мы делаем это? Я полагаю, что как минимум, в случае эмпирических знаний удостоверить существование предметов доказательства может целенаправленное эмпирическое исследование – Аристотель сам говорит[729], что одним из способов удостоверение существования субъекта доказательства является его чувственное ощущение[730]. В случае же математических знаний удостоверение в существовании должно, вероятно, действительно производится в результате постулирования базовых субъектов и конструирования с их помощью всех прочих (в геометрии – с помощью точки, линии, круга строятся все остальные фигуры; в математике из единицы складываются все числа); таким образом, для математических знаний этап получения точных сведений о существовании предметов может быть иным, чем только что описанный.

б) Однако помимо субъектов доказательства в ходе исследования мы расширяем также свою осведомленность об их *свойствах*. Субъекты доказательства было необходимо идентифицировать предварительно, чтобы знать, что вообще будет подвергаться изучению. Теперь же, когда мы сделали это, мы непосредственно приступаем к этому изучению и задаемся вопросом о тех свойствах (в широком смысле слова «πάθος»), которые присущи этим субъектам.

О сути этого процесса необходимо сделать два замечания. Во-первых, на данном этапе мы, судя по всему, рассматриваем все свойства предмета, поскольку мы еще не имеем возможности сузить их набор только до субстанциальных свойств. Иными словами, мы собираем всю доступную нам информацию о предметах доказательства с тем, чтобы далее разобраться, что из этой информации окажется полезным (на 4-м шаге). Во-вторых, фактически, исследование, занимающееся свойствами – это уже не исследование терминов (как в случае субъектов доказательства), а исследование

[729] Metaph VI.1 1025b10-12; EN I.7 1098b3-5.

[730] Возможно, что удостоверение в существовании определенных субъектов доказательства в таком случае производится еще на этапе (1-а), однако наверняка этого сказать нельзя: в конце концов, термины, которые мы формируем на том этапе являются только самыми общими представлениями о предметах; здесь же мы можем осознанно и целенаправленно удостовериться, что имеющемуся у нас термину соответствует какой-либо предмет

суждений[731], поскольку мы всегда исследуем свойство какого-то субъекта. Поэтому данную часть предварительного исследования составляет целенаправленный поиск суждений – как и в случае (1-б), сначала единичных, из которых мы затем, путем их проверки и обобщения, получаем универсальные суждения. Их роль опять же точно та же самая, что и у пропозиций, которые мы получали в (1-б) – служить заключениями будущих доказательств.

Далее стоит поставить вопрос, аналогичный тому, что уже был поставлен относительно предварительного исследования субъектов доказательства: как мы производим исследование свойств этих субъектов, в чем оно заключается? Ответ на этот вопрос кратко звучит как «установление феноменов» (τιθέναι τὰ φαινόμενα)[732], и распадается на две части.

Во-первых, Аристотель, безусловно подразумевает эмпирическое исследование: наблюдение, сбор окружающей информации, до какой-то степени даже эксперимент[733]. Это особенно ясно видно из уже упоминавшегося выше места, в котором он говорит о необходимости сбора «феноменов» в астрономии, прежде чем мы сможем приступить к их объяснению[734]. Ясно, что ничего иного, чем эмпирического сбора информации данное место подразумевать не может. В том же смысле можно понять и замечание Аристотеля о том, что без ощущения невозможно и знание[735].

С другой стороны, как верно отмечают некоторые исследователи, слово «феномены» для Аристотеля инкорпорирует сразу несколько смыслов, между которыми он достаточно свободно переключается[736]. В частности, при более буквально прочтении «τὰ φαινόμενα» означает «то, что кажется» или «то, что представляется» и Аристотель понимает под этим распространенные среди людей

---

[731] Сам Аристотель говорит, что свойства – это то в определенном смысле же самое, что заключения (APo I.7 75a40-41).
[732] *Owen G.E.L.* ‘Τιθέναι τὰ φαινόμενα’ // Aristote et les problèmes de méthode / éd. par S. Mainsion. Louvain – Paris: Publications Universitaires – Beatrice-Nauwelaerts, 1961. P. 83–103.
[733] Случай из практики самого Аристотеля – препарирование животных (например, человеческого эмбриона) для установления сведений об их внутреннем устройстве (HistAn 513a32 сл.; PartAn 666b7 сл., 671b6–9, 676b31–33).
[734] APr I.30 46a17-26.
[735] APo I.18 81a39.
[736] *Owen G.E.L.* ‘Τιθέναι τὰ φαινόμενα’.

ходячие мнения – то, что он в других местах называет «τὰ ἔνδοξα»[737], или же «правдоподобное». Это могут быть как в принципе какие-то утверждения, которые распространены между людьми (счастье связано с богатством)[738], так и известные мнения специалистов («самых мудрых») по какому-либо вопросу. Именно с этим видом «феноменов» Аристотель столь часто работает в своих трактатах, разбирая мнения толпы по какому-либо вопросу и производя исторический экскурс по поводу того, что думали на счет той или иной проблемы его предшественники.

***

Как можно было уже заметить, по большей части те сведения, которые мы получаем на данном этапе, во многом аналогичны сведениям, которые мы получаем на этапах (1-а) и (1-б). Есть, впрочем, и существенная разница, которая, прежде всего, заключается в том, что здесь наши действия становятся целенаправлены, в отличие от нашего непроизвольного обретения знаний в (1-а) и (1-б).

4) Следующий шаг должен заключаться в упорядочивании собранных нами на предыдущих этапах сведений. Аристотель подробно описывает, как именно это следует делать в I.27-30 «Первой аналитики». В этих главах содержится ряд методов, призванных упорядочить построение силлогизмов; мы остановимся только на нескольких из них.

Прежде всего Аристотель рекомендует упорядочить имеющиеся у нас термины согласно тому, каково их место в цепи предикации: он говорит, что одни термины не сказываются ни о чем, но о них сказывается все прочее; другие сказываются сами, но о них самих уже ничто не сказывается, а третьи находятся посередине. Мы можем считать, что эта процедура соответствует окончательному разделению собранных нами терминов на субъекты доказательства и их свойства[739]: термины, которые уже не

[737] См., прежде всего, Top I.1.
[738] EN I.8 1098b9-16.
[739] APr I.27 43a25-43. Не думаю, что нас должно особенно смущать, что к терминам, которые ни о чем не сказываются Аристотель вполне естественно относит не неделимые виды, а единичные предметы (Каллия, Сократа и т.д.): это достаточно обыкновенное для него лавирование между знанием в смысле первой осуществленности и знанием в смысле второй осуществленности; поскольку нас интересует доказательное знание в смысле первой осуществленности, которое имеет дело только с универсальным, мы вполне можем остановиться на один шаг раньше отдельных единичных предметов.

сказываются ни о чем будут субъектами доказательства, термины, о которых не сказывается ничто иное – последними свойствами, а все прочие – в одних доказательствах предметами, а в других свойствами.

Следующий шаг заключается в упорядочивании всего, что мы знаем о каком-то конкретном термине. Аристотель говорит, что мы должны в идеале взять 1) все термины, о которых сказывается наш термин (все его субъекты) 2) все термины, которые сказываются о нашем термине (все его предикаты) 3) по возможности все термины[740], которые не могут сказываться о нашем термине (это впоследствии понадобится для построения отрицательных силлогизмов), после чего мы должны поделить все термины во второй категории (т.е. все, что сказывается о нашем предмете) на а) то, что сказывается в его сути (ἐν τῷ τί ἐστι) б) то, что присуще ему как собственное (ἴδια) в) то, что присуще ему акцидентально (ὡς συμβεβηκότα), а также произвести деление еще и по другому основанию: что присуще термину а) согласно мнению б) по истине[741]. Подразумевается, что это процедура должна быть повторена для каждого из интересующих нас терминов.

Чего мы добиваемся, следуя этим рекомендациям?

Во-первых, мы, как уже было сказано, упорядочиваем имеющиеся в нашем распоряжении термины, систематически связывая их со всем, что следует им и из них.

Во-вторых, указанным образом мы можем наконец-то отделить акцидентальные связи от субстанциальных и вынести первые за пределы нашего рассмотрения. Таким образом, именно на этом этапе, на мой взгляд, должно осуществляться решение вопроса о том, какие свойства являются субстанциальными, который, повторюсь, решается отдельно от самого доказательства присущности этих свойств соответствующим им субъектам доказательства и предваряет его.

---

[740] Возможно, имеющиеся у нас в рамках данного исследования, хотя сам Аристотель прямо этого не говорит.

[741] APr I.27 43b1-11. Помимо этого, в самом начале указанного места текст говорит нам, что мы должны взять о «определения» и «собственные <свойства>» рассматриваемого термина; оба эти требования являются крайне странными – определения, поскольку они поставлены во множественное число, собственные свойства – поскольку они будут еще раз упомянуты ниже в том месте, где упоминание их действительно уместно, тогда как здесь эта рекомендация остается несколько озадачивающей. Я не готов считать эти рекомендации интерполяцией или результатом неудачной редактуры, но функция их в тексте для меня также неясна – поэтому я выношу их в примечание, не упоминая в основном тексте.

Но и это еще не все. В I.28 «Первой аналитики» Аристотель дает дальнейшие рекомендации о том, что следует делать, упорядочив указанным выше образом сведения о каждом из интересующих нас терминов. Он предписывает достаточно сложную, но вполне универсальную схему, указывающую нам, как составлять силлогизмы всех видов, имея два термина, над которыми мы произвели описанную выше процедуру. Например, когда мы имеем два термина, A и B, для которых нам известно все, что сказывается о них, все, о чем сказываются они и все, что о них не сказывается, если один из терминов, о которых всегда сказывается A, совпадает с одним из тех терминов, который всегда сказывается о B, то мы можем построить силлогизм о том, что A принадлежит всей B; если один из терминов, которые никогда не сказываются об A, совпадает с одним из терминов, который всегда сказывается о B, то мы можем построить силлогизм о том, что A не принадлежит всей B и т.д.

В конечном итоге, указанный Аристотелем здесь метод позволяет упорядочить заранее имеющиеся у нас термины в ряд силлогизмов. Важным моментом является тот факт, что это все еще не доказательные силлогизмы, поскольку посылки, из которых они составлены все еще не являются неопосредованными. Но по завершении всех предписываемых Аристотелем манипуляций мы достигаем набора силлогизмов, находящихся ровно в одном шаге от того, чтобы быть доказательными: нам остается только уплотнить их последними неопосредованным терминами – а именно, посылками и гипотезами.

5) Итак, мы имеем вполне готовую рамку доказательного знания. У нас есть род, который задает нам верхнюю границу доказательств. Есть ряд последних субъектов доказательства, о которых мы знаем, что они являются неделимыми видами этого рода. Есть ряд свойств, о которых мы знаем, что они принадлежат этому роду субстанциально. Кроме того, мы уже знаем, какие свойства принадлежат каким субъектам – причем знаем это не для отдельных свойств и субъектов, но для всех: от каждого последнего субъекта доказательства к каждому крайнему субстанциальному свойству тянется силлогистическая цепь, средние члены которой являются субъектами доказательства в одних силлогизмах и субстанциальными свойствами в других.

Теперь мы ищем последние средние термины, опосредующие заключения всех тех силлогизмов, которые уже есть в нашем распоряжении, то есть начала. При этом, если верить I.10 «Второй аналитики», мы начинаем уплотнять имеющиеся у нас заключения средними терминами снизу (т.е. с низших видов) и движемся наверх по порядку: обнаруживаем определение ближайшего субстанциального свойства определенного предельного субъекта доказательства, доказываем его; затем отыскиваем определение свойства этого свойства – доказываем его и т.д. Примером этого может служить следующий ряд: у нас есть предельный субъект доказательства «виноград», о котором нам известно, что ему принадлежит субстанциальное свойство «широколиственное»; на основании определения широколиственного мы доказываем, что это свойство присуще «винограду»[742]; далее мы знаем, что всему «широколиственному» присуще свойство «опадение листьев»; и мы доказываем это свойство с помощью определения «опадения листьев» («затвердевание сока семени в черенке листа»). Мы должны делать это именно в таком порядке (сначала ближайшее к субъекту доказательство свойство, потом следующее по удаленности и т.д.), чтобы соблюсти условие, касающееся существования[743]: поскольку субъект в каком-то смысле переносит свое существование на предикат, принадлежность которого ему доказана (для свойства существовать – значит быть присущим какому-либо субъекту), то для того, чтобы выполнить требование Аристотеля по обоснованию существования субстанциальных свойств, мы должны двигаться строго в том порядке, в котором прибывает объем доказываемых субстанциальных свойств.

Нужно также сказать несколько слов о самих тех средних терминах, которые мы используем для завершения доказательства. Этими последними средними терминами являются definienta доказываемых субстанциальных свойств. О том, как они отыскиваются уже, было подробно сказано в предыдущей главе, и у меня нет

[742] Если предположить, что определением «широколиственного» является что-то вроде «растение с широким листом» (сам Аристотель об этом не говорит), то доказательство будет выглядеть так: «широколиственное» присуще «растению с широким листом»; «растение с широким листом» присуще «винограду»; следовательно, «широколиственное» присуще «винограду».

[743] См. выше стр.172-181.

возможности здесь это повторить[744]. Можно ограничиться коротким замечанием о том, что важную роль в поиске определений играет, с одной стороны, знание значения терминов, которое мы приобрели еще на первом этапе, а с другой – еще один этап исследования (ἱστορία). Этот этап исследования подобен предыдущему в том, что под ним можно понимать как эмпирическое[745], так и диалектическое изучение предмета[746]. Главное же его отличие заключается в том, что мы более не собираем все сведения о предмете беспорядочно, но стремимся найти конкретный термин, который бы раскрывал существо того или иного субстанциального свойства[747]. Необходимо также отметить, что подобное исследование (ἱστορία), если оно увенчалось успехом, дает нам не только посылку-определение (большую посылку доказательного силлогизма), но и посылку-гипотезу (меньшую посылку доказательного силлогизма). Так, например, мы в равной степени обнаруживаем, что «гром» - «это грохот вследствие затухания огня в тучах» (это посылка является определением, поскольку в ней мы имеем формулировку сути грома) и что «грохот вследствие затухания огня в тучах» присущ «тучам» (это посылка является гипотезой, поскольку «грохот вследствие затухания огня в тучах» не является формулировкой сути «туч», хотя и принадлежит им субстанциальным образом). И то, и другое мы получаем в результате исследования, более того, производя исследование мы изначально ставим перед собой задачу, чтобы найденный средний термин относился определенным образом как к субстанциальному свойству (был формулировкой его сути и был взаимозаменяем с ним), так и к субъекту доказательства (был ему универсально присущ).

Все, что нам остается – успешно повторить указанные в настоящем пункте операции для всякого неопосредованного заключения, которое уже есть в нашем

---

[744] См. стр. 245-265.

[745] См. замечание Аристотеля в APr I.30 46b17 сл., что начала знания приобретаются в результате опытного исследования.

[746] См. замечание Аристотеля в Top I.2 101a36 сл. о том, что диалектика «прокладывает путь» (ὁδὸν ἔχει) к первым началам всякой науки, которое также перекликается с замечанием APo I.23 84b19-24 о том, что если между двумя терминами в суждении нет третьего, среднего термина, то для такого суждения невозможно доказательство; отыскивая такое суждение, мы идем «по пути к началам» (ἐπὶ τὰς ἀρχὰς <…> ὁδὸς).

[747] С определенной степенью вероятности возможно, что мы могли найти термин- definiens еще на этапе первого исследования. В таком случае на 4-м шаге мы уже имеем полноценное доказательство определенного положения и настоящий шаг оказывается необязателен. Однако, судя по тому, что Аристотель дает в II.8-10 «Второй аналитики» отдельный метод поиска определения для субстанциальных свойств, он, насколько я могу судить, считает, что подобный ход дел маловероятен.

распоряжении, и мы будем иметь полноценное доказательное знание какого-либо рода вещей[748].

II. Картина доказательного знания

Итак, в предыдущем разделе я описал, как шаг за шагом должно выглядеть построение того доказательного знания, о котором говорит Аристотель. В настоящем разделе я отмечу некоторые важные черты той картины доказательного знания, которую мы получили выше.

1) Первое, что необходимо отметить – это общий вид этой картины. Многие исследователи полагали, что доказательное знание Аристотеля должно давать нам в итоге подробное «порфириево древо» исследуемого рода, в котором основной «ствол» представляют собой главная родо-видовая цепь («животные», которое делятся на «имеющих кровь» и «бескровных», каждый из которые делятся еще на несколько видов и т.д. вплоть до низших, неделимых видов), а субстанциальные свойства – это побочные ветки, отходящие от каждого из этих видов. Это представление, впрочем, неверно даже для классификации животных Аристотеля, как это блестяще показано в некоторых новейших исследованиях аристотелевской биологии[749].

Реальная картина доказательного знания похожа не на дерево, на вершине которого находится род, к которому в итоге всякое доказательство должно сводится,

[748] Внимательный читатель мог заметить, что в предложенной мной картине нет шага, на необходимость которого я указал в конце предыдущей главы: а именно этапа, на котором мы обнаруживаем определения субъектов доказательства. Это связано с тем, что, не будучи уверен в том, как именно мы их обнаруживаем (эмпирическим исследованием? делением?), я не могу в точности локализовать их обнаружение в процессе построения доказательного знания. В целом, однако, я думаю, что их обнаружение должно происходить либо между 3 и 4 (т.к. чтобы точно знать, что нечто является субстанциальным свойством субъекта – что мы должны установить на 4 этапе – мы в идеальном случае должны уже иметь определение этого субъекта), либо между 4 и 5 этапами (исходя из отрывка DeAn I.1 402b16-403a2, в котором Аристотель говорит, что знание субстанциальных свойств предмета может помочь нам в обнаружении его определения).

[749] *Pellegrin P.* La classification des animaux chez Aristote: Statut de la biologie et unité de l'aristotélisme. Paris: Belles Lettres, 1983; *Balme D.* Aristotle's Use of Division and Differentiae. Представление о родо-видовом «порфириевом древе» действительно играет определенную роль в философии Аристотеля, однако в рамках конкретных знаний Аристотель придерживается куда более тонких взглядов на вопрос внутреннего устройства определенного рода сущего. Так, в биологии его целью, в противоположность тому, как на это смотрели многие века, является вовсе не классификация животных подобная линнеевской (которой у него невозможно найти, но которую, тем не менее, у него на протяжении многих веков найти пытаются), но именно выяснение субстанциальных свойств животных.

но на группу кустов, центром которых являются последние субъекты доказательства, а многочисленными ветвями – субстанциальные свойства каждого из них. В центре Аристотелевской науки находится не ее вершина (родовой термин), но, напротив, ее основание (последние субъекты доказательства), для каждого из которых доказательное знание должно обнаружить и доказать все принадлежащие ему субстанциальные свойства. Мы начинаем наше доказательство снизу, с субъектов доказательства, а не сверху, не с родового термина. Родовое понятие играет важную роль в задании границ нашего доказательства, однако оно не является той определяющей точкой, вокруг которой вращаются и к которой в итоге сводятся все доказательства.

2) Следующая важная черта предложенной мной картины заключается в ее многоэтапности.

Построение доказательного знания предполагает множество сильно отличающихся друг от друга шагов и, собственно, построение доказательного силлогизма – только один из них. Таким образом, доказательное знание Аристотеля вовсе не сводится к бесплодной дедукции из начал, полученных нами неясно каким способом; проект Аристотеля – это не попытка заключить всякую науку в рамки математического метода. Доказательное знание «Второй аналитики» вовсе не предполагает никакого аналитического начетничества, никакого совершенного заранее произвольного постулирования определений (истинность которых гарантирована только лишь таинственной безошибочностью нашей интуиции), из которых затем можно вывести абсолютно все надежные истины, которые только могут нас интересовать.

Не совсем правильно было бы интерпретировать предлагаемую во «Второй аналитике» модель как рецепт исключительно упорядочивания уже имеющегося знания, не имеющей никакого отношения ни к исследованию, ни к получению знаний

в собственном смысле, как это нередко делается в новейшей литературе[750]. Вне всякого сомнения, «Вторая аналитика» посвящена прежде всего последним этапам построения доказательного знания, связанным с выстраиванием силлогизмов и доведением посылок до статуса неопосредованных начал. Однако, во-первых, «Вторая аналитика» вовсе не ограничивается этими последними этапами: так, глава II.19, очевидно, посвящена самому первому этапу построения доказательного знания. А во-вторых, было бы просто ошибочным считать, что эти последние этапы существуют сами по себе и не оказывают никакого влияния на предыдущие этапы: так, производя исследование, мы заранее ориентируемся в своем поиске именно на то, что понадобится нам при последующем построении доказательства; таким образом, устройство последних стадий доказательства, описанных подробнее всего во «Второй аналитике», оказывает влияние на то, как протекают предыдущие его стадии, и мы не можем сказать, что при построении доказательного знания для Аристотеля речь идет исключительно об упорядочивании уже имеющихся сведений и привнесении в них структуры.

Модель доказательного знания предполагает эмпирическую направленность нашего познания мира, которую мы в тех случаях, когда опытное исследование предмета находится за пределами наших возможностей, дополняем диалектическим рассуждением.

3) Последнее замечание (об эмпирической направленности доказательного знания) закономерно ведет нас к важному вопросу о том, насколько применима модель доказательного знания «Второй аналитики», к которой мы пришли, в математических знаниях, учитывая, что сам Аристотель очевидно подразумевает, что описанная им во «Второй аналитике» модель должна работать и в их случае.

[750] *Barnes J.* Introduction, P. XII // Aristotle's Posterior Analytics / ed., trans, comm. by Jonathan Barnes. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 1994. P XI-XXII; *Kosman A.* Understanding, Explanation, and Insight in the Posterior Analytics; *Burnyeat M.F.* Aristotle on Understanding Knowledge; *Goldin O.* Explaining an Eclipse. P. 1.

Вопрос о сходстве и разнице методологии математических и, например, естественных наук – это крайне сложный вопрос, требующий дополнительного исследования[751]. Предварительно, однако, можно сказать следующее.

Очевидно, что математические науки отнюдь не полностью вписываются в описанный выше процесс построения доказательного знания. Так этапы эмпирического и диалектического исследования в их случае, по всей видимости, не могут быть проведены (это затрагивает этапы 3 и 5). Другое важное отличие касается определений использующихся в них субстанциальных свойств – по всей видимости, все эти определения принимаются изначально и вовсе не уточняются по ходу дальнейшего исследования (это затрагивает этап 5). Наконец, в отличие от других знаний, геометрическое знание требует дополнительной процедуры, заключающейся в построении геометрических фигур, которые мы будем использовать в доказательствах, с помощью базовых геометрических элементов (точек, линий, кругов).

Я полагаю, что все эти отличия крайне значимы, однако они не являются критическими и не свидетельствуют против предложенного понимания построения доказательного знания. Это связано с тем, что, во-первых, предложенная модель построения доказательного знания, тем не менее, совмещает в себе возможность построения математических знаний с возможностью построения эмпирических знаний удачнее, чем можем показаться (и уж точно удачнее, чем любые предложенные до сих пор наработки понимания доказательного знания Аристотеля), во-вторых, сам Аристотель вполне понимает, что между математикой и, например, природоведением существуют существенные отличия и демонстрирует готовность делать в своей методологии скидку на характер того или иного знания.

Начнем с последнего. Аристотель прекрасно понимает, что обретение математического знания существенно отличается от приобретения большинства других знаний. В «Никомаховой этике» он замечает, что мудрыми в математике и знающими геометрию могут стать и молодые люди, тогда как в случае других знаний (в частности, этического и физического) это невозможно. Разница, которую он здесь

[751] См., напр., *Leszl W.* Mathematics, Axiomatization and the Hypotheses.

подмечает, заключается в том, что для математики не нужно опыта (ἐμπειρία), который необходим для обретения начал в других случаях: в математике они получаются простым «абстрагированием» (δι᾽ ἀφαιρεσέως); кроме того, даже если сообщить неопытному человеку начала, например, физического знания, они не будут для него убедительны, тогда как в случае математических начал суть (τὸ τί ἐστι) математических предметов вполне понятна и (насколько можно понять это место) вполне убедительна даже если мы узнали ее с чужих слов, а не в результате самостоятельного исследования[752]. Как мы видим, Аристотель дает здесь понять, что ему известно о существовании именно тех двух проблем, которые, как мы видели выше, отличают построение математического доказательного знания от всякого другого: о возможности построить его без опыта (т.е. без исследования) и о том, что определения для него мы получаем иным способом, чем в других знаниях. В другом месте Аристотель говорит, что «одни <знания> делают ее [суть вещи] ясной посредством ощущения, другие – берут суть как гипотезу»[753]. Я полагаю, что различие, о котором он здесь упоминает, – это именно различие математическими и физическими знаниями: последние проясняют суть посредством ощущения (в ходе эмпирического исследования), а первые – просто постулируют ее в качестве гипотезы. Это подтверждается двумя местами из «Второй аналитики». В одном Аристотель говорит, что «<…> суть нужно постулировать гипотезой (ὑποτίθεται) или же сделать ясной другим образом (именно так поступает арифметик: ведь он постулирует гипотезой (ὑποτίθεται) <…> суть единицы <…>)»[754]. Можно заметить, что это место, в целом, параллельно процитированному выше, с той единственно разницей, что в качестве «постулирующей» суть бытия здесь явно указана математическое знание, а «ощущение» заменено на «абстрактный другой способ»[755]. В целом, это место можно считать подтверждающим предположение о том, что математические знания, в отличие от, например, естественных, принимают начала, просто постулируя их в

[752] EN VI.9 1142a11-20.
[753] «<...> αἱ μὲν αἰσθήσει ποιήσασαι αὐτὸ δῆλον αἱ δ᾽ ὑπόθεσιν λαβοῦσαι τὸ τί ἐστιν <...>» (Metaph VI.1 1025b11-12).
[754] «<…> τί ἐστιν ὑποθέσθαι δεῖ ἢ ἄλλον τρόπον φανερὰ ποιῆσαι (ὅπερ ὁ ἀριθμητικὸς ποιεῖ· <…> γὰρ τί ἐστι τὴν μονάδα ὑποτίθεται <…>»
[755] Последнее можно объяснить, что «ощущение» - не единственный из «других способов», которыми можно прояснить начала – ср. EN I.7 1098b3-4.

качестве гипотезы. Второе место из «Второй аналитики», которое поможет нам развить эту мысль, обсуждает смысл «гипотезы» и отличие этого термина от «постулата». Коротко говоря, это отличие сводится к тому, что гипотеза (ὑπόθεσις) – это то, что обучающийся должен принять без доказательства, но с чем он согласен, тогда как постулат (αἴτημα) – это также нечто принимаемое учеником без доказательства, однако при этом противоречащее его убеждению[756]. Я полагаю, что в рассмотренных выше местах речь шла именно о такой гипотезе – которая принимается обучающимся без доказательства, потому что кажется ему убедительной. Это согласуется также с указанном выше местом из VI-й книги «Никомаховой этики», в которой говорится, что в случае математики «суть» вещи не является непонятной для ученика и, вероятно, может быть сразу принята им с чужих слов без самостоятельного исследования. Все это объясняет, как мы получаем определения и факты в случае математики: они, в отличие от случая других знаний, могут быть просто сообщены нам тем, кто уже обладает математическим знанием. Это, в целом, не дает нам понимания интересующего нас в первую очередь вопроса – вопроса о том, как математические знания, с точки зрения Аристотеля, достигаются теми, кого им не обучают, т.е. как они обнаруживаются впервые. Однако это, по крайней мере, позволяет нам указать, что Аристотель вполне осознавал, что перед ним стоят те же самые трудности, что встали перед предложенной мною моделью построения доказательного знания.

Тем не менее, как уже было замечено, получающаяся картина доказательного знания, если принять некоторые оговорки, вполне применима в равной степени и к математическим знаниям, и прежде всего к геометрии. Во-первых, на геометрию действительно при определенном желании можно смотреть как на процесс доказательства определенных субстанциальных свойств (равнобедренности, разносторонности, равенства внутренних углов сумме двух прямых углов) об определенных субъектах доказательства (треугольниках, квадратах, кругах); другое

[756] APo I.10 76b23-34. Аристотель также говорит, что и гипотеза, и постулат являются положениями, которые можно доказать. Это соответствует обыкновенному словоупотреблению термина «гипотеза» как обозначения любой посылки, необходимой для математического доказательства, которой ранее не было дано доказательство, но для которой оно возможно (см. выше стр. 143-145)

дело что иногда это будут не совсем обычные предметы доказательства (два треугольника; треугольник и квадрат, две линии) и не совсем обычные свойства (подобие фигур; квадрирование фигур, пересечение линий). Далее, как ни странно, в геометрии, как уже отмечалось выше, мы имеет «τὸ ὅτι» (сведения о факте) ранее «τὸ διότι» (причины, доказательства этого факта) – что проявляется просто в том, что сами теоремы всегда даны нам ранее доказательств этих теорем; мы знаем, что нам нужно доказать, и, как правило, знаем, что то, что нужно доказать, действительно имеет место, перед нами стоит только вопрос – как это доказать. Далее, как также уже было отмечено выше, доказательство принадлежности субстанциального свойства действительно, как правило, в конечном итоге производится через определение этого свойства[757]. Тот факт, что математические доказательства, строго говоря, нельзя производить силлогистически, также мало бы смутил Аристотеля, поскольку, как уже было отмечено выше[758], его идея «строго» силлогистического доказательства, сильно отличается от нашей[759].

Таким образом, большинство необходимых для нашей картины доказательства элементов оказываются вполне на месте в случае математики, хотя некоторые и выпадают. Этапы (1) - (2) построения доказательного знания протекают без особых изменений. Этап (3) не подразумевает исследования; все теоремы (т.е. факты, которые мы должны будем доказать, заключения наших доказательств) сообщаются нам каким-то иным образом; в большинстве случаев – учителем. Однако данный этап, возможно, требует от нас чего-то такого, чего мы не видели в случае эмпирических наук – построения фигур (будущих субъектов доказательства) из имеющихся изначально элементов (возможно, что через это построение мы обосновываем их существование). Сложно сказать, возможно ли в случае математических знаний применение методики этапа (4) – учитывая, что все требуемые заключения наших силлогизмов уже должны быть сообщены нам нашим преподавателем в нем в известном смысле отпадает

[757] См. стр. 223-245.
[758] См. стр. 227-230.
[759] Маккирахан (*McKirahan R.D.* Principles and Proofs. P. 151) дает ссылку на удивительный трактат XVI века, в котором первые шесть книг «Начал» Евклида полностью изложены силлогизмами (*Herlinus C., Dasypodius K.* Analyseis geometricae sex librorum Euclidis. Strassburg: excudebat Iosias Rihelius, 1566.)

необходимость. То же самое, по-видимому, касается и этапа (5), поскольку мы не отыскиваем определения, а каким-то образом уже их знаем (возможно, они также уже сообщены нам обучающим нас математике).

***

В целом, предложенная в данной работе картина построения доказательного знания оказывается в известном смысле скучнее, чем, казалось бы, обещал текст «Второй аналитики». Многие исследователи, ведомые неверным пониманием I.4 и I.10 ищут в этом трактате некую волшебную картину всемогущего аналитического доказательства, мягко запускаемого одни толчком чудесных начал доказательного знания, и плавно движущуюся к доказательству абсолютно всех прочих положений, исходя только лишь из набора заранее данных. Могу предположить, что предложенное мной понимание «Второй аналитики» проигрывает в заманчивости такой картине. Однако оно обладает рядом несомненных преимуществ. Во-первых, оно являются куда более реалистичным. Во-вторых, оно имеет хотя бы какой-то шанс реально функционировать. И, наконец, в-третьих, оно до известной степени совпадает с той практикой, которую мы можем обнаружить в собственных трактатах Аристотеля.

III. Следы доказательства в трактатах Аристотеля

Вопрос о методологии, которую Аристотель применяет в своих собственных трактатах – это сложная и требующая отдельного тщательного исследования проблема. Я не могу на имеющихся у меня в распоряжении страницах рассмотреть ее полностью, поэтому вынужден ограничится достаточно краткими замечаниями.

Традиционная точка зрения заключается в том, что Аристотель в собственных трактатах пренебрегает теми предписаниями, которые он дает в «Аналитиках» для построения доказательного знания[760]. Основной аргумент в пользу этой точки зрения заключается даже не в том, что рассуждение этих трактатов построено не силлогистическим образом, а в том, что, даже если предположить, что доводы Аристотеля можно представить в силлогистической форме, их посылки совершенно точно нельзя будет считать началами – поскольку к началам в I.2 «Второй аналитики» предъявляются крайне высокие, практически невыполнимые требования. Многие исследователи также совмещают тезис о том, что в собственных трактатах Аристотель не пользуется доказательством с другим тезисом, заключающемся в том, что на деле он применяет в них диалектическую методологию, описываемую им в «Топике»[761]. Поскольку диалектическое исследование – это, по словам Аристотеля, прежде всего исследование, не имеющее никакого отношения к истине, такое положение дел выглядит крайне странным, и для решения этой проблемы предлагаются разные соображения: от тезиса о том, что Аристотель разочаровался в методологии «Второй аналитики» и одновременно проникся большей симпатией к диалектическому способу исследования[762] до хронологических соображений, призванных обеспечить менее требовательное прочтение «Второй аналитики»[763]. Общей чертой всех подобных исследований, однако, является тот факт, что они никогда не предлагают конкретной модели построения доказательного знания, сравнение с которой позволило бы нам с уверенностью заключить о том, что тот или иной трактат не соответствует этой модели, но всегда выдвигают тезис о неприменимости рецепта

[760] См., прежде всего, *Barnes J.* Aristotle's Theory of Demonstration.
[761] *Owen G.E.L.* 'Τιθέναι τὰ φαινόμενα'.. P. 83–103; *Nussbaum Martha C.* Saving Aristotle's Appearances // Language and Logos / M. Schofield, M. C. Nussbaum. Cambridge University Press, 1982. 267–94; *Pritzl K.* Opinions as Appearances: Endoxa in Aristotle // Ancient Philosophy. №. 14. 1994. 41–50; *McLeod O.* Aristotle's Method // History of Philosophy Quarterly. №. 12. 1995. 1–18; *Bäck A.* Aristotle's Discovery of First Principles // From Puzzles to Principles? Essays on Aristotle's Dialectic / May Sim. Boston - Oxford: Lexington Books, 1999. 163–182; *Sim M.* Dialectical Communities: From One to the Many and Back // From Puzzles to Principles? Essays on Aristotle's Dialectic / May Sim. Boston - Oxford: Lexington Books, 1999. 183–214.
[762] *Irwin T.* Aristotle's first principles. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 1988.
[763] *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik; *Barnes J.* Proof and the Syllogism.

«Второй аналитик», исходя из невозможности, на их взгляд, употреблять ту или иную отдельную часть этого рецепта.

Я в свою очередь, полагаю, что только сравнение того способа, которым Аристотель строит свои трактаты, с цельной картиной доказательного знания может позволить нам заключать о применимости или неприменимости последней в его трактатах.

Самое очевидное и уже многократно отмеченное исследователями сходство с предписаниями построения доказательного знания мы можем обнаружить в биологических трактатах[764]. Само деление этих трактатов соответствует описанному выше порядку исследования: с одной стороны, мы имеем «Исследования животных» (περὶ τὰ Ζῷα ἱστορίαι) в русском переводе получившее по традиции не самое удачное название «История животных», которое составляет собой эмпирическое изучение практически всех фактов, касающихся животных, с другой – трактаты «О частях животных», «О возникновении животных», «О передвижении животных», в которых систематическому рассмотрению и во многих случаях доказательству подвергаются сгруппированные по категориям субстанциальные свойства животных – органы, способы размножения, и способы передвижения.

Однако биологические трактаты – далеко не единственные, в которых мы можем обнаружить следы аристотелевской модели доказательного знания. Так,

[764] *Pellegrin P.* La classification des animaux chez Aristote: Statut de la biologie et unité de l'aristotélisme. Paris: Belles Lettres, 1983; *Balme D.* Aristotle's Use of Division and Differentiae.. 69–89; *Bolton R.* Definition and scientific method in Aristotle's Posterior Analytics and Generation of Animals // Philosophical Issues in Aristotle's Biology / Allan Gotthelf, James G. Lennox. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 120–166; *Gotthelf A.* First principles in Aristotle's Parts of Animals // Philosophical Issues in Aristotle's Biology / Allan Gotthelf, James G. Lennox. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 167–198; *Lennox J.G.* Divide and Explain: the Posterior Analytics in Practice // Philosophical Issues in Aristotle's Biology. Cambridge University Press, 1987; *Bolton R.* The Material Cause: Matter and Explanation in Aristotle's Natural Science // Aristotelische Biologie. Intentionen, Methoden, Ergebnisse / Wolfgang Kullmann, Sabine Föllinger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 97–126; *Charles D.* Aristotle and the Unity and Essence of Biologocal Kinds // Aristotelische Biologie. Intentionen, Methoden, Ergebnisse / Wolfgang Kullmann, Sabine Föllinger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 27–42; *Detel W.* Aristotle on Zoological Explanation // Philosophical Topics. №. 27. 1999. 43–68; *Detel W.* Why all Animals have a Stomach: Demonstration and Axiomatization in Aristotle's Parts of Animals // Aristotelische Biologie. Intentionen, Methoden, Ergebnisse / Wolfgang Kullmann, Sabine Föllinger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 63–84; *Leunissen M.* Aristotle's Syllogistic model of Knowledge and the Biological Sciences: Demonstrating Natural Processes // From inquiry to demonstrative knowledge: new essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / James H Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010. 31–60; *Gotthelf A.* Teleology, first principles and scientific method in Aristotle's biology. New York: Oxford University Press, 2012.

трактат «О чувственном восприятии», открывающий собой «Parva naturalia», вполне в соответствие с рецептом построения доказательного знания содержит в первой же главе перечисление всех тех субстанциальных свойств, которые присущи всем или многим живым существам и которые будет рассмотрены в дальнейшем – ощущение, память, желание, влечение, стремление, удовольствие, страдание, сон и бодрствование, молодость и старость, дыхание, жизнь и смерть. Завершается это перечисление замечанием: «о них нужно рассмотреть, что <представляет собой> каждое из них, и по каким причинам они сопутствуют <живым существам>»[765]: указание на *рассмотрение* («θεωρεῖν», что является одним из частых синонимов доказательства у Аристотеля) свойств, поиск *причин*, по которым они *сопутствуют* («κατ᾽ αὐτὰ συμβεβηκότα» – одни из частых синонимов «κατ᾽ αὐτὰ πάθη») рассматриваемым предметам – все в этой фразе указывает на обыкновенные процедуры доказательства. Похожую картину мы наблюдаем, например, в «О небе», где в начале трактата мы находим перечисление видов движения[766], видов тел[767], предварительные объяснения значения таких субстанциальных свойств как «тяжесть» и «легкость», которым Аристотель обещает далее дать точные определения[768] и т.д. Этические трактаты Аристотеля также представляют собой изучение готового набора субстанциальных свойств (добродетелей, счастья, дружбы), о которых у нас уже есть общее представление (мы понимаем их значение), но для которых мы ищем более точные определения и рассматриваем, что свойственно, в свою очередь им. Проект физической науки Аристотеля в целом также вписывается в рецепт модели доказательного знания: деление на субъекты различные доказательства (четыре элемента, растения, животные, части растений и животных, небесные тела, метеорологические объекты)[769] и субстанциальные свойства (движение, виды движений, виды перемещений, место, время, пустота (которой не существует), виды возникновения и уничтожения и т.д.), для который

[765] «<…> περὶ ὧν θεωρητέον, τί τε ἕκαστον αὐτῶν, καὶ διὰ τίνας αἰτίας συμβαίνει» (DeSens 1 436a16-17).
[766] DeCaelo I.2 268b15 сл.
[767] DeCaelo I.1.
[768] DeCaelo I.3 269b18-26.
[769] Напр., Phys II.1 192b8 сл.

отыскиваются определения и причины. Более того, как это ни странно, даже проект аристотелевской науки о сущем как таковом, если судить о нем по IV и X книги «Метафизики» полностью укладывается в предписания модели доказательного знания: изложение субстанциальных свойств (тождественное, иное, сходное, несходное, род, вид, предшествующее, последующее и т.д.[770]), для которых даются определения[771], на основании которых мы исследуем как сами эти свойства, так и вопрос об их присущности тому или иному субъекту доказательства[772].

Вне всякого сомнения, этого краткого очерка совершенно недостаточно для того, чтобы не то что показать всю глубину связи предписаний «Второй аналитики» с реальным построением трактатов Аристотеля, но, возможно, вполне убедить кого-то, что такая связь существует. Это должно быть делом отдельного, не менее обширного, чем настоящее исследования. Задача последних нескольких страниц заключается не более чем в том, чтобы зародить у читателя подозрения, что модель построения доказательного знания «Второй аналитики», вопреки тому, как это представлялось многим поколениям исследователей, не является чисто умозрительным и бесплодным проектом эпистемологического ригоризма Аристотеля, но является для него вполне употребительным и практически приложимым идеалом построения знания в собственном смысле.

[770] Metaph IV.2 1005a13 сл.
[771] Metaph X.
[772] См. подробнее *Ian Bell.* Demonstration in Aristotle's Metaphphysics // Apeiron. 1999. Vol. 32. No. 2. P. 75–108; *Юнусов А.Т.* Первая философия как наука: теория научного знания Аристотеля во «Второй аналитике» и в IV книге «Метафизики».

Заключение

В известном смысле реальным содержательным заключением к настоящему исследованию служит его последняя глава: именно в ней сводятся воедино все обоснованные в предыдущих главах тезисы; именно она подводит итог исследования, показывает его значимость и намечает дальнейшие его направления; именно в ней кратко описывается общая картина структуры доказательного знания, в установлении которой и заключалась основная цель работы. Повторять все указанное еще раз, после того как оно было только что изложено, было бы странно. Однако жанр диссертационного исследования подразумевает обязательность наличия определенных элементов в составе текста, и заключение является одним из них. По указанным причинам настоящее заключение в основном носит скорее суммирующий характер: читателя, который заинтересован в содержательном заключении я отсылаю к предыдущей главе.

***

В рамках настоящего исследования мною была осуществлена реконструкция в общем виде той модели построения доказательного знания, описанию которой посвящена «Вторая аналитика».

В рамках первой главы дан общий очерк значения понятий «знания» и «доказательства» в философии Аристотеля, а также установлены основные общие факты, касающиеся структуры доказательного знания, которые можно зафиксировать, не прибегая к тщательному исследованию проблем, связанных с интерпретацией «Второй аналитики».

Во второй главе рассмотрены проблемы, связанные с таким видом начал доказательного знания, как аксиомы. Установлено, что аксиомы не используются в доказательстве в качестве посылок, а также предложен способ объяснения того, почему Аристотель утверждает противоположное.

В третьей главе подробно рассмотрен вопрос о том, является ли такой вид начал доказательного знания, как гипотезы экзистенциальными или предикативными пропозициями. Но основе тщательного анализа аргументов в пользу той и другой интерпретации сделан вывод о том, что гипотезы являются предикативными посылками. При этом указывается, что Аристотель все же, вероятно, предполагает необходимость обоснования существования производных предметов доказательства в рамках своей модели доказательного знания, однако это обоснования, несмотря на то, что оно совершается *в ходе* доказательства, не происходит *посредством* доказательства.

В четвертой главе подробно рассмотрены вопросы, связанные с таким видом начал, как определения. При этом, во-первых, доказывается, что традиционное понимание определения как формулировки сути вещи совместимо с предикативным прочтение гипотез в I.2 «Второй аналитики». Во-вторых, обосновывается тезис о том, что, несмотря на то, что для построения доказательного знания необходимыми являются такой вид, начал, как определения-посылки, другим необходимым видом начал являются начала-термины, которые можно отождествить с указаниями на значения. Далее, доказывается, что определение в структуре доказательства всегда является большей посылкой силлогизма, при этом дополнительно обосновывается тезис о том, что процесс установления субстанциальной связи между терминами доказательства и процесс доказательства присущности субстанциальных свойств субъектам доказательства разнесены во времени. Наконец, кратко разбираются главы II.8-10 «Второй аналитики», и рассматривается вопрос о том, как мы обнаруживаем определения.

В пятой главе дается общий, совокупный очерк процесса построения доказательного знания, согласно Аристотелю. Это построение включает в себя 5 шагов: 1) нецеленаправленное усвоение терминов, опосредованных пропозиций о фактах и аксиом в результате индуктивного обобщения опытных данных 2) определение рода доказательного знания 3) целенаправленное исследование,

имеющее своей целью установление феноменов (τὰ φαινόμενα) с помощью эмпирического и диалектического сбора данных 4) описанный в APr I.27-30 процесс упорядочивания имеющихся терминов с тем, чтобы получить множество опосредованных силлогизмов 5) поиск неопосредованных начал этих силлогизмов. Кроме того, в этой главе рассматриваются основные черты указанной модели доказательного знания и делается вывод о том, что Аристотель действительно ориентируется на нее в ходе написания своих собственных научных трактатов.

Несмотря на то, что мое исследование достигло объема, далеко превышающего мои первоначальные ожидания, не все проблемы, затронутые в нем, были разрешены с достаточной тщательностью и не всех вопросов у меня получилось коснуться с надлежащей подробностью. В частности, отдельного тщательного рассмотрения требует установление сущности процесса отыскания определений субстанциальных свойств в II.1-10 «Второй аналитики», краткий и далеко неполноценный очерк которого я дал в V-й части 4-й главы; рассмотрение вопроса о поиске определений субъектов доказательства, которого я коснулся в 4-й и 5-й главах; сравнение предложенного понимания модели доказательного знания «Второй аналитики» с реальной практикой построения научного исследования в трактатах Аристотеля, примерным планом которого я завершил настоящую работу. Тем не менее, оглядываясь на те проблемы, ради разрешения которых эта работа изначально вообще предпринималась, я могу с уверенностью констатировать, что цель и задачи настоящего исследования можно считать полностью достигнутыми.

Список сокращений

В настоящей работе используется следующий список сокращений:

Работы Аристотеля

APo – Вторая аналитика

APr – Первая аналитика

Cat - Категории

DeAn – О душе

DeCaelo – О небе

DeInt – Об истолковании

DeSens – Об ощущении

EE – Эвдемова этика

EN – Никомахова этика

GenAn – О возникновении животных

HistAn – История животных

Metaph – Метафизика

Meteor - Метеорологика

PartAn – О частях животных

Phys – Физика

SophEl – О софистических опровержениях

Top – Топика

Работы Платона

Gorg. - Горгий

Hipp. Maj.

Phaedo – Федон

Prot. - Протагор

Meno - Менон

Lach. - Лахет

Rep. - Государство

Серия Commentaria in Aristotelem Graeca

Ammon. In Cat. – Аммоний. Комментарий на «Категории» Аристотеля

Philop. In Cat. – Филопон. Комментарий на «Категории» Аристотеля

Olymp. In Cat. – Олимпиадор. Комментарий на «Категории» Аристотеля

Elias In Cat. – Элий. Комментарий на «Категории» Аристотеля

Porph. Isag. – Порфирий. Введение к «Категориям» Аристотеля

Другие труды

Index Arist. – Bonitz. Index Aristotelicus

Eucl. Elem. – Евклид. Начала

Procl. In Eucl. – Прокл. Комментарий на первую книгу «Начал» Евклида

Библиография

1. *Аристотель*. Аналитики Первая и Вторая / Б.А. Фохт. М.: Госполитиздат, 1952.

2. *Аристотель*. Вторая аналитика // Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 255–346.

3. *Аристотель*. Первая аналитика // Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 117–254.

4. *Ахманов С.А.* Логическое учение Аристотеля. М: Соцэкгиз, 1960.

5. *Бочаров В.А.* Аристотель и традиционная логика. М.: Издательство МГУ, 1984.

6. *Бочаров В.А., Маркин В.И.* Силлогистические теории. М.: Прогресс-традиция, 2010.

7. *ван дер Варден Б.Л.* Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. Москва, 1959.

8. *Луканин Р.К.* «Органон» Аристотеля. М: Наука, 1984.

9. *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М: Издательство иностранной литературы, 1959.

10. *Маркин В.И.* Силлогистические теории в современной логике. М.: Издательство МГУ, 1991.

11. *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Издательство сибирского отделения Российской академии наук, 2011.

12. *Орлов Е.В.* Аристотель о началах человеческого разумения. Новосибирск: Издательство сибирского отделения Российской академии наук, 2013.

13. Тренделенбург А. Элементы логики Аристотеля. М.: Канон+, 2017.

14. *Шичалин Ю.А.* Поздний Платон и Аристотель (постановка вопроса) // Mathesis. Из истории античной науки и философии. М.: Наука, 1991. 81–85.

15. *Юнусов А.Т.* Первая философия как наука: теория научного знания Аристотеля во «Второй аналитике» и в IV книге «Метафизики // Философский журнал. Т. 9. №2. 2016. С. 66–82.

16. *Юнусов А.Т.* Проблема хронологии логических трактатов Аристотеля в работах исследователей XX века // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 179–189.

17. *Ackrill J.L.* Aristotle's Theory of Definition: Some Questions on Posterior Analytics II 8-10 // Aristotle on Science, the «Posterior Analytics»: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by Enrico Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. 359–384.

18. Anonimi in analyticorum posteriorum librum alterum commentarium // Ioannis Philoponi in Aristotelis pnalytica posteriora commentaria cum Anonymo in librum II / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Reimer, 1909. P. 545–603.

19. *Aristote*. Organon Tome III : Premiers analytiques. Traduction nouvelle et notes / introduction, traduction, notes et index par J. Tricot. Paris: Librairie philosophique Vrin, 1962.

20. *Aristote*. Organon. Tome III : Premiers analytiques / introduction, traduction, notes et index par J. Tricot. Paris: Vrin, 1992.

21. *Artistote*. Organon Tome IV: Seconds analytiques. Traduction nouvelle et notes / introduction, traduction, notes et index par J. Tricot. Paris: Librairie Philosophique Vrin, 1962.

22. *Aristote*. Organon. Tome IV: Seconds analytiques / introduction, traduction, notes et index par J. Tricot. Paris: Librairie Philosophique Vrin, 2012.

23. *Aristote*. Seconds Analytiques: Organon IV, Edition bilingue grec-français / introduction, traduction, notes, bibliographie et index par P. Pellegrin. Paris: Flammarion, 2005.

24. Aristotele. Analitici secondi. Organon IV. Testo greco a fronte / a cura di M. Mignucci. Introduzione di J. Barnes. Rom/Bari: Biblioteca universale Laterza, 2007. XXXIII-327 P.

25. *Aristoteles*. Zweite Analytik / übers. und erläutert von W. Detel. Hamburg: Meiner Felix Verlag, 2014.

26. *Aristoteles*. Zweite Analytiken: Mit Einleitung, Übersetzung Und Kommentar. Griechisch-deutsch / hrsg. von Th. Waitz, übers. und erläutert von H. Seidl. Würzburg; Amsterdam: Editions Rodopi B.V., 1984.

27. Aristotelis Opera / ex recensione I. Bekkeri. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1831. Vol. I-II.

28. Aristotelis Organon graece / novis codicum auxiliis adiutus recognovit scholiis ineditis et commentariis instruxit Theodorus Waitz. Lipsiae: Sumtibus Hahniansis, 1844.

29. Aristotelis Stagiritae Peripateticorum principis Organum / edidit Iulius Pacius. Frankofurti: Apud Heredes Andreae VV echeli, Claudium Marnium, & Iohan Aubrium, 1597.

30. *Aristoteles*. Analytica Posteriora / hrsg. von H. Flashar, übers. und erläutert von W. Detel. Aristoteles, Werke in Deutcher Übersetzung. Berlin: Akademie Verlag, 1993.

31. Articles on Aristotle: 1. Science / ed. by J. Barnes, M. Schofield, R. Sorabji. London: Duckworth, 1975.

32. De Anima. Edited with Introduction and Commentary / ed., comm. by W. D Ross. Oxford: Clarendon Press, 1961.

33. *Aristotle*. Prior Analytics / ed., trans., comm. by Robin Smith. Indianapoils; Cambridge: Hackett Publishing, 1989.

34. *Aristotle*. Prior and Posterior Analytics. / ed., trans. by J. Warrington. London; New York: Dent; Dutton, 1964.

35. Aristotle on Science, the «Posterior Analytics»: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by Enrico Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981.

36. Aristotle's Philosophical Development: Problems and Prospects / ed. by W. R. Wians. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 1996.

37. Aristotle's Prior and Posterior Analytics / ed., comm. by W. D Ross. Oxford: Clarendon Press, 1949.

38. Aristotle's Posterior Analytics / ed., trans. and comm. by J. Barnes. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 1994.

39. Aristotle's Posterior Analytics / ed., trans. and comm. by J. Barnes. Oxford: Clarendon Press, 1975.

40. Aristotle's Posterior Analytics / ed., trans., comm. by H. Apostle. Grinnell, Iowa: The Peripatetic Press, 1981.

41. Aristotle's Prior Analytics Book I: Translated with an Introduction and Commentary / ed., trans. and comm. by Gisela Striker. Oxford University Press, 2009.

42. *Bäck A.* Aristotle's Discovery of First Principles // From Puzzles to Principles? Essays on Aristotle's Dialectic / ed. by M. Sim. Boston - Oxford: Lexington Books, 1999. P. 163–182.

43. *Balme D.* Aristotle's Use of Division and Differentiae // Philosophical Issues in Aristotle's Biology / ed. by A. Gotthelf, J. G. Lennox. Cambridge, 1987. P. 69–89.

44. *Barnes J.* Aristotle's Theory of Demonstration // Phronesis. 1969. Vol. 14. No.2. P. 123–152.

45. *Barnes J.* Introduction // Aristotle's Posterior analytics / ed., trans. and comm. by J. Barnes. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 1994. P. XI-XXII.

46. *Barnes J.* Proof and the Syllogism // Aristotle on Science, the *Posterior Analytics*: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 17–60.

47. *Bayer G.* Definition through Demonstration: The Two Types of Syllogisms in «Posterior Analytics» II.8 // Phronesis. 1995. Vol. 40. No. 3. P. 241–264.

48. *Bolton R.* Definition and Scientific Method in Aristotle's Posterior Analytics and Generation of Animals // Philosophical Issues in Aristotle's Biology / ed. by A, Gotthelf, J. G. Lennox. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 120–166.

49. *Bolton R.* Essentialism and Semantic Theory in Aristotle: Posterior Analytics, II, 7-10 // The Philosophical Review. 1976. Vol. 85. No.4. P. 514–544.

50. *Bolton R.* The Material Cause: Matter and Explanation in Aristotle's Natural Science // Aristotelische Biologie. Intentionen, Methoden, Ergebnisse / hrsg. von W. Kullmann, S. Föllinger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. S. 97–126.

51. *Bronstein D.* Aristotle on Knowledge and Learning: The Posterior Analytics. New York: Oxford University Press, 2016.

52. *Burnyeat M.F.* Aristotle on Understanding Knowledge // Aristotle on Science, the «Posterior Analytics»: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 97–140.

53. *Charles D.* Aristotle and the Unity and Essence of Biologocal Kinds // Aristotelische Biologie. Intentionen, Methoden, Ergebnisse / hrsg. von W. Kullmann, S. Föllinger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. S 27–42.

54. Aristotle on Meaning and Essence. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 2000.

55. *Corcoran J.* A Mathematical Model of Aristotle's Syllogistic // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1973. Bd. 55. No. S. 191–219.

56. *Corcoran J.* Aristotelian Syllogisms: Valid Arguments or True Universalized Conditionals? // Mind. 1974. Vol. 83. P. 278–281.

57. *Corcoran J.* Completeness of an Ancient Logic // Journal of Symbolic Logic. 1972. Vol. 37. No.4. P. 696–702.

58. *Cornford F.M.* Mathematics and Dialectic in the Republic VI.-VII. (I.) // Mind. 1932. Vol. 41. P. 37–52.

59. *Deslauriers M.* Aristotle on Definition. Leiden, Boston: BRILL, 2007.

60. *Deslauriers M.* Aristotle's Four Types of Definition // Apeiron. 1990. Vol. 23. No.1. P. 1–26.

61. *Detel W.* Aristotle on Zoological Explanation // Philosophical Topics. Vol. 27. No.1. 1999. P. 43–68.

62. Why all Animals have a Stomach: Demonstration and Axiomatization in Aristotle's Parts of Animals // Aristotelische Biologie. Intentionen, Methoden, Ergebnisse / hrsg. von W. Kullmann, S. Föllinger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. S. 63–84.

63. *Devereux D., Demoss D.* Essence, Existence, and Nominal Definition in Aristotle's Posterior Analytics II 8-10 // Phronesis. 1988. Vol. 33. No. 1. P. 133–154.

64. *Düring I.* Aristoteles; Darstellung und Interpretation seines Denkens. Heidelberg: Winter, 1966.

65. *Einarson B.* On Certain Mathematical Terms in Aristotle's Logic: Part I // The American Journal of Philology. 1936. Vol. 57. No.1. P. 33–54.

66. *Einarson B.* On Certain Mathematical Terms in Aristotle's Logic: Part II // The American Journal of Philology. 1936. Vol. 57. No.2. P. 151–172.

67. *Engberg-Pedersen T.* More on Aristotelian Epagoge // Phronesis. 1979. Vol. 24. No.3. P. 301–319.

68. *Heath T.L.* Introduction // The Thirteen Books of Euclid's Elements / ed., trans., comm. by T.L. Heath. Cambridge: University Press, 1908. P. 1–152.

69. The Thirteen Books of Euclid's Elements / ed., trans., comm. by T.L. Heath. Cambridge: University Press, 1908.

70. Eustratii in analyticorum posteriorum librum secundum commentarium / edidit Michael Hayduck. Commentaria in Aristotelem graeca. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1907.

71. *Ferejohn M. T.* Meno's Paradox and De Re Knowledge in Aristotle's Theory of Demonstration // History of Philosophy Quarterly. 1988. Vol. 5. No.2. P. 99–117.

72. *Ferejohn M.T.* The Origins of Aristotelian Science. New Haven: Yale University Press, 1991.

73. *Fritz K. von*. Die Archai in der griechischen Mathematik // Archiv für Begriffsgeschichte. 1955. Bd. 1. S. 13–103.

74. From Inquiry to Demonstrative Knowledge: New Essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / ed. by J. H. Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010.

75. *Goldin O.* Explaining an Eclipse: Aristotle's Posterior Analytics 2.1-10. University of Michigan Press, 1996.

76. *Goldin O.* Two Traditions in the Ancient Posterior Analytics Commentaries // Interpreting Aristotle's Posterior Analytics in Late Antiquity and Beyond / ed. by F. A. J. de Haas, M. Leunissen, M. Martijn. Leiden: Brill, 2010. P. 155–182.

77. *Gómez-Lobo A.* Aristotle's Hypotheses and the Euclidean Postulates // Review of Metaphphysics. 1977. Vol. 30. No.3. P. 430–439.

78. The So-Called Question of Existence in Aristotle, an. Post. 2. 1-2 // The Review of Metaphphysics. 1980. Vol. 34. No.1 P. 71–89.

79. *Gotthelf A.* First principles in Aristotle's Parts of Animals // Philosophical Issues in Aristotle's Biology / ed. by A, Gotthelf, J. G. Lennox. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 167–198.

80. Teleology, First Principles and Scientific Method in Aristotle's Biology. New York: Oxford University Press, 2012.

81. *Graham D.W.* Aristotle's Two Systems. Oxford [Oxfordshire]; New York: Clarendon Press ; Oxford University Press, 1987.

82. *Granger G.G.* La théorie aristotélicienne de la science. Paris: Aubier Montaigne, 1976.

83. *Hamlyn D.*. Aristotelian Epagoge // Phronesis: A Journal of Ancient Philosophy. 1976. Vol. 21. No. 2. P. 167–184.

84. *Harari O.* Knowledge and Demonstration: Aristotle's Posterior Analytics. Dordrecht; Boston: Kluwer, 2004.

85. *Harari O.* The Concept of Existence and the Role of Constructions in Euclid's Elements // Archive of History of Exact Sciences. 2003. Vol. 57. P. 1–24.

86. *Heath T.L.* A History of Greek Mathematics. Oxford: The Clarendon Press, 1921.

87. *Heath T.L.* Mathematics in Aristotle. Oxford: Clarendon Press, 1949.

88. *Herlinus C., Dasypodius K.* Analyseis geometricae sex librorum Euclidis. Strassburg: excvdebat Iosias Rihelivs, 1566.

89. *Hintikka J.* On the Ingredients of an Aristotelian Science // Analyses of Aristotle. Springer Netherlands : Springer. Dordrecht, 1971. P. 87–99.

90. Iacobi Zabarellae Patauini in duos Aristotelis libros posteriores analyticos commentarii. Venetiis: apud Paulum Meietum bibliopolam Patauinum, 1587.

91. *Ian Bell*. Demonstration in Aristotle's Metaphphysics // Apeiron. 1999. Vol. 32. No.2. P. 75–108.

92. Interpreting Aristotle's Posterior Analytics in Late Antiquity and Beyond / ed. by F/ A. J. de Haas, M/ Leunissen, M/ Martijn. Leiden: Brill, 2010.

93. Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria // Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria cum Anonymo in librum II / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem graeca. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1909. P. 1–440.

94. Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica priora commentaria / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1905.

95. *Irwin T.* Aristotle's First Principles. Oxford; New York: Clarendon Press ; Oxford Univ. Press, 1988.

96. *Jaeger W.* Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphphysik des Aristoteles. Berlin: Weidmann, 1912.

97. *Jaeger W.W.* Aristoteles: Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1923.

98. *Jhon Philoponus.* On Aristotle Posterior Analytics 1.1-8 / ed., trans., comm. by R. D. McKirahan. NIPPOD edition. Bristol Classical Press, 2014.

99. *Jhon Philoponus.* On Aristotle Posterior Analytics 2 / ed., trans., comm. by O. Goldin. Bristol Classical Press, 2009.

100. *Kahn C.H.* The Role of nous in the Cognition of First Principles in Posterior Analytics II 19 // Aristotle on Science, the «Posterior Analytics»: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 385–416.

101. *Kahn C.H.* The Verb «Be» In Ancient Greek. Indianapolis: Hackett Publishing, 2003.

102. *Knorr W.R.* Construction as Existence Proof in Ancient Geometry // Ancient Philosophy. Vol. 3. No. 2. 1983. P. 125–148.

103. *Kosman A.* Understanding, Explanation, and Insight in the Posterior Analytics // Exegesis and Argument: Studies in Greek Philosophy Presented to Gregory Vlastos / ed. by E. N. Lee, A. P. D Mourelatos, R. Rorty. Assen: Van Gorcum, 1973. P. 374–392.

104. *Kullman W.* Die Funktion der mathematischen Beispiele in Aristoteles' Analytica Posteriora // Aristotle on Science, the «Posterior Analytics»: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. 245–270.

105. *Kullmann W.* Wissenschaft und Methode: Interpretationen zur aristotelischen Theorie der Naturwissenschaft. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1974.

106. *Landor B.* Definitions and Hypotheses in Posterior Analytics 72 a 19-25 and 76 b 35-77 a 4 // Phronesis. 1981. Vol. 26. No. 3. P. 308–318.

107. *Lee H.D.P.* Geometrical Method and Aristotle's Account of First Principles // The Classical Quarterly. 1935. Vol. 29. No. 2. P. 113–124.

108. *Lennox J.G.* Divide and Explain: the Posterior Analytics in Practice // Philosophical Issues in Aristotle's Biology. Cambridge University Press, 1987.

109. *Lesher J.H.* Introduction // From Inquiry to Demonstrative Knowledge: New Essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / ed. by J. H. Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010. P. VII–XII.

110. *Lesher J.H.* The Meaning of ΝΟΥΣ in the Posterior Analytics // Phronesis. 1973. Vol. 18. No. 1. 44–68.

111. *Leszl W.* Mathematics, Axiomatization and the Hypotheses // Aristotle on Science, the «Posterior Analytics»: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 271–328.

112. *Leunissen M.* Aristotle's Syllogistic model of Knowledge and the Biological Sciences: Demonstrating Natural Processes // From Inquiry to

Demonstrative Knowledge: New Essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / ed. by J. H. Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010. P. 31–60.

113. *Maier H.* Die Syllogistik des Aristoteles. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1896-1900. Bd, I-II.

114. *Mansion S.* Le jugement d'existence chez Aristote. 2e éd., revue et augmentée. Louvain: Éditions de l'Institut supérieur de philosophie, 1976.

115. *McCaskey J.* Freeing Aristotelian Epagoge from Prior Analytics II 23 // Apeiron. 2007. Vol. 40. No. 4. P. 345–374.

116. *McKirahan R.D.* Principles and Proofs: Aristotle's theory of Demonstrative Science. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.

117. *McLeod O.* Aristotle's Method // History of Philosophy Quarterly. 1995. Vol. 12. No. 1. 1–18.

118. *Mignucci M.* L'argomentazione dimostrativa in Aristotele: Commento agli Analitici secondi. Antenore, 1975.

119. *Moraux P.* Le commentaire d'Alexandre d'Aphrodise aux «Seconds analytiques» d'Aristote. Berlin et New York: Walter de Gruyter, 1979.

120. *Mueller I.* Greek Mathematics and Greek Logic // Ancient Logic and its Modern Interpretations / ed. by J. Corcoran. Boston: Reidel, 1974. 35–70.

121. *Nussbaum M.C.* Saving Aristotle's Appearances // Language and Logos / ed. by M. Schofield, M. C. Nussbaum. Cambridge University Press, 1982. P. 267–94.

122. *Owen G.E.L.* The Platonism of Aristotle // Articles on Aristotle: 1. Science / ed. by J. Barnes, M. Schofield, R. Sorabji. London: Duckworth, 1975. P. 14–34.

123. *Owen G.E.L.* 'Τιθέναι τὰ φαινόμενα' // Aristote et les problèmes de méthode / éd. par S. Mainsion. Louvain – Paris: Publications Universitaires – Beatrice-Nauwelaerts, 1961. P. 83–103.

124. *Patzig G.* Die aristotelische Syllogistik: Logisch-philologische Untersuchungen über das Buch A der «Ersten Analytiken». Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959.

125. *Pellegrin P.* Introduction // *Aristote.* Seconds Analytiques : Organon IV,

Edition bilingue grec-français. Paris: Flammarion, 2005. P. 7–51.

126. *Pellegrin P.* La classification des animaux chez Aristote: Statut de la biologie et unité de l'aristotélisme. Paris: Belles Lettres, 1983.

127. *Pritzl K.* Opinions as Appearances: Endoxa in Aristotle // Ancient Philosophy. 1994. Vol. 14. No.1. P. 41–50.

128. *Ross W.D.* The Discovery of the Syllogism // The Philosophical Review. 1939. Vol. 48. No. 3. P. 251–272.

129. *Salmieri G.* Αἴσθησις, Ἐμπειρία, and the Advent of Universal in Posterior Analytics II.19 // From Inquiry to Demonstrative Knowledge: New Essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / ed. by J. H. Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010. P. 155–186.

130. *Scholz H.* Die Axiomatik der Alten // Blätter für Deutsche Philosophie. 1930 Bd. 4. S. 259-78.

131. *Sim M.* Dialectical Communities: From One to the Many and Back // From Puzzles to Principles? Essays on Aristotle's Dialectic / ed. by M. Sim. Boston - Oxford: Lexington Books, 1999. P. 183–214.

132. *Smiley T.J.* What is a Syllogism? // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. No. 1. P. 136–154.

133. *Smith R.* The Mathematical Origins of Aristotle's Syllogistic // Archive for History of Exact Sciences. 1978. Vol. 19. P. 201–209.

134. *Smith R.* The relationship of Aristotle's two «Analytics» // Classical quarterly. 1982. Vol. 32. No.2. P. 327–335.

135. *Smith R.* The Syllogism in Posterior Analytics I // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1982. Bd. 64. No.2. S. 113–135.

136. *Solmsen F.* Aristotle's Syllogism and its Platonic Background // The Philosophical Review. 1951. Vol. 60. No.4. P. 563–571.

137. *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik,. Berlin: Weidmann, 1929.

138. *Solmsen F.* The Discovery of the Syllogism // The Philosophical Review. 1941. Vol. 50. No. 4. P. 410–421.

139. *Sorabji R.* Definitions: Why Necessary and in What Way? // Aristotle on Science, the Posterior Analytics: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore, 1981. P. 205–244.

140. *Szabó A.* Anfänge der griechischen Mathematik. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 1969.

141. Themistii analyticorum posteriorum paraphrasis / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1900.

142. *Thesleff H.* Studies in Platonic chronology. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1982.

143. Thomae Aquinatis in libros posteriorum analyticorum expositio // Sancti Thomae Aquinatis ordinis preadicatorum opera omnia. Romae. Ex Typographia Polyglotta. Vol. I. 1882. P. 129–403.

144. *Tuominen M.* Back to Posteriror Analytics II.19: Aristotle on Knowledge of Principles // From Inquiry to Demonstrative Knowledge: New Essays on Aristotle's «Posterior Analytics» / ed. by J. H. Lesher. Kelowna: Academic Printing & Publishing, 2010. P. 115–144.

145. *Upton T.V.* A Note on Aristotelian epagōgē // Phronesis. 1981. Vol. 26. No. 2. P. 172–176.

146. *Wallies M.* Praefatio // Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria cum Anonymo in librum II / edidit Maximilian Wallies. Commentaria in Aristotelem Graeca. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1909.

147. *Wehrle W.E.* The Myth of Aristotle's Development and the Betrayal of Metaphphysics. Rowman & Littlefield Publishers, 2001.

148. *Zeuthen H.G.* Geometrische Konstruktion als Existenzbeweis in der antiken Geometrie // Mathematische Annalen. №. 47. 1896. 272–278.

149. *Zeuthen H.G.* Geschichte der Mathematik im Altertum und Mittelalter. Kopenhagen: A.F. Höst, 1896.